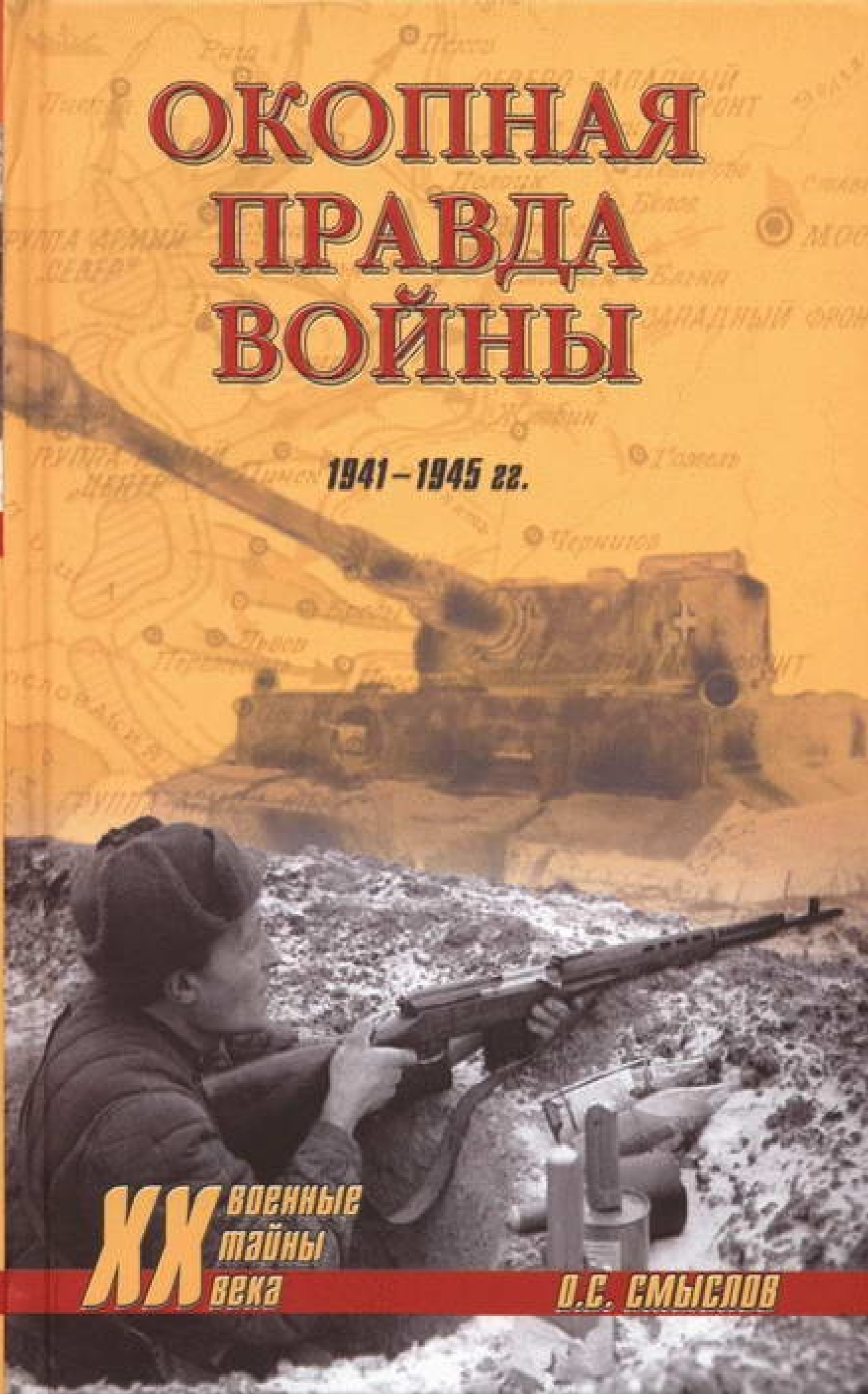

XX военные
тайны
века

ОКОПНАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

1941–1945 гг.

ОКОПНАЯ
ПРАВДА ВОЙНЫ

XX военные
тайны
века

О.С. СМЫСЛОВ

Annotation

«Война — это живая, человеческая поступь — навстречу врагу, навстречу смерти, навстречу вечности. Это человеческая кровь на снегу... Это брошенные до весны солдатские трупы... Это постоянный голод, когда до солдата в роту доходит вместо пищи подсоленная водица, замешанная на горсти муки, в виде бледной баланды. Это холод на морозе и снегу, в каменных подвалах, когда ото льда и изморози застывает живое вещество в позвонках. Это нечеловеческие условия... на передовой, под градом осколков и пуль. Война это как раз то, о чем не говорят, потому что не знают."» Эти слова участника тяжелейших боев на Калининском фронте 1941—1943 гг. гвардии капитана А. Шумилина могут стать эпиграфом к книге О. Смыслова, рассказывающей о той правде прошедшей войны, о которой и до сих пор молчат историки, журналисты и писатели.

- [Олег Смыслов](#)
 -
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1. ИНФОРМАЦИЯ РАЗВЕДКИ И ОТВЕРЖЕННЫЙ ТРУД](#)
 - [2. ДЕЗИНФОРМАЦИЯ И ЛУКАВСТВО ПОЛКОВОДЦА](#)
 - [3. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ](#)
 - [4. ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ЗАПАДНОГО ФРОНТА](#)
 - [5. ДВА ДНЯ ТОВАРИЩА СТАЛИНА И ИТОГИ РАЗГРОМА](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [1. БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ, АДЖИМУШКАЙСКИЕ КАМЕНОЛОМНИ И ЗАГРАДОТЯДЫ \(О БЕСПРИМЕРНОМ ГЕРОИЗМЕ, ТРУСОСТИ И БОРЬБЕ С НЕЙ\)](#)
 - [2. ПЕХОТИНЦЫ-ОКОПНИКИ \(НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ\)](#)
 - [3. СОЛДАТСКАЯ ДОЛЯ, ИЛИ О ВЫТЯНУВШИХ ВСЮ ВОЙНУ](#)
 - [4. ФРОНТОВЫЕ КОМАНДИРЫ, ГЕНЕРАЛЫ И МАРШАЛЫ](#)
 - [5. МОРАЛЬ ВОЙНЫ И ПОЧЕМУ МЫ ПОБЕДИЛИ](#)
 - [ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
 - [1. ОБРАЩЕНИЕ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА К НЕМЕЦКОМУ](#)

НАРОДУ В СВЯЗИ С НАЧАЛОМ ВОЙНЫ ПРОТИВ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

- 2. ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА
СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА УИНСТОНА
ЧЕРЧИЛЛЯ, ПЕРЕДАННОГО ВВС 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА В
23.00
- 3. ВЫСТУПЛЕНИЕ И.В. СТАЛИНА ПО РАДИО 3 ИЮЛЯ
1941 ГОДА
- 4. ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА И.В. СТАЛИНА 24 МАЯ
1945 г. (НЕПРАВЛЕННАЯ СТЕНОГРАФИЧЕСКАЯ
ЗАПИСЬ)

- СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes

- 1

- 2

Олег Смыслов

ОКОПНАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

«Вече», 2013

Светлой памяти Сергея Ивановича Смыслова, героически погибшего 1 декабря 1942 года, и всем солдатам-окопникам, павшим и живым посвящается...

ОТ АВТОРА

*Правда-истина на деле, истина во образе, во благе;
правосудие, справедливость.*

В.Даль

*Окоп - фортификационное сооружение открытого
типа для ведения огня и защиты личного состава и
военной техники от средств поражения.*

Военный энциклопедический словарь, 1983 г.

Через несколько лет мы будем торжественно отмечать очередной юбилей Победы в Великой Отечественной войне. Но война еще не ушла с нашей земли.

Очень часто бывая на Смоленщине, мне приходилось видеть обвалившиеся, обмелевшие и заросшие травой окопы, ржавые гильзы и ржавые пробитые каски. Груда металла, борта полуторок, резина и множество предметов военного снаряжения до сих пор разбросаны по лесам и в воде, в местах отступлений, переправ и кровопролитных сражений. Но самое главное это кости и черепа солдат, которые каждый год находят, и не только поисковые отряды.

Я пишу об этом с болью в душе как внук солдата-окопника, как сын ветерана Вооруженных Сил СССР, как офицер.

Мы, живущие в стране, победившей фашизм, до сих пор не похоронили с почестями своего последнего солдата, потому что и в XXI веке не знаем точное число погибших.

Мы до сих пор не наградили всех тех, кто кровью и потом заслужил свои медали и ордена в годы войны, потому что не всех еще разыскали. Да и разыщем ли?

Между тем каждый год от нас уходят ветераны. Почти не осталось окопников. А сколько их встретит следующий юбилей? Мы не знаем.

«Окопная правда» в литературе пришла к нам от плеяды молодых писателей фронтового поколения. Свою правду войны они противопоставили лакированным произведениям обласканных властью писателей. За что их клеймили. Однако, несмотря ни на что, они смогли донести до миллионов правду из окопа. Они доказали своими произведениями, что и там есть правда, которую нужно разглядеть. Собственно, война начинается с окопа, с передовой, с «передка». Там жили

и умирали солдаты: восемнадцатилетние, тридцатилетние, сорокалетние. И еще моложе, и еще старше...

Однажды писатель Константин Симонов, выступая на конференции, сказал: «Никто не имеет права сказать, что знает войну досконально. Войну в целом знает народ, и народ надо расспрашивать о ней».

Не одно десятилетие и я расспрашивал народ о войне, работал в архивах, посещал библиотеки, много читал и записывал. И вот наконец решился донести до читателя накопленную мной «окопную правду» солдат, офицеров, генералов и маршалов Великой Отечественной войны. Но прежде в жанре литературной мозаики я попытался посмотреть изнутри на 22 июня 1941 г. и катастрофу Западного фронта. С чего, собственно, и начиналась наша Великая Победа над НАШЕСТВИЕМ Германии. Именно таким необычным словом назвал вторжение германских войск на территорию Советского Союза русский писатель Борис Васильев. В статье «Последний парад», опубликованной им в «Новой газете» в юбилейном 2005 г., он писал: «Потому что было НАШЕСТВИЕ, какого Россия не знала со времен зачатия своего. По сравнению с ним татаро-монгольское вторжение оказалось всего лишь набегом. Татары не трогали церквей и монастырей, и победитель немецких рыцарей на льду Чудского озера Александр Невский быстро уговорил их принять Россию в Орду на правах вассального государства.

Всякое историческое событие имеет свою отдачу. Мы испытали потрясение, которое сотрясает нас до сей поры».

И каждый раз, ступая на целину истории Великой Отечественной войны, мы только приближаемся к истине, разрушая мифы и разоблачая ложь, создаваемые «для нашего же блага» десятилетиями. Но история - наука точная. И мы, потомки Победителей, не имеем права забывать об этом. Ведь - память это участие. Участие не в переписывании истории, а в воссоздании ее на фактах «окопной правды».

Часть первая
ПРАВДА О КАТАСТРОФЕ 1941 ГОДА

1. ИНФОРМАЦИЯ РАЗВЕДКИ И ОТВЕРЖЕННЫЙ ТРУД

Совещание начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии проходило при ЦК ВКП(б) с 14 по 17 апреля 1940 г.

17 апреля во время доклада начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба И.И. Проскурова выступил Сталин. Обращаясь к 33-летнему комдиву, он сказал:

— У вас душа не разведчика, а душа очень наивного человека в хорошем смысле слова. Разведчик должен быть весь пропитан ядом, желчью, никому не должен верить. Если бы вы были разведчиком, вы бы увидели, что эти господа на Западе друг друга критикуют: у тебя тут плохо с оружием, у тебя тут плохо, вы бы видели, как они друг друга разоблачают, вам бы схватиться за эту сторону, выборки сделать и довести до сведения командования, но душа у вас слишком честная.

Но что мог возразить бывший летчик, который только семь лет назад окончил школу летчиков и Героем Советского Союза стал в 1937 г. не за работу в разведке?

Внимательно выслушав вождя, он попытался продолжить свой доклад дилетанта, но Сталин, вставляя короткие реплики, снова обратился лично к нему:

— Разведка начинается с того, что официальную литературу, оперативную литературу надо взять из других государств, военных кругов и дать. Это очень верная разведка.

Разведка не только в том состоит, чтобы тайного агента держать, который замаскирован где-либо во Франции или в Англии, не только в этом состоит. Разведка состоит в работе с вырезками и с перепечаткой. Это очень серьезная работа. Смотрите, вот сейчас идет война, они будут друг друга критиковать и разоблачать, все тайны будут выносить на улицу, потому что они ненавидят друг друга. Как раз время уцепиться за это и сделать достоянием наших людей. Эта работа непосредственно разведки, самая серьезная.

А вы это не считаете...

Работу разведки в этой войне признали плохой, а генерал-лейтенанта авиации И.И.Проскурова, командующего ВВС 7-й армии, 27 июня 1941 г. арестовали и 28 октября того же года расстреляли.

В июле 1940 г. на должность заместителя начальника Генерального

штаба Красной Армии - начальника Разведывательного управления был назначен генерал-лейтенант Ф.И. Голиков. До сих пор это назначение называется неожиданным. Хотя о какой неожиданности может идти речь, если Голиков до этого командовал 6-й армией Киевского особого военного округа. Сначала при Тимошенко, а потом и при Г.К. Жукове (командующий КОВО с мая 1940 г.). Первый его и выдвинул, когда стал наркомом обороны...

Среднего роста, круглолицый, лысоватый блондин со светлыми глазами и дежурной улыбкой, давая указания, всегда говорил:

— Сделайте так...

Но как именно надо сделать, его подчиненные никогда не знали, презирая его за неопределенность. При их неудаче в своих глазах он подчеркивал:

— Я вам таких указаний не давал. Вы меня неправильно поняли.

Возвращаясь от вождя, Голиков любил информировать сотрудников о том, что думает «хозяин». И очень страшился малейшего расхождения информации своего управления с его мнением.

Информационный отдел Разведупра регулярно раз в месяц выпускал разведсводки, которые рассылались правительству, всем членам Политбюро, Генштабу, центральным военным учреждениям, штабам военных округов и войскам — до штаба корпуса включительно.

Помимо сводок там выпускали различные справочники, описания и наставления.

Следующий вид информации по грифом «Совершенно секретно» назывался — «Спецсообщения», или иначе - особо важные данные для Сталина, Молотова, Маленкова, Берия, Ворошилова, Тимошенко, Мерецкова и Жукова.

«Живая связь» как вид информации служила подтверждением документальной. Не реже одного раза в неделю офицер разведки Оперативного управления получал в информационном отделе все вновь поступившие данные, наносил их на карту и докладывал начальнику Генерального штаба. Кроме того, по инициативе заместителя игольника информационного отдела по Востоку Новобранца, там начали составлять «Мобилизационные записки», или иначе — доклады о военно-экономическом потенциале страны и о возможном масштабе развертывания армий.

Как-то подполковник Новобранец, закончив «мобзаписку» по Германии, отнес ее Голикову. Тот с неподдельным интересом рассматривал схему, где главный удар Германии был показан исходя из группировки на

Москву. По записке, немцы могли применить молниеносную войну с целью сокрушить противника с первого удара. Для этого они намеревались ввести 220 дивизий.

После долгого изучения материала Голиков отложил документ, заявив:

— Ваши соображения верны, но это не более чем предположения. Не правда ли? Вот только фактически этих группировок нет.

— Да как же нет! — почти закричал подполковник. - Ведь это же не сам я придумал. Каждая дивизия нами точно установлена. И не только ее дислокация, состав, организация, но даже командир. Как можно не верить достоверным сведениям?

Голиков небрежно бросил «мобзаписку» в сейф и сухо отрезал:

— Можете идти. Вы свободны!

Как и сам Сталин, генерал-лейтенант считал, что главные силы Германии находились во Франции для нанесения решающего удара по Англии. Усиленная бомбардировка Лондона и подготовка к форсированию Ла-Манша служила прямым доказательством этого плана.

Сотрудники же Разведупра были убеждены в особой форме дезинформации Гитлера.

Спустя время станет известно, что операция против Англии под названием «Морской лев» была не чем иным, как отлично спланированной и проведенной дезинформацией.

Как же разоблачили ее подчиненные Голикова?

В. Новобранец с удовольствием рассказывал об этом после войны:

«Дело в том, что у немцев не хватало десантных перевозочных средств, и фактически операция не могла быть осуществлена. После Дюнкерка в Англию возвратилась 300-тысячная армия. На ее базе англичане сформировали около 40 дивизий, из них 5 танковых; была построена мощная береговая оборона. Чтобы преодолеть сопротивление английской армии, нужно было перебросить не менее 60 немецких дивизий, из них 8-Ютанковых. Для этого требовалось много десантных средств. Я уже не помню цифру, полученную при наших расчетах, но, по подсчетам самих немцев, для переброски в первом эшелоне 30 дивизий требовалось 145 пароходов, 1800 барж, 400 буксиров, 900 катеров, 100 парусных судов, не считая флота для прикрытия и поддержки операции. Таких судов у немцев не было.

Поэтому Гитлер никогда и не помышлял о вторжении на Британские острова. У него были другие планы: склонить Англию к миру — отсюда и миссия Гесса, — и напасть на Советский Союз.

20 марта 1941 г. на стол вождя легла очередная докладная записка Ф.И.

Голикова.

В “Высказываниях и вариантах возможных боевых действий германской армии против СССР” подчеркивалось: “За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся якобы нападении Германии на Советский Союз...”

Из наиболее вероятных вариантов действий, намеченных против СССР, заслуживают внимания следующие:

...Вариант №3, по данным нашего агентурного источника на февраль 1941 года: “Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда;

2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштедта — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба — в направлении Киева. Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая”.

По сообщению нашего военного атташе от 14 марта из Румынии, упорно рассматриваются слухи о том, что Германия изменила свой оперативный стратегический план войны. В разговоре с нашим источником немецкий майор заявил: “Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на Восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть, тогда будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой”.

Полковник Риошану, бывший товарищ министра в Румынии, в личной беседе с нашим источником сказал, что Главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР, начало которой следует ожидать через три месяца. Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут в Турцию.

Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят проявить инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР, и прежде всего Украину.

По сообщению нашего военного атташе из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года.

Вывод:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года

войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки...»

Двадцать лет спустя после войны профессор В.А. Анфилов случайно встретился с маршалом Голиковым в Архиве Министерства обороны СССР в Подольске.

— Помните ли вы свою докладную записку Сталину от 20 марта 1941 г.? — спросил он бывшего начальника Разведупра.

— Как же, хорошо помню, — без тени смущения ответит маршал. — Ведь в ней были изложены факты, которые потом подтвердились.

— Вот именно. А как Сталин отнесся к ним? — Он их оценил также, как и я.

— Почему вы сделали вывод, который отрицал вероятность осуществления наложенных планов Гитлера? Вы сами верили этим фактам или нет?

— А вы знали Сталина?

— Я видел его на трибуне Мавзолея Ленина, когда стоял в парадных расчетах.

— Ну вот, а я ему подчинялся, докладывал и боялся его. У него сложилось мнение, что пока Германия не закончит войну с Англией, на нас не нападет. Мы, зная его характер, подстраивали свои заключения под его точку зрения...!

Летом 1940 г. начальник Разведуправления НКВД СССР П.М. Фитин вызвал к себе старшего оперуполномоченного младшего лейтенанта ГБ З. Рыбкину. Когда она зашла, Павел Михайлович поднялся из-за обширного письменного стола и вышел навстречу. Пожав руку, он пригласил Зою Ивановну присесть, указав ей отведенное место. Сам же сел напротив. Подчеркнутая вежливость подсказывала женщине серьезность предстоящего разговора. Она не ошиблась, Фитин сразу же перешел к делу:

— Мы задержали матерого разведчика абвера, некоего Нелидова Александра Сергеевича. 47 лет, бывшего офицера армии Деникина. Находясь в эмиграции в Германии, его завербовала немецкая разведка, а с приходом к власти Гитлера он стал агентом абвера. Участвовал в ряде военных игр генерального штаба совместно с разведкой. В 1939 г. сам Канарис направил его в Чехословакию, а потом в Польшу. В Варшаве его разоблачили и арестовали. Содержали во Львовской тюрьме. С нашим приходом в Западную Украину Нелидова выпустили, но потом разоблачили и отправили в Москву как разведчика Германии. Вам поручается лично заняться Нелидовым и получить от него полную информацию по Германии.

Зоя Ивановна Рыбкина подготовила план работы с Нелидовым. Его ежедневно приводили к ней в кабинет. Невзрачный человек около пятидесяти лет с проседью в аккуратно подстриженных волосах вел себя по-лакейски. «Да-с», «никак нет-с», «слушаюсь», «как прикажете, гражданин начальник», — все эти отжившие слова резали слух молодой женщине. Однако впоследствии ей удалось отучить его от привычки прибавлять к какому слову букву «с» и многого другого. А самое главное, вытащив Нелидова из состояния скованности и растерянности, ей удалось расположить его к себе, успокоить и заставить работать с полной отдачей.

Каждый день (с утра до 6 вечера и после трехчасового перерыва до 2-4 часов утра) Александр Сергеевич готовил свой материал в виде начерченных карт-схем, показав не только глубокие знания в оперативном искусстве, но и отличную память на цифры.

Как-то Рыбкина обратила внимание на изображенные на этих схемах синие стрелы, направленные на границу Белоруссии.

— Что это у вас такое Александр Сергеевич? — поинтересовалась она.

— В одной из последних военных игр, Зоя Ивановна, Минск предполагалось занять на пятый день после начала немецкого наступления, — объяснил Нелидов.

— Как это на пятые сутки? — рассмеялась Рыбкина. Сначала Нелидов смутился, а потом стал в буквальном смысле клясться, что именно так рассчитано в штабе Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии. Когда это передали Фитину, тот не выдержал:

— Ну и заливает же этот подонок. На пятый день и уже Минск!

Следующим с картами-схемами, начерченными Нелидовым, ознакомился начальник Разведуправления РККА Голиков. Сначала он задумчиво разглядывал материалы, а потом вдруг начал иронизировать:

— Итак, они решили врезаться клиньями. И, подумайте, на пятый день намерены забрать Минск. Ай да Кейтель, силен. Силен!

Когда он начал свертывать в трубку карты, лишь добавил:

-Это весьма и весьма интересно!

Кроме тревожной информации от разведок Красной Армии и НКВД, к Сталину поступала подобная информация и по линии Наркомата иностранных дел. Советские полпреды постоянно, в течение 1940-го и первой половине 1941 г. слали депеши с сообщениями о надвигавшейся на страну угрозе.

В 1940 г. первые тревожные сведения начали поступать в НКВД из Советского полпредства в Германии. Так в апреле оттуда информировали о наличии в Германии значительного количества антисоветской литературы.

В декабре 1940 г. на имя полпреда СССР в Германии В.Г. Деканозова поступило анонимное письмо на немецком языке. Неизвестный автор предупреждал о намерении Гитлера «будущей весной напасть на СССР». Среди его доказательств были и такие:

«5. Формируется новая армия из призывников 1901-1903 гг. рождения. Под ружьем находятся также военнообязанные 1896-1920 гг. рождения. К весне 1941 г. германская армия будет насчитывать 10-12 миллионов. Кроме того, трудовые резервы, подразделения СС, СА и полиция составят еще 2 миллиона человек дополнительно, которые будут вовлечены в военные действия.

6. Верховное командование разрабатывает два плана окружения Красной Армии:

а) удар от Люблина по реке Припяти (Польша) до Киева. Другие части наступают из Румынии в районе Буковины в направлении реки Тетерев;

б) удар из Восточной Пруссии в направлении Мемель — Вильно — Березина — Днепр до Киева. Южное продвижение, из Румынии...»

Особо значительной была активность турецких дипломатов, которые не только обращали внимание советских коллег на действия Германии, но и однозначно трактовали их как вероятную угрозу СССР.

Так временный поверенный в делах Турции в Берлине Алкенд в беседе с полпредом СССР в Германии Деканозовым в январе 1940 г. сказал:

— В Германии сейчас бездействует армия в 50 дивизий, и неизвестно, для чего эта армия предназначена. Фюрер в один прекрасный день прикажет направить армию на Балканы, а то и в Россию совершенно неожиданно для других.

В марте 1941 г. Деканозов информировал советское руководство: «В середине января в Варшаву прибыли части четвертой армии из Франции, которые разместились в окрестностях Варшавы и ближе к границе...

Ежедневно на восток идут поезда с вооружением (орудия, снаряды, автомашины и строительные материалы)».

К письму Деканозов приложил немецко-русский разговорник, выпущенный для солдат вермахта. «Есть данные, что такими книжечками снабжены все германские солдаты на германо-русской границе».

Убеждая советское руководство в том, что нападение Германии дело ближайших месяцев, Деканозов в апреле 1941 г. отправил в Москву специальный доклад о разного рода событиях и слухах, ходивших в Берлине, «о предстоящем столкновении СССР с Германией».

Таким образом, от множества источников трех ведомств шла информация в Кремль к Сталину о том, что Германия в ближайшее время

развяжет войну. И если сроки начала военных действий назывались самые разные, тем не менее все они сходились в одном: война неизбежна!

17 июня 1941 г. начальник Главного разведывательного управления НКВД Фитин повез Сталину очередной обзор агентурных данных с общим выводом в заключении: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

В кремлевском кабинете вождь был один. Когда Фитин вошел вместе с наркомом госбезопасности В. Меркуловым, Сталин сразу обратился к нему с претензией:

— Начальник разведки, не надо пересказывать спецсообщение, я внимательно его прочитал. Доложите, что за источники это сообщают, где они работают, их надежность и какие у них есть возможности для получения столь секретных сведений.

В ответ Фитин достаточно подробно рассказал об источниках информации. Он запомнит эту встречу с вождем на всю жизнь: «Сталин ходил по кабинету и задавал различные уточняющие вопросы, на которые я отвечал. Потом он долго ходил по кабинету, курил трубку, что-то обдумывал, а мы с Меркуловым стояли у дверей. Затем, обратившись ко мне, он сказал: “Вот что, начальник разведки, нет немцев, кроме Вильгельма Пика, которым можно верить. Ясно?” Я ответил: “Ясно, товарищ Сталин”. Далее он сказал нам: “Идите, все уточните, еще раз перепроверьте эти сведения и доложите мне”».

Один из руководителей разведки советских органов безопасности генерал-лейтенант П.А. Судоплатов вспоминал: «В 1992-1993 годах, в пылу критики Сталина, нашего посла в Германии Деканозова обвинили в том, что он явился “распространителем” дезинформации о неизбежности войны с Германией. Как же обстояло дело в действительности?

В мае 1941 г. Деканозов был вызван в Москву для консультаций. Тогда между ним и немецким послом графом Шуленбургом состоялись беседы. Из рассекреченных теперь записей этих бесед следует, что немецкий посол в Москве открыто заявлял советскому дипломату, в недалеком прошлом начальнику внешней разведки НКВД, о своей озабоченности растущей напряженностью в германо-советских отношениях, грозящей столкновением, и о необходимости их улучшения. Деканозов немедленно доложил не только в форме записи беседы, но и лично Сталину и Молотову о встречах с Шуленбургом. И вот здесь советское руководство в силу своего менталитета допустило серьезнейшую ошибку. Оно не могло себе представить, что Шуленбург беседовал с Деканозовым по собственной

инициативе, без санкции Берлина. Даже когда Шуленбург подчеркнул Деканозову, что он излагает свою личную точку зрения о необходимости предпринять шаги в виде совместного обмена нотами и принятия Коммюнике о стабильности германо-советских связей, в Кремле восприняли его слова как точку зрения влиятельных политических кругов Германии. Роль Шуленбурга Сталин, Молотов, Берия, безусловно, переоценивали. От его бесед с Деканозовым ожидали начала проработки возможной встречи с немецким руководством на высшем уровне. Не случайно Деканозов 1 мая 1941 г. стоял на трибуне Мавзолея вместе с руководителями партии и государства. Это лучше всяких слов говорило немцам, что он, заместитель наркома иностранных дел, очень близок к руководителям Советского Союза.

5 мая Деканозов был приглашен на завтрак к Шуленбургу. По ошибочному указанию Кремля мы подкинули дезинформацию о том, что якобы Сталин выступает последовательным сторонником мирного урегулирования соглашений в отличие от военных кругов СССР, придерживающихся жестких позиций военного противостояния Германии. Затем последовало печально известное заявление ТАСС от 14 июня 1941 г. о безосновательности слухов относительно войны с Германией.

Намерения немцев и неизбежность войны стали еще более очевидными, когда нашей контрразведке с помощью агента военной разведки Г. Кегеля при участии З. Рыбкиной удалось установить совершенную прослушивающую аппаратуру в помещениях немецкого посольства, где Шуленбург и военный атташе вели доверительные беседы между собой.

Это было очень большим достижением нашего контрразведывательного аппарата и его технических подразделений, смонтировавших аппаратуру. К сожалению, это удалось сделать только в майские праздники 1941 г.

Кобулов, Меркулов, Берия часто бывали у Сталина в мае-июне 1941 года. Они лично докладывали разведывательные и контрразведывательные материалы. Однако самые убедительные данные о сроках нападения появились за два-три дня до начала войны. Их немедленно доложили на самый “верх”. Это были записи разговоров Шуленбурга, который прямо говорил, что он очень пессимистично настроен в отношении военных планов Гитлера, связанных с Россией. Эта запись легла на стол Сталину и окончательно убедила советское руководство, что война разразится в самое ближайшее время».

Касаясь видных военачальников Г. Жукова и адмирала Н. Кузнецова,

Судоплатов считал, что «им не следовало бы упрекать друг друга в пренебрежении данными разведки. Например, Кузнецову, который в записке Сталину излагал сообщение военно-морской разведки о сроках нападения, приписывают вину за организацию руководства о сроках нападения немцев. Дело в том, что Кузнецов действительно сообщал о не подтвердившихся сроках, но, к сожалению, каждый раз цитирование документа в нашей исторической и мемуарной литературе подчинено конъюнктуре. Жуков упрекает Кузнецова в том, что капитан первого ранга Воронцов, наш военно-морской атташе в Берлине, докладывал ему о действиях немецкого командования, опираясь на данные нескольких источников, дававших разные сообщения. Но ведь не процитирован весь документ, где говорится, что источники информации ненадежны и дано задание перепроверить их, после чего эти сведения не подтвердились. О том же самом идет речь и в записках генерала Голикова — что сведения о начале войны, поступавшие в марте-апреле 1941 г., действительно оказались неточными.

Существенное значение имеет и то, что доклады Голикова и Кузнецова весной 1941 г. направлялись Сталину в то время, когда немецкие силы не были еще полностью развернуты на нашей границе и вопрос о немедленном начале военных действий не стоял.

Генштаб верно оценивал возможности противника и делал правильные выводы. По складывающейся ситуации начало военных действий представлялось маловероятным до июня».

Похожего мнения придерживается и известный военный историк М.И. Мельтюхов. В своем уникальном труде «Упущенный шанс Сталина» он пишет: «Анализ доступных материалов по истории советской разведки накануне войны показывает, что, несмотря на наличие довольно развитой разведсети, она не смогла добыть и представить руководству материалы, которые давали бы однозначный ответ на вопрос о намерениях Германии летом 1941 г. В такой же ситуации оказались и разведки других великих держав, поэтому вряд ли стоит, как это делает Ю.А. Горьков, утверждать, что советская разведка работала плохо как до войны, так и в ее начале. Скорее, ближе к истине мнение В. Сахарова, который считает, что агенты добыли максимально возможный объем информации. Но в условиях целенаправленной дезинформации и высокоэффективных мер по сохранению секретности, проводимых германскими спецслужбами, эта информация оказалась слишком противоречивой. Слабость аналитического аппарата спецслужб в Москве не позволила сузить поступление германской дезинформации в Кремль, что в итоге дезориентировало советское

руководство».

По убеждению Судоплатова, «военное руководство и окружение Сталина питали иллюзию, будто мощь Красной Армии равна мощи сил вермахта, сосредоточенных у наших западных границ». И действительно такая иллюзия существовала.

После франко-немецкой войны 1939-1940 гг. над изучением опыта этой войны работала целая группа офицеров Разведуправления Генерального штаба. «Что же нового и поучительного мы нашли у немцев? — писал В. Новобранец. — В оперативном искусстве — ничего нового. Наше оперативное искусство стояло тогда выше немецкого. Метод ведения армейских и фронтовых операций с концентрическими ударами и последующим окружением у нас изучали еще в 1937 г. и даже раньше. Средством развития тактического прорыва в оперативный у нас была конно-механизированная группа (КМП, а у них — танковая армия (4-5 танковых дивизий и 3-4 мотодивизий). Новым было появление танковой армии — большого оперативно-стратегического танкового объединения. У нас же высшей единицей был механизированный корпус (две танковые бригады и одна стрелково-пулеметная), но накануне войны эти корпуса расформировали. (...) Новым в тактике немцев были строго согласованные действия авиации, танков и артиллерии с пехотой. Авиация, танки и артиллерия сопровождали наступление пехоты и обеспечивали успех».

Но правильно ли был изучен этот опыт? И был ли он изучен вообще?

По мнению профессора В.А. Анфилова, «гигантомания политического и военного руководства в строительстве Красной Армии весной 1941 г. явилась большой ошибкой. Вследствие этого Красная Армия не усилилась, а ослабла».

Например, одновременное развертывание и формирование соединений и частей в короткие сроки в результате привели к снижению боеспособности Красной Армии. Отсутствие последовательности в работе по повышению мобилизационной готовности приграничных округов также способствовало этому процессу. Соединения и части просто не укомплектовывались до установленных штатов. И все это подкреплялось некоторой «раздвоенностью» в действиях советского политического и военного руководства. Войну ждали и признавали ее неизбежность, но при этом сроки войны искусственно отодвигались.

Выступая на совещании высшего руководящего состава РККА в декабре 1940 г. начальник Генштаба генерал армии К.А. Мерецков сказал:

— Мы должны в кратчайший срок перестроить нашу армию,

действительно довести ее до высокой боевой готовности, добиться такого положения, чтобы мы постоянно по требованию правительства в любое время могли выступить в поход.

Но именно такое стремление перестроить армию в кратчайшие сроки сказалось на всей перестройке армии отрицательно. К слову, на совещании широко рассматривался опыт Гражданской и мировой войн, приводились примеры из боевых действий в Испании, на Хасане и Халхин-Голе, в советско-финляндской войне. Но это был не самый необходимый опыт перед Великой Отечественной войной. Там все теоретически предвидели и многое знали из собственной практики, но до конца не понимали или не хотели понимать современности. Например, в понятие начального периода войны некоторые из выступающих вкладывали то же содержание, как это было в Первую мировую войну, а разработанная современная наступательная операция по докладу Г.К. Жукова отражала насыщенность техническими средствами и военную мысль периода 1932-1934 гг.

Выступивший на совещании генерал Д.Г. Павлов в заключение доклада во всеуслышание заявил:

— Но то направление, которое я здесь слышал, оно дает мне право заявить, что сегодня мы стоим на совершенно правильном пути по использованию механизированных корпусов, их взаимодействия с авиацией и мотопехотой...

Эти слова скорее напоминали рапорт перед правительством, нежели истину.

Но что и говорить, если сам нарком обороны Тимошенко допустил совершенную бестактность, когда заявил залу:

— В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового... (!)

Более того, вопреки здравому смыслу он особенно подчеркнул важность кавалерии в современной войне:

— Конница в современной войне занимает важное место среди основных родов войск, хотя о ней здесь, на нашем совещании, мало говорили. На наших обширных театрах найдет широкое применение в решении важнейших задач развития успеха и преследования противника, после того как фронт прорван.

Таким образом, если считать, что на этом совещании и было достигнуто единство взглядов по многим вопросам военного искусства, то времени для устранения множества недостатков, обнаруженных в ходе дискуссий, уже не оставалось.

В мае 1941 г., выступая перед слушателями академий Красной Армии,

Сталин заявил:

— В мире нет и не было непобедимых армий. Есть армии лучшие, хорошие и слабые. Германия начала войну и шла первый период под лозунгами освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась. Сейчас германская армия идет с другими лозунгами. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические. Германская армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической завоевательной войны. Эти лозунги опасные. (...) Поскольку германская армия ведет под лозунгом покорения других стран, подчинения других народов Германии, такая перемена лозунгов не приведет к победе.

С точки зрения военной, в германской армии появилось хвастовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль не идет вперед, военная техника отстает не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Америка.

Существует вполне небезосновательное мнение, что вождь к весне 1941 г. был убежден в силе Красной Армии, в ее мощи. Но именно в этом он сильно заблуждался. Красная Армия только внешне представляла собой гигантский военный инструмент. Об этом говорили значимые цифры о военных расходах и о ежегодном приросте военной продукции. И не только. В июне 1941 г. на одном из совещаний в Кремле Сталин спросил:

— Сколько дивизий у нас расположено в составе четырех западных приграничных округов?

Нарком обороны доложил:

— Всего к 1 июля будет 149 дивизий и 1 отдельная стрелковая бригада, — а далее он перечислил их конкретно по округам.

Выслушав доклад, вождь заметил:

— Ну вот разве этого мало? Немцы, по нашим данным, не имеют такого количества войск. Отсюда преувеличенной оказалась и боеспособность Красной Армии в целом.

Правда, существует мнение, что перед войной Сталину открыли глаза на вооружение армии и он спохватился. Но оборонная промышленность, работая с большим перенапряжением, не могла удовлетворить всех потребностей значительно увеличивающейся армии.

«Время было упущено по вине бездарных людей, руководивших Вооруженными силами долгие годы», — сделал вывод В.А. Анфилов в своем труде «Крестный путь к “белоснежным полям под Москвой”».

Одним из первых, кто обратил внимание на роль стратегической

внезапности в оценках возможного характера начального периода войны, был профессор Военной академии Генерального штаба комдив Г.С. Иссерсон.

Он практически сразу же оговаривался в своем труде «Новые формы борьбы»: «По германо-польской войне, разумеется, нельзя судить о характере большой современной войны, о ее действительном напряжении, длительности и перспективах развития». Но дальше профессор сел нужным отметить следующее: «Эта война представляет, однако, несомненный интерес и имеет большое значение с точки зрения таких проблем, как:

- а) характер вступления в войну;
- б) условия, порождающие маневренную войну;
- в) оперативное применение и возможности современных средств борьбы в особенности авиации и мотомеханизированных войск;
- г) перспективы маневренного развития борьбы вплоть до достижения решающего исхода;
- д) способы ведения операций».

То есть, несмотря на оговорку, необходимую для режима того времени, Иссерсон называет германо-польскую войну новым явлением в истории. Он пишет: «История столкнулась с новым явлением. После первой империалистической войны военная литература выступила с теорией, по которой война открывается особо предназначенной для этого “армией вторжения”; под ее прикрытием должны затем развернуться и вступить в борьбу главные силы страны. По этой схеме мобилизация и сосредоточение основной массы сил проводятся уже после начала войны, то есть еще, как это происходило в 1914 г. Вступление в войну получает, таким образом, эшелонный характер: сначала выступает армия вторжения, а затем массы главных сил». Примечательно, что ход событий автор разделил на три фазы.

Кратко ознакомимся с ними. Фаза первая: «Уже в течение первых 48 часов после открытия военных действий было уничтожено не менее одной трети польской авиации, застигнутой врасплох на ее аэродромах... Это сразу отдало германской авиации полное господство в воздухе... (...) мотомехгруппа Гота ворвалась уже на третий день в глубину на 100 км, охватив расположение поляков нар. Варта. (...)»

Польской армии не удалось создать фронта и остановить вращение маневренного вала».

Фаза вторая: «На 5 сентября весь польский фронт, разорванный и расстроенный, дрогнул и стал отходить. Отход начался без всякого плана,

без всяких установленных намерений, без всякой перспективы. Он принял поэтому самый неорганизованный характер и проходил самотеком. (...)

8 сентября бронетанковые части группы Гота подошли к Варшаве. По пути танковая дивизия генерала Рейнгарта опрокинула 21-ю польскую дивизию и одну кавалерийскую бригаду. Эта танковая дивизия первой прорвалась к Варшаве, проникнув в западное предместье города. (...)

Это был первый пример самостоятельного применения бронетанковых войск, выброшенных сильным ядром далеко вперед фронта». Далее Иссерсон констатирует очевидное: «Весь ход событий показывает, что поляки не имели возможности создать фронт организованного сопротивления и остановить вращение маневренного вала германского наступления. (...)

а) управление парализовано и выведено из строя; связи с войсками оно больше не имеет;

б) транспорт парализован; все крупные железнодорожные узлы находятся под систематическим бомбардированием с воздуха, подвоза нет и в тылу общий хаос;

в) а главное — в тело всей армии глубоко вонзились острия танковых соединений; между группами отступающих войск они прорвались в глубокий тыл, вплоть до столицы, далеко обогнали отходящие колонны, всюду вышли им в тыл и определили их на всех важнейших рубежах вплоть до Вислы и Сана.

В этих условиях все возможности для организации сопротивления отпадают. Фронт не может быть создан, потому что он уже взорван с тыла. Нельзя ведь ставить забор, если изнутри подрублены его устои. Глубокая операция, как одновременное поражение всей глубины — операционной базы противника, как быстрое распространение удара в глубокий тыл, реально показала свое огромное действенное значение. Она создала возможность непрерывного развития маневренного вала и отняла у отступающего всякие условия для сбора своих сил и организации фронта борьбы.

Решающую роль в достижении этих результатов имел новый способ применения современных средств борьбы, главным образом авиации и самостоятельных мотомеханизированных соединений. Германская авиация использовалась двояко: для самостоятельных действий стратегического значения — по аэродромам противника, железнодорожным узлам, путям подвоза и важным объектам в глубоком тылу и для непосредственного тактического содействия своим войскам — по живой силе противника. (...) Действия бронетанковых соединений, как правило, все время

поддерживались авиацией. При этом достигалось самое тесное взаимодействие земли и воздуха. (...)

Взаимодействие с авиацией было, несомненно, одной из главных причин успеха германских мотомеханизированных соединений. (...)

Самостоятельное применение бронетанковых и моторизованных дивизий для решения оперативных задач в глубине, далеко впереди фронта общевойсковых пехотных соединений, впервые получило свое практическое применение в германо-польскую войну и сразу придало борьбе характер глубоко отличный от боевых действий прошлых войн. (...)

Оперативное построение германских армий на главных направлениях их наступления состояло из двух эшелонов: 1-го эшелона, который можно было бы назвать авангардным, — из бронетанковых и моторизованных соединений, которые самостоятельно ломали первую линию сопротивления противника, обтекали его фланги, прорывались в промежутках и врывались в глубокий тыл, и 2-го эшелона, который можно было бы назвать главным, — из главной массы общевойсковых пехотных соединений, которые быстро следовали за первым эшелоном, принимая на себя борьбу с главной массой противника, и довершали ее разгром в то время, когда он с тыла был уже атакован прорвавшимися бронетанковыми частями. (...)

Польский фронт не был сплошным, и быстроподвижные соединения имели много возможностей для прорыва в глубину в свободных промежутках. При этом они не заботились об очистке территории от неприятеля и уничтожения отстающих очагов сопротивления. Это все предоставлялось следующей позади пехоте.

Быстроподвижные соединения сразу выбрасывались вперед на расстояние до 100 км и устремлялись в глубину противника. Ими руководило одно стремление — все дальше вперед, и это в конечном итоге решало исход дела.

Таким образом, — делает вывод Иссерсон, — оперативное взаимодействие двух родов войск нашло свое разрешение. Это придало борьбе совершенно новые, необычные формы.

Во-первых, наступление, которое в прошлом обычно носило характер равномерного продвижения всей линии фронта на данном направлении, приняло форму глубокого вклинения на территорию противника на различных направлениях. Во-вторых, это наступление приняло сразу характер преследования, причем такого, которое обгоняло отходящего, предупреждало его на важных рубежах и выводило в его тыл.

В-третьих, борьба развернулась не на каком-то общем фронте, как это бывало во всех прошлых войнах, а сразу распространялось на большую

глубину; она, стало быть, не носила линейных форм и приняла глубокий характер».

И, наконец, фаза третья: «Последние бои на уничтожение не являли собой обычной картины единого сражения в границах одной общей территории. Общего фронта борьбы больше не было. Борьба распалась на отдельные очаги, оперативно не связанные и вполне самостоятельные по своему тактическому назначению.

Таких очагов можно на 10 сентября назвать по крайней мере пять...»

И вот мы подошли к главному. В заключение своего труда Иссерсон писал: «Теория глубоких форм борьбы была сначала встречена с осуждением. Ее сочли романтическим измышлением военных теоретиков. Когда же эти формы были впервые применены в действии, стали утверждать, что в этом нет ничего нового.

Часто бывает, что новая концепция сначала осуждается как фантазия и поэзия; а когда она потом в том или ином виде осуществляется, начинают равнодушно утверждать, что ничего нового не произошло. Германо-польская война была, разумеется, войной нового типа. (...) по яркости и цельности разыгравшихся событий она вскрыла слишком много нового в формах и способах ведения современной войны. (...)

За это время были применены формы и способы борьбы, которые еще ни разу не были испытаны в действии.

Германо-польская война была первой войной новых форм борьбы в действии.

В этом, несмотря на все ее особые условия, заключается ее историческое значение, ее роль в истории развития военного искусства.

Первое, чем германо-польская война привлекает к себе особый исторический и теоретический интерес, — это ее маневренный характер, в котором она протекала от начала до конца. Опыт этой войны важен в том отношении, что он показал возможность современной маневренной войны вообще и вскрыл условия, которые для этого необходимы. (...)

Таким образом, при почти вчетверо меньшем фронте к концу войны и при вдвое большей армии война в Польше получила все же выраженный и непрерывный маневренный характер. Это показывает, что корни маневренной и позиционной войны скрываются в современную эпоху в иных условиях — в средствах борьбы и в формах и способах их применения.

Германо-польская война вскрыла не только условия, в которых современная война возможна, но также показала:

— возможности, которые для ведения маневренной войны имеются;

- способы, которые нужно для этого применить, и
- формы, которые борьба должна для этого принять. (...)

Моторизация и механизация армии, авиация и новые средства связи (радио) сделали концентрическое наступление отдельных групп войск по внешним линиям опять возможным и притом, как это показали события германо-польской войны, со значительно более быстрым и решающим результатом, чем в прошлом. (...) Основная причина этого заключалась в том, что быстрота современных средств борьбы изменила прежнее значение пространства в операции. (...)

События германо-польской войны показали, что большая подвижность современной мотомеханизированной армии дает возможность значительно скорее объединить отдельные группы войск в решающих пунктах и тем достичь их взаимодействия. (...)

Превосходство в воздухе дает возможность действовать внезапно. А новые средства связи обеспечивают твердое руководство и постоянное взаимодействие разделенных групп войск. В этих условиях операции по внешним линиям получают новые возможности, обеспечивая проведение быстрых и решительных маневров во фланг и в тыл противнику. (...)

Однако одно стало очевидным: ведение решительных операций на окружение и уничтожение обрело новые возможности. (...)

... К концу кампании глубина фронта была больше, чем его ширина. Это явилось совершенно новым явлением в формах вооруженной борьбы, наиболее образно выразившим ее новый глубокий характер».

Словом, по оценке Георгия Самойловича, все разработки военных теоретиков относительно «армии вторжения как первого эшелона, за которым выступает масса главных сил», оказались несостоятельными. В своем труде он сделал весьма важные на тот момент выводы относительно фактора стратегической внезапности и характера начального периода войны. В сущности, все положения, высказанные им, впоследствии подтвердились той катастрофой, которая произошла прежде всего в Белоруссии, в Прибалтике и на Украине после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г.

Примечательно, что его труд, несмотря на свою глубину, безусловную оригинальность по тем временам и в некотором роде предостережение, был предан забвению тогда, когда в нем в принципе нуждалось все военное руководство РККА.

Любопытно и то, что на декабрьском совещании 1940 г. в выступлении начальника штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенанта П.С. Кленова прозвучала фамилия Иссерсона и название его

труда. Вот, что сказал о ней самодовольный военачальник:

— Я просмотрел (!) недавно книгу Иссерсона «Новые формы борьбы». Там даются поспешные выводы, базируясь на войне немцев с Польшей, что начального периода войны не будет, что война на сегодня разрешается просто — вторжением готовых сил, как это было проделано немцами в Польше, развернувшими полтора миллиона людей. Я считаю подобный вывод преждевременным. Он может быть допущен для такого государства, как Польша, которая, зазнавшись, потеряла всякую бдительность и у которой не было никакой разведки того, что делалось у немцев в период многомесячного сосредоточения войск.

Любопытно, что этот генерал, будучи с первых дней войны начальником штаба Северо-Западного фронта уже в июле 1941 г., был освобожден от занимаемой должности и уволен из рядов РККА. Кленов был расстрелян 10 июля 1941 г., ощутив на себе все то, что по недопониманию, или же по безграмотности считал преждевременным.

А ведь никто из участников совещания не возразил тогда бездарному сужению Кленова. Следовательно, никто из военачальников не принимал совершенно правильных выводов Иссерсона. Но для России это неудивительно. Потому и судьба ученого человека-пророка, способного принести и приносить огромную пользу своему отечеству, оказалась трагической. Его арестовали 10 июня 1941 г. в Москве. Видного советского ученого, талантливое оператора и автора ряда крупных теоретических трудов («Эволюция оперативного искусства», «Основы глубокой операции», «Основы оборонительной операции», «Новые формы борьбы») обвиняли в принадлежности к антисоветскому военному заговору, в поддержании связи с троцкистами, в голосовании за троцкистскую резолюцию в 1923 г., а также в преступных действиях во время советско-финской кампании. Сначала его приговорили к расстрелу с конфискацией имущества и лишению воинского звания «полковник», но после обжалования вынесенного приговора в кассационном порядке Военная коллегия Верховного суда СССР изменила ему меру наказания, назначив по тем же пунктам десять лет лишения свободы в ИТЛ (исправительно-трудовые лагеря. — Примеч. ред.) плюс пять лет поражения в политических правах.

Наказание Иссерсон отбывал в Карагандинском ИТЛ. После окончания срока в июне 1951 г. его направили в ссылку в Красноярский край. Там бывший начальник кафедры оперативного искусства Академии Генерального штаба РККА работал мотористом насосной станции, в геолого-разведывательной партии занимался вопросами топографической

съемки. Только 1 июня 1955 г. Георгий Самойлович был реабилитирован, а 14 июля освобожден из ссылки. Ему было уже 57 лет. Но за страдания Бог подарил ему еще целых двадцать лет жизни. Полковник Г.С. Иссерсон умер в Москве 27 апреля 1976 года.

2. ДЕЗИНФОРМАЦИЯ И ЛУКАВСТВО ПОЛКОВОДЦА

Бывший начальник советского бюро ТАСС в Берлине И.Ф. Филиппов вспоминал:

«Конец 1940-го и начало 1941 г. проходят в Германии под знаком подготовки к “большой войне”. Проводится мобилизация ресурсов, строгий учет запасов сырья, товаров, продовольствия и рабочей силы. Места многих мужчин на многих производствах заняли женщины...

Геринг объявил всеобщий поход за железным ломом и издал распоряжение о снятии бронзовых колоколов и железных решеток и ставней для “создания требуемых запасов металла”. Кампанию сбора металла открыл Гитлер, сдав на склад металлолома свой бронзовый бюст, подаренный ему Герингом в день рождения...

Начались ограничения в пользовании уличным транспортом. Личные автомобили были конфискованы. Появилось распоряжение властей, которым запрещалось нанимать такси для поездки в театр, в рестораны...

Самым тяжелым для населения было плохое продовольственное снабжение. Готовясь к «большой войне», гитлеровцы создавали огромные резервы продуктов для армии. На ухудшение снабжения в известной мере влияло также переселение значительного числа из восточных областей. Продовольственные нормы были сильно урезаны. На неделю отпускалось: хлеба — 2 кг 400 г, мяса и мясных изделий — 500 г, маргарина — 250 г, сахара — 250 г. Молоко выдавалось лишь детям. Власти ввели нормирование потребления картофеля и сообщили о резком сокращении производства пива.

Многие продукты стало очень трудно достать даже по продовольственным карточкам. Это приводило в сильное расстройство домохозяек...

Продовольственный режим становился все жестче. Из магазинов исчезли пирожные, торты, которые уже давно изготавливались из всякого рода химикалий. Рестораны прекратили отпуск обедов без предъявления «купонен» — продовольственных талонов.

К началу 1941 г. власти значительно сократили выдачу угля для бытовых нужд... Тяжелым ударом для немцев явилось резкое ограничение продажи пива, так как обед многих рабочих и служащих часто состоял из бутылки пива и куска булки...

Но вскоре продажа пива была вовсе прекращена... Тяжело приходилось курильщикам — в киосках выдавалось лишь по 3-5 папирос в одни руки... (...)

Мы на себе чувствовали, что между нами и немецкими официальными лицами образовалась пропасть. Их враждебность к нам начала проявляться буквально во всем.

... Среди германского населения в эти дни господствовало настроение подавленности. Знакомые немцы смотрели на нас вопросительно, как бы желая получить ответ на мучивший их вопрос: будет ли война?»

По другую сторону советско-германской границы происходило тоже что-то не совсем обычное...

«Слухи о том, что скоро придут немцы, особенно широко распространялись среди местных жителей в первой половине июня. Мука, сахар, керосин, мыло, ткани и обувь раскупались нарасхват. Владельцы частных портняжных сапожных и часовых мастерских новые заказы принимали охотно, но выдавать заказчикам их пальто, костюмы, сапоги или часы не спешили.

Особенно задерживались заказы военнослужащих. “Секрет” был очень прост: эти хозяйчики со дня на день ожидали вторжения немцев и думали таким образом обогатиться», — напишет в своих мемуарах генерал-полковник Л.М. Сандалов.

Более того, было замечено оживление спекуляции среди жителей недавно получивших паспорта. Они спешили истратить советские деньги.

В ночь на 11 мая 1941 г. заместитель Гитлера Рудольф Гесс на одноместном самолете вылетел в Великобританию.

Эта вестъ стала мировой сенсацией. А 26 мая 1941 г. товарищу Сталину поступила записка от старшего помощника наркома иностранных дел СССР, с препровождением письма В.Г. Деканозова. В этом письме говорилось: «Полет Гесса в Англию является, несомненно, одним из наиболее крупных событий в жизни Германии последнего времени. Обстоятельства и подлинный смысл этого полета еще не совсем ясны и вызывают противоречивые и даже противоположные суждения наблюдателей. (...)

По словам американского корреспондента Хасса, близко знавшего Гесса, Гесс был противником сближения Германии с СССР и отъявленным врагом коммунизма. Он полетел в Англию якобы по своей инициативе, “дабы предупредить англичан о бессмысленности борьбы с Германией и о необходимости сохранить силы Германии, которые нужны ей на Востоке”. (Хасс говорил об этом своему соотечественнику.)

Это мнение разделяет помощник морского атташе Швеции Альстрем: “Гесс вылетел, чтобы склонить Англию к миру для совместного удара по СССР” (из беседы с нашим морским атташе тов. Воронцовым). (...)

По сообщению датского военного атташе, за последнее время Гесс открыто высказывал свое недовольство создавшимся положением и стоял за быстрейшее заключение мира с Англией перед лицом “красной опасности” с Востока. (...)

По мнению американских морских офицеров, высказанному ими 14.05 тов. Воронцову, возможность мира в настоящих условиях исключена. Англия никогда не пойдет на переговоры до разрешения собственных интересов тем более теперь, когда в германском правительстве имеется “трещина”. Как было сказано выше, они объясняют бегство Гесса расколом в партии и правительстве и боязнью Гесса за свою шкуру. (...)

д) Дальнейшее выяснение вопроса даст дополнительные материалы об этом “случае с Гессом”. Сейчас можно сделать пока только тот вывод, что “случай с Гессом” является, с одной стороны, показателем противоречий в германских кругах по вопросу о дальнейшем курсе внешней политики. С другой стороны, он показывает, как сильны в Германии тенденции договориться с Англией о прекращении войны...»

По линии внешней разведки надежные источники из США и Англии периодически сообщали, что вопрос о нападении Германии на СССР зависит от тайной договоренности с британским правительством, ибо вести войну на два фронта Гитлер не сможет.

Сталин, безусловно, знал об этом.

Так, генерал Судоплатов в своих мемуарах подчеркнул: «Анализируя поступавшую в Союз информацию из самых надежных источников военной разведки и НКВД, ясно видишь, что около половины сообщений — до мая и даже июня 1941 г. — подтверждали: да, война неизбежна. Но материалы также показывали, что столкновение с нами зависело от того, урегулирует ли Германия свои отношения с Англией».

Но правительство Великобритании не пошло на сговор с Гитлером, а Гесса посадили в тюрьму.

Для Сталина это был весомый аргумент в пользу оттягивания войны. Он не верил другим противоречивым данным разведки.

Из сводки Разведывательного отдела штаба Западного особого военного округа о сосредоточении немецких войск в приграничных с СССР районах от 5 июня 1941 г.:

«О войсковых частях

По данным агентуры и других источников, за период с 25 мая по 5

июня группировка германских войск в полосе против ЗапОВО (Западный особый военный округ. — Примеч. ред.) увеличилась на 2-3 пехотные дивизии и на 5 июня 1941 г. определяется в 29-30 пехотных дивизий, 2-4 мотодивизии, одна кавдивизия и две кавбригады, 3-4 зенитных артполка, 2-3 тяжелых артполка, три авиаполка, до 4 саперных полков и, предположительно, две бронедивизии СС. (...)

Наблюдение за советской территорией (по данным войскового наблюдения)

24 апреля в районе Гуттен (10 км западнее Граево) две группы офицеров в составе 3-5 человек, с картами, ходили вдоль границы и вели наблюдение за нашей территорией.

5 мая с водонапорной башни ст. Прошткен вели наблюдение 15 офицеров за нашей территорией. (...)

Интенсивная подготовка театра

На основании ряда проведенных агентурных и других данных подготовка театра в полосе против ЗапОВО, особенно с 25 мая, проводится более интенсивно и характеризуется следующим:

Непосредственно на линии госграницы, на огневых позициях, в районах Сувалки, Ольшанка, Малкия, Соколов и в глубине — Варшава, Лодзь, Гродиск, Демблин — отмечены зенитные противотанковые средства. Завоз боеприпасов: 25 апреля на аэродром «Оленце» (Варшава) выгружено 63 вагона авиабомб.

В конце апреля на аэродром Сохачев доставлено 15 вагонов авиабомб, часть из них, предположительно, по 1000 кг.

13 апреля в Варшаву прибыло 59 вагонов пороха, в Рембертов — 16 вагонов, Радом — 12 вагонов, Сохачев — 2 вагона.

По данным радиоразведки, за период с 9 по 14 мая на варшавском аэродроме отмечено более 200 самолетов.

По курсу Калиш, Лодзь, Варшава установлено прибытие 86 самолетов. В Варшаве сосредотачивается крупное соединение. (...)

Вывод:

1. За последнее время немецкое командование непрерывно усиливает группировку войск в полосе против ЗапОВО, особенно с 25 мая, преимущественно артиллерийскими и авиационными частями, главным образом в районах: Иоганесбург, Прасныш, Млава, Цеханов, Варшава.

Одновременно форсируют подготовку театра путем строительства оборонительных сооружений, установки зенитных и противотанковых орудий непосредственно на линии госграницы, усиления охраны госграницы полевыми частями, ремонта и расширения дорог, мостов,

завоза боеприпасов, горючего, организации мер ПВО. (...)

3. Заметно усиливается проведение ряда новых экономических и политических мероприятий германских властей для обеспечения системы военной подготовки плацдарма генерал-губернаторства.

4. Антивоенные настроения в германской армии принимают более широкие размеры по сравнению с предыдущим периодом...»

Несмотря на такие вот тревожные сообщения, приграничная группировка Красной Армии остается в прежнем положении. Ничего не меняется и в планах ее Генерального штаба. Сталин регулярно получает информацию от своих разведслужб, но никакого движения...

И не потому, что вождь верил Гитлеру. Совсем нет. Войну он ждал. Вот только мифическая информация о значительно превосходящих силах немцев и румын на южном направлении убеждали в т.ч. и вождя в правильном разворачивании главных сил танковых и механизированных соединений Красной Армии для отражения главного удара противника на Юго-Западном направлении. Так как действительно предполагалось, что немцам нужны были прежде всего нефть, украинский уголь, запасы зерна для длительной войны с Советским Союзом.

Генерал Судоплатов называет это не иначе как «крупным просчетом нашей разведки».

Он писал: «Неправильная оценка нашей разведкой обстановки в Бессарабии, как мне самокритично рассказывал нарком госбезопасности Молдавии, впоследствии начальник особого отдела Южного фронта Н. Сазыкин, в критический момент начала войны обусловила невысокую эффективность действий войск Южного фронта, несмотря на то, что противник, как оказалось, не имел превосходящих сил. Несомненно, это оказало неблагоприятное влияние на развитие событий на всем Юго-Западном направлении».

Например, в агентурном сообщении из Берлина в апреле 1941 г. прямо говорилось: «Тотальная война Германии против Англии и США не может быть выиграна, и потому необходимо заключение мира с ними. Чтобы сделать Англию более сговорчивой, необходимо отторгнуть Украину от Советского Союза. Захват Украины принудит Англию пойти на уступки. В случае необходимости возможно заключение мира с Англией даже ценой принесения в жертву нацизма, а при неудаче в войне с СССР и самого Гитлера, чтобы “устранить” препятствия к объединению цивилизованного мира против большевизма. Япония и Италия якобы не посвящены в эти антисоветские планы».

А вот телеграфное донесение от военного атташе из Белграда за 9

марта 1941 г.:

«... 1. Германский Генштаб отказался от атаки английских островов, ближайшей задачей поставлено — захват Украины и Баку, который должен осуществиться в апреле-мае текущего г., к этому сейчас подготавливается Венгрия, Румыния и Болгария.

2. Через Берлин, Венгрию идет усиленная переброска войск в Румынию».

В агентурном сообщении в марте 1941 г. из Берлина сообщалось: «... Тот же информатор сообщает, что начальник Генштаба сухопутной армии генерал-полковник Гальдер рассчитывает на безусловный успех и молниеносную оккупацию немецкими войсками Советского Союза, и прежде всего Украины, где, по оценке Гальдера, успешным операциям будут способствовать хорошее состояние железных и шоссейных дорог.

Тот же Гальдер считает легкой задачей также оккупацию Баку и нефтяных ее промыслов, которые немцы якобы могут быстро восстановить после разрушений от военных действий...»

Все это лично читал товарищ Сталин. Но насколько известно, никто не смог раздобыть для него текст директивы за №44142/41 по дезинформации противника, утвержденный в ставке фюрера 15 февраля 1941 г. и подписанный начальником штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Кейтелем. Там черным по белому было написано: «1. Несмотря на значительное ослабление приготовлений к операции “Морской лев”..., необходимо делать все возможное для того, чтобы внутри вооруженных сил сохранил, впечатление, что подготовка к высадке в Англию ведется в совершенно новой форме и что подготовленные ранее для этой цели войска отводятся в тыл до определенного момента. Необходимо как можно дольше держать в заблуждении относительно действительных планов даже те войска, которые предназначены для действий непосредственно на Востоке. (...)

4. Чем больше будет скопление сил на Востоке, тем более необходимо делать все для того, чтобы поддерживать в общественном мнении неопределенность относительно наших планов. С этой целью Главное командование Сухопутных войск совместно с Управлением разведки и контрразведки Верховного главнокомандования вооруженных сил должно подготовить все необходимое для внезапного «оцепления» определенных районов на побережье проливов Ла-Манш и Па-де-Кале, и в Норвегии.

(Сигнал для начала действий — условное слово “Альбион”.) При этом не столь важно провести оцепление полностью и вводить в действие крупные силы, сколько произвести сенсацию соответствующими

мероприятиями. Проведением этой демонстрации, а также других мероприятий, как-то: установка технического имущества, которое неприятельская разведка может принять за неизвестные до сих пор «ракетные батареи», преследуется одна цель — создать видимость предстоящих «сюрпризов» против английского острова...»

«И все же, если оценивать операции немецкой разведки по дезинформированию нас весной 1941 г., то нужно сказать, что вклад абвера и службы безопасности (СД) был не таким уж значительным. Гораздо выигрышнее в этом деле выглядит специальное разведывательное бюро Риббентропа, то есть та часть разведывательного аппарата, которая замыкалась на МИД Германии, — считал П.А. Судоплатов. — Здесь немцы достигли значительно большего результата. Но зато немецкая военная разведка — абвер — эффективно действовала в приграничной и прифронтовой полосе, где развернулись в начале войны неудачные для нас сражения. Под видом дезертиров из германской армии к нам в приграничные районы почти беспрепятственно забрасывалась немецкая агентура. Чуть ли не косяком она шла в Западную Украину (...)

Весной и в начале июня 1941 г. абвер, следует признать, свою задачу по разведке прифронтовой полосы в целом выполнил. Он обладал данными, которые поставляли агенты-маршрутники и местное население. Немцы были осведомлены о расположении наших войск, о дислокации аэродромов, местонахождении нефтебаз благодаря хорошо налаженной работе аэрофоторазведки, радиослужб и визуальной разведки». При этом любопытно что никто в службе госбезопасности СССР серьезно не изучал реальное соотношение сил на советско-германской границе. Вот почему сила удара германской армии во многом оказалась неожиданной!

2 мая 1941 г. посол Германии в Москве Шуленбург доносил в МИД Германии:

«Я и высшие чиновники моего посольства постоянно боремся со слухами о неминуемом немецко-русском военном конфликте, так как ясно, что эти слухи создают препятствия для продолжающегося мирного развития германо-советских отношений. Пожалуйста, имейте в виду, что попытки опровергнуть эти слухи здесь, в Москве, остаются неэффективными поневоле, если эти слухи беспрепятственно поступают из Германии и если каждый пребывающий в Москву или проезжающий через Москву не только привозит эти слухи, но может даже подтвердить их ссылкой на факты».

Тем не менее в середине мая 1941 г. советская контрразведка зафиксировала факты подготовки германского посольства к отъезду. А в

июне сам Шуленбург руководил уничтожением в посольстве в Москве всех секретных бумаг.

Не менее подозрительным было и поведение сотрудников германского консульства в Ленинграде. Днем они резали на мелкие части множество бумаг и документов, а по ночам жгли их в котельной, предварительно облив керосином. Жены сотрудников консульства в эти летние дни всячески торопили портных с выполнением работ или просто просили вернуть свой материал.

Только в советском посольстве в Берлине даже в субботний день 21 июня по-прежнему текла размеренная жизнь. Ничего важного в тот день для его сотрудников не происходило, если не считать, что представителям иностранной прессы бесконечно говорили о близком начале военных действий Германии против СССР и только поэтому некоторые из них не собирались в ближайшие дни покидать Берлин.

21 июня 1941 г. 18.27, незадолго до совещания, в кремлевский кабинет вождя вошел Молотов. Сталин тут же сказал:

— Нужно вызвать посла Шуленбурга и спросить о причине участвовавших в нарушении нашей границы германскими самолетами.

Дать указание Деканозову, чтобы он посетил имперского министра иностранных дел Риббентропа, которому необходимо заявить о нашем недовольстве появившимися слухами о приближении войны между Германией и Советским Союзом. В большей степени они основаны на том факте, что до сих пор со стороны Германии еще не было никакой реакции на сообщение ТАСС от 13 июня. Более того, оно даже не было опубликовано в Германии.

Следует подчеркнуть, что мы не в состоянии понять причин недовольства Гитлера!

В 19.05 в кабинет вошли Воронцов, Берия, Вознесенский, Маленков, Кузнецов, Тимошенко, Сафонов.

Военно-морской атташе в Германии капитан 1-го ранга М.А. Воронцов по вызову вождя прямо с поезда прибыл в Кремль. Его доклад Сталину продолжался примерно около часа.

Сталин до сих пор помнил его информацию от 6 мая: «Советско-подданный Бозер (еврей, бывший литовский подданный) сообщил (...), что со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах. Попытка

выяснить первоисточник сведений и расширить эту информацию пока результатов не дала, т.к. Бозер от этого уклонился...»

Теперь он сам вызвал его, чтобы услышать из первых уст информацию, которая не давала покоя.

Воронцов рассказывал то, что происходило в Германии в действительности, с каждой фразой, с каждым новым примером или штрихом подтверждая все, что вождю было уже известно.

Внимательно выслушав доклад, он спросил напрямик:

— Товарищ Воронцов, как вы думаете, чем все это дело кончится?

— Товарищ Сталин, это война!

После ответа морского офицера, который, в конечном счете, убедил его в том, в чем не могли убедить различные ведомства и сотни тревожных документов, Сталин на время задумался и лишь потом обратился к наркому обороны:

— То, что говорит товарищ Воронцов заслуживает доверия. Нужно срочно принять все необходимые меры, чтобы фашисты не смогли нас застать врасплох. Это действительно война, которая возможно начнется завтра. Все дело во времени. Отправляйтесь в наркомат, вызовите сюда Буденного и Жукова, а также возьмите с собой все необходимые документы. Времени у вас товарищ Тимошенко очень и очень мало.

Примерно в это же время Поскребышев вызвал к себе управляющего делами СНК СССР Я.Е. Чадаева. Секретарь Сталина сидел у открытого окна и постоянно пил из стакана холодный нарзан. Вечер был жарким и душным. В приемной, несмотря на открытые окна, движение воздуха отсутствовало. (Здесь и далее по воспоминаниям Я.Е. Чадаева. — Авт.).

Когда Чадаев взял очередное решение правительства к исполнению и положил в папку, то не без хитрости поинтересовался:

— Что-нибудь есть важное?

— Предполагаю, да, — почти шепотом ответил Поскребышев. — «Хозяин» только что в возбужденном состоянии разговаривал с Тимошенко... Видимо, вот-вот ожидается... Ну, сами догадываетесь что... нападение немцев...

— На нас? — с удивлением спросил Чадаев. — А на кого же еще?

— Подумать только, что теперь начнется...

— А теперь, пожалуй, сбудется. Уж сегодня очень что-то забеспокоился «хозяин»: вызвал к себе Буденного и Жукова и только что разговаривал с Тюленевым. Спрашивал у него, что сделано для приведения в боевую готовность противовоздушной обороны...

Ровно в 20.50 в кабинет Сталина вошли маршалы Буденный и Тимошенко, а также генерал армии Жуков.

Совещание продолжалось. Информацию Воронцова подтверждали доклады из приграничных округов.

Маршал Советского Союза Буденный тогда записал в своем дневнике: «В 1941 г. 21 июня в 19 часов в кабинет И.В. Сталина были вызваны Тимошенко (нарком обороны), Жуков (начштаба РККА) и я (зам. наркома обороны по тылу). И.В. Сталин сообщил нам, что немцы, не объявляя войны, могут напасть на нас завтра, то есть 22 июня, а поэтому, что мы должны и можем предпринять сегодня же и до рассвета 22.06.41 г. Тимошенко заявил, что “если немцы нападут, то мы их разобьем на границе, а затем на их территории”. И.В. Сталин подумал и сказал: “Это несерьезно”, обратился ко мне и спросил: “А вы как думаете?” Я высказал свои мысли. Тогда И.В. Сталин сказал: “Ваши соображения правильные, и я беру на себя разговор по вопросу авиации с комвойсками округов, а наркому и штабу дать указания округам. Вы знаете, что у нас сейчас делается на границе?” Я ответил, что нет, не знаю. “А почему вы не знаете?” Я ответил, что ведаю тылом армии, а оперативными вопросами, вооружением ведает нарком и штаб, меня до этой работы не допускают. “Это глупо, почему вы не сказали раньше?” Я ответил: “Полагал, что такая установка дана свыше”. Оказывается, нарком обороны делает оборонительную линию по всей новой (после 1939 г.) границе и вывоз все вооружение из бывших укрепленных районов по границе... После этого обмена мнениями Сталин “попросил собрать Политбюро. На нем Сталин предложил образовать особый фронт, подчинив его непосредственно Ставке, и назначить Буденного командующим фронтом, а членом Военного Совета фронта т. Маленкова Г.М.

...После принятия решения я пошел прямо к себе на работу и приступил к формированию штаба фронта. Тимошенко и Жуков мне начальника штаба не дали, а я просил т. Соколовского, с которым работал три года в Московском военном округе”».

Тут же на совещании был подготовлен черновик постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об организации фронтов и назначениях командного состава».

Вот этот документ:

«21 июня 1941 г. Особая папка.

I

1. Организовать Южный фронт в составе двух армий с местопребыванием Военного совета в Виннице.

2. Командующим Южного фронта назначить т. Тюленева, с оставлением за ним должности командующего МВО (Московский военный округ. — Примеч. ред.).

3. Членам Военного совета Южного фронта назначить т. Запорожца.

II

Ввиду откомандирования тов. Запорожца членом Военного совета Южного фронта назначить т. Мехлиса начальником Главного управления политической пропаганды Красной Армии, с сохранением за ним должности наркома госконтроля.

III

1. Назначить командующим армиями второй линии т. Буденного.

2. Членом Военного совета армии второй линии назначить секретаря ЦК ВКП(б) т. Маленкова.

3. Поручить наркому обороны т. Тимошенко и командующему армиями второй линии т. Буденному организовать штаб, с местопребыванием в Брянске...

IV

Поручить нач. Генштаба т. Жукову общее руководство Юго-Западным и Южным фронтами, с выездом на место.

V

Поручить т. Мерецкову общее руководство Северным фронтом, с выездом на место.

VI

Назначить членом Военного совета Северного фронта секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) т. Кузнецова».

(На этом документе, кроме пометок и исправлений, имеется автограф Маленкова.)

Таким образом, на совещании у Сталина 21 июня 1941 г. было подготовлено постановление Политбюро ЦК ВКП(б). Никакого другого документа и тем более директивы № 1 там не писали. Указание подготовить директиву в войска о предупреждении германского нападения Тимошенко и Жуков получили устно.

В 22.20 Маленков, Тимошенко, Жуков, Буденный и Мехлис (вошел в 21.55) вышли.

Около 23.00 адмирала Кузнецова вызвал Тимошенко. Быстро сложив в папку последние данные о положении на флотах, они вместе с начальником Главного морского штаба В.А. Алафузовым отправились к наркому обороны. Когда вошли в кабинет маршала, на часах было 23.00. Тимошенко

в расстегнутом кителе ходил по кабинету и что-то диктовал. Было очень душно, и тяжелые гардины едва шевелились под слабеньким ветерком через все открытые окна. Начальник Генштаба сидел за столом и записывал под диктовку.

Перед ним лежало несколько заполненных листов большого блокнота для радиogramм.

Тимошенко, заметив вошедших, остановился.

— Завтра возможно нападение на нас Германии, поэтому флоты нужно привести в полную боевую готовность, — проинформировал Кузнецова Тимошенко и тут же добавил, чтоб было ясно:

— Приказание привести войска в состояние боевой готовности для отражения ожидающегося вражеского нападения, я получил лично от «хозяина». Теперь вот пишем телеграмму в войска, ознакомьтесь, — и он показал адмиралам ее пространный текст на трех листах, который и писал Жуков.

Кузнецов быстро глазами пробежал ее содержание...

«Военным советам ЛВО (Ленинградский военный округ. — Примеч. ред.), ПрибОВО (Прибалтийский особый военный округ. — Примеч. ред.), ЗапОВО, КОВО (Киевский особый военный округ. — Примеч. ред.), ОдВО (Одесский военный округ -Примеч. ред.).

Копия: Народному комиссару Военно-морского флота.

1. В течение 22-23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава.

Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

21.6.41 г. Тимошенко Жуков».

Закончив читать директиву, нарком ВМФ уточнил:

— Разрешено ли в случае нападения применять оружие?

— Разрешаю, — ответил Тимошенко.

Тут же Кузнецов повернулся к контр-адмиралу Алафузову и тихим голосом приказал:

— Бегите в штаб и дайте немедленно указание флотам о полной фактической готовности. То есть о готовности номер один. Бегите.

И когда начальник штаба убежал, Кузнецов поинтересовался у Тимошенко:

— Правильно ли я понял, что нападение можно ждать в эту ночь.

— Да, правильно, в ночь на 22 июня.

К слову, одному адмиралу Кузнецову удалось тогда осуществить невозможное. Прямо из кабинета Тимошенко он дал указание отправить установленным паролем на флоты и флотилии о немедленном переходе на оперативную готовность №1. То есть приказал занять полную боевую готовность сил флота к применению оружия.

Директива наркома ВМФ № 3Н/87 была отправлена в 23.50.

Но дело еще и в том, что в повышенной боевой готовности (№2) Военно-морской флот уже находился еще с 19 июня 1941 г.

Более того, когда Кузнецов вернулся в свой кабинет, он обзвонил всех командующих и лично сам перевел флоты и флотилии на оперативную готовность номер один. То есть еще раз подстраховался, не дожидаясь получения телеграммы. А в 00.12 22 июня 1941 г. отправил вторую директиву за № 3Н/88, в которой говорилось:

«В течение 22.6./23.6. возможно внезапное нападение немцев. Нападение немцев может начаться с провокационных действий. Наша задача: не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно флотам и флотилиям быть в полной боевой готовности, встретить возможный удар немцев или их союзников.

Приказываю, перейдя на оперативную готовность № 1, тщательно маскировать повышение боевой готовности. Ведение разведки в чужих территориальных водах категорически запрещается. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

Забегая вперед, можно отметить, что в ночь на 22 июня 1941 г. и в первый день войны Военно-морской флот не потерял ни одного военного

корабля, ни одного самолета.

Зато директива Тимошенко и Жукова в округа была отправлена только в половине первого ночи 22 июня 1941 г., и в войсках ее получили очень поздно. Например, в штабе Западного особого военного округа (ЗОВО) ее получили в 01.45, а в штабы армий отправили только в 02.25-02.35. Вместо ранее установленного сигнала «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», на что потребовалось бы несколько минут, в войска пошел зашифрованный документ. А так как на расшифровку в округах и новую шифровку, и затем опять расшифровку в армиях потребовалось, в общей сложности, несколько часов, то до многих соединений его так и не успели донести.

В мемуарах о подготовке этого документа Г.К. Жуков утверждал следующее:

«Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом в Кремль, — сказал И.В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли нам немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, ответил С.К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

— Что будем делать? — спросил И.В. Сталин. Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И.В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И.В. Сталин заметил:

— Таковую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в

которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н.Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И.В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи.

С этой директивой Н.Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 минут 22 июня 1941 года. Копия директивы была передана наркому Военно-Морского Флота».

А ведь красиво получилось у Георгия Константиновича! Когда были написаны его мемуары, генерала армии Ватутина уже не было в живых, а маршалу Тимошенко выгоднее было молчать...

Как известно, одной из главнейших задач военачальника является знание противника. При том он должен правильно представлять его замыслы и постоянно работать с предположением, категорически отбрасывая ложное, чтобы приблизиться к истине.

Перепроверка развединформации и ее сопоставление, как правило, помогает военачальнику проникнуть в замыслы противника. Оценив которого, он только после этого приступает к объективной оценке своих войск. Несмотря на набившие оскомину утверждения, что Сталин не верил в нападение Германии, это неправда. Сталин знал и как глава государства, и как политик, и как Верховный главнокомандующий в последний мирный день отдал соответствующие распоряжения. Другое дело нарком обороны и начальник Генштаба. Получив указание от вождя в устной форме на приведение войск приграничных округов в полную боевую готовность, они проявили преступную медлительность и халатность. Так как облаченные огромной властью и полномочиями они не смогли проявить инициативу и решительность, какую обязаны были проявить военачальники самого высочайшего ранга. В отличие от них нарком ВМФ поступил в высшей степени профессионально, абсолютно в соответствии со своим воинским званием и занимаемой должностью. Проявив необходимую твердость, он сумел взять на себя тот непосильный, как оказалось это для иных, груз ответственности. В результате отсутствие штампов и изобретательность в ускорении принятия решения сыграли свою, самую что ни на есть, положительную роль. ВМФ избежал катастрофы 22 июня 1941 г.

Таким образом, вина маршала Тимошенко и генерала армии Жукова в

известной катастрофе приграничных округов в первые дни войны поистине огромна. Они сделали не все, что от них зависело. И если маршал Тимошенко не оставил нам мемуаров, в том числе и по этой причине, то маршал Жуков, перекладывая в своих мемуарах главную вину на Сталина и оправдывая вместе с собой наркома обороны, абсолютно не искренен.

Безусловно, понять его можно, ведь задним числом ему хотелось подправить исторические события и снять прежде всего с себя часть этой вины. И надо сказать, что до сих пор ему это удавалось. И лишь теперь все становится на свои места.

К слову, впервые с ложью маршала Победы я столкнулся, когда работал над биографией генерала Власова. В мемуарах Георгий Константинович несколько обмолвился о двухсторонней оперативно-стратегической игре на картах в январе 1941 г. В частности, там он писал: «Надо отдать должное Генеральному штабу: во всех подготовительных для игры материалах были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе.

На западном стратегическом направлении игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Состав фронтов: западная (“синяя”) сторона — свыше 60 дивизий, восточная (“красная”) — свыше 50 дивизий. Действия сухопутных войск поддерживались мощными воздушными силами.

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 г., когда на Советский Союз напала фашистская Германия... (...) Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К.Л. Мерецков. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе “синих” в начале игры, особенно в танках и авиации, И.В. Сталин, будучи раздосадован неудачей “красных”, остановил его, заявив:

— Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск».

Но как оказывается, все было несколько не так. По условиям первой игры «западные» 15 июля 1941 г. осуществили нападение на «восточных», а к 23-25 июля достигли рубежа Шяуляй, Каунас, Лида, Скидель, Осовец, что в 70-120 км от государственной границы. Затем по заданию «восточные» нанесли удар к 1 августа и отбросили противника с указанного рубежа в исходное положение.

Лишь с этого положения разыгрались дальнейшие действия сторон.

Во второй игре: Юго-Восточный фронт «западных» после вторжения на территорию «восточных» на рубеже Львов, Ковель, что в 50-70 км от

государственной границы, был встречен «сильным контрударом «восточных»». «Противник потерял до 20 пехотных дивизий и к 8 августа 1941 г. отошел на заранее подготовленный рубеж». Вот только каким образом «восточным» удалось не только отбросить противника к государственной границе и частично перенести боевые действия на его территорию, до сих пор остается загадкой! Дело в том, что Юго-Западный фронт «восточных» во второй игре армиями правого крыла вышел на реках Висла и Дунаец, продвинувшись на глубину 90-180 км западнее государственной границы.

Сам собой напрашивается вывод: на этих играх их участники совершенно не рассматривали ситуацию, которая могла сложиться в первых операциях в случае нападения противника. И как факт: вопросы, связанные с действиями в начальный период войны, в учебных целях этих игр не значились, а потому и не рассматривались. Все это стало известно благодаря официальной справке об оперативно-стратегических играх, подготовленной группой военных историков Института военной истории Министерства обороны в 1993 г. под руководством генерала В.А. Золотарева.

Уже после войны маршал Жуков рассказал в беседе писателю К. Симонову про игру следующее: «В этой игре я командовал “синими”, играл за немцев. А Павлов, командовавший Западным военным округом, играл за нас, командовал «красными», нашим Западным фронтом. На Юго-Западном ему подыгрывал Штерн. Взяв реальные исходные данные и силы противника — немцев, командуя “синими”, развил операцию именно на тех направлениях, на которых потом развивали их немцы. Наносил свои главные удары там, где они их потом наносили. Группировки сложились так, как они потом сложились во время войны. Конфигурация наших границ, местность, обстановка — все подсказывало мне именно такие решения, которые они потом подсказали немцам. Игра длилась около восьми суток. Руководство игрой искусственно замедляло темпы продвижения “синих”, придерживало его. Но «синие» и на восьмые сутки продвинулись до района Барановичей, причем, повторяю, при искусственно замедленном темпе продвижения».

Почему полководец и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков лукавил в этой беседе с писателем теперь понятно. Он придерживался своей мемуарной версии. Можно допустить, что какие-то моменты за давностью лет он просто запамятовал, но ведь в целом все было абсолютно не так. Может быть, Георгий Константинович думал, что потомки никогда не прочитают документы этой игры? Может быть! Тем более что сладкая ложь

всегда приятнее горькой правды! Увы, суд истории вечен. И как раз это обстоятельство не учел наш полководец.

Писатель В. Карпов в своей первой книге трилогии «Маршал Жуков», касаясь учебных игр 41-го, пошел по ложному пути вслед за маршалом: «Первая игра проводилась со 2 по 6 января. Как говорит Жуков, эта игра преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны. Исходя из этого, разработчики показали на картах реальной местности (там, где была наша советско-германская граница) расположение и силы сторон, приближенные к тем, которые были в действительности «западные», например, наносили удар силами до 140-150 дивизий. Жуков, командуя «западными», расположил свои силы в Восточной Пруссии и решил наступать в направлении Рига-Двинск вдоль побережья Балтийского моря. Он ввел сначала шестьдесят дивизий, а затем, когда «восточные» нанесли ему контрудар и стали теснить назад, Жуков, как он это и предусмотрел, отвел свои войска, участвовавшие в первоначальном ударе, на мощные приграничные позиции, усилил их здесь своими главными частями, которые держал в резерве, и затем перешел в стремительное наступление.

Обычно на всех играх побеждали «красные», посредники и руководитель учений уже традиционно привыкли делать выводы в пользу своих, «восточных» войск. Но в этой игре Жуков так распределил и направил свои войска, что при всем желании нельзя было отдать предпочтение действиям «красным».

Жуков «нанес» такой сильный удар, что пришлось, хотели того или не хотели руководители, признать: успех на стороне «западных».

Вторая игра была проведена с 8 по 11 января 1941 г. Здесь тоже Жуков командовал «западной» стороной, а Павлов — «восточной». Но тема, как я уже сказал, была не очень актуальная, она представляла собой отработку овладения укрепленным районом с преодолением предполья и после преследования противника, форсирования р. Вислы.

Во второй игре в исходной обстановке противником было дано равенство сил, причем «восточным» предписывалась активная наступательная тактика с попыткой окружения «западных», но Жуков сумел, создал сильные резервы, не допустить этого окружения».

Здесь уважаемый писатель и ветеран войны несколько поправил Г.К. Жукова и указал на две игры, но суть от этого ничуть не изменилась. Видимо, В. Карпов сложил воедино рассказ Жукова с некоторыми подробностями двух игр. Поэтому и получилось не то, как было на самом

деле.

Во-первых, руководил играми — нарком обороны Герой Советского Союза Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, а вместе с ним в первой — 15 генералов (в т.ч. бригадных врачей) и три маршала, а во второй — 11 военачальников, включая трех маршалов.

В первой игре «восточными» («красными») командовал командующий Западным особым военным округом Герой Советского Союза, генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов (в группе 24 генерала, 1 контр-адмирал и 3 старших офицера).

«Западными» («синими») командовал командующий Киевским особым военным округом Герой Советского Союза генерал армии Г.К. Жуков (в группе 18 генералов, 1 контр-адмирал и 2 старших офицера).

Во второй игре «восточными» командовал Г.К. Жуков (в группе 29 генералов), а «западными» — Д.Г. Павлов (18 генералов).

Во-вторых, как мог генерал Жуков в первой игре отвести свои войска, усилить их резервами и перейти в наступление, если «западные», осуществив 15 июля 1941 г. нападение на «восточных», к 23-25 июля достигли рубежа Каунас, Лида, Скидель, Осовец, но затем под ударами «восточных» к 1 августа были отброшены с указанного рубежа в исходное положение (РГВА. Ф.37977, оп.5, д.564, л.32,34; д.365, л.13) и уже с этого положения разыгрывались дальнейшие действия сторон. Таковы были условия игры.

В-третьих, во второй игре генерал Жуков командовал уже не «западными», а «восточными». И тут нечто вроде истины, но уже исторической: «Юго-Восточный фронт “западных” после вторжения на территорию “восточных” на рубеже Львов, Ковель был встречен «сильным контрударом “восточных”... и, потеряв до 20 пд, к исходу 8.8.1941 отошел на заранее подготовленный рубеж (РГВА.Ф. 37977, оп. 5, д. 570, брошюра 14, л.1-2)». Вот только теперь, и то условно, победил Г.К. Жуков, но как было сказано выше, до сих пор непонятно, каким образом ему («восточным») удалось не только отбросить противника к госгранице, но местами и перенести военные действия на его территорию?

В-четвертых, вопросы действий войск в начальный период войны в учебных целях игр не значились и не рассматривались. А значит, лукавил в мемуарах и в беседах Г.К. Жуков. К сожалению, повторил это лукавство и писатель В. Карпов.

Согласимся, что между тем, что говорят и тем, что было на самом деле, разница значительная. Так, где же истина?

Созданные в играх группировки войск сторон соответствовали

утвердившимся осенью 1940 г. взглядам советского стратегического руководства, согласно которым Германия с целью захвата Украины может сосредоточить свои главные силы (110-120 пехотных дивизий, основную массу танков и самолетов) на юге в районе Седлец, Люблин для нанесения главного удара в общем направлении на Киев, а из Восточной Пруссии, где будет сосредоточено 50-60 немецких пехотных дивизий, может последовать вспомогательный удар.

Специалисты Института военной истории установили: «В документах первой игры так и указывалось, что Северо-Восточный и Восточный фронты “западных” (до 60 пехотных дивизий), действующие к северу от Демблина до Балтийского моря, предприняли наступление “в интересах главной операции”, проводимой к югу от Бреста, где развернуты главные силы “западных” — до 120 пехотных дивизий, а вместе с их союзниками — до 160 пехотных дивизий (РГВА. Ф.37977, оп.5, д.564, л.32).

Но начало Великой Отечественной войны показало, что в январе 1941 г. оперативно-стратегическое звено командного состава РККА разыгрывало на картах такой вариант военных действий, который реальными “западными”, то есть Германией не намечался.

Обращает на себя внимание и такой факт: в обеих играх действия сторон на направлениях Брест, Барановичи (Восточный фронт “западных”) и Брест, Варшава (Западный фронт «восточных») не разыгрывались. Между тем и в планах советского стратегического руководства, и в документах первой игры отмечалась опасность ударов противника из районов Сувалки и Брест в направлении Барановичи (РГВА. Ф.37977, оп.5, д.569, брошюра 5, л.238). Известно, что удары гитлеровцев именно из этих районов в начале Великой Отечественной войны привели к окружению советских войск в Белостоком выступе».

Но вернемся в кремлевский кабинет вождя. Последними от него в 23.00 вышли Молотов, Воронцов (находился почти 4 часа), Берия. В последующие два часа Сталин, по обыкновению, занимался государственными делами, отдавая распоряжения по телефону. Например, московским руководителям Щербакову и Пронину он приказал задержать секретарей райкомов партии, которым было запрещено выезжать в город. «Возможно нападение немцев», — лично предупредил он.

А около часа ночи уехал на дачу в Кунцево и лег спать...

3. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

В час ночи 22 июня 1941 г. командующего Белорусским особым военным округом генерала армии Д.Г. Павлова срочно вызвали в штаб. На нем был китель цвета хаки с ромбовидными петлицами красного цвета и пятью металлическими золочеными звездочками на каждой из них. На груди красовались медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, три ордена Ленина, два Красного Знамени, медаль «XX лет РККА» и депутатский значок. В свой кабинет он вошел с величественным видом, который подчеркивали гладко выбритая массивная голова, жестковатое с крупными чертами лицо и ширококостная фигура с чертами недавно появившейся респектабельности. Из Москвы на связь вышел сам нарком.

— Ну, как у вас, спокойно? — поинтересовался маршал Тимошенко.

— Очень большое движение немецких войск, товарищ нарком, наблюдается на правом фланге. По донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувальский выступ шли непрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов-Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения. На других участках фронта меня особенно беспокоит группировка «Бялоподляска», — привычным голосом доложил командующий.

В трубке наступила пауза, а затем твердый голос наркома как-то необычно распорядился:

— Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но, смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните.

Выполняя указание, генерал Павлов тут же вызвал к аппарату «ВЧ» всех командующих армий, которым приказал явиться на рабочие места вместе с начальниками штабов и оперативных отделов.

Дмитрий Григорьевич Павлов родился в 1897 г. в крестьянской семье деревни Вонюх Костромской губернии. В 1916 г., будучи старшим унтер-офицером, раненым попал в плен. Через три года вступил в Красную Армию и в 1920 г. окончил Костромские пехотные курсы. Командовал взводом, эскадроном, был помощником командира полка. Учился в Омской военной школе и командовал 10-м кавалерийским полком. В Горном Алтае воевал с атаманами, а с 1923 г. в Туркестане с басмачами.

Три года учился в Военной академии имени М.В. Фрунзе. В 1929 г. командовал полком в боях на КВЖД. В 1931 г. учился на Ленинградских курсах технического усовершенствования, а по их завершении назначается командиром 6-го механизированного полка 6-й мехбригады. Следует обратить внимание на то, что командование полками для Павлова затянулось на очень долгий срок. В сущности, до 1936 г., когда он уехал в республиканскую Испанию главным советником танковых войск. Именно там, где война была абсолютно далека от масштабов современной войны, Дмитрий Григорьевич становится знаменитым. Звание Героя, воинское звание ком кора и два высоких ордена вознесли командира полка на должность заместителя начальника Автобронетанкового управления РККА. А через три месяца уже на должность начальника. К слову сказать, боевой опыт в Испании преувеличивали и превозносили. На самом же деле танки в этом конфликте использовались обычно малыми группами или вообще в одиночку. А в сущности, усиливая пехоту, они не могли внести в природу современного боя ничего нового. Как писал Г.С. Иссерсон, «современная танковая атака, поддержанная всеми средствами борьбы, не получила в Испании своего осуществления и не могла ее там получить из-за недостатка в необходимом количестве и качестве машин». Однако тогда в советском военном, да и политическом руководстве так не считали. В финской кампании Павлов командовал Резервной группой всего полтора месяца, а с 8.02 по 29.02 находился в подчинении командующего войсками Северо-Западного фронта. И там его боевой опыт оказался еще более сомнительным. Тем не менее в 1940 г. Сталин присваивает ему звание генерал-полковника и назначает его командующим войсками Белорусского военного округа (с июля 1940 г. Западного особого ВО).

В обычный субботний вечер 21 июня бойцы и командиры частей Западного особого военного округа находились на отдыхе. Одни смотрели кинокартины, другие спектакли и выступления коллективов художественной самодеятельности. А в это время во дворе Брестской крепости под звуки оркестра производился развод караулов. В хорошем настроении командование округом во главе с Павловым слушало в Доме офицеров оперетту «Свадьба в Малиновке», а командование 4-й армии, разделившись на две группы, вместе с семьями слушало в Бресте оперетту «Цыганский барон» и в Кобрине — концерт художественной самодеятельности.

Директиву №1 Западный особый военный округ получил в 22.06 в 1.45.

Командующим 3-й, 4-й, 10-й армиями, то есть в войска, ее отправили

22.06 в 2.35. В момент получения директивы командующий округом принимал доклады. Вот как он сам рассказывал об этом следователю после ареста: «Согласно указанию наркома, я немедленно вызвал к аппарату ВЧ всех командующих армий, приказав им явиться в штаб армии вместе с начальниками штабов и оперативных отделов. Мною также было предложено командующим привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа и даже недоделанные железобетонные.

На это мое распоряжение Кузнецов ответил, что согласно ранее мною данных указаний, патроны войскам он раздал и в настоящее время приступает к занятию сооружений.

Командующий 10-й армией Голубев доложил, что у него штабы корпусов после военной игры оставлены для руководства войсками на том месте, где им положено быть по плану. Я предупредил Голубева, чтобы он войска держал в полной боевой готовности и ждал моих дальнейших распоряжений.

Коробков — командующий 4-й армией — доложил, что у него войска готовы к бою. Боеготовность Брестского гарнизона он обещал проверить. На это я Коробкову указал, что гарнизон должен быть на том месте, где ему положено по плану, и предложил приступить к выполнению моего приказа немедленно». Но можно ли верить словам Павлова, если, по воспоминаниям начальника штаба 4-й армии Л.М. Сандалова, «отовсюду поступали сведения об изготовившихся на западном берегу Буга немецких войсках. Донесли об этом в штаб округа, но оттуда не следовало никаких распоряжений.

— Я как командующий армией имею право поднять по боевой тревоге одну дивизию. Хотел было поднять 42-ю, но посоветовался с Павловым, а он не разрешил, — сказал Коробков».

Еще более фантастическим выглядит утверждение Павлова, что явившиеся к нему в штаб округа командующий ВВС округа Копец и его заместитель Таюрский доложили... что авиация приведена в боевую готовность полностью и рассредоточена на аэродромах в соответствии с приказом НКО.

Этот разговор с командующими происходил примерно около двух часов ночи.

Около 3 часов 30 минут Павлову снова позвонил нарком обороны и спросил:

— Доложите, что нового?

— Нового ничего нет, — ответил командующий округом. — Связь с армиями у меня налажена товарищ нарком и соответствующие указания

командующим даны. Но есть вопрос.

— Говорите.

— Вопреки запрещению начальником ВВС Жигаревым заправить самолеты бензином «НЗ» и заменить моторы за счет моторов «НЗ», я такое распоряжение отдал Копцу и Таюрскому.

— Хорошо, — сказал Тимошенко и положил трубку.

Почти за час до вторжения в 3 часа 10 минут 22 июня 1941 г., начальник разведывательного отдела штаба Западного округа полковник Блохин послал шифровку в Разведуправление РККА, в которой сообщалось: «1. По имеющимся данным, которые проверяются, основная часть немецкой армии в полосе ЗапОВО заняла исходное положение. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе».

Уже в 2 часа ночи начала действовать вражеская агентура. В некоторых районах Бреста и на железнодорожной станции погас свет и вышел из строя водопровод. Еще через несколько минут произошла авария на электростанции в Кобрине. А через полчаса прекратилась проволочная связь штаба 4-й армии со штабом округа и со всеми войсками.

Только через час она была восстановлена. В 3 часа 30 минут генерала Коробкова к телеграфу вызвал командующий округом. Как вспоминал начальник штаба армии генерал Л.М. Сандалов, «узел связи штаба армии находился в подвале. Здесь при свете керосиновых ламп собрались почти все ответственные сотрудники штаба. Командующий округом сообщил, что в эту ночь ожидаются провокационные нападения немецко-фашистских войск на нашу территорию. Но категорически предупредил, что на провокацию мы не должны поддаваться. Наша задача — только пленить прорвавшиеся немецкие войска. Государственную границу переходить запрещается.

На вопрос командующего армией, какие конкретные мероприятия разрешается провести, Павлов ответил:

— Все части армии привести в боевую готовность. Немедленно начинайте выдвигать из крепости 42-ю дивизию для занятия подготовленных позиций. Частями Брестского укрепрайона скрытно занимайте доты. Полки авиадивизии перебазируйте на полевые аэродромы. До 4 часов командарм успел лично передать по телефону распоряжение начальнику штаба 42-й дивизии и коменданту укрепрайона. А в 4 часа утра немцы уже открыли артиллерийский огонь по Бресту и крепости». Когда в 4 часа 15 минут начальник штаба 42-й стрелковой дивизии докладывал, что противник начал артиллерийский обстрел Бреста, в эти самые минуты

заканчивался прием из штаба округа директивы № 1.

До 4.00 командующий округом генерал армии Павлов все еще принимал доклады от командующих армиями. Так из 10-й доложили, что «все спокойно». Из 4-й: «Всюду и все спокойно, войска выполняют поставленную вами задачу». Из 3-й: «Ничего нового не произошло».

Самым первым поступил доклад по телефону от генерала Кузнецова, который доложил:

— На всем фронте артиллерийская и оружейно-пулеметная перестрелка. Над Гродно до 50-60 самолетов бомбят штаб, я вынужден уйти в подвал.

— Вводите в дело «Гродно-41» и действуйте не стеснясь, заняв со штабом положенное место, — приказал Павлов.

Когда генерал Коробков докладывал Павлову после 4.00 о спокойствии на своем участке, он еще не знал, что немцы бомбят Брест и крепость. Только через несколько минут он передал:

— На Кобрин налетела авиация, на фронте страшная артиллерийская стрельба.

— Вводите в дело «Кобрин-41», начинайте действовать с полной ответственностью.

Все доклады из армий Павлов тут же доложил наркому обороны.

— Действуйте так, как подсказывает обстановка, — коротко ответил маршал Тимошенко.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В Западном особом военном округе войска первого и второго эшелонов армий прикрытия дислоцировались в пунктах постоянной дислокации. Наиболее дееспособные войска армии находились в белостокском выступе вблизи границы в лагерях и казармах. Из внутренних районов округа (150-400 км от госграницы) к государственной границе выдвигались стрелковые корпуса 2-й (100-я, 161-я стрелковые дивизии), 47-й (55-я, 121-я, 143-я стрелковые дивизии), 44-й (62-я и 108-я стрелковые дивизии), 21-й (17-я, 37-я, 50-я стрелковые дивизии). Управление 13-й армии, предназначенное для объединения 49-й, 113-я стрелковых дивизий и 13-го механизированного корпуса, которое планировалось для прикрытия государственной границы, продолжало оставаться в Могилеве.

Части 30-й танковой дивизии проводили тактические учения, 42-я стрелковая и 22-я танковая дивизии готовились к учению, которое было отменено в последние часы перед началом войны. Зенитные артиллерийские части 4-й армии находились в окружном лагере под Минском.

Непосредственно на границе, осуществляя ее охрану, находились только пограничные войска. Здесь же, не имея оружия, на строительстве укрепленных районов были заняты инженерные части и подразделения, а также выделенные для этих работ стрелковые войска из дивизий первого эшелона.

Всего имелось 8 стрелковых, 6 механизированных корпусов и кавалерийский корпус (24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

В соответствии с планом «Барбаросса» против войск Западного фронта начала наступление группа армий «Центр» с тем, чтобы окружить и в последующем уничтожить советские войска в районе между Белостоком и Минском.

ВВС Западного ОВО состояли из 9-й (Белосток), 10-й (Кобрин), 11-й (Лида) смешанных авиационных дивизий, 12-й (Витебск) и 13-й (Бобруйск) бомбардировочных авиадивизий, 43-й (Болбасово) истребительной авиадивизии, 313-го (Слепянка) и 314-го (Барановичи) отдельных разведывательных авиаполков, 9 эскадрилий корректировочной авиации. В стадии формирования находились 59-я и 60-я истребительные и одна бомбардировочная дивизии. Всего имелось 1789 самолетов: 870 истребителей, 695 бомбардировщиков, 70 штурмовиков, 154 разведчика. Кроме того, в состав ВВС округа входил 3-й дальнебомбардировочный авиакорпус (Смоленск), состоявший из 52-й (Шаталово) и 42-й (Боровское) дальнебомбардировочных авиадивизий (295 самолетов).

Для решения поставленных задач группа армий «Центр» имела 2 танковые группы и 2 полевые армии, в составе которых насчитывалась 51 расчетная дивизия. 8 дивизий противника были сконцентрированы на участке в 70 км для удара в стык 10-й и 4-й советских армий. На участках прорыва противнику удалось достичь 3-4-кратного превосходства. Над советскими войсками авиационная поддержка группы армий осуществлялась 2-м воздушным флотом, имевшим в своем составе более 1200 самолетов.

Первый доклад о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов прозвучал от командующего Черноморским флотом

адмирала Ф.С. Октябрьского. Вот как об этом вспоминал маршал Жуков: «Под утро 22 июня Н.Ф. Ватутин и я находились у наркома обороны С.К. Тимошенко в его служебном кабинете в наркомате обороны.

В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС (имеется в виду Служба воздушного наблюдения, оповещения и связи. — Примеч. ред.) флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Я спросил адмирала:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с С.К. Тимошенко, я ответил Ф.С. Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М.А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф.И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить И.В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала Управления охраны.

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будите немедленно: немцы бомбят наши города! Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили:

— Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И.В. Сталин. Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И.В. Сталин молчит. Слышу лишь его дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И.В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро». Так всегда рассказывал Георгий Константинович, предпочитая не изменять одной версии, которой, впрочем, никто и никогда не возражал. Но вот появились дневники Буденного, и все встало на свои места. Цитирую: «В 4.00 22.06.41 г. мне позвонил нарком т. Тимошенко и сообщил, что немцы бомбят Севастополь. И нужно ли об этом докладывать Сталину? Я ему сказал, что немедленно надо доложить, но он попросил: “Звоните вы”. Я тут же позвонил (уже из кабинета наркома) и сообщил не только о Севастополе, но и о Риге, которые немцы тоже бомбят.

Вечером 22-го мы с Маленковым выехали в Брянск».

Когда Сталин появился в Кремле, все обратили внимание на его заspanный вид. Рябое лицо осунулось, и было заметно его подавленное настроение. Уставший, утомленный и грустный, он все же легким движением руки ответил на приветствие управляющего делами правительства Я.Е. Чадаева. На часах было 5 часов 30 минут.

Заседание Политбюро началось в 5 часов 45 минут утра. В это время в кабинете вождя собрались Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис и Жуков. Только в 7.30 подошли Маленков и Вышинский, в 7.55 Микоян, в 8.00 Каганович и Ворошилов.

Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руке не набитую табакот трубку. После доклада обстановки наркома и начальника Генштаба он неожиданно спросил:

— Не провокация ли это немецких генералов?

— Немцы бомбят наши города. Какая это провокация? — ответил Тимошенко.

— Надо срочно позвонить в германское посольство, — сказал Сталин.

После звонка там ответили, что господин посол просит принять его для срочного заявления. Когда Молотов вышел принять его в своем кабинете, генерал Н.Ф. Ватутин доложил о том, что германские сухопутные войска после сильного артиллерийского огня перешли границу на ряде участков северо-западного и западного направлений. Эту информацию доложили Сталину и попросили разрешить дать войскам приказ — немедленно организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику.

— Подождем возвращения Молотова, — ответил вождь. Было уже около 7.00, когда вошел Молотов и с порога громко сказал:

— Германское правительство объявило нам войну!

Сталин тут же присел на стул и задумался. Наступила, как показалось присутствующим, тяжелая пауза. Молчали все. Тишину нарушил Тимошенко, предложив немедленно обрушиться на противника всеми имеющимися в приграничных округах силами.

— Давайте директиву, — сказал Сталин, поднявшись со стула. В 7 часов 15 минут 22 июня директива Главного военного совета за № 2 была отправлена в войска.

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия нар. ком Воен. мор. флота.

22 июня 1941 г. в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100-150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территории Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Тимошенко, Маленков, Жуков».

Например, в штаб 4-й армии она поступила только в 18 часов. В это время немецкие танковые дивизии углубились на советскую территорию на 25-30 км.

Следует отметить, что в это время Сталин был введен в заблуждение докладами военных, которые не знали истинной обстановки в приграничных округах. Точно так же, как не знали ее командующие фронтами. Он не мог себе даже представить, как обманули его военачальники. Зная о нападении Германии, он дал им соответствующие распоряжения, но нарком и начальник Генштаба проявили преступную халатность и не успели привести войска в высшие степени боевой готовности. Сталин не знал, что хваленая и гигантская по своим масштабам

Красная Армия не способна обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили границу. При этом его колебания и сомнения по поводу начала войны не имеют к этому никакого отношения. Он не приказывал: не стрелять! Он не приказывал не оборонять советскую границу. Наконец, он не давал распоряжений молча наблюдать за движением, пусть даже и провокационным, наступающей германской армии. Он сомневался в глупости Гитлера, но при этом был уверен, что Красная Армия сдерживает врага на установленных ей для этого рубежах.

Боевое донесение штаба Западного особого военного округа начальнику Генерального штаба Красной Армии за №001/оп 22 июня 1941 г. было отправлено в 4 часа 20 минут.

В нем говорилось:

«Первое: 3-я армия — до 60 самолетов немцев бомбят Гродно. Наша авиация завязала воздушные бои.

Второе: 10-я армия — группа диверсантов перешла границу, из них 2 убито, 2 ранено, 3 захвачено в плен, один бежал.

Третье: 4-я армия — в 4.20 началась бомбежка Бреста. Количество не выяснено.

Четвертое: по всей границе, по данным постов ВНОС, — артиллерийская перестрелка.

Пятое: приказано поднять войска и действовать по-боевому.

Начальник штаба Западного особого военного округа.

Генерал-майор Климовских».

Но только в 5 часов 25 минут генерал армии Павлов отдал своим войскам приказ: «Командующим 3-й, 10-й и 4-й армиями.

Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю:

Поднять войска и действовать по-боевому».

Вполне вероятно, что этот приказ войска не получили, т.к. проводная связь была выведена из строя немецкими диверсантами, а радиостанции на узлах связи были разбиты под ударами немецкой авиации.

Несмотря на то что Павлов после доклада наркому обороны отдал распоряжение штабу вступить в связь. Эта связь (ВЧ) со всеми армиями была прервана.

Около 5 часов по междугородному телефону обходными линиями обстановку доложил командующий 3-й армией Кузнецов:

— Войска противника сдерживаются. Сопецкин весь горит, так как по

нему была произведена особо сильная артиллерийская стрельба. На этом участке противник перешел в наступление. Пока атаки отбиваем.

Около 7 часов прислал радиogramму командующий 10-й армией Голубев: «На всем фронте идет оружейно-пулеметная перестрелка, и все попытки противника углубиться на нашу территорию отбиты».

Заместитель начальника штаба фронта генерал Семенов доложил:

— Ломжа противником взята, но контрударом 6-й кавдивизии противник снова из Ломжи выбит.

С этого времени радиосвязь со штабом 10-й армии начала работать с перерывами.

Павлов запросил точно указать положение ее частей.

Штаб 10-й армии шифром доложил:

«Части на фронте успешно отражают атаки противника, нанося ему огромный урон. Против частей 10-й армии действует пехота противника с сравнительно небольшим количеством танков и что быстрым ударом в районе Семятичи был застигнут и окружен противником батальон связи 113-й дивизии. Противник на этот участок вывел крупные мехчасти, и наши войска ведут с ними упорный бой. В некоторых местах наша пехота под давлением танков противника отходит в общем направлении на Брянск...

Командующий 10-й армией бросает в атаку танкистов 13-го мехкорпуса (там было около 200 танков всего) и привлекает весь корпус для участия в общем бою и... намечает использовать для удара и 6-й мехкорпус, который ему также был подчинен».

Оценив обстановку Павлов понял, что «противник сковывает действия 10-й армии действиями своей пехоты с незначительным количеством танков с фронта и стремится нанести более мощный удар с направления Дрогочин, Нагайновка или севернее к горловине между Беловежской пущей и Супрунскими лесами».

В связи с этим он дал указание: «Противотанковую бригаду немедленно вывести на свое место и развернуть в районе западнее Михалово, рубеж южнее Белостока...

Ввод 6-го мехкорпуса в бой должен быть произведен для самого сильного удара, предложив... разобраться в обстановке и в соответствии с нею действовать».

Своего заместителя генерал-лейтенанта Болдырева он направил на помощь генералу Голубеву в 10-ю.

Директивные указания Ставки Павлов получал исправно. Сводки в адрес наркома от него также отправлялись вовремя.

Вскоре из штаба 4-й армии поступили отрывочные данные о том, что армия в районе Жабенко собирается наносить контрудар противнику. В этот момент она находилась уже в 30 км от Бреста. Недоумевая, Павлов запросил командующего Коробкова. Тот ответил: «Связь с 49-й и 75-й стрелковыми дивизиями потеряна. Место расположения 75-й дивизии знает и поддерживает с нею связь делегатами. К контратаке готовится корпус Сборина против очень крупных механизированных сил противника. Результат атаки доложу».

Одна только Жабинка в этот день до 7 раз переходила из рук в руки. И все же под давлением мехчастей 4-я армия начала отход на Кобрин.

Радиотелеграммой Павлов приказал не самовольничать и легко не бросать рубежи: «Драться на каждом рубеже до разрешения на отход штаба фронта».

И туда же в 4-ю послал делегатов, «которые имели прямое указание в категорической форме потребовать от штаба 4-й армии руководства и управления войсками, предложив командующему и начальнику штаба армии за обоюдными подписями сообщать, где какие части находятся и в каком состоянии».

На помощь Коробкову Павлов направил всю 113-ю стрелковую дивизию. Для ускорения ее переброски выделил целый автомобильный полк.

Не ладилось и в 3-й армии. Во второй половине дня ее командующий доложил: «Из трех имеющихся у него радиостанций — две разбиты, а одна оставшаяся повреждена». Просил подбросить радиостанцию. Его части оставили Сопецкин. С дрожью в голосе генерал Кузнецов заявил, что, по его мнению, от 56-й стрелковой дивизии остался номер. 85-я дивизия, развернувшись на рубеже западнее Гродно, под давлением тяжелых танков противника, начала отход на юг, юго-восток. Однако контратакой танковой дивизии Стеклова Кузнецов делал попытку восстановить положение этой дивизии.

На правом фланге 3-й армии положение, по мнению командующего фронтом, складывалось катастрофическое. Разрозненные части в районе (севернее Гродно) с трудом сдерживали натиск противника, а стрелковый полк, находящийся между Коце и Друскеники, был смят ударом с тыла очень крупных механизированных частей.

Далее Кузнецов доложил:

— Я чувствую, что нам придется оставить Гродно. В случае чего, как быть со складами и семьями начсостава? Многие из них уже остались у противника.

— При оставлении каких-либо пунктов — склады и все добро, которое нельзя вывезти, уничтожить полностью,- ответил Павлов.

Когда Кузнецов спросил его еще раз про семьи, он сказал: — Раз застал бой, сейчас дело командиров не о семьях заботиться, а о том, как ведется бой...

С рассветом со стороны немецко-фашистских войск внезапно был открыт артиллерийский огонь. Как вспоминал генерал Л.М. Сандалов, «наиболее интенсивный огонь велся по военным городкам в Бресте, и особенно по Брестской крепости, которая была буквально покрыта разрывами артиллерийских снарядов и мин. (...) Наиболее сильный артиллерийский и минометный огонь велся по цитадели крепости.

Кроме дивизионной артиллерии 45-й пехотной дивизии, для артиллерийской подготовки противник привлек девять легких и три тяжелых батареи, батарею артиллерии большой мощности и дивизион мортир. Кроме того, командующий 12-м армейским корпусом сосредоточил по крепости огонь двух дивизионов мортир 34-й и 31-й пехотных дивизий.

Военный городок южнее Бреста, где дислоцировалась 22-я танковая дивизия, Северный военный городок в Бресте, где размещался корпусной артиллерийский полк и некоторые части стрелковых дивизий 28-го корпуса подверглись массовой артиллерийской обработке в течение часа. Для корректирования артиллерийского огня на участке Влодава, Семятиче немцы подняли аэростаты наблюдения».

Приказ командующего 4-й армии Коробкова о выводе из крепости частей 42-й стрелковой дивизии был отдан по телефону с 3 часов 30 минут до 3 часов 45 минут. Поэтому до начала боевых действий его выполнить не успели.

Лишь только начальник штаба этой дивизии собрал командиров частей, чтобы вручить им распоряжение, как началась война. Самого же командира дивизии разыскать не смогли...

Эта дивизия была передислоцирована в Брестский гарнизон весной 1941 г. А вместе с развернутой в дивизию танковой бригадой, число войск Бреста увеличилось в 4 раза. Кроме того, окружной госпиталь по-прежнему находился в крепости.

Тогда же командующий округом генерал Павлов приказал для размещения личного состава приспособить часть складских помещений и даже восстановить некоторые форты крепости, взорванные в 1915 г. В нижних этажах казарм устанавливались нары в четыре яруса. Как вспоминал генерал Сандалов, «хозяйственные соображения побороли у

Павлова оперативные. А мы, командование 4-й армии, отнеслись к такому оперативно-невыгодному и даже больше того — опасному размещению войск, мягко выражаясь, примиренчески». И это притом, что в пунктах, указанных Генеральным штабом, частям корпуса пришлось бы ориентироваться в основном на бараки и землянки. То есть Павлов, размещая войска в Бресте, думал прежде всего о создании для них наибольших удобств.

Накануне войны в лагерь на учения из Брестской крепости были выведены больше половины подразделений этих двух дивизий — 10 из 18 стрелковых батальонов, 3 из 4 арtpолков, по одному из дивизионов ПТО (противотанковая оборона. — Примеч. ред.) и ПВО, разведбатов и некоторые другие подразделения. На утро 22 июня 1941 г. в крепости находились: «84-й стрелковый полк без двух батальонов, 125-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты, 333-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты, 131-й артиллерийский полк, 75-й отдельный разведывательный батальон, 98-й отдельный дивизион ПТО, штабная батарея, 37-й отдельный батальон связи, 31-й автобатальон и тыловые подразделения 6-й стрелковой дивизии, 44-й стрелковый полк без двух батальонов (в форту 2 км южнее крепости), 455-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты (один батальон из оставшихся в крепости размещался в форту 4 км северо-западнее Бреста), 158-й автобатальон и тыловые подразделения 42-й стрелковой дивизии. В крепости находились также штаб 33-го окружного инженерного полка с полковыми подразделениями, половина окружного военного госпиталя на острове Госпитальном и пограничная застава на острове Пограничном. Кроме того, в бастионном кольце и за стенами крепости проживало большое количество начальствующего состава и сверхсрочников со своими семьями, а также граждан, работавших в частях и учреждениях, расположенных в крепости».

По самым не полным подсчетам, в крепости только военнослужащих находилось более 8000 человек, не считая персонал и пациентов госпиталя.

Рассказывая о героической обороне Брестской крепости, русский писатель Б. Васильев пишет: «Широко известен панорамный снимок Кольцевой казармы в районе Холмских ворот, сделанный с другого берега Буга. Всмотритесь в него: в стенах, выходящих на реку, то есть на Запад, на местах узких проемов-бойниц вы увидите широкие квадратные окна. Их прорубили, когда в крепости стоял польский гарнизон: в казармах не хватало света. В июне 1941-го эти окна оказались на прямом прицеле немецкой артиллерии.

Мне рассказывали уцелевшие бойцы 84-го полка (он размещался в этом участке казарм), что многие снаряды влетали прямо в окна, рвались в помещениях, плотно набитых людьми: именно они и вызывали пожары. Нары 84-го полка были деревянными, тюфяки соломенными: грохот, взрывы, огонь и дым одновременно обрушились на спящих людей. Вот почему так много бойцов оказались босиком, а то и без оружия. Возникла паника, у командиров не было заранее указанных участков обороны, у бойцов — ясного представления, куда отходить и что делать.

Немцы воспользовались этой растерянностью. Сходу заняв Тереспольское укрепление, их третий батальон 45-й пехотной дивизии сумел захватить мост через Буг, Тереспольские ворота и ворваться в цитадель, где занял церковь и столовую комсостава. Одновременно с 45-й дивизией Буг форсировали фланговые 31-я и 34-я пехотные дивизии, обойдя крепость с севера и юга. Уже в первой половине дня крепость была окружена. Однако защитники быстро пришли в себя, самостоятельно добывая оружие и группируясь возле своих и чужих командиров.

Сопrotивление возглавил заместитель командира 84-го стрелкового полка по политчасти полковой комиссар Ефим Фомин.

Под командованием замполитрука Самвела Матевосяна, назначенного Фоминым своим заместителем, была предпринята контратака, в результате которой немцев выбили из церкви и Тереспольских ворот. Однако противник продолжал активные действия:

Только в цитадели бойцы отразили 8 мощных атак в первый день войны».

Как вспоминал Л.М. Сандалов, «особенно большие потери имели части и подразделения, находившиеся в центральной части крепости (цитадели).

Для выхода из крепости на восток можно было использовать только одни северные ворота, по ним противник сосредоточил наиболее сильный артиллерийский огонь. Поэтому выйти из цитадели смогли лишь отдельные подразделения, которым вывезти какую-либо материальную часть не удалось. Не смог вырваться даже разведывательный батальон 6-й стрелковой дивизии, имевший на вооружении легкие танки и бронемашины».

Например, «22-я танковая дивизия 14-го механизированного корпуса, дислоцировавшаяся в Южном городке г. Бреста, потеряла от огня противника при выходе из городка большую часть танков, свыше 50% автомобилей, все запасы боеприпасов и горючего, 20% личного состава. Штат этого корпуса лишился всех средств связи. Артиллерийский обстрел

и бомбардировка противника сорвали организованный сбор по тревоге и развертывание частей 28-го стрелкового корпуса, многие из которых находились в самом Бресте. Особенно большие потери понесли 6-я и 42-я стрелковые дивизии. До 50% войск, находившихся в крепости, было выведено из строя».

С 5 до 6 часов противник наносил массированные авиационные удары по штабам и складам 4-й армии. Самый первый налет на штаб этой армии авиация противника произвела в 5 часов 10 минут, а в 6 часов повторно. За это время штабы армии потеряли почти все средства связи, а под развалинами зданий были похоронены все их документы. Уцелел лишь узел связи штаба армии, который располагался в подвале.

«Из правофланговой 3-й армии с 4 до 10 часов утра было получено в штабе фронта всего три боевых донесения, а затем связь прервалась и возобновилась лишь к исходу второго дня войны, — писал профессор ВА Анфилов. — В первом боевом донесении, подписанном командующим армией генерал-лейтенантом В.И. Кузнецовым, членом Военного совета армейским комиссаром 2 ранга Бирюковым и начальником штаба генерал-майором Кондратьевым в отправленном в 4 часа 45 минут, сообщалось: «Противник в 4.00 22.6.41 г., нарушил (!) госграницу на участке от Сопецкин до Августов, бомбит Гродно, в частности, штаб армии. Проводная связь с частями нарушена, перешли на радио, две радиостанции уничтожены. Действуем в точном соответствии с директивой №002140 по прикрытию госграницы».

Во втором донесении, отправленном в 8 часов 30 минут, когда обстановка более или менее прояснилась, и подписанном только начальником штаба, никаких упоминаний о «действиях в точном соответствии с директивой по прикрытии госграницы» нет.

В нем отмечается:

«1. Противник в 4.00 22.6.41 г. открыл артиллерийский огонь по нашим войскам, расположенным у границы. С 4 часов через каждые 20-30 минут — налеты авиации по 3-5 самолетов. Бомбят Гродно, Сопецкин и, в частности, штаб армии.

В 7 часов 15 минут 16 самолетов бомбили Гродно на высоте 1000 м. В Гродно пожары. С 4 часов 30 минут до 7 часов произведено 4 налета на аэродром Новы Двур группами 13-15 самолетов... В районе Гродно нашими истребителями и зенитной артиллерией сбито два бомбардировщика... Проводная связь порвана, радиосвязь до 8 часов не установлена.

В части высланы делегаты связи».

В третьем донесении, подписанном тем же Кондратьевым и отправленном в 10 часов 15 минут, указывается: «Противник прорвал наши войска и овладел Сопоткин, Голынка и Липск. Налеты авиации на Гродно продолжаются. Части 3-й армии сдерживают наступление, отходят...»

Из 10-й армии, находившейся в центре Западного фронта в Белостокском выступе, за весь первый день было получено Павловым лишь одно боевое донесение, отправленное в 10 часов 5 минут и подписанное командующим армией генерал-майором К.Д. Голубевым...

«Противник с 5 часов после часовой артиллерийской подготовки, — говорилось в нем, — по всему фронту перешел в наступление и к 8 часам, по отрывочным данным с фронта, части противника заняли Граево, Конты, Новогруд. В 7 часов 30 минут танки противника проникли в Цехановец. С 4 до 6 часов противник бомбил Белосток силой до 60 самолетов: аэродром, военный городок и штаб 6-го мк. В то же время противник бомбил Ломжа и передовые аэродромы... С 8 часов организовал разведку частями 6-го и 13-го мк с целью уяснения положения на фронте и установления соприкосновения с танковыми частями противника для нанесения контрудара...

Получены сведения о высадке небольшого авиадесанта в Браньск».

Судя по этому донесению, командующий 10-й армией вообще не знал, в каком положении находятся войска первого эшелона.

Не знал этого и командующий 4-й армией, прикрывавшей брестское направление, на котором наносили удар войска фельдмаршала Клюге и 2-й танковой группы Гудериана. Лавина вражеских танков, поддерживаемых авиацией, устремилась на восток. (...)

Получив из штаба округа около 12 часов ночи сигнал «всем быть наготове», командарм генерал А.А. Коробков под свою ответственность приказал разослать во все соединения опечатанные «красные пакеты» с инструкциями о порядке действий по боевой тревоге, разработанными по плану прикрытия.

Эти пакеты хранились в штабе армии и не вручались командирам соединений, потому что решение командующего армией не было еще утверждено Военным советом округа. Однако командиры соединений знали содержание документов, находившихся в пакетах, так как участвовали в их составлении. (...)

Первое боевое донесение командующий 4-й армией направил Павлову в 6 часов 40 минут: «Доношу: в 4.15 22.6.41 г. противник начал обстрел крепости Брест и района города Брест. Одновременно противник начал бомбардировку авиацией аэродромов Брест, Кобрин, Пружаны. К 6 часам

артиллерийский обстрел усилился в районе Брест. Город горит. 42-я, 6-я и 75-я стрелковые и 22-я и 30-я танковые дивизии выходят в свои районы. О 49-й сд (стрелковой дивизии. — Примеч. ред.) данных нет... Данных к 6 частям о форсировании противником р. Западный Буг не имею. Штабом перехожу на запасной командный пункт — Буховиче. 22-я танковая дивизия под артиллерийским огнем в беспорядке вытягивается в свой район...»

В боевом донесении, посланном в 11 часов 55 минут и подписанном только начальником штаба 4-й армии полковником Л.М. Сандаловым, сообщалось: «1. К 10.00 22.6 части армии продолжают выходить в районы обороны (49-я 75-я сд), причем гарнизон крепости Брест — 42-я и 6-я сд — потерпел от авиации и артиллерии противника большой урон, в результате которого 6-я сд принуждена была к 7.00 отдать с боями Брест, а разрозненные части 42-й сд собираются...

Противник превосходит в воздухе, наши авиаполки имеют большие (30-40%) потери, штаб армии разгромлен (в Кобрине)...

2. Отдал приказание: а) 28-му ск (стрелковому корпусу. — Примеч. ред.) не допускать дальнейшего продвижения противника на Жабинку.

б) 14-му мк (механизированному корпусу. — Примеч. ред.) в составе 22-й и 30-й тд, сосредоточившемся в районе Видомль, Жабинки, атаковать противника в брестском направлении, вместе с 28-м ск и 10-й смешанной авиадивизией уничтожить его и восстановить положение... связь имеется со штабом 28-го ск и периодическая со штабом 14-го мк».

В 18 часов 30 минут Коробков подписал боевой приказ №02 следующего содержания:

«1. Противник бандитски напал на советские города и потеснил наши части в восточном направлении.

2. Части 4-й армии, продолжая в течение ночи твердую оборону занимаемых рубежей, с утра 23.6.41 г. переходят в наступление в обход Бреста с севера с задачей уничтожить противника, переправившегося через р. Западный Буг...

Атаку начать в 5.00 после 15-минутного огневого налета. Границу до особого распоряжения не переходить».

Вот как оценивалась обстановка и какие действия предпринимались в первый день войны командованием 4-й армии, в полосе которой группа армий «Центр» наносила главный удар. Они убедительно свидетельствуют о том, что Коробков, как и другие командующие армиями, не осознавал мощи удара противника и его воздействия на подчиненные ему войска, о положении которых мало что знал. Если бы он представлял, что творится в

соединениях и частях, подвергшихся ударам противника, то не ставил бы им задач на наступление...»

Что и говорить, если Западный фронт в первый день войны потерял 738 самолетов, из них 387 истребителей и 351 бомбардировщик. На аэродроме сгорело — 528, сбито зенитным огнем — 18, в воздушных боях — 133, не вернулись с заданий — 53. Один самолет разбился в авиакатастрофе, 2 потерпели аварию, 3 совершили вынужденную посадку. Полностью были уничтожены самолеты на 5-ти аэродромах. Только 9-я сад (сводная авиационная дивизия. — Примеч. ред.) потеряла 347 самолетов из 409, 10-я сад- 180 из 231; 11-я сад — 127 из 199. Погибли до конца не сформированные две истребительные авиадивизии.

Когда 7 июля Павлова будут допрашивать, он, вспоминая, будет рассказывать следователю практически по памяти:

«— В следующем донесении штаб 3-й армии сообщил, что противник подошел к Гродно, и наши части оставляют город. По приказанию Кузнецова склады взорваны, армия из этого склада пополнилась снарядами. В этот же день Голубев, чувствуя сильно развивающееся давление противника со стороны Семяточи в направлении на Брянск — Бельск, не разобравшись с обстановкой, донес, что противник находится на подступах к Бельску, в то время как фактически противник дрался еще под Брянском. Голубев принял решение ввести в дело мехкорпус. Оценивая всю обстановку, я усматривал, что штаб 3-й армии оставил Гродно и перешел в Луно, но противник особенного давления и преследования 3-й армии не проявляет. На левом фланге 10-й армии противник ценою больших усилий развивает успех, тесня наши части. На остальных участках 10-й армии все попытки противника перейти в наступление отбиты. В 4-й армии чувствуется полная растерянность командования, потеряно управление войсками, и противник быстро развивает успех, имея осью движения Бобруйско-Брестское шоссе. В соответствии с обстановкой мною было приказано 6-му мотомехполку нанести удар противнику из исходного положения в направлении на Брянск с задачей разгрома мехчасти противника в районе Брянск и по выполнении задач сосредоточить все в районе Волковыск в мое распоряжение. Этот приказ был продублирован делегатами с самолетов и по радио. На участке 3-й армии мы потеряли Августовский район. На участке 10-й армии части оставались в том же районе, где они должны были быть по плану, кроме левого фланга, где противник занял Цехоновец, подходил к Брянску. 4-й армии части дрались за Жабенко, но мне стало известно, что при выходе из Бреста части 42-й и 6-й дивизий и 22-й танковой дивизии были обстреляны огромным

количеством артиллерии противника, который весь свой огонь сосредоточил в первую очередь по домам начсостава, во вторую очередь по улицам и дорогам и по гаражному расположению. Мне известно, что этим огнем противник нанес значительные потери материальной части выходящей из Бреста артиллерии. Это мне известно из доклада командира корпуса и танковой дивизии».

В сущности, Павлову только казалось, что он владеет обстановкой. Ибо это было просто невозможно. Он и его штаб имели о ней весьма прозрачное представление. Все отданные его распоряжения в основном ускоряли выдвижение войск из глубины.

При этом отход войск 3-й и 4-й армий поставил в наитруднейшее положение войска 10-й. Павлов был не в состоянии увидеть, как соединения генерала Голубева оказались в ловушке, которую противник должен был вот-вот захлопнуть. Более того, не замечая угрозы, он решает нанести сильный контрудар из района Белостока по одной из крупных группировок противника...

Когда началась война, город Минск безмятежно спал. Пока еще лишь немногие знали об этом и, прежде всего те, кому было положено по долгу службы. Одним из них был Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко — первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии.

В 4 часа 30 минут утра его разбудил телефон. Звонил генерал армии Павлов:

— Пантелеймон Кондратьевич, в 4 часа германская армия открыла военные действия против наших войск. По всей линии госграницы и особенно у Бреста и Гродно идут бои. Вражеские самолеты бомбят крупные города и важнейшие стратегические объекты западной части страны. Прошу вас незамедлительно прибыть в Военный совет округа. Ровно к 5.30 Пономаренко предложил собрать в ЦК партийных и советских руководителей республики, включая наркомов, а также секретарей Минского обкома партии и председателя горсовета.

В 5.00 на Военном совете генерал армии Д.Г. Павлов и начальник штаба округа генерал-майор В.Е. Климовских сообщили об обстановке, как она рисовалась в тот момент. Павлов проинформировал об указании сверху — ввести в действие необходимые силы с тем, чтобы разбить и выбросить с нашей территории вторгнувшегося врага, но государственную границу не переходить, т.к. возможно, что это не война, а крупная провокация противника.

В 5.40 началось первое заседание бюро ЦК КП(б) Белоруссии с

участием руководящего актива. На нем первый секретарь сообщил о нападении Германии. Сделав обзор самых неотложных военномобилизационных мероприятий, которые было необходимо срочно осуществить, он предложил пока разойтись, чтобы каждому подумать на своих местах о первоочередных действиях и в 9 часов утра собраться вновь для принятия решения по конкретным задачам.

Около 7 часов позвонил Сталин.

— Здравствуйте, товарищ Пономаренко, — совершенно спокойным голосом сказал он. Затем спросил об обстановке и о том, что предпринимает ЦК КЛ (б) Белоруссии в связи с началом войны. После доклада первого секретаря он сказал:

— Сведения, которые мы получаем из штаба округа, теперь уже фронта, крайне недостаточны. Обстановку штаб знает плохо. Что же касается намеченных вами мер, они в общем правильны. Вы получите в ближайшее время на этот счет указания ЦК и правительства. Ваша задача заключается в том, чтобы решительно и в кратчайшие сроки перестроить всю работу на военный лад. Необходимо, чтобы парторганизация и весь народ Белоруссии осознали, что над нашей страной нависла смертельная опасность и необходимо все силы трудящихся, все материальные ресурсы мобилизовать для беспощадной борьбы врагом. Необходимо, не жалея сил, задерживать противника на каждом рубеже, чтобы дать возможность Советскому государству развернуть свои силы для разгрома врага.

Требуйте, чтобы все действовали смело, решительно и инициативно, не ожидая на все указаний свыше. Вы лично переносите свою работу в Военный совет фронта. Оттуда руководите и направляйте работу по линии ЦК и правительства Белоруссии. В середине дня я еще позвоню вам, подготовьте к этому времени более подробную информацию о положении на фронте.

Следующий раз Сталин позвонил в 11.30 и сразу спросил:

— Что вы можете сказать о военной обстановке? Что делает и как себя чувствует товарищ Павлов?

Пономаренко кратко рассказал ему о тяжелой обстановке по данным штаба фронта и сообщениям секретарей обкомов и райкомов партии.

Но на вопрос о генерале Павлове лукавить не стал и выложил, как есть:

— Несмотря на свои положительные качества: военный опыт, большую энергию, безусловную честность, под давлением тяжелой обстановки, особенно из-за утери связи со штабами фронтовых войск он, товарищ Сталин, потерял возможность правильно оценивать обстановку и

руководить сражающимися частями, проявляет некоторую растерянность. Командующий загружен до отказа и, пытаясь решить сотни вопросов и дел, которыми могли бы заниматься его заместители, работники штаба фронта, не сосредотачивается на главных проблемах руководства.

В связи с этим, товарищ Сталин, я бы просил вас, прислать в штаб фронта одного из авторитетных маршалов Советского Союза, который, не будучи поглощен разрешением многочисленных текущих оперативных вопросов, изучал бы внимательно обстановку, продумывал бы неотложные мероприятия и подсказывал их командующему.

— Я уже думал об этом, — ответил Сталин. И тут же добавил: — Сегодня же к вам выезжает маршал Борис Михайлович Шапошников. Имейте в виду: это опытнейший военный специалист, пользующийся полным доверием ЦК. Будьте к нему поближе и прислушайтесь к его советам.

22 июня. Воскресенье. День обещал быть ярким и безоблачным. Медленно всходило солнце. С тихих и уютных дворигов Минска доносился сладковатый запах жасмина. Легкий утренний ветер шелестел листвой деревьев. Улицы и скверы радовали обывателя океаном цветов. Лето было жаркое. И все, как обычно: в 6 утра заговорило радио. Столица СССР — Москва передавала веселые песни, затем — урок утренней гимнастики и передовую статью газеты «Правда».

С утра в почтовых ящиках домов и квартир горожан лежали свежие газеты.

В этот день артисты МХАТа днем должны были показать пьесу Горького «На дне», а вечером — комедию английского драматурга Шеридана «Школа злословия».

Многие минчане собирались отправиться на только что созданное озеро. Ровно в полдень должно было состояться открытие купального сезона и соревнование физкультурников.

«На пляжах, — сообщала газета, — расположатся 6 духовых оркестров, десяток баянистов будет играть на лодках. Парк культуры и отдыха организует для посетителей озера два больших концерта. Для любителей катания на лодках приготовлено 60 шлюпок»

Утром отсыпались выпускники средних школ, которые в изумительную летнюю ночь веселились под такты прощального вальса, позировали фотографам и гуляли до рассвета.

А еще в этот день в Минске и Минском районе планировалось проведение тактических учений с участием местного населения. Весьма

любопытной выглядит и тема занятий: «Охрана и оборона важных объектов города и района от нападения авиадесантных отрядов предполагаемого противника и ликвидация этих отрядов силами местного населения».

Рано утром в окрестностях Минска должны были быть выброшены четыре отряда парашютистов по 10 человек: около аэродрома и рядом с поселками. Парашютисты должны были изображать массовый десант противника, захватывая и разрушая условно: аэродромы, мосты, железнодорожные станции. С противником должны были бороться отряды местной самообороны. Но самое удивительное, что в рамках этих учений в Минске должны были объявить воздушную тревогу с целью проверки работы служб ПВО, светомаскировки, аварийно-восстановительных команд и постов ВНОС.

Все как обычно было и в Москве. «Около 10 часов утра 22 июня, — вспоминал нарком ВМФ адмирал Кузнецов, — я поехал в Кремль. Решил лично доложить обстановку. Москва безмятежно отдыхала. Как всегда в выходные дни, в центре было малоллюдно, редкие прохожие выглядели празднично. Лишь проносились отдельные машины, пугая пешеходов тревожными гудками. Столица еще не знала, что на границах полыхает пожар войны и передовые части ведут тяжелые бои. В Кремле все выглядело, как в обычный выходной день. Часовой у Боровицких ворот, подтянутый и щеголеватый, взял под козырек и, как всегда, заглянул в машину. Немного сбавив скорость, мы въехали в Кремль. Я внимательно смотрел по сторонам — ничего не говорило о тревоге. Кругом было тихо и пустынно».

В 12.05 из кабинета Сталина Молотов направился на Центральный телеграф и через десять минут выступил по радио с обращением к народу, которое до этого активно обсуждал и редактировал вождь. Тогда репродукторы во всех городах и селах Советского Союза известили о том, что уже произошло... И мирные люди услышали страшное...

Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, выступая по поручению вождя с каждой новой фразой, все больше и больше убеждал в том, о чем знали, но до сих пор не верили...

— Граждане и гражданки Советского Союза! — как-то необычно серьезно говорил он. — Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли

бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий. Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне как народному комиссару иностранных дел заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы. В ответ на это мною от имени советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и потому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. (...)

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы...

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Одна из жительниц Сергиево-Посада, Г.Я. Луневская, вспомнит 65 лет спустя: «В тот день ждали гостей. Мать со мной пошла на новый рынок — думала, что будет всего много и дешево. Дошли до Первого дома советов, видим, толпа народа у “чревовещателя” (так называли громкоговоритель у аптеки). Подошли послушать — оказывается Молотов выступает. И сразу все с прилавков исчезло, все попрятали. Мать купила маленькую масленку, а в нее подсолнечного масла. С этими “припасами” и встретили войну».

Есть еще одно воспоминание, жителя этого города С.М. Дроздова: «По дороге я встретил Тасю (жену). Она шла в город нарядная, веселая, надушенная. Сообщения о начале войны она не слышала и, как потом говорила, очень удивлялась тому, что встретившиеся знакомые и незнакомые люди были мрачны, подавлены, не обращали внимания на ее праздничный вид».

Иначе пришла война в Петрозаводск. В тот страшный день стояла гнетущая жуткая тишина, а над головами горожан висели черные тучи. На следующий день выпал снег. И хотя все также светило жаркое солнце, снег растаял не сразу.

Одна старушка-соседка сказала тогда жительнице этого города З.С. Смирновой:

— Знать, долгой будет война!

Русский писатель и философ А. Зиновьев по-своему вспоминал тот день:

«Войны ждали с минуты на минуту. А когда она началась на самом деле, она разразилась как гром среди ясного неба. Я не могу описать первые дни войны отчетливо и систематично. Да в этом и нет никакой необходимости: общеизвестно, что это была неслыханная паника и хаос. Это была паника не от животного страха, но паника от хаоса и бессмысленности происходившего. Вдруг обнаружилось, что вся система организации больших масс людей, казавшаяся строгой и послушной, является на самом деле фиктивной и не поддающейся управлению. Это была паника самого худшего сорта — паника развала системы, казавшейся надежной. Впавших в панику от страха людей можно было остановить. А тут люди, не знавшие страха, оказались в состоянии полной растерянности.

Люди вдруг потеряли какую-то социальную ориентацию в огромной хаотичной массе людей и событий. Ощущение было такое, будто какой-то страшный ураган обрушился на землю, поломал и перепутал все, лишил людей пространственно-временных координат. Куда-то вдруг исчезла вся гигантская командная машина, и командовать людьми стало некому. В этом паническом хаосе мы были предоставлены сами себе».

Для русского писателя Б. Васильева этот день оказался другим:

«Тот воскресный день выдался в Воронеже на редкость жарким. Где-то на краю горизонта темнели облака, но в городе было душно. И мы со школьными друзьями решили идти купаться.

Но пока собирались, облака стали тучами, а когда поравнялись с нашей бывшей (семилетней) школой, хлынул дождь. Мы спрятались на крыльце под навесом, а гроза грохотала во всю мощь, и, помнится, мы этому буйно радовались. Но вдруг открылась дверь школы, и наш бывший директор Николай Григорьевич выглянул из нее. Лицо его было серым, это я помню точно.

— Война, мальчики... — сказал он.

А мы заорали: “Ура!”...

Из четверых мальчишек, глупо оравших “Ура!” на крыльце школы, в живых остался я один.

Купаться мы раздумали и ринулись по домам. Обрадовать матерей, что наконец-таки началась...

Мы еще не знали, не понимали и представить себе не могли, что это событие на века войдет в историю как Великая Отечественная война.

Дома я застал маму, которая разглядывала большую карту европейской части СССР — у нас дома было множество карт, потому что я их любил и собирал.

Я восторженно сообщил, что наконец-то началась война, мама странно посмотрела на меня и вышла из комнаты. А я сразу же подошел к расстеленной на столе карте. На ее глянцевитой поверхности остались два пятнышка. Следы маминых слез. И я понял — нет, не понял, а почувствовал, — что мое детство закончилось. Его провожали две маминых слезинки...»

Не менее интересно об этом дне воспоминание и известного белорусского писателя В. Быкова:

«Погожим июньским утром мы приехали на Украину...

Белые мазанки, тополя, непривычный для уха язык на станциях, гоголевские ассоциации — все это перенесло в другой мир, романтический и сказочный. Не думал тогда, что так много драматического и трагического

будет связано у меня с этой страной.

Не успел осмотреться, узнать по-настоящему город и даже найти своего дядьку, как грянула война. Поначалу это, признаться, не очень испугало нас, молодых: были же совсем недавно финская война, перед нею — освободительный поход в Западную Белоруссию, все окончилось триумфальными победами. Победим и теперь. Тем более что нами руководит непобедимый товарищ Сталин. Но очень скоро стало тревожно, а затем и страшно. Захотелось домой, в родные места. Да вот дороги туда уже не было».

Великого русского актера М. Пуговкина война застала на первых в его жизни съемках. «22 июня 1941-го 17-летний Миша играл свой крохотный эпизод в фильме “Дело Артамоновых”, как вдруг, посреди рабочего дня, всю съемочную группу картины вызвал к себе директор “Мосфильма”. Ничего не понимающие актеры стояли в кабинете главы киностудии, а из репродуктора доносилась речь Молотова».

«И когда война началась, — писал в своих мемуарах Константин Симонов, — в то утро ощущение потрясенности тем, что она действительно началась, у меня было, разрушается, как и у всех, но ощущение неожиданности происшедшего отсутствовало.

Да, конечно, началась внезапно, — а как еще иначе ее могли начать немцы, которые именно так начали и в этот раз. Почему они, собственно говоря, могли начать как-то по-другому?»

Начало войны для великого русского актера Г. Жженова оказалось вдвойне трагичнее: «К слову сказать, о начале Великой Отечественной войны я узнал, будучи за баранкой.

В прохладный день 22 июня 1941 г. я ехал по трассе с каким-то грузом. На оперпосту 47-го километра остановился перед закрытым шлагбаумом. Стрелок потребовал документы. Я подал ему водительское удостоверение. Поняв, что я заключенный, стрелок распорядился поставить машину в сторону, а мне приказал следовать за ним на оперпост. Там он созвонился по телефону с диспетчером гаража и потребовал прислать вольнонаемного водителя, сославшись на приказ из Магадана. На мой недоуменный вопрос, в чем дело, что случилось, он ответил: война.

Жуткое чувство огромного несчастья, случившегося в мире, полоснуло по сердцу болью и страхом. Итак, война!... Все-таки — война. (...) Короленко писал: “За Уралом лес рубят, в Сибири щепки летят!” Многие из нас оказались в лагерях беспомощными “щепками” чудовищной политической ситуации, сложившейся в нашей стране (...)

22 июня 1941 г. стало ясно, что государству в течение ближайших лет

будет не до нас, не до наших проблем...»

Вспоминает Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель Василий Павлов:

«Первый день войны я встретил в Черновицах. И вот что странно: три месяца мы сидели там по первой боевой готовности, без выходных, без отдыха, в отдельные дни было у нас по пять боевых вылетов, спали прямо под самолетами — и вдруг в субботу, 21 июня, выстраивают нас и объявляют: завтра — выходной день. Сняли боевое дежурство, все зачехлили, оставили только три самолета — дежурное звено. На аэродроме в тот день никаких работ не проводилось: выходной — для всех выходной. И так — не только в нашем полку, а по всей границе почему-то всем разом дали выходной день... (...)

Я до сих пор ищу ответа на вопрос: почему за день до начала войны все было приведено не в боевое состояние? Ведь последствия легко просматривались: все устали, всем хотелось расслабиться, вырваться в город, разрядиться. И все разбрелись, кто куда. Нас человек пять пошли посидеть и выпить к жене комиссара эскадрильи Захарова. Изрядно, скажу я вам, выпили — понятное дело, молодые, здоровые ребята, и на отдыхе...

Но у меня было какое-то странное настроение — уж не знаю, чем оно было вызвано, только водка меня не брала, и я опьянел меньше других. На душе было как-то смутно — не до веселья, и я решил уйти. Ребята отговаривали: куда ты пойдешь один среди ночи, но я сказал: “Нет, ребята, вы как хотите, а я пойду”. Отправился в ванную, подержал голову под струей холодной воды — и ушел.

Когда подходил к аэродрому, километра за два, наверное, услышал: где-то постреливают. Дошел до палатки — тихо, безлюдно. Огляделся и лег спать. Не знаю, сколько времени проспал, только слышу: боевая тревога! Ну, думаю, опять: у нас эти боевые тревоги каждый день были. Побystрее влез в сапоги — прямо на голые ноги, оделся и бегом к самолету. Смотрю — уже винты крутятся. Спрашиваю техника: “Пулеметы заряжены?” “Все в порядке, командир”, — отвечает. — И вот я готов, но чую — что-то не то: никаких заданий никто не дает, командир полка сам не знает, что делать. И тогда, может, потому, что хмель еще из головы не выветрился, я решил: взлечу первым, без команды. И решение мое оказалось трезвым, правильным — я это потом понял. Взлетел, набрал высоту, убрал шасси, смотрю — слева самолет — наш командир эскадрильи Касьянов. Значит, в небе я не один. Убираю газ, показываю ему: идти вперед, ты же командир, а он головой качает: нет, не могу, давай ты веди. Ну я на газ — и вперед.

Только набрал высоту, гляжу — прямо под самым носом в прицеле у меня Хе-126. Мне ничего не оставалось делать, кроме как нажать на гашетку. Самолет сразу задымил, перевернулся, закувыркался в небе...

Командира своего из виду потерял, что делать дальше — не знаю. Решил вернуться на аэродром — рассвет уже вовсю занимался. Подлетел и вижу: все в дыму. Потом присмотрелся — здание служебное стоит, а ангаров нет. Не успел понять, в чем дело, как раздался треск на бронеспинке, и два “мессера” с крестами на крыльях надо мной пронеслись. Тут уж я полностью протрезвел — сделал какой-то немыслимый маневр и сорвался в штопор. У самой земли вывел самолет и ушел от “мессеров”. Но только когда снова поднялся над аэродромом и увидел, что там творится, понял: началась война. Картина была страшная: все кругом в огне — ад да и только... Чудом удалось уйти».

Вспоминает М.Ф. Королев:

«21 июня объявили тревогу. Вообще-то училище по тревоге поднимали как минимум два раза в неделю, так что никто особо и не побеспокоился. Выстроились на плацу. Вышел из штаба начальник училища — корпусной комиссар (было такое звание у политсостава) Иван Захарович Сусайков, вывел всех на лужайку и отдал не совсем обычный приказ: “Присаживайтесь, ребята, сейчас я прочитаю вам лекцию о войне с Германией... Договор договором, а на вред это не пойдет”.

Долго начальник говорил, до самого вечера. И о типах немецких танков рассказал, и о “гудериановской” тактике танковых клиньев. А вечером был концерт на свежем воздухе — постановка пьесы Шиллера “Разбойники”. Затянулась она настолько, что по училищу был отдан приказ: в воскресенье, 22 июня, подъем провести на час позже.

Утром, после завтрака, собрались в курилке. Все разговоры — только о предстоящем воскресном увольнении. Кто в кино собрался, кто на танцы.

И тут, в 11.30, заговорило радио: “В 12 часов будет важное правительственное сообщение”. В полдень в казарме стояла полнейшая тишина: командиры радиоточку отключили, а сами сообщение Молотова в штабе слушали, чтобы, так сказать, личный состав лишний раз не беспокоить. Потом построили училище, сообщили о начале войны и... приказали разойтись на занятия».

Вспоминает А.В. Сорокин:

«22 июня проснулись в три часа утра от страшного грохота. У кого койка рядом с оружейной комнатой, тот успел винтовку схватить, а большинство выбегало с пустыми руками. Немецкий бомбардировщик сбросил на военный городок несколько бомб, одна попала в дальнее крыло

казарм. После переклички не досчитались двух десятков солдат, которые остались под теми развалинами. На построении комиссар полка во всеуслышание заявил, что это провокация со стороны немцев, после чего часть вывели в лес за полтора километра от окраины. До самого вечера малыми саперными лопатками копали себе окопы и щели. Ближе к обеду командиры наконец-то внесли ясность, сказав, что началась война с Германией, немцы ввели войска по всей нашей границе».

Вспоминает В.М. Алексеев:

«22 июня в четвертом часу утра немцы начали артподготовку. Снаряды летели через головы танкистов и разрывались где-то далеко в тылу. Продолжалось это минут сорок, а потом послышался приближающийся лязг танковых гусениц. В это же время от дивизионного начальства был получен первый боевой приказ: «Не стрелять, это провокация!»

Комиссар батальона внезапно решил провести собрание личного состава, чтобы разъяснить линию партии. Встал, сделал несколько шагов и был убит наповал одиночным выстрелом немецкого снайпера. Тут уж комбат взял ответственность на себя и приказал открыть огонь».

После своего выступления Молотов вернулся на свое рабочее место. Когда он вошел в приемную, следом появился Сталин.

— Ну и волновался ты, — сказал он Молотову. — Но выступил хорошо

— А мне казалось, что я сказал, не так хорошо, — ответил верный соратник.

В этот момент в кабинете Молотова зазвонил телефон. Он быстрым движением взял трубку и повернулся к вождю:

— Тебя разыскивает Тимошенко. Будешь говорить? Сталин подошел к телефону и внимательно выслушал доклад наркома обороны.

— Внезапность нападения, разумеется, имеет важное значение в войне, — заявил он ему в ответ. — Она дает инициативу и, следовательно, большое военное преимущество напавшей стороне. Но вы прикрываетесь внезапностью. Кстати, имейте ввиду — немцы внезапностью рассчитывают вызвать панику в частях нашей армии. Надо строго-настрого предупредить командующих о недопущении какой-либо паники. В директиве об этом скажите... Если проект директивы готов, рассмотрим вместе с последней сводкой...

Свяжитесь еще раз с командующими, выясните обстановку и приезжайте. Сколько потребуется вам времени? Ну хорошо, два часа, не

больше... А какова обстановка у Павлова?

Выслушав Тимошенко, Сталин нахмурился!

— Поговорю сам с ним... — И, положив трубку на аппарат, грубо сказал:

— Павлов ничего конкретного не знает, что происходит на границе! Не имеет связи даже со штабами армий! Ссылается на то, что опоздала в войска директива... Но разве армия без директивы не должна находиться в боевой готовности?

После этих слов вождь немного успокоился и продолжил:

— Надо направить к Павлову Шапошникова. Я не сомневаюсь, что он поможет организовать управление войсками, укрепить их оборонительные позиции. Но наши войска, видимо, не могут справиться с задачей прикрытия западной границы. Они оказались в очень тяжелом положении: не хватает живой силы и военной техники, особенно самолетов. С первых часов вторжения господство в воздухе захватила немецкая авиация... Да, не успели мы подтянуть силы, да и вообще не все сделали... не хватило времени. Надо немедленно нанести контрудары по противнику, а одновременно поручить кому-то заняться эвакуацией населения, предприятий и другого имущества из прифронтовых районов на восток. Ничего не должно достаться врагу. Обсудим этот вопрос на заседании...

В 14 часов в кабинете Сталина собрались в основном военные. Тимошенко, Шапошников, Ворошилов, Жуков, Ватутин. В 15.20 подошел адмирал Кузнецов, а еще через десять минут маршал Кулик. Также там находились Молотов, Микоян и Вышинский.

Нарком обороны первым доложил обстановку, сведя все к тому, «что сила удара гитлеровских войск превзошла все ожидания». Он подчеркнул особенно: «В первые же часы войны авиация противника нанесла массированные удары по аэродромам и войскам в приграничной зоне до рубежа рек Западная Двина и Днепр».

— Стало быть, много советских самолетов уничтожено прямо на земле, — с сарказмом сказал Сталин.

— К сожалению, так. Из-за неожиданного нападения многие самолеты не успели подняться в воздух, — ответил ему Тимошенко.

Сталин тут же взорвался, спросив:

— Неужели до всех аэродромов добралась немецкая авиация?

— К сожалению, так, товарищ Сталин, — повторился нарком. — Немцы подвергли ожесточенной бомбардировке 66 советских аэродромов, на которых находились наши самолеты, причем преимущественно современные.

— Сколько же уничтожено самолетов, — несколько задумавшись, поинтересовался Сталин.

— По предварительным подсчетам, около семисот.

Вождь снова вскипел:

— Это же чудовищное преступление. Надо головы поснимать с виновных...

Выждав паузу, он прошелся вдоль стола и спросил:

— Как складывается перспектива на Западном фронте?

— Командование Западного фронта стремится маневрировать резервами. Но Павлов и его штаб допустили ряд просчетов. С первых часов войны связь со штабами армий оказалась нарушенной. Павлов, естественно, не знал и мог не знать, что делается на левом крыле фронта. А там немцам удалось прорваться и в течение дня продвинуть свои танки на 60 км. Павлов же принимал меры по ликвидации прорыва на правом крыле...

Свои контрмеры он строил, исходя из того, что противник концентрическими ударами со стороны Бреста и Сувалок постарается в районе Лиды замкнуть кольцо вокруг войск фронта...

Сталин с гневом в глазах посмотрел на маршала и перебил его:

— Вы полагали, что немцы замкнут кольцо у Лиды, а они пытаются замкнуть его восточнее Минска! Это сколько же дивизий окажется в западне?

Теперь Тимошенко замолчал. А вождь задавал вопросы будто бы самому себе. Он не смотрел на наркома обороны. Постепенно погружаясь в свои мысли, он словно самостоятельно пытался найти выход из создавшегося положения. Было видно, что сама по себе возможность окружения под Минском до глубины души потрясла его. Он не хотел верить в это, но что оставалось делать...

Будто очнувшись из забытья, он резко, на повышенном тоне снова обратился к Тимошенко:

— С вашего Павлова надо строго спросить! За неделю до войны он заверял меня по телефону, что лично выезжал на границу. Уверял, что никакого скопления войск там не обнаружил, а слухи о войне назвал провокационными! И ссылаясь на свою разведку, которая, по его утверждению, работает надежно...

А ведь не врал товарищ Сталин! Александр Евгеньевич Голованов лично встречался с Павловым в июне 1941 г. В своих мемуарах он с точностью до мелочей вспомнил эту встречу: «В тот день я в двенадцать

часов явился к командующему округом.

В кабинете за письменным столом сидел довольно массивного телосложения человек с бритой головой, со знаками различия генерала армии.

Павлов поздоровался со мной, спросил, почему так долго не приезжал в Минск, поинтересовался, что мне нужно, и сказал, что давно уже дал распоряжение, чтобы нас всем обеспечивали, так как об этом просил Сталин. Только я начал отвечать на его вопросы, как он, перебив меня, внес предложение подчинить полк непосредственно ему. Я доложил, что таких вопросов не решаю.

— А мы сейчас позвоним товарищу Сталину. — Он снял трубку и заказал Москву.

Через несколько минут он уже разговаривал со Сталиным. Не успел он сказать, что звонит по поводу подчинения Голованова, который сейчас находится у него, как по его ответам я понял, что Сталин задает встречные вопросы.

— Нет, товарищ Сталин, это неправда! Я только что вернулся с оборонительных рубежей. Никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо. Я еще раз проверю, но считаю это просто провокацией. Хорошо, товарищ Сталин... А как насчет Голованова? Ясно.

Он положил трубку.

— Не в духе хозяин. Какая то сволочь пытается ему доказать, что немцы сосредотачивают войска на нашей границе.

Я выжидательно молчал.

— Не хочет хозяин подчинить вас мне. Своих, говорит, дел у вас много. А зря.

На этом мы и расстались».

Не менее любопытно и другое предвоенное воспоминание о Павлове, которое нам оставил генерал Л.М. Сандалов: «Когда все оказались в сборе, завязался врезавшийся в мою память полуофициальный разговор.

Начал его Павлов.

— Генеральный штаб еще не закончил составление оперативного плана, — сказал он. — А для того чтобы показать один из возможных вариантов действий войск округа при нападении на нас фашистской Германии, Генеральный штаб в ближайшее время проведет с окружными и армейскими управлениями оперативную игру на местности со средствами связи. Будет проигрываться начальный период войны. Возглавит игру, вероятно, сам нарком.

Штабы армий начнут ее в местах дислокации и будут передвигаться, сообразуясь с обстановкой.

— А те штабы, которые стоят у самой границы? Куда им двигаться? — не удержался я. — По-видимому придется обороняться.

— Вначале, может быть, придется, и отступить, — уточнил Павлов. — У немцев теперь не стотысячная армия какую они имели в 1932 г., а трехмиллионная. Она насчитывает свыше 300 соединений, располагает большим количеством самолетов. Если враг перед началом войны сосредоточит у наших границ хотя бы две трети своих сил, нам в первое время придется, конечно, обороняться и даже отступать... А вот когда из тыла подойдут войска внутренних округов, — Павлов посмотрел на Тюленева, — когда в полосе вашей армии достигнута уставная плотность — 7,5 км на дивизию, тогда, конечно, можно будет двигаться вперед и не сомневаться в успехе. Не так ли?

На миг воцарилось молчание, но затем поднялся Чуйков:

— Вам хорошо известно, товарищ командующий округом, что в первом эшелоне 4-й армии весной этого года было всего лишь две дивизии на 150 км фронта. Летом нам подбросили еще одну. Значит, плотность теперь — 50 км на дивизию. Во втором эшелоне тоже негусто — только одна дивизия. Это же не армия, всего лишь корпус... Почему бы в нашу полосу не выдвинуть заблаговременно две-три дивизии из тыла страны? И прежде всего на левый фланг армии — для обеспечения стыка с Киевским округом?

— Как вы не понимаете, что подобными действиями можно спровоцировать войну? — раздраженно ответил Павлов. — Да и казарм у нас нет для размещения новых войск».

Вот вам и весь кругозор целого командующего округом.

Но вернемся в кабинет вождя.

Когда маршал Тимошенко не смог ответить на многие вопросы, детально характеризующую обстановку на фронтах, Сталин снова перешел на повышенный тон:

— Что у вас, товарищ Тимошенко, сидят там за шляпы, если даже не могут доложить вам точную обстановку. Совесть у них есть? Сознают ли они ответственность за судьбу страны? Вас подводят и дело погубят... Животы там нарастили некоторые генералы, а знаний не прибавили...

Затем он несколько успокоился и тихо произнес: — Мучительно трудно сейчас нашим бойцам. Им приходится стойко сдерживать оголтелых зверей. Внезапность вражеского нападения оказала большое

психологическое воздействие на моральное состояние наших бойцов. Но это, разумеется, кратковременное явление.

Результатом двухчасового совещания стала отредактированная вождем директива №3 (которая в войска трех фронтов (Северо-Западного, Западного, Юго-Западного) поступила в 21 час 15 минут): «1. Противник, нанося главные удары из Сувалковского выступа на Оолита и из района Замостье на фронт Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шяуляй и Седлец, Волковыск в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях. На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23-24.6 ставлю:

а) Концентрическими сосредоточенными ударами войск Сев-Зап. и Западного фронтов окружить и уничтожить Сувалковскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки;

б) Мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6А окружить и уничтожить группировку противника, наступающего в направлении Владимир-Волынь, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин.

3. Приказываю:

а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы.

Граница прежняя.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Тимошенко, Маленков, Жуков».

22 июня в Кремлевском кабинете Сталина было принято 15 человек (29 раз с 5.45 до 16.45). В этот день он находился на рабочем месте более 12 часов. При этом ничего не ел и выпил за день только стакан крепкого чая. Последним от него вышел Берия (16.45). После нескольких телефонных разговоров он подписал и просмотрел множество документов, а около 18 часов уехал на дачу отдыхать.

В 20 часов вечера в Генштаб была отправлена первая разведсводка из штаба Западного фронта. В ней говорилось: «Противник, имея значительное превосходство в воздухе, при взаимодействии авиации, танковых и парашютных частей стремится овладеть районом Лиды для

обеспечения высадки воздушного десанта в тылу основной группировки войск Западного фронта. Концентрическими ударами в направлении Гродно и в северо-восточном направлении на Волковыск отрезать основные коммуникации. Устанавливается всеми видами разведки дальнейшее продвижение сувалкинской и брестской группировок противника...»

Ровно через два часа в Генштаб была отправлена и первая оперативная сводка Западного фронта. Она-то и дезорганизовала Москву своим содержанием: «Части Западного фронта в течение дня 22.6.41 г. вели сдерживающие бои и, оказывая упорное сопротивление превосходящим силам противника, к 17 часам отошли на рубеж Келбасин, Домброво, Осовец, Граево, Кольно, Ломжа, Бельск».

Как известно, войска в это время отходили или в панике бежали на восток разрозненными группами. Ни о каком упорном сопротивлении или сдерживающих боях речи не велось. И тем не менее бумага стерпела и на этот раз!

Кто знает, может быть из-за таких вот сводок, в Москве написали директиву №3? Ведь по замыслу Главного командования контрудары трех фронтов должны были создать условия для захвата стратегической инициативы и способствовать разгрому вторгшегося врага. Однако при отсутствии управления войсками, непрерывном воздействии авиации, панике и неразберихе, в короткий срок было невозможно организовать и тем более нанести эти удары. Тем не менее командующий Западным фронтом в целях осуществления директивы №3 приступил к организации контрудара по сувалкинской группировке противника. В 23.40 минут он начал переговоры по «бодо» с генералом Болдиным, находящимся в штабе 10-й армии:

«Павлов: Познакомились ли с обстановкой и какие решения приняли?

Бодцин: С обстановкой ознакомился...

Павлов: Выслушать приказ: Вам надлежит организовать ударную группу в составе корпуса Хацкилевича плюс 36-я кд, части Мостовенко и нанести удар в общем направлении Белосток, Минск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом берегу р. Неман и не допустить выхода его частей в район Волковыск, после этого вся группа перейдет в подчинение Кузнецова В.И. Это ваша ближайшая задача. Возглавьте ее лично. Голубеву передайте занять рубеж Осовец, Бобр, Визна, Бельск и далее на Клещеле. Все это осуществить сегодня за ночь, организованно и в быстрых темпах, особо обратить внимание, чтобы хозяйство начальника артиллерии фронта не осталось в Червонном Бору. У меня все.

Болдин: Из Червонного Бора вся артиллерия была вывезена и

участвовала в боях.

Павлов: Приступайте к выполнению данного мною задания».

7 июля 1941 г. следователь спросит генерала Павлова:

— Какие вы как командующий фронта сделали выводы из исхода первого дня боя?

— Из результатов первого дня боя я сделал следующий вывод, что против центра 10-й армии дерется по преимуществу пехота и что наша пехота успешно отбивает все атаки противника. На правом фланге против Кузнецова, в направлении на Сапоцкин введены тяжелые танки противника, которые не пробиваются 45 мм артиллерией и что противник за этими танками ввел свою пехоту, поломав нашу оборону. На правом же фланге у Кузнецова был разгромлен весь полк крупной механизированной частью противника, пришедшего с севера из Литвы в составе: 2-3 мехдивизий и 2-3 мотодивизий. Это заставило меня очень сильно опасаться за возможность разворота удара этой механизированной частью в общем направлении на Лида.

— Какие меры вами были приняты, как командующим, для предотвращения прорыва фронта? — звучит из уст следователя более конкретный вопрос.

— На правом фланге мною было указано 3-й армии, используя атаку 11-го мехкорпуса в направлении Сапоцкин, частям 85-й дивизии этой же армии занять второй оборонительный рубеж западнее Гродно на Суховоло, фронтом на север. Потрепанные части 56-й дивизии я приказал Кузнецову собрать, поставить на правый берег реки Неман и оборонять Гродно и направление на Лида.

Почувствовав удар из Литвы, я приказал командиру 21-го стрелкового корпуса (штаб в Лиде) занять оборонительный рубеж западнее Лиды противотанковой бригаде, северо-западнее — 17-й стрелковой дивизии, дабы удержать рубеж для того, чтобы выиграть время и дать возможность 37-й и 24-й стрелковым дивизиям сосредоточиться в районе северо-западнее Лиды и обеспечить правый фланг от удара из Литвы с направления Ораны, войдя в связь с литовскими частями, что командиром 21-го стрелкового корпуса и было выполнено, но никаких частей в районе Ораны им найдено не было...

Но что еще мог сказать Павлов, если все командование фронта, имея весьма скудные и отрывочные данные об обстановке, в первой половине дня 22 июня никаких кардинальных решений не принимало. «Все отданные штабом округа распоряжения носили частный характер и были направлены главным образом на ускорение выдвижения войск из глубины округа.

Причинами незнания обстановки являлись отсутствие авиационной разведки и связи с агентурной разведкой, перерыв проводной связи с войсками связи с войсками, неумение наладить радиосвязь и связь подвижными средствами и самолетами с армиями, которые к тому же сами не имели исчерпывающих данных об обстановке. (...)

На моральном состоянии наших войск, кроме первых ошеломляющих ударов врага, отрицательно сказался беспорядочный отход одиночек и групп невооруженных рабочих и разных строительных подразделений из Брестского укрепленного района, которые сеяли панику и распространяли слухи о просочившихся в наш тыл автоматчиках, о выброшенных десантах, об обходе наших войск на флангах, об окружениях и т.п. Тем не менее отходившие войска старались зацепиться за любой более или менее подходящий рубеж. Но сил и необходимой организованности для решительного отпора наступившему противнику не хватало, и отход продолжался (Л.М. Сандалов)».

К исходу 22 июня полных данных о противнике и своих войсках не имелось ни в штабе фронта, ни в штабах армий.

«О действительном положении частей и размерах понесенных ими потерь не знали даже командиры соединений», — вспоминал

Сандалов. Что же мог сказать командующий, если уже 22 июня, в первый день войны, правый фланг 3-й армии Кузнецова был глубоко охвачен войсками 3-й танковой группы врага. А между Северо-Западным и Западным фронтами образовался разрыв шириной до 130 км. В этот разрыв устремились танковые части противника и к вечеру 23 июня продвинулись в глубь нашей территории до 120 км.

Не менее тяжелая обстановка сложилась и на левом фланге Западного фронта. Там десять дивизий противника (в т.ч. четыре танковые) в первом эшелоне и 2 пехотные, 3 моторизованные и танковые дивизии успешно атаковали четыре советских дивизии 4-й армии (не развернувшихся).

Вечером 22-ю передовые танковые части противника взяли Кобрин, продвинувшись на советской территории на глубину до 60 км.

Угроза глубокого охвата танковыми соединениями противника обоих флангов Западного фронта обозначилась к исходу первого дня войны. Командующий фронтом и его штаб по известным причинам вскрыть эту угрозу не смогли.

Так завершился роковой для нашей страны день 22 июня 1941 г.

В этот день писатель Илья Эренбург написал: «На стенах древнего Парижа в дни немецкой оккупации я часто видел надписи: “Гитлер начал войну, Сталин ее кончит”. Не мы хотели этой войны. Не мы перед ней

отступили. Фашисты начали войну. Мы ее кончим — победой труда и свободы. Война — тяжелое, суровое дело, но наши сердца закалены. Мы знаем, какое горе принес фашистский захватчик другим народам. Мы знаем, как он останавливается, когда видит достойный отпор. Мы не дрогнем, не отступим. Высокая судьба выпала на нашу долю — защитить нашу страну, наших детей и спасти измученный врагами мир. Наша священная война, война, которую навязали нам захватчики, станет освободительной войной поработченной Европы».

4. ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Самой мощной армией Западного фронта считалась 10-я армия, находящаяся в Белостокском выступе. Два стрелковых корпуса (1-й и 5-й (четыре дивизии) и 113-я стрелковая дивизия составляли первый эшелон армии. Во втором эшелоне находились 6-й мехкорпус (той дивизии), менее мощный 13-й мехкорпус (три дивизии), 6-й кавкорпус (две дивизии), 155-я отдельная стрелковая дивизия, 6-я противотанковая артбригада и Осовецкий укрепрайон. Всего в 10-й армии насчитывалось 6 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные и 2 кавалерийские дивизии. Командовал армией генерал-майор К.Д. Голубев.

Константин Дмитриевич Голубев родился в 1896 г. в г. Петровске, ныне Саратовской области. В армии с 1915 г., поручик, командир роты на Юго-Западном фронте.

В Красной Армии с 1918 г. Окончил школу прапорщиков (1916 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1926 г.), КУВ-НАС (1929 г.) (Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава. — Примеч. ред.), Академию Генштаба (1938 г.).

В годы Гражданской — командир взвода, роты, полка. В двадцатые — командир полка, с 1928 г. начальник штаба 29-й стрелковой дивизии, с 1929 г. начальник Московской Объединенной военной школы ВЦИК. С 1933 г. командир 22-й стрелковой дивизии. С 1939 г. старший преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе, с марта 1941 г. командующий 10-й армии БОВО.

3-я армия Западного фронта занимала северный фас Белостокского выступа и район Гродно. В ее первом эшелоне располагался 4-й стрелковый корпус (две стрелковые дивизии), а во втором — 85-я стрелковая дивизия и 11-й механизированный корпус в стадии формирования (три дивизии). В резерве армии находились 24-я стрелковая дивизия и 7-я противотанковая артбригада. Также ей подчинялись войска 68-го Гродненского УРа. (укрепрайона. — Прим. ред.)

Командовал армией генерал-лейтенант В.И. Кузнецов.

Василий Иванович Кузнецов родился в 1894 г. в с. Усть-Усолка, ныне с. Усолка Чердынского района Пермской области. В армии с 1915 г., подпоручик, начальник команды пеших разведчиков. В Красной Армии с 1918 г. Окончил школу прапорщиков (1916 г.), Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна

(1926 г.), КУКС (Курсы усовершенствования командного состава. — Примеч. ред.) (1929 г.), особый факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1936 г.).

В Гражданскую войну — командир роты, батальона и стрелкового полка. С 1923 г. — командир стрелкового полка, с января 1931 г. — помощник командира 51-й Перекопской стрелковой дивизии (исполняющий должность командира дивизии), с марта 1931 г. — помощник командира 25-й стрелковой дивизии. С ноября 1931 г. — командир 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, с октября 1936 г. — командир и военком 99-й стрелковой дивизии, с августа 1937 г. — командир 16-го стрелкового корпуса, затем командующий Витебской армейской группой войск. С сентября 1939 г. — командующий 3-й армией ЗапОВО.

4-я армия Западного фронта находилась в районе Бреста. В ее состав входили 28-й стрелковый корпус (2 стрелковые дивизии), 14-й мехкорпус (три дивизии), а также 49-я стрелковая дивизия и 75-я стрелковая дивизия. Командовал армией генерал-майор А.Л. Коробков.

Александр Андреевич Коробков родился в 1897 г. в г. Петровске ныне Саратовской области. В армии с 1915 г., прапорщик, командир пехотного взвода. В Красной Армии с 1918 г. Окончил школу прапорщиков (1916 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1922 г.), КУВНАС (1932 г.).

В Гражданскую командовал взводом и ротой. С 1923 г. — помощник начальника орготделения штаба СКВО (Северо-Кавказского военного округа. — Примеч. ред.). С 1924 г. — командир стрелкового полка, военрук Харьковского и Саратовского коммунистических университетов. С 1931 г. — начальник штаба 95-й стрелковой дивизии УВО (Украинского военного округа. — Примеч. ред.). С 1936 г. — командир 100-й стрелковой дивизии. С мая 1939 г. — командир 16-го стрелкового корпуса БОВО (Белорусского особого военного округа. — Примеч. ред.). С января 1941 г. — командующий 4-й армией этого же округа.

Кроме этих армий, на территории еще Западного Особого военного округа был сформирован штаб новой 13-й армии. Формирование штаба было начато 5 мая 1941 г. в Могилеве, а 20 июня ему было поручено передислоцироваться в район Новогрудка. Эта армия должна была принять полосу на стыке 10-й и 4-й армий южнее Белостокского выступа. Армии подчинили штаб 2-го стрелкового корпуса (должен был принять две дивизии из 4-й и 10-й армий), 13-й мехкорпус и 311-й пушечный артполк Резерва Главного командования (РГК).

Командовал армией генерал-лейтенант П.М. Филатов.

Петр Михайлович Филатов родился в 1893 г. в г. Ржеве ныне Тверской

области. В армии с 1914 г., подпоручик, командир роты. В Красной Армии с 1918 г. Окончил школу прапорщиков (1917 г.), Высшие военно-академические курсы Красной Армии (1922 г.), Курсы усовершенствования высшего комсостава (1928 г.), особый факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1936 г.). В годы Гражданской войны командовал взводом, был делопроизводителем по строевой части полка, помощником командира и командиром стрелкового полка, командиром стрелковой бригады, помощником командира стрелковой дивизии. В двадцатые — командир 26-й стрелковой дивизии, с 1927 г. — начальник Владивостокской пехотной школы, с 1936 г. — командир 27-й стрелковой дивизии, с 1937 г. — командир 15-го стрелкового корпуса, с июня 1938 г. — заместитель командующего войсками Дальневосточного фронта, с сентября 1938 г. — заместитель командующего 1-й Отдельной Краснознаменной армией. С мая 1941 г. — командующий 13-й армией ЗапОВО.

22 июня 1941 г. 1-я армия была атакована пятью пехотными дивизиями вермахта. Большая часть ее артиллерии, находящаяся у самой границы была сразу же разгромлена.

Недостроенные узлы обороны Гродненского УРа, оказывающие упорное сопротивление, немцы обошли и заняли Липе и Сопоцкин. 27-ю стрелковую дивизию атаковали две германские пехотные дивизии. Была разгромлена и 56-я стрелковая дивизия. На подмогу вышел второй эшелон 3-й армии: 85-я стрелковая дивизия и 11-й мехкорпус.

29-я танковая дивизия контратаковала противника, наступающего в направлении Сопоцкин, Гродно. И если нашим танкистам удавалось отбрасывать противника на несколько километров, то после авиационной и артиллерийской подготовки он снова атаковал советские быстроходные Т-26, которые вспыхивали гораздо чаще, чем немецкие Т-III и Т-IV, из-за меньшей, почти в два раза, толщины брони. К вечеру части дивизии отошли на Гродно.

Уже днем противник подошел к Гродно, который обороняла 85-я стрелковая дивизия. Вследствие угрозы окружения город был оставлен нашими войсками. Переместился и штаб армии.

В полосе 10-й армии главный удар был нанесен шестью германскими пехотными дивизиями по двум стрелковым дивизиям (113-й и 86-й), находящимся на левом фланге. 113-я дивизия была разгромлена еще на марше, а оборона 86-й дивизии была прорвана без особого труда тремя пехотными дивизиями противника.

Наиболее боеспособные подразделения 31-й танковой дивизии 13-го мехкорпуса перекрыли дорогу Дрогичин-Бельск-Белосток, но уже к

полудню были отброшены на целых 10 километров к Белостоку.

В полдень одна пехотная дивизия противника прорвалась к Браньску, но путь ей преградил разведбатальон 25-й танковой дивизии 13-го мехкорпуса. Вскоре ему на помощь прорвался 18-й мотоциклетный полк, но основные его силы были отброшены. Тогда в бой вступили основные полки 25-й танковой дивизии. Тем не менее к исходу первого дня войны одна пехотная дивизия выбила советские войска из Браньска.

В полосе 4-й армии наступали пять корпусов противника (два моторизованных и 3 армейских). Большое количество личного состава частей 6-й и 42-й стрелковых дивизий так и не смогли выйти из Брестской крепости.

Против 49-й стрелковой дивизии, находящейся на правом фланге армии, действовало три пехотных дивизии противника (армейский корпус). Ее остатки отошли в Беловежскую пущу, а затем попали в окружение. В сущности, первый эшелон 4-й армии был разгромлен в первый же день войны.

Уже в 7.00 немцы заняли Брест, а 4-я армия отошла к Кобрину.

23 июня генерал Павлов свое основное внимание «уделял организации контрудара силами конно-механизированной группы из района Гродно в северном направлении». Одновременно войскам 3-й и 10-й армий он приказал удерживать занимаемые ими рубежи, не обращая внимания на угрозу окружения.

Накануне вечером в 22.00 из Москвы в штаб фронта прибыли на помощь маршалы Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик. Пока маршалы разбирались в обстановке, Павлов еще пытался руководить. Получив донесение из 10-й армии, что один из лучших по укомплектованности и сплоченности корпусов — 6-й механизированный — не в состоянии развить наступление из-за того, что с 22 июня занимает оборону по восточному берегу Нарева на фронте 35 км (его надо было выводить из боя и перебрасывать в новый район), а две его танковые дивизии находятся от намеченного рубежа развертывания в 60-70 км, он пришел в ярость. «Почему мехкорпус не наступал, кто виноват? Немедля активизируйте действия и не паникуйте, а управляйте. Надо бить врага организованно, а не бежать без управления. Каждую дивизию вы знать должны, где она, когда что делает и какие результаты. Почему вы не даете задачу на атаку мехкорпусу? Найти где 49-я и 113-я сд и вывести. Исправьте свои ошибки. Подвезите снаряды и горючее... Запомните, если вы не будете действовать активно, Военный совет больше терпеть не будет», — указывал в

телеграмме командующий.

Однако, что можно было предпринять, если 6-й мехкорпус имел только одну четверть заправки горючего. 22 июня, учитывая необходимость в горючем, отдел снабжения горючим отправил в Барановичи для 3-го мехкорпуса все наличие горючего в округе (300 тонн), а остальное горючее для округа по плану Генштаба находилось в Майкопе.

Заместитель командующего Западным фронтом И.В. Болдин, прибывший в 10-ю армию в первый день войны, возглавил конно-механизированную группу в составе 6-го и 11-го механизированных корпусов и соединений 6-го кавалерийского корпуса.

Иван Васильевич Болдин родился в 1892 г. в д. Высокая ныне Инсарского района Республика Мордовия. В армии с 1914 г., старший унтер-офицер, командир взвода. В Красной Армии с 1919 г. Окончил учебную команду 23-го Кавказского стрелкового полка, Высшую тактико-стрелковую школу комсостава РККА им. III Коминтерна (1922 г. и 1923 г.), КУВНАС при Военной академии им. М.В. Фрунзе (1926 г. и 1930 г.), эту же академию (1936 г.).

В годы Гражданской войны — командир роты, батальона и стрелкового полка. С 1923 г. командовал частями Особого назначения в Курской губернии, затем был командиром и военкомом 252-го и 250-го стрелковых полков, и.д. помощника командира дивизии. С 1924 г. — командир и военком Московского отдельного стрелкового полка. С 1927 г. — помощник командира, затем командир 19-й стрелковой дивизии, с 1929 г. — командир 10-го стрелкового корпуса. В 1930 г. руководитель группы по тактике в Военно-политической академии, затем начальник и комиссар Объединенной школы комсостава военизированной охраны ВСНХ СССР. С весны 1931 г. — командир и военком 53-й стрелковой дивизии. С 1936 г. — инспектор Управления боевой подготовки РККА, весной 1937 г. — командир и комиссар 18-й стрелковой дивизии. В 1938 г. назначен командующим войсками Калининского ВО, а с сентября 1939 г. — командующим конно-механизированной группой. Осенью 1939 г. он — командующий войсками Одесского ВО, в июле 1940 г. — заместитель, а с января 1941 г. — 1-й заместитель командующего войсками ЗапОВО.

После своего приезда к Павлову, маршал Советского Союза Кулик вскоре вылетел именно на помощь генералу Болдину.

В полосе 3-й армии армейский корпус противника продолжал охват ее правого фланга.

10-я армия еще удерживала Осовецкий укрепрайон и отбила попытку с ходу форсировать р. Бобр, но была потеряна связь со штабом фронта.

В полосе 4-й армии командованию удалось нанести контрудар. Около 6.00 началась атака двух корпусов (28-го стрелкового и 14-го механизированного) в районе Бреста, но она оказалась безуспешной. 14-й мехкорпус участвовал в контрударе, по существу только одними танками, при этом танки одной из его дивизий были уничтожены раньше.

Из 4-й армии ее командующий доносил в штаб фронта: «Слабоуправляемые части, напуганные атаками с низких бреющих полетов авиации противника, отходят в беспорядке, не представляя собой силы, могущей сдержать противника». По его мнению, командиры 28-го стрелкового и 14-го механизированного корпусов проявили «неустойчивость и преждевременно отводят части и особенно штабы».

По мнению генерала Сандалова, основные причины неудачного исхода армейского контрудара, во-первых, в неравенстве сил. Во-вторых, в отсутствии необходимого артиллерийского и авиационного обеспечения войск. В-третьих, из-за слабого взаимодействия частей и соединений. В-четвертых, из-за отсутствия надежного управления войсками и, в-пятых, из-за слабого материально-технического обеспечения.

К исходу вторых суток войны трудным оставалось положение в 3-й армии. Штаб армии умолял дать транспорт, горючее и вооружение, которое Павлов дать не мог. И если здесь хотя бы была еще какая-то связь, то с 4-й армией дела обстояли еще хуже. С ней связи не было в течение всей ночи с 22 на 23 июня. Соответственно, никаких распоряжений Павлов ее штабу отдать не мог. А когда отдал, оно уже стало нереальным.

На исходе 23-го июня он приказал командующему 4-й армии: «Упорной обороной остановить противника на фронте Трухновичи и далее по восточному берегу р. Ясельда до деревни Жабер, Дюгичин, канал Белозерский, прочно окопавшись, создав искусственные препятствия перед фронтом позиций армий, дать решительный отпор всякой попытке противника прорвать фронт армии...»

Затем командующему 10-й: «В связи с наступлением ударной группы Болдина на Гродно вам удерживать рубеж: Забеле, Осовей, Визна, Капицы, р. Нарев до Сураж, Бельск-Подлески, Гайновка, 6-ю кд (кавалерийскую дивизию. — Примеч. ред.) 24.6.41 г. сосредоточить в районе Свилочь в готовности 25.6.41 г. вести ею решительное наступление в направлении Пружаны...»

Одновременно он приказывает ударной группе Болдина продолжить наступление на Гродно и 3-й армии атаковать в общем направлении на Гродно.

По сути это приказ на продолжение контрудара в районе Гродно, на

который, как писал профессор В.А. Анфилов, «командование фронтом и два маршала-консультанта, присутствовавшие там, по-видимому, делали главную ставку». Но в отношении маршала Шапошникова это неправда. Он был категорически против. Но об этом позже.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

По мнению специалистов Генерального штаба, «в оперативном искусстве советских войск причудливо переплетались два основных вида боевых действий — наступление и оборона. Так как советскому командованию не удалось осуществить единого контрнаступления, боевые действия по выполнению директивы №3 вылились в разрозненные контрудары фронтов и армий. При этом наступательные действия дивизий первого эшелона армий прикрытия ограничились в основном встречными боями с вторгшимися частями противника. Контратаки же проводились в рамках оборонительных боев и имели целью удержание занимаемой полосы. В отличие от этих дивизий соединения, составляющие вторые эшелоны (резервы) армий и фронтов, почти все без исключения проводили контрудары или участвовали в них.

Фронтвые контрудары наносились, как правило, на стыках двух фронтов или двух армий, где наступавший противник достигал наибольших успехов. При этом следует выделить контрудары, которые проводились по приказу командующих войсками фронтов, но лишь силами армий прикрытия и под руководством командующих этими армиями; контрудары, проводившиеся по приказу командующих фронтами с привлечением сил фронта, но под руководством одного из командующих армией; наконец контрудары, которые наносились силами фронта и под непосредственным руководством фронтового командования».

Командование Западного фронта приказывало провести шесть контрударов. Три из них проведены не были, и только три частично выполнили поставленную задачу, но гораздо меньшими силами, чем планировалось.

Почему одни из контрударов оказались неудачными, а другие вообще не удалось провести?

«Во-первых, командующие войсками фронтов зачастую ставили объединениям и соединениям совершенно нереальные задачи, их нельзя было выполнить физически. Постановка нереальных задач объясняется как

почти полным незнанием обстановки, так и стремлением безоговорочно выполнить директиву № 3 Главного военного совета, переложив определенную долю ответственности на подчиненные войска. Во-вторых, жесткие временные рамки не позволяли командующим и командирам, а также штабам объединений и сомнений организовать огневое поражение противника и взаимодействие. В-третьих, стремление командующих почти моментально отреагировать на приказ вышестоящей инстанции или на ставшие известными им изменения в обстановке приводило к тому, что войска получали большое количество сменявших и часто исключавших друг друга распоряжений.

Так как большинство из них касалось проведения контрударов, то это требовало непрерывных 2-3-суточных маршей под воздействием авиации противника, при недостатке горючего и невозможности проводить плановое обслуживание танков и другой техники.

К полю боя войска подходили измотанными... Мощного и одновременного удара не получалось, поэтому сопротивление даже небольших сил противника преодолевать не удавалось. Задача оставалась невыполненной.

В-четвертых, контрудары во многих случаях наносились по слабо разведанным, сильным и, главное, лучше управляемым группировкам врага. В-пятых, в ходе осуществления контрударов совершенно неудовлетворительно было поставлено управление войсками. Вследствие низкой эффективности разведки не удалось организовать непрерывный сбор данных о противнике. Отсутствие опыта и слабая сплоченность штабов, а также частое нарушение связи не позволяли иметь достоверные сведения о положении и характере действий своих войск. Все это затрудняло принятие решения и постановку соединениям боевых задач. Взаимодействия войск, по существу, не организовывалось...»

* * *

В середине дня 23 июня 1941 г. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко позвонил Сталину. Сначала, как и положено, он доложил обстановку, а потом сразу же перешел к главному:

— Товарищ Сталин! Бюро ЦК, проанализировав военное положение, пришло к выводу о необходимости развернуть эвакуацию. По голосу было видно, что вождь очень удивился:

— Вы думаете, это надо делать? Не рано ли?

— Обстановка сложилась такая, что в половине областей республики (в Брестской, Белостокской, Пинской, Барановической) широкая эвакуация уже невозможна. Боюсь, что опоздание с этим для Минска и восточных

областей станет непоправимым.

Выждав короткую паузу, Сталин сказал:

— Хорошо, приступайте к эвакуации. Кроме населения и особенно детей, родители которых ушли на фронт, вывозите наиболее важную часть государственных и партийных архивов и государственные ценности, какие считаете необходимым вывезти в первую очередь. Делайте это так, чтобы не создать паники и сохранить порядок. Все должны понимать, что эвакуация — это тоже элемент войны.

* * *

Рано утром 23 июня Г.И. Кулик на самолете отправился в Белосток, в штаб 10-й армии, поскольку в Москве и в Минске полагали, что именно там возникла главная угроза Западному фронту.

Маршал спешил помочь генералу Болдину, но немецкая авиация уже полностью господствовала в небе Белоруссии, и самолет представителя Сталина, спасаясь от ее истребителей, сел на вынужденную посадку прямо в поле на пути к Белостоку. Дальше путь в штаб 10-й армии он преодолевал на двух танках.

В ночь на 23 июня 1941 г. колонна танкового полка получила приказ на выдвижение под Гродно. Во время марша (около 200 танков КВ, Т-34, Т-26 и бронемашин разведроты) ей неоднократно приходилось попадать под удары германской авиации, так как полк оставался без всякого прикрытия. «Вражеские самолеты буквально висели над нашими войсками. Отбомбится одна группа, на смену прилетает другая. И так с утра до вечера. Фашистские летчики гонялись за отдельными танками, машинами, повозками и даже за отдельными людьми. Самолеты иногда снижались так, что были видны ухмыляющиеся лица летчиков и грозящие кулаки. При появлении немецких самолетов мы как можно быстрее съезжали с дороги, искали укрытия. Иногда пулеметным огнем заставляли немецких летчиков подниматься выше. И вот наша колонна рассыпалась в очередной раз, прикрылась молодым лесом, тянувшимся вдоль дороги. Впереди, над перекрестком дорог, кружились немецкие самолеты, непрерывно бомбя и обстреливая наши войска», — вспоминал Б.А. Бородин. Выпускник Орловского бронетанкового училища, командир взвода танков Т-28 13-го танкового полка Борис Афанасьевич Бородин, как раз таки в молодом лесу и обратил внимание на подбегающего к его машине майора-артиллериста.

— Я адъютант заместителя наркома обороны, маршала Советского Союза Кулика, — представился тот майор.

— Здравия желаю, товарищ майор, — не расслышав фамилии, ответил лейтенант.

— Наш БТ-7 поврежден и потерял ход. Нужно немедленно забрать маршала и вывезти его из-под бомбежки, — приказал адъютант Кулика.

На предельной скорости танк командира взвода помчался к указанному месту, где маршал в танковом комбинезоне, представший в подавленном и беспомощном состоянии, перебрался в Т-28. Тут же машина рванула из опасного места, и, отвязавшись от пикировщиков противника, удалилась от своих частей. Когда бомбежка и обстрел остались позади, Кулик потребовал карту.

— Товарищ маршал, нам выдали карты только от Белостока до Берлина, а для этой местности у меня нет, — попытался оправдаться лейтенант. В ответ он услышал странное шмыканье... А тем временем сапог Бородина затекал кровью... Всю дорогу он думал, как бы где-нибудь остановиться и перевязать рану. Дело в том, что, когда он стучал в люк БТ, чтобы забрать маршала, то, по всей видимости, его зацепило в голень. Предлог нашелся: необходимо осмотреть машину. Следом за механиком-водителем и Бородиным, высунувшись из люка, довольно умело вылез грузный и медлительный прежде маршал.

В этот момент механик уже вытащил небольшой осколок у командира и возился с санаптечкой. Кулик посмотрел на рану и его угрюмое, тяжелое лицо на мгновение подобрело.

— Ничего страшного, лейтенант. Считай, отделался царапиной, — сказал он Бородину.

И тут же дал совет солдату:

— Вату пропитай йодом, переложи бинтом. Сильно не пережимай.

И снова в путь. «Опрашивая местных жителей, — вспоминал Борис Афанасьевич, — поехали искать какой-нибудь штаб. И вскоре первый раз увидел живых немцев. У какого-то хутора наскочили на засаду. Неожиданно обнаружил две пушки с расчетами на местах. Возле построения стояли две крытые машины и несколько солдат. Захватил в точку наводки первое орудие. Заряжающий, едва услышав команду, дослал снаряд. Решение принял сам — некогда было обращаться к маршалу. Он же потом похвалил: “Хорошо долбанули немчуру”. Да, повезло. Ведя огонь из пушки и пулемета, мы подбили одно орудие, от второго разбежалась прислуга, то орудие раздавили гусеницами. Очень порадовал меня и обнадежил механик-водитель. Видом своим не внушал особого доверия — небольшого роста, щупловатый. И таким молодцом оказался! Жаль, не запомнил его фамилию. Он пришел к нам из другой роты, заменил старшего сержанта Гордуладзе, погибшего при первом авианалете 22 июня. И заряжающий был новичком. Проскочили хутор и, ориентируясь по отдаленному шуму

боя, продолжили поиск. У какого-то поселка нас неожиданно обстреляли из орудия. Один снаряд угодил в башню, и с радостью я осознал, что он не взял нашу броню. Мы открыли ответный огонь, но маршал приказал повернуть назад. Когда вышли из-под обстрела, маршал озабоченно заметил, что немцы, вероятно, высадили десант для наведения паники...»

Перед маршем под Гродно танкистам выдали по три сушеные воблы, несколько сухарей и по 12 кусочков сахара. Выбрав подходящий момент, Бородин предложил Кулику перекусить, но тот вежливо отказался: мол, болит зуб. Танкисты тоже не притронулись к еде. Тогда Григорий Иванович попросил «дробок» сахара. Потом, глотнув родниковой воды, которую принес в котелке механик-водитель. Кулик глухо обронил:

— С таким харчем не навоюешь...

Под сумерки наконец-то нашли штаб 10-й армии. Встретил маршала генерал-майор артиллерии и проводил к группе стоявших недалеко генералов и полковников. Подойдя к ним, Кулик перейдя на свой излюбленный тон, принялся их воспитывать:

— Посылая меня сюда, товарищ Сталин думал, что наши войска, а они здесь собраны лучшие, громят врага на его территории. А вы здесь устроили вторую Францию...

Теперь это был не тот военачальник, каким его видели до войны. Солидной величины человек с довольно внушительным буро-красным лицом, с ничего не отражающим взором и смотрящим «в ничто», имел довольно утомленный вид и был одет в запыленный комбинезон и пилотку. Выслушав доклад о положении войск и мерах, принятых для отражения ударов противника, он по-детски разводит руки и также по детски произносит неопределенное: «Да-а».

Как вспоминал генерал Болдин, «вылетая из Москвы, он не предполагал встретить здесь столь серьезную обстановку». Рано утром 24 го июня, покидая командный пункт Болдина, прощаясь он, сказал, чтобы тот попытался что-нибудь сделать. Болдин смотрел вслед удалявшейся машине Кулика, так и не поняв, зачем он приезжал...

Борис Афанасьевич Бородин вспоминал: «Рано утром по указанному маршалом маршруту мы выехали в штаб корпуса, номер которого я запомнил. Уже не блуждали, поскольку в штабе армии выдали карту. И пайком обеспечили. Двигались в направлении Гродно. Но в указанном месте штаба корпуса не оказалось. Прикинув, что он скорее всего переместился в восточном направлении, двинулись туда...

(...)... маршал был сильно не в духе. Может, начальство и не поладило меж собой (...).

А то, что произошло дальше, запомнилось хорошо. В одном месте (мы ехали с открытыми люками) увидели отступавшую стрелковую часть. Слышался гул орудий и разрывы снарядов. Некоторые бойцы бежали. Маршал приказал мне: “Остановите паникеров!” Не раздумывая, как это сделать, я бросился навстречу бежавшей группе. Увидел капитана, который пытался остановить бежавших, и закричал ему, чтобы слышали другие: “Смотрите! Там Маршал Советского Союза! Приказ — занять оборону!” Капитан повторил мои слова. Бойцы побежали назад. Послышалось “ура!” Маршал, когда доложил о выполнении его приказа, с улыбкой ответил: “Ничего, привыкнешь”. Наверно, вид у меня был далеко не героический. В подходящем месте съехали с дороги в лес, чтобы позавтракать. Там механик-водитель доложил, что горючего осталось на час-полтора. В свою очередь, я доложил об этом маршалу, но он был задумчив, расстроен и ничего не сказал в ответ. Я выслал механика-водителя и заряжающего на опушку, приказал доложить, когда увидят любую машину или танк. Примерно через полчаса появились две бронемшины. Я выбежал на дорогу, остановил их. В первой ехал полковник. Он оказался начальником связи корпуса, который мы разыскивали. Маршал уехал с полковником».

Григорий Иванович Кулик родился в 1890 г., в крестьянской семье на хуторе Дудниково Полтавской области. С 1912 г. в армии, прапорщик, командир взвода. В Красной гвардии с 1917 г., в Красной Армии с 1918 г. Окончил школу прапорщиков (1915 г.), Курсы высшего комсостава (1924 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1932 г.).

В Гражданскую войну — начальник артиллерии 5-й (10-й) армии, военком Харьковской губернии и начальник гарнизона. Начальник артиллерии 14-й армии, начальник артиллерии Первой конной армии, затем СКВО и помощник начальника артиллерии РККА.

С 1925 г. — заместитель председателя Военно-промышленного комитета ВСНХ, с ноября 1926 г. — начальник Артиллерийского управления РККА. В 1930 г. — командир Московской пролетарской дивизии. С 1932 г. — командир и комиссар 3-го стрелкового корпуса, с мая 1937 г. — начальник Артиллерийского управления РККА. С января 1939 г. — заместитель наркома обороны СССР и начальник Главного артиллерийского управления РККА

«Будучи начальником Главного артиллерийского управления Красной Армии, в силу своей неподготовленности, невысокой эрудиции и некомпетентности способствовал снятию с валового производства крайне необходимых для армии артиллерийских систем и боеприпасов к ним, тормозил оснащение армии новыми видами вооружения — наземной и

зенитной артиллерии, стрелкового автоматического и минометного вооружения, ратовал за артиллерию на конной тяге, настаивал на том, чтобы танковые части использовались главным образом для непосредственной поддержки пехоты, за что в июне 1941 г. был снят с должности.

В начале Великой Отечественной войны Г.И. Кулик по приказу Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, как представитель Ставки ГК был направлен на Западный фронт для изучения обстановки и координации действий войск Красной Армии».

Но вернемся к путешествию маршала Кулика. На шоссе Белосто-Волковыск, в пятнадцати километрах от последнего, две бронемашины, в одной из которых находился маршал, забуксовали на лесной дороге. .От Волковыска через Зельву и Слоним, миновав Барановичи, бронемашина с маршалом выбралась на Варшавское шоссе и направилась к Слуцку. Оттуда на автомобиле замнаркома выехал в Минск. Но немецкие десантники высадились у деревни Шищицы, перерезали пересечение автодорог от Слуцка на Минск и со стороны Несвижа на Осиповичи. Перед Шищицами “эмка” с маршалом свернула в лес, и там ее пришлось оставить. У деревни Жилин Брод Кулик со своим сопровождением выбрался на осиповичскую дорогу. Немецкая войсковая разведка установила факт появления Кулика под Шищицами, но сведения были запоздалые — почти двухмесячной давности», — пишет М. Кадет.

Теперь его искали не только свои, но и немцы!

«Переправившись через реку Птичь возле лесного урочища Гайки, недалеко от деревни Островки, Григорий Иванович добрался до местечка Дарапшово и, обойдя занятые немцами Осиповичи, оказался в рабочем поселке торфзавода Татарка. Там облачился в крестьянскую одежду и со своими спутниками продолжал поиск удалившейся линии фронта». Они следовали на могилевском направлении и вышли к реке Березине. Тогда-то и встретил маршала лейтенант-пограничник Николай Федорович Повзун. Он-то и поведal М. Кадету следующее:

— На том берегу — какая-то деревушка, название ее забылось. За ней деревня побольше — Закошь. Немцы, как мы установили, там еще не появлялись. К месту, где мы расположились, подошли трое мужчин. Одеты по-крестьянски. На плечах косы. Двоим лет по тридцать. Третий — пожилой. Пожилой остановился неподалеку. Подошедшие представились командирами Красной Армии. Потребовали предъявить документы. Объяснили, что выводят из окружения замнаркома обороны Маршала Советского Союза Кулика. Попросили переправить их через Березину.

“Сейчас сделаем”, — ответил я. Отправил в деревню за лодкой четырех бойцов. Когда они подогнали две лодки, мы заняли оборону. Наблюдали за местностью и охраняли, пока Кулик и его сопровождающие не переправились и не скрылись в лесу”.

Далее он обрисовал портрет маршала:

— Лицо тяжкое, обвисшее. Давно не брит. Вид нездоровый. Грузно, с трудом садился в лодку. Одет был так: соломенная шляпа, серая домотканая рубаша навыпуск и домотканые брюки, заправленные в лапти. В окружении я повидал немало командиров, переодетых в гражданку. Около Минска, в Фаниполе, видел, как в гражданский костюм переодевался генерал-лейтенант Кузнецов. Но такой маскировки, как у Кулика, не встречал».

Фактически около двух недель маршал Советского Союза Кулик блуждал в окружении по лесам и болотам. Пришлось ему, прямо скажем, трудно. Дорогой он натер себе ноги так, что не мог идти. А к своим маршал вышел под Шкловом, на Днепре. Его тут же доставили в штаб 13-й армии, а затем в Москву.

Вот что докладывал начальник особого отдела 10-й армии Лось о поведении Кулика в окружении: «Маршал Кулик приказал всем снять знаки различия, выбросить документы, затем переодеться в крестьянскую одежду и сам переоделся... Кулик никаких документов при себе не имел. Предлагал бросить оружие, а мне лично ордена и документы. Однако, кроме его адъютанта, никто документов и оружия не бросил».

* * *

24 июня сражение в районе Гродно обрело новый размах. Там началось наступление Конно-механизированной группы (кmg) генерала Болдина. Имея задачу продвинуться к переправам через Неман в район Друскининкай и Меркине и уничтожить противника на левом берегу Немана, кmg поддерживалась только 124-м артполком РГК и 77-м артполком 29-й мотодивизии. За несколько часов, первый из них расстрелял весь боезапас, и не получив боеприпасов, начал отход на Волковыск, а командир 6-го мехкорпуса вынужден был выводить свои части из-под авиационных ударов немцев. Тем не менее к исходу дня кmg продолжала попытки осуществить контрудар на Гродненском направлении.

13-я армия получила приказ поддержать кmg ударом на Радунь, Ораны, приняв в подчинение один стрелковый корпус (21-й), одну стрелковую дивизию (50-ю) и 8-ю противотанковую артбригаду.

Командование 10-й армии, получив данные о захвате противником Слонима и о прорыве их танков с северо-запада на Молодечно, почувствовало реальную угрозу окружения ее войск. С наступлением

темноты оно начало переводить штаб армии в район Волковыска на расстояние более ста километров от передней линии.

Остатки 4-й армии в течение дня отступили на расстояние до 100 километров. За исключением двух стрелковых дивизий ее части были недееспособны. Постоянные бомбардировки авиации противника деморализовали ее пехоту. Средства управления были потеряны, а сам штаб армии был разделен на группы по руководству отрядами.

В оперсводке №1 штаба 4-й армии говорилось: «Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, начиная от командующего армией, хотя эти меры должного эффекта не дали».

В 3-й армии управление войсками еще каким-то образом осуществлялось...

* * *

В эти дни в Оперативном управлении Генерального штаба офицеры работали по направлениям (Западному, Северо-Западному и Юго-Западному). В зале заседаний вдоль стен были расставлены рабочие столы. Рядом кабинеты наркома, начальника Генштаба и телеграф. Тут же машинистки. Хотя было и тесно, но так оказалось удобнее. Как вспоминал генерал армии Штеменко, «безотлучно находятся в Генштабе начальник артиллерии Н.Н. Воронов, помощник командующего войсками Московского военного округа по ПВО М.С. Громадин, начальник Главного артиллерийского управления Н.Д. Яковлев, начальник Управления связи Н.И. Галич, начальник военных сообщений Н.И. Трубецкой. Нам, операторам, приходится поддерживать контакты с аппаратом каждого из них, в особенности с органами военных сообщений, поскольку передвижение войск из внутренних округов к линии фронта нуждается в неослабном контроле.

Эшелоны с войсками идут на запад и юго-запад. Сплошным потоком. То одного, то другого из нас направляют на станции выгрузки. Сложность и переменчивость обстановки нередко вынуждали прекращать выгрузку и направлять эшелоны на какую-то иную станцию. Случалось, что командование и штаб дивизии выгружались в одном месте, а полки — в другом или даже в нескольких местах на значительном удалении. Распоряжения и директивы, адресованные в войска, иногда устаревали, не достигнув адресата. За всем этим оператор обязан был следить и своевременно принимать надлежащие меры».

Одни операторы «вели карты обстановки, передавали в войска дополнительные указания, принимали оттуда новую информацию, писали

справки и донесения». А другие «обобщали все эти материалы и готовили доклады в Ставку».

В связи с катастрофической обстановкой на фронтах довольно частыми стали командировки в действующую армию, прежде всего «для уточнения истинного начертания переднего края обороны наших войск, для установления фактов захвата противником того или иного населенного пункта».

Война вскрыла несовершенство организационной структуры в большинстве звеньев Генштаба. Поэтому перестраивались там на ходу.

Как писал генерал Штеменко, «окончательно выявилась практическая непригодность старой организации. Потребовалось выделить на каждый фронт специальную группу операторов во главе с опытным начальником (...) Не виной, а бедой нашей являлось то, что не всегда мы располагали достаточно подробными данными о положении своих войск. Впрочем, не легче доставались и данные о противнике. К каким только ухищрениям не приходилось прибегать! Помню, однажды нам никак не удавалось установить положение сторон на одном из участков Западного фронта. Линии боевой связи оказались поврежденными. Тогда кто-то из операторов решил позвонить по обычному телефону в один из сельсоветов интересующего нас района. На его звонок отозвался председатель сельсовета. Спрашиваем: есть ли в селе наши войска? Отвечает, что нет. А немцы? Оказывается и немцев нет, но они заняли ближние деревни — председатель назвал, какие именно. В итоге на оперативных картах появилось вполне достоверное, как потом подтвердилось, положение сторон в данном районе.

Мы и в последующем, когда было туго, практиковали такой способ уточнения обстановки. В необходимых случаях запрашивали райкомы, райисполкомы, сельсоветы и почти всегда получали от них нужную информацию».

* * *

Когда танковые группы противника прорвались к Барановичам и Молодечно, создалась угроза окружения всей белостокской (3-я и 10-я армии, кмг Болдина) группировки войск Западного фронта. Обстановка осложнилась до такой степени, что требовалось немедленно прекратить контрудар на Гродно, а главным силам тотчас же перейти к обороне в условиях окружения или же отводить их на восток. Но генерал армии Павлов не решился поставить перед народным комиссаром такой вопрос. Как факт, на 25 июня войскам фронта были оставлены прежние задачи: «Группе Болдина и 3-й армии — продолжить контрудар на Гродно и

севернее, 10-й и 4-й армиям — удерживать занимаемые рубежи».

Следовательно, вечером 24 июня никакого кардинального решения в отношении белостокской группировки фронта принято не было. «Вместо попыток организовать отвод основных сил фронта из-под угрозы их окружения группа Болдина по-прежнему должна была в бесполезных атаках изматывать свои силы, терять людей, боевую технику, бесцельно расходовать боеприпасы и горючее, а основные силы 10-й армии — оставаться на рубежах по рекам Бебжа (Бобр) и Нарев, находившихся от линии Барановичи — Молодечно на расстоянии более 200 км», — писал в мемуарах генерал Сандалов.

Там же он приводит два варианта решений избежать катастрофы: «Одним из правильных решений могла явиться организация совместной круговой обороны войск 10-й и 3-й армий в районе Белосток, Беловежская Пуца, Волковыск под единым командованием находившегося в войсках заместителя НКО Г.И. Кулика и заместителя командующего фронтом И.В. Болдина...

Вторым решением мог быть организованный и быстрый отвод войск 10-й, 3-й армий и группы Болдина на восток, в Минский укрепрайон».

В результате 25 июня кмг Болдина была скована двумя пехотными дивизиями противника, а господствующая его авиация своими активными действиями дезорганизовала тыл, нарушив обеспечение группы боеприпасами и горючим. Более того, была потеряна связь кмг со штабом фронта.

К концу четвертого дня войны основные боевые действия в полосе 4-й армии проходили в районах, удаленных от государственной границы на 200 и более километров (район Барановичей и Слуцкое направление).

Угроза оперативного окружения войск 3-й, 10-й армий и группы Болдина восточнее Белостока возросла еще более.

* * *

Вечером 24 июня, замещавший Г.К. Жукова генерал Ватутин, предложил наркому обороны ходатайствовать перед Сталиным об отдании директивы командующему Западным фронтом об отводе войск из Белостокского выступа на восток. Пока маршал Советского Союза думал, в ночь на 25-е к Сталину поступило сообщение от Пономаренко: «Ввиду отсутствия других средств связи прошу передать тов. Сталину следующее. В связи с ожесточенными непрерывными бомбардировками Минск горит так, что вследствие большого количества деревянных строений локализовать пожар не удастся. Город лишен света, воды, всех средств связи, поэтому управлять областями невозможно. Военсовет решил сегодня

ночью эвакуировать республиканские учреждения в Могилев и ставить вопрос о перемещении штабных служб».

Благодаря этой информации первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии вождь разрешил наркому обороны тут же из Кремля направить Павлову директиву об отводе войск на рубеж Лида, Слоним, Пинск. Директива была получена им в 3.47 утра. Тогда же возник вопрос: когда производить эту операцию? Ведь в ней было указано «под прикрытием темноты», но уже было светло. Оставалась только одна единственная ночь с 25 на 26 июня, до которой было необходимо дожить почти целые сутки.

В переговорах по «бодо» Павлова с Генштабом видно, как он заискивает, сгибается. Чувство растерянности и вины не покидает его: «— Я беспокою Вас в отношении директивы, полученной мной лично из Ставки в 3.47 утра. Я хочу уточнить один вопрос...» Маршал Тимошенко категоричен: «Операцию производить с 25-го на 26-е в ночь».

Рано утром 25 июня заместитель начальника штаба полковник Кривошеев встретил командующего войсками фронта, которому доложил об обстановке на участке 4-й армии. Павлов, в свою очередь, информировал Кривошеева об общей обстановке на фронте: «10-я армия занимает прежние рубежи, группа Болдина успешно наступает на Гродно, а южнее Полесья войска 5-й армии Юго-Западного фронта отступают от Западного Буга к р. Стирь...».

А уже днем 25-го Павлов приказал начать отход в ночь с 25 на 26 июня 1941 г. не позднее 21 часа: «Танки в авангарде, конница и сильная ПТО (противотанковая оборона. — Примеч. ред.) в арьергарде...»

«Предстоящий марш совершать стремительно днем и ночью под прикрытием стойких арьергардов. Отрыв производить на широком фронте... Первый скачок — 60 км в сутки», — говорилось в директиве командующим армиям. Но как правильно заметил В.А. Анфилов, «осталось неизвестным, дошло ли до исполнителей содержание этой уже невыполнимой в сложившихся условиях директивы».

21 час 25.06.1941 г. переговоры по «бодо»:

«Тимошенко: Здравствуйте, доложите кратко выполнение директивы.

Павлов: Сегодня с наступлением темноты части 10-й и 3-й армий должны быстро оторваться от врага и сделать за сутки не менее 60 км. В 4-й армии был лично сам. Приказал укрепить положение и обороняться на рубеже р. Шара. 64-я и 100-я стрелковые дивизии 3-й армии) организовали противотанковую оборону и развернулись на линии Минского УРа фронтом на северо-запад, имея в виду встретить танковые колонны противника, которые по данным авиаразведки на 18.00 подходили к

Молодечно и Грудок...

Тимошенко: Готов ли у вас КП в Могилеве? Если нет, то надо ускорить готовность.

Павлов: Нет. К подготовке еще не приступили. Уходить же с этой КП до выполнения вашей директивы считал бы нецелесообразным, дабы не потерять управление.

Тимошенко: Готовить прибывающие дивизии в район восточнее Минска... Надо принять все меры к обеспечению правого фланга Минского УРа с севера, по вооружению как Минского, так и Слуцкого УРов и промежутка между ними...

Павлов: В отношении авиации мы все внимание сосредотачиваем именно на выполнении этой задачи... В отношении усилий противника и его стремления свести клещи окружения в районе Барановичи или даже Минска — мы ясно учитываем. И поэтому при выполнении вашей директивы уже создается группировка, которая позволила бы нам справиться и расправиться с этим окружением...»

«Отдавая директивы на отвод войск на указанные рубежи в столь высоких темпах, — писал генерал Сандалов, — командование фронта имело далеко не полное представление об остановке не только в войсках 3-й и 10-й армий, находившихся в районе Белостока, но и в полосах 13-й и 4-й армий. Запоздалое решение Ставки Главного командования на отвод войск из района Белостока и отсутствие настойчивости у командования фронта в современном доведении его до войск в значительной мере предопределили в последующем неудачный исход боевых действий в период отступления и в конечном итоге тяжелое поражение войск всех армий Западного фронта».

И вот еще: «Это видно из того, что к моменту отдачи указаний командующим для отхода белостокской группировки войск Западного фронта оставался коридор шириной местами не более 60 км с небольшим количеством проселочных дорог. Над обоими флангами и тылом наших войск нависли крупные группировки противника. Войскам предстояло преодолеть расстояние свыше 150 км, на что требовалось не менее трех суток».

5 часов утра 26 июня 1941 г. переговоры по «бодо»:

«Тимошенко: Кратко, что имеете о действиях (войск)?

Павлов: Связи с 10-й армией нет. Сейчас направляем боевые самолеты для точного определения, где находятся наши части и противника...

Тимошенко: Связь с 4-й армией имеется: действительно? Она в прежнем положении?

Павлов: Вторую половину ночи связи не было. Сейчас послал проверить проволочную связь. Связи ни с кем нет, кроме 2-го и 44-го стрелковых корпусов (13-й армии). Рации же в армиях все разгромлены. Осталось по одной рации...»

«Примерно в это же время (...) дважды звонил Павлову Сталин. Командующий фронтом заверил и его, что примет все меры к отводу войск на восток и защите столицы Белоруссии. Тем не менее Сталин, сильно нервничавший и не доверявший уже Павлову, решил направить к нему Ворошилова с целью на месте разобраться в обстановке и оказать помощь командующему фронтом», — писал В.А. Анфилов.

Пока военачальники выясняли обстановку, столица Белоруссии была предоставлена сама себе. Люди грабили магазины и склады, из которых в первую очередь тащили вино и водку. Неудивительно, что на улицах Минска с каждым часом появлялось все больше пьяных. Но они обращали на себя внимание не надолго, так как немецкая авиация с перерывами бомбила город, превращая в руины жилые кварталы, заводы и фабрики. Столбы огня и дыма, оглушительные и еще не совсем привычные взрывы авиабомб наводили ужас на горожан, показывая им все красоты настоящего ада.

* * *

В полдень 25 июня разведчики 73-го отдельного разведбатальона 64-й стрелковой дивизии проводили разведку в районе Радомковичей. В четырех километрах от этого населенного пункта они обнаружили до двух десятков штабных автобусов и легковых автомашин. Комбат майор Чумаков двумя ротами внезапно атаковал немецких штабников. За полчаса разведчики уничтожили до полусотни немецких офицеров и солдат, захватили четыре портфеля с важными документами.

Когда 26 июня начальник оперативного отдела 13-й армии подполковник С.П. Иванов взглянул на подлинник захваченной трофейной карты, найденной в одном из портфелей, то он от удивления даже обомлел. «На ней было показано оперативное построение всей немецкой группы армий “Центр”. Особенно четко выделялись направления ударов 2-й и 3-й танковых групп, рубежи выхода их передовых частей по срокам, — вспоминал генерал армии Иванов. — Впервые я увидел вражеский оперативный документ такого значения и оценил его как профессионал: выполнен он был со скрупулезной четкостью и логичностью, хотя в наглядности уступал нашим подобным документам. Но, конечно, отнюдь не это стало главным впечатлением. Перед нами лежал графический план первой наступательной операции группы армий фельдмаршала фон Бока.

(...) Ведь он позволял оценить громадные силы врага, наступавшие в полосе нашего фронта, давал возможность в полном объеме понять не только сущность, но и драматизм оперативно-стратегической ситуации на Западном Стратегическом направлении, осмыслить коварные и небезосновательные расчеты Гитлера.

Признаюсь, взгляд на эту карту вызвал у меня душевное волнение (...).

Роковую опасность сулили танковые клинья, устремленные к Минску. Мощные одновременные удары 2-й и 3-й танковых групп по сходящимся направлениям к столице Белоруссии ставили под угрозу окружения, и очень скорого, почти все наличные войска Западного фронта. Нанесенные на карте рубежи продвижения танковых соединений неопровержимо свидетельствовали, что этот план, хотя и не без трудностей, настойчиво проводится фашистами в жизнь».

К утру 26 июня Сталин был убежден, что контрнаступление Западного фронта неосуществимо. Он срочно вызывает на связь Жукова, который в это время находился в Тернополе.

— Товарищ Жуков, на западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете ли вы немедленно вылететь в Москву? — сказал Сталин.

В 15 часов генерал армии Жуков заходил в кремлевский кабинет вождя. Там уже находились члены Политбюро и военачальники. Тимошенко и Ватутин выглядели бледными и осунувшимися. С покрасневшими от недосыпания глазами они стояли на вытяжку перед вождем. Судя по всему, начальник Генерального штаба своим приходом оборвал весьма крутой разговор.

Сталин поздоровался кивком головы и тут же с раздражением бросил:

— Очень трудно понять предложения товарищей Тимошенко и Ватутина.

Затем он подошел к столу, где лежала развернутая карта с нанесенной на ней обстановкой Западного фронта и продолжил:

— По их словам, танковые колонны немцев уже недалеко от Минска. Войска первого эшелона не смогли остановить противника у границы и обеспечить развертывание подходящих войск. Фактически Западный фронт прорван... Основные силы окружены... Подумайте все вместе и скажите, что еще можно сделать в сложившейся обстановке?

Через сорок минут доложите!

Тимошенко, Жуков и Ватутин вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и возможности Западного фронта.

Г.К. Жуков вспоминал: «Не зная точного положения в 3-й, 10-й и 4-й армиях, не имея полного представления о прорвавшихся бронетанковых группировках противника, командующий фронтом генерал армии Д.Г. Павлов часто принимал решения, не отвечающие обстановке.

Понеся большие потери в приграничном сражении, войска 3-й, 10-й и 4-й армий, мужественно отбиваясь от наседавшего противника, отходили на восток. Героически сдерживали натиск врага и четыре дивизии 13-й армии: 26 и 27 июня они вели бои в Минском укрепленном районе.

По указанию Ставки Главного Командования генерал армии Д.Г. Павлов приказал 3-й и 10-й армиям отходить на восток и занять оборону на линии Лида-Слоним-Пинск. Но это никак не могло быть выполнено, так как эти армии были окружены, истощены и с трудом пробивались под непрерывными ударами немецкой авиации и бронетанковых войск.

26 июня 39-й моторкорпус противника подошел к Минскому укрепленному району, где с ним столкнулись направляющиеся сюда части 44-го стрелкового корпуса под командованием генерала В.А. Юшкевича.

С целью усиления обороны Минска со стороны Молодечно на северо-западные подступы к городу был срочно выдвинут 2-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора А.Н. Ермакова. В его состав входили 100-я и 161-я дивизии.

Однако с выходом на юго-западные подступы к Минску 47-го моторизованного корпуса танковой группы Гудериана положение обороняющихся войск резко ухудшилось. (...)

Западнее Минска были окружены и дрались в неравном бою остатки 3-й и 10-й армий, сковывая значительные силы противника. Некоторые части 4-й армии отошли в Припятские леса. С линии Докшицы — Смолевичи — Слуцк — Пинск отходили на реку Березину разрозненные соединения войск, понесшие в предыдущих боях серьезные потери. Эти ослабленные войска фронта преследовались мощными группировками противника.

Обсудив положение, мы ничего лучшего не могли предложить, как немедленно занять оборону на рубеже Зап. Двина — Полоцк — Витебск — Орша — Могилев — Мозырь и для обороны использовать 13, 19, 20, 21 и 22-ю армии. Кроме того, следовало срочно приступить к подготовке обороны на тыловом рубеже по линии Селижарово — Смоленск — Рославль — Гомель силами 24-й и 28-й армий резерва Ставки. Помимо этого, мы предлагали срочно сформировать еще 2-3 армии за счет дивизий Московского ополчения.

Все эти предложения И.В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями.

В своих предложениях мы исходили из главной задачи — создать на путях к Москве глубоко эшелонированную оборону, измотать противника и, остановив его на одном из оборонительных рубежей, организовать контрнаступление, собрав для этого необходимые силы частично за счет Дальнего Востока и главным образом новых формирований.

Где будет остановлен противник, что взять за выгодный исходный рубеж контрнаступления, какие будут собраны для этого силы, мы тогда еще не знали. Пока это был всего лишь замысел».

Что и говорить, всего за пять дней войны войска Западного фронта отошли от государственной границы на более чем 200 километров.

Войска 3-й армии продолжали вести бои на южном берегу реки Неман. Войска 10-й армии отходили с Запада без соприкосновения с противником. Связь штаба Западного фронта с ними отсутствовала.

13-я армия в момент нанесения контрудара с целью содействия группе Болдина сама подверглась встречному удару противника. Остатки 4-й армии продолжали отступление на восток.

Штаб Западного фронта 26 июня начал перебазироваться из района Уручье в Бобруйск, но в связи с обострением обстановки вынужден был остановиться в лесу восточнее Днепра, в районе Могилева.

Как считал генерал Сандалов, «в сложной, критической обстановке первых дней войны командование фронтом и армий не находило правильных оперативно-стратегических решений».

Утром 27 июня трофейную карту, захваченную разведчиками 13-й армии, представили больному маршалу Шапошникову. Предварительно ознакомившись с разведывательными донесениями Северо-Западного, Юго-Западного и Южного фронтов, Борис Михайлович тут же сделал принципиальный вывод о том, что главный удар враг наносит не на юге, а в центре.

«Так этот документ послужил важным аргументом в ряду доводов, приводимых генштабистами с целью убедить И.В. Сталина в том, что он ошибался, считая южное крыло советско-германского фронта главным в планах Гитлера, — вспоминал генерал армии Иванов. — Как мы позднее узнали, наша Ставка начала срочную переброску на Западное направление не только резервных войск, но и нескольких армий, уже выдвинутых или выдвигавшихся на Юго-Западное направление. Только после войны мне стало известно, что маршал Шапошников настоятельно рекомендовал И.В. Сталину разрешить форсированный отвод на восток, на рубеж Днепра».

* * *

Борис Михайлович Шапошников родился в 1882 г. в городе Златоусте,

ныне Челябинской области.

В армии с 1901 г., полковник, командир гренадерского полка. В Красной Армии с 1918 г.

Окончил промышленное и реальное училища, военное училище, Академию Генерального штаба (1910 г.). В годы Гражданской войны — помощник начальника Оперативного управления штаба Высшего Военного Совета Республики, начальник Разведотдела Полевого штаба РВСР, старший помощник заведующего особым делопроизводством военного отдела Высшей военной инспекции РСФСР, первый помощник начальника штаба наркомвоенмора Украины, начальник Разведывательного отделения Полевого штаба РВСР, начальник Оперативного управления Полевого штаба РВСР, первый помощник начальника штаба РККА.

С 1925 г. — заместитель командующего, командующий войсками Ленинградского военного округа.

С 1927 г. — командующий войсками Московского военного округа, с 1928 г. — начальник штаба РККА, с 1931 г. — командующий войсками Приволжского военного округа, с 1932 г. — начальник и комиссар Военной академии имени М.В. Фрунзе.

С 1935 г. — командующий войсками Ленинградского военного округа, с 1937 г. — начальник Генерального штаба Красной Армии и заместитель наркома обороны.

В 1941 г. — заместитель народного комиссара обороны СССР и постоянный советник при Ставке Главного командования.

О личности маршала Советского Союза Шапошникова можно говорить много и долго, но при этом не сказать главного...

Во-первых, интеллектуальное влияние Бориса Михайловича на высший военный и политический эшелон Советского руководства было, в сущности, колоссально, хотя и не безгранично. Он вносил очень ценные предложения о дислокации войск в западных пограничных округах. Он предполагал основные силы этих округов держать в рамках старой государственной границы за линией мощных укрепленных районов, а вновь освобожденные области Западной Белоруссии и Западной Украины, а также в Прибалтику выдвинуть лишь части прикрытия, способные обеспечить развертывание главных сил в случае внезапного нападения.

Во-вторых, выдающийся труд Шапошникова «Мозг армии» отмечал сам Сталин среди четырех книг военно-исторического характера по вопросам стратегии и военного искусства.

Борис Михайлович был для него учителем, равно как и для Жукова, Василевского и Антонова.

Он помогал вождю в постижении таинственной для него стратегии, военного искусства, а также алгоритма принятия решения как Верховного Главнокомандующего. И если маршал порой не мог переубедить вождя, если тот был уверен в своей правоте, то всегда компенсировал этот недостаток тонким и масштабным умом генштабиста.

В-третьих, на Сталина абсолютно производили впечатление его эрудиция и интеллигентность. Как теоретик и практик Б.М. Шапошников в военных вопросах разъяснял вождю многие архисложные аспекты. Был его лучшим советником и помощником. Только одна помощь Сталину в постижении искусства накопления, выдвижения и использования стратегических резервов стоит многого. При этом Борис Михайлович всегда оставался ярко выраженным военспецом, прекрасно понимающим несостоятельность новой политической системы, но никогда не дававшим повода усомниться в своей преданности ей.

Все знавшие его полководцы и военачальники называли Шапошникова аккуратным, выдержанным, трудолюбивым и организованным человеком. А еще в высшей степени деликатным. Он часто брал на себя вину подчиненных за несвоевременную информацию.

В нем видели обладателя лучших человеческих качеств, всегда отмечали в его деятельности педагогичность и методичность.

Сильной стороной его являлось умение организовать подготовку высших начальников и высших штабов. Военные игры он всегда проводил на сложном оперативном фоне, основу которого составлял, как правило, какой-либо исторический факт.

Шапошникова называли обаятельным человеком. Прекрасным, знающим, душевным и удивляющим своей феноменальной памятью. Он никогда не пользовался блокнотом, однако ничего не забывал.

Основными чертами характера Бориса Михайловича были: вежливость, такт во взаимоотношениях с подчиненными, способность их внимательно выслушать, готовность оказать им помощь.

Шапошникова отличали исключительная точность и аккуратность, непримиримость к любым нарушениям дисциплины. Его лицо всегда было неизменно спокойным, распоряжения краткими и точными, а слово «голубчик» обязательным.

Самым строгим наказанием у Бориса Михайловича было объявление выговора, ибо в его понятии объявление выговора начальником Генерального штаба должно было подсказать виновному подать рапорт об освобождении от занимаемой должности.

Всегда внутренне и внешне подтянутый, организованный, он сочетал в

себе душевную красоту и огромную эрудицию, высокую культуру и блестящее знание военного дела. Его личное обаяние было огромным.

Кто знает, не все ли эти качества стали весомым аргументом для Сталина на категорический отказ от ареста и какого-либо преследования Бориса Михайловича, когда следователи НКВД собрали на него «увесистое» дело?

Борис Михайлович работал всегда. Его редко можно было застать в кабинете отдыхающим. Работоспособность же просто поражала Сталина. В 1938 г. из-за этого пристрастия он даже получил следующее приказание наркома обороны Ворошилова: «Приказываю прервать работу на 6 суток для отдыха, согласно заключения врачей». Но он игнорировал даже такие приказы.

Мало кто знает, что маршал Шапошников был человеком глубоко верующим. Он никогда не снимал старинной натальной ладанки с очень древней казацкой иконкой, которой было почти 200 лет. Кроме нее, он носил еще старый фамильный крест работы Фаберже. Более того, Борис Михайлович никогда не скрывал того, что верит в Бога. Верит истинно!

Маршал очень любил классическую музыку и мог ее слушать часами. Всех учеников Бориса Михайловича вождь называл не иначе, как «шапошниковской школой». А на совещаниях заслушивая А.М. Василевского, непременно задавал один и тот же вопрос: «С Шапошниковым посоветовались?»

Маршал Шапошников был единственным военачальником, которого вождь называл по имени-отчеству.

В своем кабинете Борис Михайлович ежедневно молился. Но поражает не это, а те слова, которые он произносил: «Господи, спаси мою Родину и русский народ!»

* * *

В ночь на 27 июня 1941 г. Ворошилов по приказу Сталина вызвал по ВЧ маршала Б.М. Шапошникова, который в это время находился на КП Западного фронта.

— Здравствуйте, Борис Михайлович! Сегодня ночью по указанию Ставки выезжаю к вам. При мне час назад товарищ Сталин разговаривал с Павловым и был крайне обеспокоен выходом немцев на коммуникации 3-й и 10-й армий. Насколько я понял из разговора, командующий высказал уверенность, что войска должны пробираться на восток. Здесь трудно судить, на чем основана такая уверенность, но если войска сохранили хотя бы минимум организованности, такая возможность не исключена. Едва ли немцы успели создать в тылу этих армий достаточную плотность. «Маршал

Шапошников говорил долго. Карандаш Климента Ефремовича попеременно останавливался северо-западнее Минска и в районе Слуцка (из записи адъютанта Ворошилова Л.А. Щербакова).

— Да, да, я согласен с вами, — сказал Климент Ефремович, — форсированный отход войск из западных районов — это сейчас главное. Если немцы выйдут восточнее Минска, положение 3-й и 10-й армий будет критическим.

Кладя трубку, Климент Ефремович проговорил:

— Происходит невероятное — войска фронта совершенно неуправляемы, никто ничего толком не знает».

* * *

27 июня 1941 г. 11 часов 23 минуты переговоры по «бодо» с генералом армии Павловым:

«Жуков: Доложите, где противник и где ваши войска, какие ваши планы?

Павлов: Докладываю: мк противника, действующий со стороны Вильно, задержан, по-видимому, передовыми частями Минского УРа. Сведений с фронта Кузнецова В.И. нет. После атаки на Гродно мы имеем перехваченный документ, адресованный Голубеву и Кузнецову, расшифровываем его. Где стрелковые части Голубева сейчас, не знаем. Части Коробкова, прикрывающие Бобруйск, были в 8 км восточнее Слуцка. Не знаю и не могу добиться, где Кулик и Болдин...

План остается прежним. Продолжаю выводить и буду приводить в порядок, а после выгрузки Московского думаю действиями накоротке бить противника по частям с последующим выводом наших частей на рубеж, указанный в вашей директиве. Хозяйство Жигарева очень слабо. Нельзя ли ускорить подачу Московского?

Жуков: Куда приблизить Московский?

Павлов: На перегоны ближе к Борису.

Жуков: В чьих руках Минск, Бобруйск, Плещеницы, Логойск. Нет ли прорыва танков на Борисов?

Павлов: Все в наших руках.

Жуков: Хорошо. Слушайте приказ от имени Ставки Главного командования. Ваша задача:

А) Срочно разыскать все части и объяснить им обстановку, положение противника и положение своих частей, особо детально обрисовать места, куда проскочили передовые мехчасти врага. Указать частям, где остались наши базы горючего, боеприпасов и продфуража, чтобы части снабдили себя. Указать частям их задачу — вести ли бои или сосредоточиться в

районах, по каким дорогам и в какой группировке.

Б) Выяснить, каким частям нужно подать горючее и боеприпасы самолетами, чтобы не бросать дорогостоящую технику, особенно тяжелые танки и тяжелую артиллерию.

В) Оставшиеся войска выводить в трех направлениях: 1) через Докшицы в Полоцк, собирая части за Лепельским и Полоцким УРами; 2) направление Минск, собирая части за Минским УРом; 3) направление на Глусские леса и на Бобруйск.

Г) Иметь в виду, что первый механизированный эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты. В этом сейчас слабость как оторвавшегося первого эшелона, так и самой пехоты,двигающейся без танков. Если только подчиненные вам командиры смогут взять в руки части, особенно танковые, то можно было бы нанести уничтожающий удар как тылу для разгрома первого эшелона, так и для разгрома пехоты,двигающейся без танков. Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого мехэшелона противника, движущегося на Минск и Бобруйск, после чего можно с успехом повернуться против пехоты. Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа. Особенно большой успех получится, если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти.

Д) Конницу отвести в Пинские леса и, опираясь на Пинск, Лунинец, развернуть самые смелые и широкие нападения на тылы частей и сами части противника. Отдельные мелкие группы конницы под командованием преданных и храбрых средних командиров расставьте на всех дорогах.

Знакомы ли вы с обстановкой слева и справа? Вы Коробкова видели и где?

Павлов: Только что приехал от Коробкова. С обстановкой не знаком...

Жуков: Ориентирую в обстановке. Очень хорошо дерутся войска Киевского и Одесского военных округов, где и управление войсками организовано не плохо. Секрет их заключается в близости штабов к войскам и хорошей организацией делегатской службы. Вклинений больше нет, за исключением района Сокаль, где имеется вклинение на 40-50 км. Сосед справа справился очень плохо? и сейчас войска отходят на р. Западная Двина, занимая рубеж от Риги через Двинск до Друя. На рубеже Полоцк — Витебск — хозяйство Ермакова (22-я армия). Вот в общих чертах.

Наш план сейчас заключается в том — громить, уничтожать, пленить растянувшиеся части противника, не имеющие между собой по фронту никакого тактического взаимодействия.

Павлов: Все ясно. Поправляю и поправляю все.

Жуков: Желаю успеха. Не забывай ни на минуту того доверия, которое оказали тебе правительство, партия и страна. А поправить дело можешь, если организованнее будешь действовать. Все проверить лично и не доверять на слово болтунам. Будь здоров. До свидания».

Как писал профессор Анфилов, «содержание этих переговоров убедительно свидетельствует, что в Москве не представляли истинного положения войск Западного фронта, которые, не считая 13-й армии, были совершенно не боеспособны и не могли решать те задачи, которые ставила им Ставка устами Жукова. По-видимому, Павлов и сам не осознавал еще, что делается по ту сторону Минска».

И действительно в этот день (27 июня) 10-я армия вечером оставила Белосток, а 3-я армия отступала на Новогрудок.

Командующий 13-й армией вступил в командование войсками на Минском направлении и подчинил себе два стрелковых корпуса (2-й и 44-й), Минский УР, а также все остальные части и соединения на этом направлении, указав войскам в боевом приказе №1: «Народный комиссар обороны приказал: Минск ни в коем случае не сдавать, даже при условии полного окружения войск, его обороняющих».

Из воспоминаний генерала Сандалова:

«В течение 27 июня группа под командованием И.В. Болдина атак не предпринимала и оставалась на прежних рубежах. К концу дня 20-й и 8-й армейские корпуса противника перешли в частичное наступление южнее Гродно против этой группы и местами добились успехов. 10-я и 3-я армии вели бои также на прежних рубежах. Их войска на внешних флангах вели очень тяжелые бои с армейскими корпусами 4-й и 9-й армий противника, наступавшими навстречу друг другу в направлении Волковыск-Луна и стремившимися завершить окружение. При этом противник опасался активных действий белостокской группировки наших войск и местами переходил к обороне. Так, например, контратаки наших войск из района севернее Лысково в юго-восточном направлении, поддерживаемые, как казалось противнику, большим количеством артиллерии, а также продолжавшиеся попытки наших крупных сил прорваться из окружения южнее Порозово и Нов. Двора вынудили командование 43-го немецкого армейского корпуса оттянуть свои передовые части от Подороси и Порозово на высоты севернее Лысково, Нов. Двора, где они перешли к обороне. Не меньшую тревогу у противника вызвали ожесточенные бои на плацдармах в районе Мостов и Луны. Здесь нашим войскам, несмотря на то что они вели бой отдельными разрозненными частями, удалось захватить

мост через Неман в районе Мостов.

Командующий войсками фронта 27 июня еще не терял надежды на успешный отход наших войск и снова отдал приказание командующему 10-й армией отойти на рубеж Минского укрепленного района. 6-й кавалерийский корпус предполагалось отвести в район Червения, а 6-й механизированный корпус пополнить боеприпасами и горючим и форсированным маршем к исходу 28 июня сосредоточить в Пуховичах для того, чтобы через Осиповичи атаковать в направлении Бобруйска и уничтожить бобруйско-случскую группировку противника. Для действий по тылам противника было приказано оставить партизанские группы, а остальным войскам выходить в район Минска и Ратомка.

Это решение командующего фронтом, как и ряд прежних решений, касающихся действий белостокской группировки войск, не было доведено до них и не соответствовало ни обстановке, ни их возможностям».

* * *

В ночь с 27 на 28 июня Маршал Советского Союза Ворошилов на поезде прибыл на станцию Полынские хутора. (Здесь и далее из записей личного адъютанта маршала Ворошилова генерал-майора Л.А. Щербакова. — Авт.). Сразу же по приезду он принял маршала Шапошникова и генерала армии Павлова в своем салоне. Пригласив сесть обоих, Климент Ефремович попросил командующего войсками Западного фронта кратко доложить о положении войск фронта, предупредив:

— Из ваших донесений и устных докладов товарищу Сталину я в общих чертах обстановку знаю. Меня интересует конкретика.

Генерал Павлов развернул на столе пятикилометровую карту с нанесенной обстановкой, но прежде чем начать доклад, долго протирал платком очки. Лицо его выражало огромное волнение, которое он никак не мог побороть всю дорогу от командного пункта, что они добирались вместе с маршалом Шапошниковым.

— Положение войск фронта тяжелое, — начал свой доклад Павлов и, немного подумав, сказал, — вернее, очень тяжелое.

— Надеюсь, еще не катастрофа? — ехидно спросил Ворошилов.

Павлов посмотрел на представителя Ставки, и в его воспаленных глазах, которые еще недавно были просто светлыми и посуровевшими с заметными морщинами, мелькнула настороженность.

— Нет, — недовольно нахмутив брови и будто с вновь обретенной убежденностью, проговорил Павлов, — войска сражаются в условиях растущей угрозы на флангах, но я не теряю надежды, что В.И. Кузнецов и И.Д. Голубев смогут отвести войска на восток. Сейчас срочно нужны

резервы, если они вовремя подойдут, противника мы остановим, фронт стабилизируем. Это сейчас главное.

— Подождите о резервах, — резко остановил его Ворошилов. — Скажите, как могло случиться, что за неделю войны отдана врагу большая часть Белоруссии, а войска поставлены на грань катастрофы...?

Он не дал еще сообразить Павлову, как тут же обратился к Шапошникову:

— Как вы объясните это, Борис Михайлович?

— Наши неудачи можно объяснить рядом причин, — ответил Шапошников. — И в оперативном отношении, я имею в виду нашу группировку на границе, и по степени укомплектованности вооружением и сплоченности частей было много недостатков, но решающая, непосредственная причина: войска округа не были своевременно предупреждены о готовящемся нападении немцев, а следовательно, не были приведены в боевую готовность, что и предопределило в дальнейшем неблагоприятный для нас ход событий.

— Бесспорно, — соглашаясь с Шапошниковым, говорит Ворошилов, — войска, ожидающие нападения врага, при всех их недостатках в стократ сильнее войск, застигнутых врасплох.

— Наша плотность на границе, — продолжил доклад Павлов, — была такова, что ее можно было проткнуть в любом месте. Что касается директивы наркома обороны о приведении войск в боевую готовность, полученную штабом округа за несколько часов до нападения немцев, то она никакого практического значения уже не имела. Войска в приграничной полосе были застигнуты врасплох, и большинство дивизий получили приказ о выдвигании на границу, когда вторжение немцев уже началось. Получи мы эту директиву хотя бы на неделю раньше, события, я уверен, развивались бы иначе. Во всяком случае, противнику пришлось бы иметь дело с организованной обороной. Немцев мы можем бить, это показали бои 6-го и 11-го мехкорпусов под Гродно даже в такой, крайне для них неблагоприятной обстановке.

Но главное, что срывало все наши оперативные мероприятия после вторжения немцев, что мешало нам свободно маневрировать, — это действия вражеской авиации.

В первый же день войны противник накрыл основные наши аэродромы, вывел из строя большое количество самолетов, нарушил управление и дезорганизовал питание войск горючим и боеприпасами. В результате наши войска, лишённые прикрытия с воздуха, вынуждены сражаться в условиях абсолютного превосходства авиации врага.

Тут в разговор вмешался Б.М. Шапошников:

— Как показал характер действий авиации противника утром и в течение всего дня 22 июня немцы, видимо, располагая довольно-таки разветвленной агентурой, неплохо были осведомлены о дислокации наших войск и местах важнейших объектов, о чем свидетельствуют первые удары бомбардировщиков по крупным штабам, аэродромам и районам расположения стрелковых дивизий и особенно мехчастей.

В Волковыске, где мне пришлось быть 23 июня, немецкие бомбы точно были сброшены на склады с горючим и боеприпасами. Характерно, что на станции в первую очередь был подвергнут бомбежке стоявший в тупике накануне прибывший состав с авиационными бомбами.

В Минске с балкона штаба фронта я неоднократно наблюдал ночью во время налета немецких бомбардировщиков работу агентов-ракетчиков. Сейчас, когда мы ехали к вам, над Могилевом прошли на восток самолеты противника, и со стороны железнодорожного моста была пущена серия сигнальных ракет.

В отношении степени нападения немцев, о которой говорит командующий, я бы сделал оговорку. Войска фронта, конечно, были застигнуты врасплох. Что же касается руководящего начальствующего состава, то, насколько я мог убедиться из бесед с командирами и штабными работниками всех степеней, от фронта до дивизии, я имею в виду дивизии в приграничной полосе, — все они в один голос говорили, что но крайней мере за две недели до войны они ждали нападения немцев. Этой же точки зрения придерживался и командующий, который мне сказал, что он со дня на день ждал войны.

— Это правильно, Борис Михайлович, — согласился Павлов. И для меня было очевидным, что мы живем накануне войны. Данных для такого вывода в пределах нашего округа было более чем достаточно. За предвоенную неделю мне буквально командиры жить не давали. Свои ежедневные доклады начштаба Климовских начинал с перечисления фактов подозрительного поведения немцев на границе. У Кузнецова над августовскими лесами в последние дни облако пыли стояло от передвижения немецких войск. Я уже не говорю о бесцеремонности немецкой авиации, которая систематически нарушала границу и часто летала над расположением наших приграничных дивизий.

За пять дней до нападения я допрашивал поляка-перебежчика. Он перешел границу южнее Бреста. По его рассказу, вся местность недалеко от Буга была забита пехотой, танками и автотранспортом. За три дня до войны я вынужден был отдать приказ заложить в танки снаряды и патроны.

— Согласитесь, товарищ Павлов, что заложить снаряды в танки — это ничтожно мало, — как бы невзначай заметил Ворошилов.

— Я это отлично понимаю, но прошу понять мое положение. Знать нашу далеко недостаточную плотность на границе, неполную укомплектованность и несколоченность многих соединений и особенно мехкорпусов, быть убежденным, что враг не сегодня-завтра может нанести удар, и в то же время не иметь возможности должным образом на это реагировать, было мучительно.

— Хорошо, — резко оборвал Павлова Ворошилов. — Но ведь, кроме снарядов, заложенных в танки, вы, выходит, ничего не сделали для повышения бдительности и готовности войск. Быть глубоко убежденным в предстоящем вторжении немцев и не вообще когда-то в будущем, а, как вы утверждаете, не сегодня-завтра, вы, тем не менее не приняли хотя бы самых элементарных мер предосторожности в пределах вашей компетенции как командующего округом!

— К сожалению, мои возможности были ограничены, — мрачно сказал Павлов. — Все, что я вам сейчас докладываю о поведении противника, Генеральный штаб знал. Что касается меня, то я как командующий округом не имел права своей властью передвинуть хотя бы одно соединение к государственной границе. Когда я за несколько дней до войны просил Генеральный штаб разрешить округу посадить войска в окопы на границе, меня резко одернули. Мне было сказано, что я паникер, ничего не понимающий в политике человек и предложили не дразнить немцев.

— При этом делали ссылку на сообщение ТАСС, — к слову заметил Шапошников.

— Совершенно правильно, — подтвердил Павлов. — И мне приходилось читать это сообщение командующим армиями и начальникам служб, когда, прямо скажу, они припирали меня фактами к стенке.

Павлов нервно встал, сделал несколько широких шагов вдоль салона и, обращаясь к маршалу Ворошилову, сказал:

— Я, товарищ маршал, не снимаю с себя вины за все, что произошло, и в первую очередь несу за это ответственность, но большая доля вины лежит и на Генеральном штабе. Если мы здесь в Белоруссии были уверены в намерении Гитлера, то Генеральный штаб наверняка располагал неизмеримо большей информацией для такого вывода и обязан был принять необходимые меры.

— Я не снимаю ответственности с Генштаба, — перебил Павлова Ворошилов. — И уверен, что так думает и Борис Михайлович.

— Бесспорно, — согласился Шапошников, — Генштаб должен был доказать политическому руководству надвигающуюся угрозу со стороны немцев.

— Ваши рассуждения, — продолжал Климент Ефремович, — о правах командующего все же меня не убедили. Если вы были так уверены в нападении немцев, как сейчас утверждаете, то кто мог вам помешать, скажем, рассредоточить и замаскировать самолеты на аэродромах, привести в состояние боевой готовности истребительную авиацию. Разве вам требовалось указание Москвы, чтобы вывести танки, артиллерию и автомашины из парков и гаражей в леса, которыми так богата Белоруссия? Я уж не говорю об этих злополучных артиллерийских сборах. Оставить пехоту без артиллерии и в то же время ждать вторжения врага по меньшей мере легкомысленно.

Когда Павлов вышел, два маршала остались наедине. С мрачным видом Борис Михайлович заговорил о большой растерянности и неорганизованности командования фронта и его штаба.

— В первый же день войны управление войсками было буквально парализовано. Техническая связь с армиями вначале еще кое-как действовала, а затем вскоре совершенно отказала. Большинство армейских и корпусных радиостанций были разбиты при первых же налетах вражеской авиации. О проводочной связи и говорить нечего. Организованная, главным образом, на проводах наркомата связи, она в первые же часы вышла из строя. Будучи в Волковыске, я убедился, что командование ряда дивизий было в полном неведении о происходящих событиях и в течение нескольких часов не получало указаний от вышестоящих штабов. Всюду распространялись панические слухи о массовых выбросках противником в наши тылы парашютных десантов, при проверке большинство таких слухов не подтвердились. Многие части приграничных дивизий в день нападения немцев были на маневрах, без боевых патронов и снарядов. Пока их подвезли ушла уйма времени.

Элементу внезапности на войне всегда придавалось большое значение, но то, чему мы являемся свидетелями, труднообъяснимо. Невероятно, чтобы при современных средствах разведки фашистское командование смогло совершенно безнаказанно в мирное время развернуть по плану, в нужной ему группировке, непосредственно у нашей границы огромную армию, больше того, вывести части на позиции для атаки.

Павлов доложил вам правду, когда сказал, что в штабе фронта была твердая уверенность, что германская армия готовится на нас напасть. Мне многие командиры говорили, что примерно за неделю до войны как-то

особенно остро почувствовалось неладное в поведении немцев. И что поразительно и на первый взгляд труднообъяснимо, как многие меня уверяли, слишком уж очевидны были их намерения. Я лично объясняю это тем, что им просто трудно было скрыть мероприятия такого масштаба.

— А как Павлов, — внимательно выслушав Бориса Михайловича, спросил Ворошилов.

— Надо признать, что он мало или почти ничего не сделал для повышения бдительности войск. Он не решился взять на себя ответственность и не мог, как мне кажется, провести границу между тем, что ему говорили — не дразнить немцев, и хотя бы самыми элементарными мерами предосторожности.

По приезде в Минск 22 июня я застал Павлова и его штаб совершенно неподготовленными к руководству войсками в такой сложной обстановке.

Пока готовился контрудар группы Болдина, Павлов еще держался. Была некоторая надежда, что эта группа и активные действия левого фланга Северо-Западного фронта, как это предусматривалось директивой наркома, скомпрометируют сувалковскую группировку противника. Но когда немецкие танки появились в Вильнюсе, обстановка резко ухудшилась. К этому времени войска 4-й армии быстро откатывались на восток, оголяя левый фланг фронта.

Поздно вечером 23 июня товарищ Сталин спросил меня по ВЧ, как я смотрю на контрудар группы Болдина. Я высказал сомнение, обратив его внимание на белостокский мешок, который быстро увеличивался по мере продвижения вражеских танков на флангах фронта, и внес предложение немедленно отводить войска на р. Шару. Товарищ Сталин меня выслушал и сказал:

«Решено попытаться остановить немцев совместными усилиями двух фронтов...»

* * *

28 июня 1941 г. 2 часа ночи переговоры с генералом В.Е. Климовских по «бодо»:

«У аппарата Жуков. Доложите, что известно о 3,10 и 4-й армиях, в чьих руках Минск, где противник?»

Климовских: Минск по-прежнему наш. Получено сообщение: в районе Минска и Смолевичей высажен десант. Усилиями 44-го стрелкового корпуса в районе Минска десант ликвидируется.

Авиация противника почти весь день бомбила дорогу Борисов — Орша. Есть повреждения на станциях и перегонах. С 3-й армией по радио связь установить не удалось.

Противник, по последним донесениям, был перед УРом.

Барановичи, Бобруйск, Пуховичи до вечера были наши.

Жуков: Где Кулик, Болдин, Коробков? Где мехкорпуса, кавкорпус?

Климовских: От Кулика и Болдина сообщений нет. Связались с Коробковым, он на КП восточнее Бобруйска.

Соединение Хацкилевича подтягивалось к Барановичам, Ахлюстина — к Столбцам.

Жуков: Когда подтягивались соединения Хацкилевича и Ахлюстина?

Климовских: В этих пунктах начали сосредотачиваться к исходу 26-го. К ним вчера около 19.00 выехал помкомкор Светлицын. Завтра высылаем парашютистов с задачей передать приказы Кузнецову и Голубеву.

Жуков: Знаете ли вы о том, что 21-й стрелковый корпус вышел в район Молодечно — Вилейка в хорошем состоянии?

Климовских: О 21-м стрелковом корпусе имели сведения, что он наметил отход в направлении Молодечно, но эти сведения подтверждены не были.

Жуков: Где тяжелая артиллерия?

Климовских: Большая часть тяжелой артиллерии в наших руках. Не имеем данных по 375-му и 120-му гаубичному артиллерийским полкам.

Жуков: Где конница, 13,14 и 17-й мехкорпуса?

Климовских: 13-й мехкорпус — в Столбцах. В 14-м мехкорпусе осталось несколько танков, присоединились к 17-му, находящемуся в Барановичах. Данных о местонахождении конницы нет.

Коробков вывел остатки 42, 6 и 75-й. Есть основание думать, что 49-я стрелковая дивизия в Беловежской пуще. Для проверки этого и вывода ее с рассветом высылается специальный парашютист. Выход Кузнецова ожидаем вдоль берегов Немана.

Жуков: Какой сегодня был бой с мехкорпусом противника перед Минским УРом и где сейчас противник, который был вчера в Слуцке и перед Минским УРом?

Климовских: Бой с мехкорпусом противника в Минском УРе вела 64-я стрелковая дивизия. Противник от Слуцка продвигался на Бобруйск, но к вечеру Бобруйск занят еще не был.

Жуков: Как понимать «еще занят не был»?

Климовских: Мы полагали, что противник попытается на плечах ворваться в Бобруйск. Этого не произошло.

Жуков: Смотрите, чтобы противник ваш Минский УР не обошел с севера. Закройте направления Логойск — Земблин — Плещеницы, иначе противник, обойдя УР, раньше вас будет в Борисове. У меня все. До

свидания».

В этот день «Погода стояла жаркая, — писал Л.М. Сандалов. — Обочины шоссе сильно пылили. На опушке одной рощи шофер остановил машину — перегрелся мотор. Я шагнул из кабины в густую высокую траву, щедро пересыпанную цветами. И до сих пор помню, как поразило меня тогда, что природа оставалось такой же, как в мирные дни. Как и тогда, светит солнце, поют птицы, цветут цветы... Но вот шофер дает знак, что все в порядке, и мы едем дальше».

Уже под Могилевом Сандалов встретил два броневика и «эмку». В ней ехал командующий фронтом, который осматривал оборонительные позиции в районе Могилева. Начальник штаба 4-й армии вышел из машины и представился. Павлов выглядел неважно: «Как-то осунулся, сгорбился. Голос стал тихим, в глазах светилась тревога».

Л.М. Сандалов: «Доложив по карте обстановку, я передал Павлову просьбу командарма выдвинуть к Бобруйску дивизию или бригаду

— Я вам подчиню механизированный корпус Никитина и воздушно-десантный корпус Жадова, — ответил Павлов. — Этим корпусам уже отдан приказ — частью сил нанести удар на Слуцк по тылам противника, прорвавшегося к Бобруйску. Для взаимодействия с ними надо вам завтра с утра перебросить через Березину сильный отряд и отбить Бобруйск у противника. Я крайне недоволен, что вы так легко сдали город.

— Под Бобруйском у нас очень ослабленные части, — возразил я. — Они едва удерживают врага, прикрываясь рекой.

Но эту мою реплику Павлов, как говорят, пропустил мимо ушей и заговорил о значении нашей обороны на Березине.

— К Днепру сосредотачиваются из глубины страны армии резерва Главного командования. Их возглавляет Семен Михайлович Буденный. За вашей 4-й армией развернется 21-я, но выделить какие-либо силы из этой армии на усиление вашей я не имею права. Поедьте на командный пункт фронта. Там обсудим положение подетальнее.

— А где он? — спросил я.

— Конечно, не в самом Могилеве, где в Первую мировую войну была царская ставка, — горько усмехнулся Павлов. — Поезжайте за мной.

Командный пункт Западного фронта находился в лесу восточное Могилева, в нескольких километрах от Днепра. В момент нашего приезда здесь было многолюдно и шумно. Лес был разбит на отдельные участки для каждого управления и отдела. На деревьях висели подвязанные телефоны внутренней связи, под деревьями стояли столы с разложенными на них картами и папками. На всех участках красноармейцы строили

землянки.

Устойчивую техническую связь штаб фронта имел только с Москвой и нашей 4-й армией.

На командном пункте я встретил прибывшего из Москвы Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова. Он и Павлов уточнили основные задачи 4-й армии. Главной из них было удержать занимаемые рубежи, чтобы армии резерва имели возможность без особых помех развернуться на Днепре. Второй задачей являлось восстановление 28-го и 47-го стрелковых корпусов. Штаб армии разрешалось оттянуть в район Рогачева. Тут же я узнал, что оборона Минска возложена на 13-ю армию, которая теперь будет нашим соседом справа. О левом соседе — Юго-Западного — сведений было мало, но генерал Климовских заявил, что там ближайшие к нам войска ведут бои на р. Стырь».

Но уже в этот день соединения 3-й и 10-й армий, отступавшие из Гродно и Белостока на Новогрудок, Минск, оказались в окружении. Остатки 4-й армии группами и в одиночку переправлялись на восточный берег Березины. И только войска 13-й армии успели отойти на восток и развернуться на рубеже Борисов, Смолевичи, р. Птичь. Именно войска этой армии в оборонительном сражении под Минском грамотно использовали занятые ими долговременные огневые точки. При этом с 27 июня на фронте в районе Минска советская авиация не появилась ни разу.

Парадокс заключался только в том, что генерал армии Павлов уверенно заявлял, что через день-два по группировке противника в районе Бобруйска будет нанесен сильный удар наших войск с северо-запада. Однако все его решения, принятые, как командующим войсками фронта были просто нереальными.

Лишь два маршала (Шапошников и Ворошилов), прибывшие из Москвы, смогли оценить фактическую обстановку и принять единственно правильное в той ситуации решение.

28 июня они довели его до командующего войсками Западного фронта и доложили Сталину. В нем говорилось: «Командованием отдан приказ войскам по договоренности с командованием фронта принять решение построить два тыловых рубежа и один промежуточный. Места расположения оборонительных рубежей: № 1. По реке Березина с опорными пунктами в районах Борисов, Березино и Бобруйск. №2. По реке Днепр: Орша, Шклов, Могилев, Старый Быхов, Рогачев. Промежуточный рубеж создать на реке Друть с опорными пунктами Толочки^[1], Круглое и Пильняки. В настоящее время к работам приступили.

В первую очередь будут открыты эскарпы, противотанковые рвы и

заминированные мосты. Для форсирования работ договорился с тов. Пономаренко о выделении 80-100 тыс. рабочих в распоряжение командования... Ввиду того, что инженерные войска были розданы по частям и там остались, то хорошо бы командировать Западному фронту 50 инженеров-фортификаторов из управлений и 150 слушателей с двух последних курсов. Решено особенно тщательно укрепить днепровский рубеж.

По тылу тов. Соколов организует работу в направлении:

а) создания заградительных отрядов по линии Орша, Могилев, Одовск для задержания беспорядочно отходящих военнослужащих;

б) всех военнослужащих, проникших за линию Смоленск, Рославль, сосредотачивать на сборных пунктах и направлять на линию Днепра.

По линии НКГБ СССР создано и уже действуют десять групп по 100 человек в каждой для диверсионной работы и организации партизанских отрядов в тылу противника. Сегодня будет выброшено в тыл противника еще 500 человек... Авиация противника не может состязаться с МиГами, поэтому крайне необходимо дать Западному фронту в ближайшие дни хотя бы один полк. С не меньшим эффектом проявил себя Ил-2. Наши бойцы и командиры от него в восторге. Убедительная просьба дать этих машин побольше... 3, 10 и 4-я армии, отходя, полностью потеряли свои рации. Требуется выслать еще 10 РСБ, кроме выделенных».

28 июня остатки войск Западного фронта оставили Минск. При этом, писал профессор Анфилов: «О том, что враг ворвался в Минск и окружил 3,10 и 21-ю ск 13-й армии, ни в штабе фронта, ни в Генеральном штабе не было еще известно».

29 июня 1941 г. девятый час утра переговоры с начальником оперативного отдела штаба фронта генералом Семеновым по «бодо»:

«Ватутин: тов. Семенов, понимаете ли вы всю сложность и срочность момента?

В вашем распоряжении остается всего лишь несколько часов. Ваш доклад неконкретный и путанный... Где 6-й мк? Кто удерживает Слуцкий УР? Где Кулик и Шапошников?

Семенов: Слуцк в руках противника. Кулик вместе с Болдиным, связи не имеем. Шапошников все время находится с нами... Сегодня в ночь была бомбардировка Смоленска, в результате чего было нарушение связи»...

Следом за генералом Ватутиным в переговоры с Павловым вступает генерал Маландин.

«Маландин: Генерал Семенов только что доложил об отходе 2-го ск.

Нарком и начальник Генерального штаба приказали выяснить у вас лично:

1) В чьих руках Минск? 2) Оставлен или нет УР?

Павлов: Имею данные об отходе под ударом механизированных частей только 2-го корпуса, который еще сегодня утром был в Топилово, Моховое, Смиловичи. Противник обошел УР.

Маландин: Как остальные части?

Павлов: Не имею данных. Оставлен ли Минск и УР командующий 13-й армией запрошен. Ожидаю ответа. Докладываю, что командующий 13-й армией не имел данных об отходе 2-го ск. 100-я дивизия отбивается от танковых атак бутылками с бензином. Создавшаяся угроза окружения 44-го ск и 20-го мк вынудили меня принять решение на вывод частей 2-го ск и 44-го ск на рубеж Стахов в 8 км северо-западнее Борисов, Червень, а 20-й мк в район Свислочь — северо-восточнее Бобруйска. 21-й ск — в районе Ивье окружен, пробивается... Прошу поддержать авиацией и ускорить темпы перевозок войск в район Орша для прочного занятия обороны по р. Днепр. Это тем более необходимо, что наши войска, находящиеся в западных областях, с выходом на р. Березина опаздывают, а в Орше разгружаются случайные части. Последнее доложено маршалу Ворошилову, и он настоятельно просит указать, какие части, куда выходят и в какие сроки, чтобы наметить план предстоящих действий.

Маландин: Насколько устойчиво положение отведенных войск на новом рубеже?

Павлов: На новый рубеж вышли только части Коробкова, понеся огромные потери от действия танковых войск и авиации противника, и требуют серьезного укомплектования и приведения в порядок. Остальные части пробиваются».

* * *

29 июня маршалы Ворошилов и Шапошников в присутствии секретаря ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко выслушали тревожный доклад Климовских.

Когда начальник штаба фронта доклад закончил, слово взял Ворошилов:

— Все это является результатом незнания противника и его намерений и полной потери управления войсками. Уверяю вас, во время гражданской войны организованности и порядка было куда больше, но главное — была воля, инициатива и дерзость.

— Намерение немцев стало ясным уже к вечеру первого дня войны, — тихо огрызнулся Павлов.

Но тут в разговор вмешался Пономаренко:

— Климент Ефремович прав. Мы сутками с вами, товарищ Павлов, не знали, что творится на фронте. Нам противник с первого часа навязал свою волю, а мы, лишенные возможности управлять войсками, вынуждены были импровизировать и сейчас продолжаем заниматься.

И Ворошилов продолжил:

— Я сомневаюсь, что командование фронтом в первый день войны поняло замысел врага.

Затем он обратился к начальнику связи фронта генералу Григорьеву:

— Скажите мне, товарищ Григорьев, как долго вы еще будете держать командование фронта в неведении о положении войск и как вы собираетесь поправить дело со связью?

Только не рассказывайте мне, как противник порвал вам проволоку и разбил радиостанции. На то он и противник.

— Товарищ маршал, в 3-ю и 10-ю армии выбрасывались резервные средства связи, — начал доклад Григорьев, — но они либо не находили штабов, которые часто меняли свои места, либо радиостанции засекались противником и выводились его авиацией из строя.

В первые дни широко пользовались автомашинами. Делегатам удавалось добраться до штабов армий и корпусов, но затем розыски их крайне усложнились, указания и донесения стали поступать с большим запозданием, особенно после перебазирования Управления фронта из Минска в Могилев. Были попытки использовать самолеты У-2, но за последние два дня авиация противника часто вынуждала их к посадке на значительном удалении от расположения штабов. Сейчас дело еще больше осложнилось. Резервных радиостанций нет и, главное, неизвестны хотя бы приблизительно места расположения штабов.

— Товарищ маршал, — вступился за Григорьева Павлов, — сегодня, как условились в вагоне, на рассвете послана на У-2 и автомашинах большая группа делегатов связи для установления контакта с войсками 3-й и 10-й армий и в 21-й стрелковый корпус.

Разработаны маршруты, выделены дублеры. Он лично проинструктировал делегатов и под личную ответственность каждого потребовал выполнения задачи. Делегаты всем частям, которые они найдут или встретят, передадут приказ организованно пробиваться к Полесью или через Новогрудок к линии фронта.

— Хорошо, — сказал Ворошилов. — Как надежно штаб фронта связан с частями 13-й армии?

— Связь действует, но полной уверенности нет, так как район Минска находится сейчас под большим воздействием авиации противника, —

ответил Григорьев.

— Вы должны понять, что любые наши решения повиснут в воздухе, если не будет налажено управление. Вы несете за это серьезную ответственность. Я вас предупреждаю.

Затем разговор перешел к розыску Кулика. Слово взял Ворошилов:

— Этого еще не доставало, чтобы советский маршал попал в лагерь военнопленных. Пошлите немедленно небольшую специальную группу из работников НКВД или НКГБ, знающих хорошо этот район. Если не удастся его вывести, надо связать его с товарищами, оставшимися в подполье, а там будет видно, обстановка подскажет...

После недолгой паузы вернулись к тревожной ситуации в Минске.

— Вы понимаете нелепость нашего положения, — в повышенном тоне заговорил Климент Ефремович, обращаясь к Павлову. — Мы сидим с вами на фронте, а знаем не больше того, что знает Москва. Григорьева немедленно отстраните, он окончательно раскис и неспособен что-либо предпринять. У вас на командном пункте болтается сотня командиров. Прикажите толковому оперативному работнику создать несколько параллельных групп специально для связи с частями 13-й армии и под личную ответственность потребуйте от них при любых условиях регулярной информации. Больше такого безобразия терпеть нельзя. На рассвете я сам поеду в 13-ю армию. 2-й и 44-й стрелковые корпуса вам последний шанс, а вы не имеете понятия, что там происходит. Видите, резервы опаздывают с подходом к Днепру, и мы должны как можно дольше продержаться. Максимум внимания Березине. Самым тщательным образом проверить минирование мостов, не повторять ошибок, допущенных на реке Птичь. Еще раз прочесать местность в тылу фронта. Задержанных сводить в отряды и сводить на левый берег Березины.

Вечером 29 июня 1941 г. Ворошилов отправил телеграмму Сталину следующего содержания: «Обстановка на фронте внезапно резко ухудшилась. Подробности донесу дополнительно». Вождь получил ее около 19 часов.

* * *

Климент Ефремович Ворошилов родился в 1881 г. Уже в 7 лет он пошел работать: выбирать колчедан на шахтах, за что получал по 10 копеек в день.

До 12 лет рос безграмотным, а потом все же сумел окончить двухгодичную земскую школу.

В 17 лет работал на металлургическом заводе в Алчевске, где вступил в социал-демократический кружок. В партии с 1903 г. В 1906 г. в Швеции

познакомился и подружился со Сталиным. В 1917 г. работал мастером на механическом заводе.

С ноября 1917 г. — комиссар Петрограда по гражданским делам, председатель Комитета по охране Петрограда, член ВЧК. В Красной Армии с 1918 г. Командующий 5-й Украинской армией, Царицынской группой войск, заместитель командующего и член Военного совета Южного фронта, командующий 10-й армией. Нарком внутренних дел Украины, командующий войсками Харьковского военного округа.

В 1919 г. возглавлял оборону Екатеринослава и Киева. Член РВС 1-й Конной армии. С 1921 по 1925 г. — командующий войсками Северо-Кавказского фронта. В 1925-1934 гг. — нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР. В 1934-1940 гг. нарком обороны СССР. С 1940 г. — заместитель Председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК СССР. В 1941 г. — член Государственного Комитета Обороны.

О храбрости Ворошилова легенды слагали не напрасно. В 1-й Конной будущий маршал воевал на Северном Кавказе, в Крыму; сражался против отрядов Махно; участвовал в разгроме Кронштадтского мятежа. Его слава была поистине всенародной.

Еще в 1918 г. он обратил на себя внимание личной храбростью, самообладанием, умением в критическую минуту боя словом и личным примером поднять боевой дух бойцов. Отсутствие образования разбудило в нем жажду знаний, не покидавшую потом всю долгую жизнь. Он жадно читал марксистскую и художественную литературу, восполнял пробелы в знании искусства и естественных наук. И труд не прошел даром. Климент Ефремович слыл человеком начитанным и мыслящим. Уже, будучи главой военного ведомства, он умел водить автомобиль, любил лыжи, коньки, городки, шахматы и длительные пешеходные прогулки. А, кроме того, занимался гимнастикой и метко стрелял из личного оружия. От поста наркома Ворошилов категорически отказывался, но его доводы были признаны неубедительными. Для государства рабочих и крестьян он был идеальной кандидатурой. Его лично и хорошо знал Сталин.

Правда, очень скоро сказалось отсутствие военного образования, и Климент Ефремович попросился у Сталина в академию. Но вождь не отпустил, бросив с усмешкой: «А работать — что, я один буду?» Так и пошло... Но Ворошилов работы не боялся. Работал всегда много. Выезжал в войска, присутствовал на маневрах, и еще чаще выступал с трибун больших и маленьких.

Примечательно, что он, будучи наркомом обороны, до 1935 г.

(присвоено звание Маршала Советского Союза) носил синие кавалерийские петлицы, тем самым, подчеркивая непоколебимый приоритет конницы.

Например, и в 1938 г. он говорил: «Конница во всех армиях мира переживает, вернее, уже пережила, кризис и во многих армиях мира почти что сошла на нет... Мы стоим на иной точке зрения... Красная кавалерия по-прежнему является победоносной и сокрушающей вооруженной силой и может и будет решать большие задачи на всех боевых фронтах».

«У него не было нечеловеческой работоспособности Кагановича, — писал о Ворошилове Д.А.Волкогон, — ума и хитрости Молотова, осторожности и осмотрительности Микояна, он уступал во многом и другим членам Политбюро. Но Сталин считал, что Ворошилов нужен ему из-за того ореола легендарности, который сформировался вокруг “вождя Красной Армии”. Сталин был уверен, что в решающую минуту нарком, не задумываясь, поддержит его. И не ошибся. Когда пришел час выношенного Сталиным кровавого чистилища, Ворошилов, не колеблясь, стал вместе с “вождем” разжигать костер репрессий, в котором сгорели три Маршала Советского Союза, сотни и тысячи командиров Красной Армии». Когда генерал Волкогон работал над книгой «Сталин», перед ним лежали несколько томов документов, подписанных Ворошиловым или с его резолюциями. Один том, например, был с письмами тех «командиров, которые еще до суда, до расстрела успели обратиться к наркому с просьбой, мольбой, криком о помощи».

Из 383 специальных списков НКВД (расстрел, заключение и высылка), обнаруженных за 1937-1938 гг. собственноручная резолюция Ворошилова отмечена 195 раз.

Как правило, он не перечил, соглашался с «политикой партии». Но однажды, в связи с очередными арестами, он все же сказал Сталину с болью:

— Коба, что ты делаешь, с кем воевать будем?

Сказал — и словно язык прикусил под недобрым взглядом вождя.

Существует мнение, что Климент Ефремович успокаивал себя тем, что почти все арестованные военачальники в ходе следствия сознаются. А значит, вина имела место!

Все же, иногда он осмеливался защищать хорошо известных ему командиров. Но чаще не вмешивался, не лез.

По своей натуре Климент Ефремович был очень горяч, нетерпим, эмоционален. Когда нервничал, всегда считал в уме до десяти.

Со Сталиным хоть и дружил, боялся его. Правда, как-то под хмельком

вождь назвал и его английским шпионом. Ворошилов перевернул со злости лодку. Был еще момент, когда Климент Ефремович в ответ на злую выходку Сталина, схватил его за грудки.

До самых последних своих дней темы репрессий против командиров и военачальников Красной Армии он касаться не любил. Больная для него это была тема. Было и чувство личной вины, которое, бесспорно, довлекло над совестью.

Военный историк генерал-лейтенант Н.Г. Павленко в одной из бесед спросил у Ворошилова:

— Сожалел ли когда-нибудь Сталин о гибели выдающихся полководцев?

— Сталин не столько сожалел об их гибели, сколько стремился возложить ответственность за этот тяжкий грех на одного меня. Конечно, я с этим соглашаться не мог и всегда отбивался».

Тем не менее в конце 60-х Климент Ефремович написал книгу, где были вот такие слова о вожде: «Он прожил большую и сложную жизнь, и хотя его деятельность была омрачена известными всем крупными ошибками, я не могу говорить о нем без уважения...»

Существует мнение, что Ворошилов всю оставшуюся жизнь несколько кичился своим маршальским званием. Он чувствовал себя ущемленным, если хоть кто-нибудь забывал об этом.

27 июня 1941 г. старший офицер разведуправления Х. Мамсуров вместе с Ворошиловым выезжал на Западный фронт. Он вспоминал: «... Климент Ефремович приказал подать ужин. Минуты через три повар принес хлеб, ветчину, нарезанную крупными ломтями, и чай. Ворошилов съел один ломоть ветчины, потом вдруг рассердился и начал кричать: “Франц! Товарищ Франц!” Повар вошел и вытянулся перед сердитым Климентом Ефремовичем. Ворошилов, глядя на него с укоризной, начал говорить ему, что, мол, как не стыдно подавать такой ужин, ведь он, Ворошилов, как-никак Маршал Советского Союза...

“Ну что ты нарезал, разве так нарезают ветчину? Это в паршивой харчевне и то лучше подают...” После этого он начал пить чай в прикуску и, выпив стакан, перевернул его вверх дном на блюдечке, отодвинул в сторону, собрав в ладонь крошки хлеба со стола, отправил в рот”.

* * *

29 июня 1941 г. в 23 часа 15 минут Ворошилов по ВЧ связался со Сталиным. Разговор происходил в присутствии Шапошникова.

«— Наше представление о положении войск фронта подтвердилось. Управление войсками полностью дезорганизовано. Командование

обстановки не знает, питается отрывочными запоздалыми сведениями, поэтому влиять должным образом на войска не может. С войсками 3-й и 10-й армий по-прежнему плохо.

Пауза.

Климент Ефремович слушает, что говорит И.В. Сталин.

— Да, меры принимаем, организуем розыск частей. Надеемся, что завтра кое-что будем знать. Рассчитываем на выход из окружения большого количества людей, но надо считать, что ценность их как боевой силы незначительна.

Пауза.

— Вчера и сегодня часов до 15, по многим источникам, части 13-й армии под Минском держались неплохо, сейчас положение неясно, подводит связь. Решил утром туда выехать. От Столбцов немецкие мехчасти распространяются на Негорелое, видимо, готовится удар по Минску с юго-запада.

Пауза.

— Если установим хотя бы приблизительное местоположение группы Болдина, выбросим ему на ТБ-3 горючее. С Куликом произошла какая-то глупость. Где он сейчас, никто ничего сказать не может, послали людей на поиски.

Пауза.

Климент Ефремович смеется:

— Но я учту опыт Кулика. Никто толком не знает, что происходит в 13-й армии, надо посмотреть своими глазами.

Пауза.

— Да, танки ворвались в Бобруйск; здесь, по оценке Павлова, около танковой дивизии. Надо ожидать, что ночью или завтра днем противник при сильной поддержке с воздуха будет проталкивать ее на левый берег Березины. Нашей авиации приказано основное усилие сосредоточить на срыв переправы. На рассвете, по указанию Ставки, на коммуникации бобруйской группировки выбрасывается на ТБ-3 десантная бригада. Главное сейчас — выход резервных армий на Днепр и как можно быстрее. У Павлова ничего нет, и надо считаться с опасностью, что немецкие мехчасти могут предупредить нас в захвате этого рубежа.

Пауза.

— Оборонительные работы идут полным ходом, но срочно нужна помощь взрывчаткой и минами, не хватает специалистов. Особо просим с Борисом Михайловичем немедленно дать фронту авиацию. Сейчас сопротивляемость наших частей в полной зависимости от степени

прикрытия с воздуха. Несколько полков МиГов и штурмовиков могут значительно облегчить положение войск. С Пономаренко и командованием фронтом приняли меры по созданию партизанских отрядов и диверсионных групп. Возможности здесь большие, несколько сот человек уже заброшены на оккупированную территорию.

По окончании разговора Климент Ефремович сказал маршалу Шапошникову:

— Сталин дважды подчеркнул, что сейчас решающее — во что бы то ни стало выиграть время. Буденному и Генеральному штабу приказано в срочном порядке и любым способом продвигать резервные армии на Западную Двину и Днепр. Многие части будут перебрасываться автотранспортом.

Особое внимание обращено на немедленное развертывание диверсий в тылу противника и в первую очередь на его коммуникациях. Обещал посмотреть, чем можно помочь авиации фронта, Жигарева отовсюду атакуют просьбами. Поездку в 13-ю армию не рекомендовал. Принято решение заменить командование фронта, командующим войсками назначен Еременко, начальником штаба Маландин. Просил ввести их курс дела.

Климент Ефремович условился с маршалом Шапошниковым пока об этом изменении не говорить Павлову, это его окончательно может вывести из равновесия...»

30 июня 1941 г. 6 часов 45 минут переговоры с генералом Павловым по «бодо»:

«Жуков: Мы не можем принять никакого решения по Западному фронту, так как не знаем, что происходит в районе Минска, Бобруйска, Слуцка. Где ваши части?

Прошу сообщить для доклада Ставке по существу этих вопросов.

Павлов: В районе Минска вчера вечером начал отход 44-й стрелковый корпус южнее Могилевского шоссе; рубежом обороны, на котором должны остановиться, назначен Стахов — Червень.

В районе Слуцка вчерашний день вела бой 210-я мотострелковая дивизия. В районе Бобруйска сегодня в 4 часа противник навел мост, по которому прорвалось 12 танков, идет усиленная подготовка к переправам через Березину. Ответственные командиры выехали навстречу войскам 2,44 и 22-го ск, разрозненно отходящим с запада.

Жуков. Немцы передают по радио, что ими восточнее Белостока окружены две армии. Видимо, какая-то доля правды в этом есть. Почему ваш штаб не организует высылку делегатов на танках, самолетах, не разошлет местных жителей из числа коммунистов для того, чтобы найти

части. Нам непонятно: прошло пять дней, а мы не можем найти части и получить членораздельный доклад: где Кулик, Болдин, Кузнецов? Кавалерийский корпус? Не может быть, чтобы конницы не видели.

Павлов: Да, большая доля правды. Нам известно, что 25 и 26 июня части были на реке Щаре, вели бои за переправы с противником, занимающим восточный берег реки Щары. До этого мы доносили вам, что части 10-й армии подошли к реке Зельвянка у Зелова и что тоже вели бои. 3-я армия стремилась отойти по обе стороны реки Щары и была почти одновременно на этих же рубежах. Частью сил стремилась пробиться к 21-му стрелковому корпусу в районе Лиды. С этим корпусом имели связь по радио, а со вчерашнего дня связи нет, корпус пробивается из окружения в указанном ему направлении.

В отношении высылки делегатов. Этот вопрос был особым. Делегаты высылались на машинах, броневиках, самолетах, не посылались только на танках из-за отсутствия таковых, не посылались местные жители на запад лишь в связи с часто недоброжелательным их отношением... Авиация не может отыскать конницу и мехчасти, потому что все это тщательно скрывается в лесах от авиации противника. Наконец послана целая группа с радиостанцией с задачей разыскать, где Кулик и где находятся наши части. От этой группы ответа пока нет. Болдин и Кузнецов, как и Голубев, еще 26 июня были при частях.

Жуков: Какого корпуса 210-я мсд? Где конница?

Павлов: 210-я мсд (мотострелковая дивизия. — Примеч. ред.) — 20-го мк, который занимал оборону южнее Минска.

Жуков: Но в эту дивизию можно послать делегатов или нет? Что вы намерены делать в дальнейшем и эвакуируются ли склады и другое ценное имущество или все это оставляется противнику?

Павлов: Где конница, не знаю. Делегатов связи в 210-ю мсд посылаем. Имущество со складов в районах Белосток, Лида, Волковым, Барановичи, Слоним использовано полностью. С остальных складов часть имущества эвакуировалась, часть взрывалась или сжигалась. Противнику ничего не оставляется. Дальнейшие наши намерения и действия изложены как в моем разговоре с Маландиным, так и донесены вам.

Жуков: Не получал. Что вы думаете делать с бобруйской группой и кто разрешил отход и оставление Минска?

Павлов: Разрешение на оставление Минска и на отход никто не давал. 26 июня маршал Шапошников через делегатов связи передал приказание 44-му и 2-му стрелковым корпусам, что если нужно, то драться в окружении и не отходить. Командир 2-го корпуса Ермаков ответил, что

иначе он не понимает задачи, однако под ударом крупных механизированных сил он не только отошел, но еще и не поставил в известность как своего соседа, так и высший штаб. 44-й корпус тоже был атакован крупными мехсоединениями со стороны Дзержинска и донес с делегатом, что он отходит южнее Могилевского шоссе.

Жуков: Основная ваша задача — как можно быстрее разыскать части и вывести их за реку Березину. За это дело возьмитесь лично и отберите для этой цели способных командиров.

Ставка Главного командования от вас требует в кратчайший срок собрать все войска фронта и привести их в надлежащее состояние.

Ни в коем случае не допустить прорыва частей противника в районе Бобруйска и в районе Борисова. Вы должны, во что бы то ни стало не допустить срыва окончания сосредоточения армий в районе Орша — Могилев — Жлобин — Рогачев.

Для руководства боями и для того, чтобы вы знали, что происходит под Бобруйском, вышлите группу командиров с радиостанцией под руководством вашего заместителя. Немедленно эвакуируйте склады, чтобы все это не попало в руки противника. Как только обстановка прояснится, сразу же обо всем доложите.

Павлов: Для удержания Бобруйска и Борисова бросил все части, даже школу. Выделить дополнительно хотя бы одну радиостанцию больше не имею возможности. Штаб имеет одну». (А теперь сравните вышеприведенный документ с тем, который приведен в мемуарах Г.К. Жукова и убедитесь в некотором разночтении!)

* * *

30 июня 1941 г., когда продолжались бои остатков войск Западного фронта в окружении между Белостоком и Минском в Могилев прибыли генералы А.И. Еременко (новый командующий) и Г.К. Маландин (новый начальник штаба).

В 13.00 они представились маршалам Ворошилову и Шапошникову. После краткого доклада Еременко и Маландина Ворошилов сказал:

— Неважное вы, товарищи, получаете наследство. Мы вот тут с Борисом Михайловичем вторые сутки пытаемся кое-что сделать.

— Судя по информации наркома, — выступил Еременко, — и то, что мы узнали от Павлова, обстановка трудная.

— Не хочу вас пугать, — продолжил Климент Ефремович, — но это сказано слабо.

— Вы правы, товарищ маршал, Павлов, когда зашла речь о приеме фронта, обмолвился, что ему, в сущности, и сдавать нечего.

— Ну, это Павлов шарахается из одной крайности в другую, — возразил Климент Ефремович. — Если бы дело обстояло так, как он говорит, то немцы были бы сейчас под Могилевом. Войска, конечно, дерутся и кое-где, скажем, на участке 2-го стрелкового корпуса, немцы несут потери в танках и довольно-таки ощутительные. Но нужно сказать, что фронта в обычном понятии нет. Большая часть двух армий, как вы, вероятно, знаете, находится в окружении. По косвенным данным, мы знаем, что они с боями отходят на восток в район Новогрудок. Хочется верить, что многие смогут пробиться.

На правом фланге немцы обошли Минск с северо-запада, подробностей мы еще не знаем, неясно с Минском. Не исключено, что бои еще идут на некоторых участках Минского укрепрайона. На левом фланге положение не менее острое. Правда, по нашим с Борисом Михайловичем наблюдениям, противник несколько снизил темпы наступления, во всяком случае, они меньше по сравнению с первыми днями войны.

— Очевидно, — вступил в разговор Шапошников, — это вызвано тем, что какая-то часть его сил отвлечена на операции против войск 3-й и 10-й армий и, видимо, идет подтягивание тылов.

— Борис Михайлович прав, — согласился Климент Ефремович, — какая-то пауза имеет место, вернее, имела. Теперь надо ждать удара немецких мехчастей на Борисовском и Могилевском направлениях с целью выхода на Березину и Днепр. До подхода резервов все внимание обороне левого берега Березины...

Из записи адъютанта маршала Ворошилова — Л.А. Щербакова: «Обедали в палатке. Павлов отчужденно молчал, не принимая участия в разговоре. За последние сутки он часто впадал из одной крайности в другую. Узнав, что в районе Раков якобы стоят немецкие танки без горючего, и не имея возможности в этом удостовериться, он тем не менее с большой убежденностью стал говорить, что противник выдыхается, что дальше таких темпов его механизированные войска не выдержат, подведет питание горючим и боеприпасами. При этом он ссылаясь на опыт гражданской войны в Испании, где ему приходилось иметь дело танками. Или вдруг высказывал уверенность, что дивизии 3-й и 10-й армий еще не потеряны, они прорвутся и смогут усилить оборону на р. Березине. Но когда ему говорили, что это только его предположения, плохо подкрепленные фактами, он сникал, замыкался и чаще молча выслушивал работников штаба, подходивших к нему с докладом.

Когда немецкие танки ворвались в Бобруйск и особенно после отхода 2-го стрелкового корпуса, он возбужденно говорил, что резервы

безнадежно опаздывают, Генштаб недостаточно энергично проталкивает резервные армии к Днепру. Есть опасность, что немецкие танки с ходу могут выйти на этот рубеж и угрожать Смоленску.

— Когда из Минска штаб фронта перебазировался в Могилев, я понял, что меня снимут. Буду проситься на мехкорпус. — И немного помолчав, продолжал: — Я понимаю необходимость этой замены, но должен сказать, что с момента нападения немцев мною сделано все, чтобы уменьшить размер поражения. Это может подтвердить Борис Михайлович, который отлично видел, в каких невероятно трудных условиях приходилось командованию фронтом руководить войсками. Был момент, когда я думал разделить участь генерала Самсонова. Об этом знает Борис Михайлович, он и остановил меня от этого шага.

— Не болтайте глупостей, — резко оборвал его Климент Ефремович, — я запрещаю вам говорить подобные слова. Это позорный выход для слюнтяев. Запомните, будет пролито немало крови, но мы наступим Гитлеру на горло.

Теперь вы понимаете, почему вам нельзя оставаться на посту командующего. Посмотрите на Климовских или, например, на Григорьева и, наконец, на себя. Вы потеряли почву под ногами. Как же вы и ваш штаб при таком шоке сможете внушить войскам волю к сопротивлению.

— Простите, это была минутная слабость, — сказал Павлов. — Теперь многое видно, в том числе и мои ошибки. Сейчас говорят о неправильном использовании 6-го мехкорпуса. Да, это был самый боеспособный корпус, и на него возлагались большие надежды. Вначале я принял решение нанести этим соединением удар на Бельск с выходом на Волковыск, и тем самым нажим противника с юга был бы наверняка ослаблен и левофланговые дивизии 10-й армии получили бы свободу действия. Борис Михайлович санкционировал это решение. Затем была получена директива включить 6-й мехкорпус в конно-механизированную группу и нанести удар на Гродно и севернее. Удар этот не получил развития, и в конечном счете я снят за это с поста командующего.

— Это все частности, товарищ Павлов, — сказал Климент Ефремович. — Вспомните, что я говорил, когда обсуждалось у Сталина ваше назначение на пост командующего Особым Западным округом. Я тогда уже не был наркомом, отошел от чисто армейских дел, но, когда товарищ Тимошенко назвал вашу кандидатуру на это исключительно ответственное направление, я, как вы помните, резко возражал.

Павлов пожал плечами:

— Я, товарищ маршал, солдат.

— Не наивничайте, — продолжил Климент Ефремович. — Как вы могли согласиться на это назначение, не имея ни опыта, ни знаний. У вас, прямо скажу, кругозор командира кавалерийского полка, от силы командира танковой дивизии. Возглавляли вы какой-то период Главное бронетанковое управление Наркомата обороны и неплохо освоились с этим делом, познакомились с промышленностью, знали людей, работающих в танкостроении, и надо было вам продолжать работу в этой области. Но у вас после Испании закружилась голова, вы вообразили себя стратегом, военачальником, не имея необходимых для такого поста данных.

Меня тогда, к сожалению, не послушали. Сейчас мне тяжело об этом говорить, а вам слушать. Но я еще раз повторяю: задолго до войны, хорошо вас зная, для меня было очевидным, что вы берете ношу не по плечу. Но тогда вы этого не хотели понять».

30 июня генерала армии Павлова вызвали в Москву, а на следующий день в 11 часов 5 минут Наркому обороны была отправлена телеграмма: «Командование войсками Западного фронта сдал генерал-лейтенанту Еременко 1 июля 1941 г.

Д. Павлов».

В конце июня 1941 г. Западный фронт был разгромлен, а в первых числах июля на рубеже Днепра создавался уже новый Западный фронт под командованием наркома обороны маршала Тимошенко.

5. ДВА ДНЯ ТОВАРИЩА СТАЛИНА И ИТОГИ РАЗГРОМА

Благодаря журналу посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете мы можем судить о том, что с 22 июня по 28 июня (в ночь на 29 июня) вождь ежедневно принимал членов Политбюро ЦК ВКП(б), военачальников, руководителей наркоматов, военных, ученых и т.п. То есть работал в обычном для него режиме.

23 июня он приехал в Кремль в 3 часа ночи и принял 8 человек (3 члена Ставки и 5 военачальников). Совещание закончилось в 6 ч.25 мин. До 6 часов вечера он сделал ряд поручений, почти ни с кем не общаясь. Вечером с 18.45 он принял еще 13 человек. Последние вышли в 01.25 мин. Около 2-х ночи он уехал в Кунцево. 24 июня рабочий день вождя начался с 16 часов. До 21.30 он принял 20 человек. 25 июня с 1 часа ночи до 5.50 Сталин принял 11 человек, а вечером с 19.40 до 1 часа ночи — 15.

26 июня он приехал в Кремль к 12 часам дня и до 23.00 принял около 20 человек. 27 июня с 16.30 до 02.40 Сталин принял около 25 человек.

28 июня Сталин приехал в Кремль к 19 часам и до 00.50 принял 21 человека. 29 и 30 июня в журнале посещений Сталина записей нет. Следовательно, не было и приемов. Однако известно, что вечером 29 июня Сталин, как обычно, вошел в свой рабочий кабинет. Следом за ним вошли Молотов, Маленков, Щербаков, Микоян и Берия. Говорили о тяжелой обстановке и на фронтах. Затем они перешли к документу: «Директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей». Ее первоначальный текст подготовили Молотов, Щербаков и Микоян. Сталин лично редактирует этот материал. Директива предельно конкретна, а каждый абзац в буквальном смысле требует действий. Вождь синим карандашом вставляет отдельные слова и предложения, стрелками помечает, куда вставить то или иное слово. Ведь речь идет о тактике выжженной земли, и врагу не должно не достаться ровным счетом ничего. Иначе смерть!

Чтобы можно было представить себе всю важность этого документа для борьбы с фашизмом, который лег в основу исторической речи И.В. Сталина 3 июля 1941 г, я привожу его с небольшим сокращением.

«Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза,

ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов. Враг уже вторгся на советскую землю, захватил большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, захватил часть Латвии, Брестскую, Белостокскую, Вилейскую области Советской Белоруссии и несколько районов Западной Украины. Опасность нависла над некоторыми другими областями...

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим опасным и коварным врагом — немецким фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом...

Несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители все еще не понимают смысла этой угрозы, еще не осознали значения этой угрозы, живут благодушно-мирными настроениями и не понимают, что война резко изменила положение, что наша родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад. .

Более того, есть позорные случаи малодушия и трусости среди некоторых руководителей наших организаций, ведущих к дезорганизации наших рядов и подрывающие дело обороны.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма.

Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) требуют от вас:

1) В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

2) Организовать всестороннюю помощь действующей Армии, обеспечить организованное проведение мобилизационных запасов, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений.

3) Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями

слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам...

4) При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться.

5) В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах.

6) Немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, не взирая на лица.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) заявляют, что в навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Теперь все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом...

Председатель Совнаркома СССР и Секретарь ЦК ВКП(б)

И. Сталин

Заместитель Председателя Совнаркома СССР

В. Молотов

29 июня 1941 года

№ П509»

Около 19 часов Сталину приносят телеграмму с Западного фронта от Ворошилова: «Обстановка на фронте внезапно резко ухудшилась.

Подробности донесу дополнительно».

Сталин продолжает работать и ждет сообщения Климента Ефремовича.

В 23.15 Ворошилов наконец-то выходит по ВЧ на связь и докладывает вождю:

— Управление войсками полностью дезорганизовано. Командование обстановки не знает, питается отрывочными запоздалыми сведениями, поэтому влиять данным образом на войска не может. С войсками 3-й и 10-й армий по-прежнему плохо.

Выслушав представителя Ставки, вождь ставит задачи и задает интересующие его вопросы. При этом, как мы уже читали выше, шутит и смеется.

Только после разговора с Ворошиловым Сталин звонит наркому обороны Тимошенко.

— Что под Минском? Как там дела? — спокойно спрашивает он.

— Я не могу сейчас вам доложить, товарищ Сталин, — неуверенно отвечает нарком.

— А вы обязаны знать обстановку, товарищ Тимошенко, и также обязаны информировать нас, — после этих слов вождь нервно бросил трубку.

— Не нравится мне все это их неведение, — выдержав паузу, сказал он, обращаясь к Молотову и Берия. Нам надо сейчас же поехать в Наркомат и самим убедиться в обстановке на месте.

Итак, в ночь на 30 июня 1941 г. Сталин вместе с членами Политбюро посещает Наркомат обороны, по улице Фрунзе. Они в глубоком молчании вошли в массивные двери, минуя часового, также молча поднялись на второй этаж, где и застали в рабочей обстановке Тимошенко, Жукова, Ватутина...

Столь неожиданное появление членов Политбюро, а в особенности вождя, привело присутствующих в шок, от которого они онемели, побледнели и не сразу справились со своими чувствами...

Как и положено, в такой ситуации, первым доложил нарком. Выслушав доклад, Сталин медленно прошелся вдоль стола с картами, остановившись у карты Западного фронта.

— Мы ждем вашего доклада об обстановке под Минском, — кратко заявил Сталин.

Сбивчивый доклад Тимошенко прозвучал, как трагический аккорд в магической тишине:

— Товарищ Сталин, мы еще не успели обобщить поступившие

материалы. Многое мне не ясно. Есть противоречивые сведения... Я не готов сейчас вам доложить...

— Вы просто не владеете обстановкой, — резюмировал вождь. — Вы, наверное, уже потеряли Белоруссию, а теперь хотите поставить нас перед фактом новых провалов! Вы вообще управляете фронтами или только констатируете очевидное?

Затем он обратился к Жукову:

— Что происходит на Западном фронте? Какая имеется у Павлова связь с войсками?

Если первые полчаса Сталин говорил спокойно, то теперь взорвался:

— Что за Генеральный штаб, что за начальник Генштаба, который так растерялся, не знает, что творится в войсках, никого не представляет и никем не командует. Раз нет информации, нет связи, Генштаб бессилен руководить.

— Разрешите нам продолжить работу, — резко ответил Жуков.

— Может, мы мешаем вам? — съязвил Берия.

— Обстановка на фронтах критическая, — не обратив внимания на эти слова, сказал Жуков. И стараясь быть спокойным, взглянув на Лаврентия Павловича, с вызовом бросил:

— Может быть, вы сумеете дать эти указания?

— Если партия поручит, дадим, — со злобой ответил Берия. После этих слов генерал армии Жуков, оскорбленный этими словами и переживший шок, не выдержал, разрыдался и вышел в другую комнату. Молотов быстро пошел следом за ним. Все присутствующие находились в удрученном состоянии. Только через десять минут Молотов привел обратно, уже внешне спокойного, но еще с влажными глазами начальника Генштаба.

— Простите меня за резкость, товарищ Сталин. Мы разберемся и сами приедем в Кремль...

— Товарищ Сталин, — вмешался Тимошенко, — мы обязаны в первую очередь думать, как помочь фронтам, а потом уже информировать вас...

— Во-первых, — взорвался Сталин, — вы делаете грубую ошибку, что отделяете себя от нас. А во-вторых, о помощи фронтам, об овладении обстановкой нам теперь надо думать всем вместе. — Немного успокоившись, он добавил:

— В ближайшее время разберитесь с обстановкой в районе Минска, Бобруйска и Слуцка, свяжитесь с Павловым. Уточните у него, где находятся части. Разберитесь со связью. Организуйте розыск частей и их отход за Березину. Объясните, что в самый кратчайший срок нужно собрать

все войска и привести их в надлежащий порядок. Во что бы то ни стало, нам нужно выиграть время.... 30 июня в 6.45 Жуков связался с Павловым.

На одном из обедов, Сталин как-то сказал, что ночь с 29 на 30 июня 1941 г. была для него самой тяжелой и памятной.

Что он пережил тогда, можно только предположить...

30 июня 1941 г., прочитав утреннюю сводку Генштаба, Сталин уехал к себе на дачу и почти весь день не появлялся в Кремле. Такое состояние вождя Д. Волкогонов называл не иначе как «кульминацией психологического шока».

«Целая пропасть разделяла его, безгрешного земного бога до войны, и растерявшегося “вождя”, сознававшего полный крах всех его планов, предположений, стратегических расчетов в течение всего одной недели... Вынести все это оказалось не по плечу даже такой волевой натуре, как Сталин», — писал генерал.

Но растерялся ли Сталин? Безусловно, растерялся! А кто бы на его месте смог остаться железным и безразличным в такой момент... Кто? Сказывался возраст за шестьдесят. Биография революционера, большевика и государственного деятеля. Сказывались болезни. Ему было плохо. И там, на даче, в уединении он говорил сам с собой, пытаясь найти выход из создавшегося критического положения. Он укорял себя за просчеты...

А тем временем вечером в кабинете у Молотова собрались Маленков, Берия, Вознесенский и Микоян.

Начал разговор Молотов:

— Вот, Лаврентий Павлович предлагает срочно создать по образцу Совета Труда и Оборона времен Гражданской войны Государственный Комитет Оборона, которому нужно отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции правительства, Верховного совета и ЦК партии.

— Но пусть Вячеслав Михайлович скажет, почему нас с вами, Анастас Иванович, нет в проекте состава комитета, — перебил Молотова Вознесенский, обращаясь к Микояну и рассматривая документ.

— Каков же состав предлагается? — тут же спросил Микоян.

— Как уже договорились, товарищ Сталин — председатель, затем я — его заместитель и члены комитета: Маленков, Ворошилов и Берия, — ответил Молотов.

— А почему же нет в этом списке нас с Николаем Алексеевичем? — снова спрашивает Микоян.

— Но кто же тогда останется в правительстве? Нельзя же почти всех членов Бюро Совнаркома вводить в этот комитет!

После возникшего спора Молотов предложил всем поехать к Сталину, чтобы с ним решить все вопросы.

На «ближней» соратники застали хозяина действительно в неважном состоянии: он сидел в кресле в малой столовой.

— Зачем пришли? — поинтересовался вождь.

Первым выступил Молотов, заявив о предложении создать Государственный Комитет Обороны.

— Согласен. А кто будет председателем? — Ты, — сказал Молотов.

— Хорошо. А каков предлагается состав этого органа?

— Нужно назначить пять членов Государственного Комитета Обороны, — вмешался Берия.

— Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я.

— Тогда надо включить и Микояна, и Вознесенского.

— Товарищ Сталин, если все мы будем заниматься в ГКО, то кто же будет работать в Совнаркоме, Госплане?

— Пусть Микоян и Вознесенский занимаются всей работой в правительстве и Госплане.

— Товарищ Сталин, я предлагаю ввести в состав ГКО 7 человек с учетом названных товарищем Сталиным, — сказал Вознесенский.

— Пусть в ГКО будет 5 человек, — взял слово Микоян. — Что же касается меня, то я прошу назначить меня уполномоченным ГКО со всеми правами члена ГКО в области снабжения фронта продовольствием, вещевым довольствием и горючим.

Сталин согласился. На Молотова возложили руководство по производству танков, на Маленкова — авиационную промышленность, на Берия — охрану порядка внутри страны и борьбу с дезертирством, на Вознесенского — руководство производством вооружения и боеприпасов, а на Ворошилова — формирование новых воинских частей. В этот же день было принято постановление о создании Государственного Комитета Обороны, которое было обнародовано 1 июля 1941 г.

«Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКЩб) и Совет Народных Комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе:

т. Сталин И.В. (председатель)

т. Молотов В.М. (заместитель председателя)

т. Ворошилов К.Е.

т. Маленков Г.М.

т. Берия Л.П.

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Оборона.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Оборона...»

По свидетельству очевидцев, в первые дни войны Сталин осунулся, почернел, оспины его стали более рельефны. При этом он никогда не забывал здороваться и отвечать на приветствия. Работал он день и ночь, по 16-18 часов в сутки. «Ежедневно ему докладывали десятки документов военного, политического, идеологического и хозяйственного характера, которые после его подписи становились приказами, директивами, постановлениями, решениями», — писал Д.А. Волкогонов. «Множество самых различных оперативных, кадровых, технических, разведывательных, военно-экономических, дипломатических, политических вопросов рассматривал Сталин ежедневно в своем кабинете. Тысячи документов, на которых стоит подпись Сталина приводили в движение огромные массы людей» (там же).

Те же очевидцы утверждают о Сталине в первые дни войны, что ему некогда было отдыхать в эти дни и ночи. Работал он сутками напролет. Иногда даже спал на диване одетым и обутым. «Иногда были случаи: в присутствии телохранителя Сталин сам с собой разговаривал. Так было с В.Туковым. Однажды он спросил Сталина в машине: “О чем вы, товарищ Сталин, говорите?” Только тогда Сталин произнес: “Да о вашем начальнике. Старый не сумел оправдаться”»

Был и еще случай:

«Зашел я к Сталину, — вспоминал А. Голованов. — Он один в кабинете. Стоит перед ним остывший чай. Сталин: “Что делать? Что делать?” Как будто я помогу выйти из окружения войскам на Западном фронте».

Известно, что война очень значительно обострила проблемы здоровья у Сталина. «К ним добавились невралгические боли не только в области левой руки, но и в левой части нижней челюсти, и опять грипп с простудами и кашлем, ангины. Особенно тяжелыми были для него послевоенные 1946-1947 гг. В этот период у Сталина несколько раз начинались катастрофические расстройства желудка с позывами по 14-20 раз за день при очень высокой температуре. На этот раз был назван еще

один диагноз — хроническая дизентерия. А к уже имевшимся болезням прибавился хронический гепатит... атеросклероз, мио дистрофия сердца. Наблюдавший его в Гаграх врач Кипшидзе настоятельно рекомендовал молочно-растительную диету, мясо лишь в умеренных количествах, а из спиртного только легкое столовое вино не более 100-150 грамм в сутки» (Б.С. Илизаров).

3 июля 1941 г. советский народ услышал выступление Сталина. Вот что писал об этом важном историческом событии генерал Д.А. Волкогонов: «Председатель ГКО решил выступить по радио с обращением к стране лишь 3 июля. Замечу попутно, что именно в этот день вечером немецкий генерал Гальдер запишет в дневник: “Не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России выиграна в течение 14 дней”. Немец явно поспешил: война только начиналась. Многие уже понимали, что она будет смертельно тяжелой и долгой. Сталин несколько раз переделывал свое выступление. Самым трудным для него было найти какие-либо слова, аргументы, с помощью которых можно было объяснить народу происшедшее: неудачи. Вторжение, крах советско-германских договоров. На полях черновика речи карандашные пометки Сталина: “Почему?”, “Разгром врага неминуем”, “Что нужно делать?”. Это выглядело как своеобразный план программного выступления первого лица государства. В выступлении Сталин изложил основные положения, сформулированные в Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня. В своем обращении Сталин долго объяснял, по существу оправдываясь, почему немецкие войска захватили Литву, Латвию, часть Украины, Белоруссии, Эстонии. В конечном счете все было сведено к одной фразе: “Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам”. Сталин говорил заведомую неправду о разгроме лучших дивизий врага, лживо объяснял, что главная причина неудач — во внезапности нападения Германии... Естественно, что Сталин, говоря о советско-германском пакте, ни словом не упомянул постыдный договор о “дружбе” и границе, о тех многочисленных роковых просчетах, допущенных прежде всего им самим. Уже значительно увереннее звучал голос Сталина, когда он говорил, как нужно “перестроить всю нашу работу на военный лад”. Он впервые назвал войну “отечественной”, призвав “создавать партизанские отряды”,

“организовывать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами”, впервые публично выразил надежду на объединение усилий народов Европы и Америки в борьбе против фашистских армий Гитлера».

По мнению Волкогонова, Сталин должен был рассказать истинную правду «про все на свете» и тем самым единолично увеличить масштабы катастрофы! Однако речь вождя сыграла огромную мобилизующую роль и ответила на все мучительные вопросы народа. Об этом никогда нельзя забывать. Именно после этой речи, после июньской катастрофы 1941 г. советский народ и русский народ нашли в себе моральные и физические силы, чтобы выстоять и победить.

Обращаясь к народу, Сталин сказал: «Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов

Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага. Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь Советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

До сегодняшних дней Сталина продолжают пинать за то, что он не выступил 22 июня 1941 г. Но, как известно, вождь выступал вообще крайне редко. Например, в 1936 г. он выступил с одной-единственной публичной речью, в 1937 г. — дважды, в 1938 г. — один раз, а в 1940 г. он вообще не выступил ни разу.

22 июня вождь еще не подозревал о том, что произойдет через считанные дни, оттого-то и попросил выступить Молотова. А вот 3 июля, когда стало ясно, что враг на пути к Москве, Западный фронт разгромлен, Красная Армия отступает с огромными потерями, он сам был готов выступить, потому что прекрасно понимал, что зависело от его слов, от этой речи...

* * *

3 июля, двенадцатый день войны. Будущий маршал авиации А.Е. Голованов неожиданно получил распоряжение немедленно прибыть в Москву. В своих мемуарах он вспоминал: «Через некоторое время я оказался в Кремле, в уже знакомом кабинете. Народу было много, но я мало кого знал. Вид у всех был подавленный. Многие из присутствующих были небриты, их лица, воспаленные глаза говорили о том, что они уже давно не высыпаются. Оглядевшись, кроме уже знакомых мне лиц, узнал по портретам, НА Вознесенского. С удивлением увидел, что В.М. Молотов одет в полувоенную форму защитного цвета, которая ему совсем не шла. Среди присутствующих резко выделялся Сталин: тот же спокойный вид, та же трубка, те же неторопливые движения, которые запомнились еще с первых моих посещений Кремля до войны, та же одежда.

— Ну, как у вас дела? — спросил Сталин, здороваясь.

Я кратко доложил обстановку и что за это время сделал полк.

— Вот что, — сказал Сталин, — мы плохо ориентированы о положении дел на фронте. Не знаем даже точно, где наши войска и их

штабы, не знаем, где враг. У вас наиболее опытный летный состав. Нам нужны правдивые данные. Займитесь разведкой. Это будет ваша главная задача. Все, что узнаете, немедленно передайте нам. Что вам для этого нужно?

— Прикрытие, товарищ Сталин, — ответил я.

— Что мы можем дать? — спросил Сталин Булганина.

— Немного истребителей, — ответил Булганин.

Сталин пошел по дорожке, о чем-то думая. Вернувшись и подойдя ко мне, он сказал:

— На много не рассчитывайте. Чем можем — поможем. Рассчитывайте больше на свои силы и возможности. Видите, что делается? Сталин опять заходил. Снова подойдя ко мне, он вдруг сказал:

— Мы дали указание арестовать и доставить в Москву Павлова. — Голос его был тверд и решителен, но в нем не слышалось ни нотки возмущения, ни тени негодования...

Передо мной, как наяву, возник служебный кабинет в Минске и бритоголовый, с массивной фигурой человек, вызывающий по телефону Сталина, чтобы взять в свое подчинение наш полк, убеждающий его не верить сведениям о сосредоточении немцев на исходных рубежах у наших границ, не поддаваться на «провокации». Разговор этот, как помнит читатель, происходил в моем присутствии, и, видимо, Сталин, обладая феноменальной памятью, и уверенный в том, что я все пойму, объявил мне об этом решении Государственного Комитета Обороны. Больше о Павлове не было произнесено ни слова».

К слову, Голованов вошел в кабинет Сталина в 24.00 вместе с Г.К. Жуковым. В это время там находились: Молотов, Ворошилов, Маленков, Берия, Каганович (с 21.00), Вознесенский (21.50), Артемьев (ком. МВО с 22.35), Булганин (23.40), Рухле (23.40), Жигарев (с 23.40), Серов (с 23.40) и Петров (с 23.40).

Видимо, на совещании, которое продолжалось с 21.00, и было принято решение об аресте генерала армии Павлова.

Его вызвал в Москву Жуков, по требованию Сталина, якобы для беседы. Два раза начальник Генштаба звонил Сталину, напоминая о том, что Павлов ждет у него в кабинете его вызова. Только в третий раз вождь сказал:

— Пусть едет обратно туда, откуда приехал. Это было первого июля.

Сам Г.К. Жуков напишет в мемуарах о встрече с Павловым следующее: «Я его едва узнал, так изменился он за восемь дней войны».

2 июля Павлова принял Молотов. Дмитрий Григорьевич попытался

объяснить, почему его фронт оказался прорван. А 4 июля Павлов выехал в сторону Смоленска, чтобы получить новое назначение. Западным фронтом уже командовал маршал Тимошенко, т.к. Сталин изменил свое первоначальное решение и убрал оттуда Еременко. К Тимошенко и выехал Павлов. Но судьба его уже была решена. Постановление об аресте утвердил маршал Тимошенко. В этот же день в Довске Павлова задержали, где объявили, что он «арестован по распоряжению ЦК». Это была чистая правда.

Первый допрос, теперь уже бывшего командующего, начался 7 июля в 1 час 30 минут. Любопытно, что уже со второго вопроса следователя было понятно, в чем его хотят обвинить: «В таком случае приступайте к показаниям вашей предательской деятельности.

Ответ: Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по не зависящим от меня причинам.

Вопрос: У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими, которые особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом.

Ответ: Я не изменник, злого умысла в моих действиях как командующего фронтом не было. Я также невиновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию.

Вопрос: Как же в таком случае это произошло?»

И Дмитрий Григорьевич излагает обстановку, при которой начались военные действия. Следователи по ходу его рассказа лишь подбрасывают вопросы.

Но где-то около 16 часов они возвращаются к тому, с чего начали:

— Если основные части округа к военным действиям были подготовлены, распоряжение о выступлении вы получили вовремя, значит, глубокий прорыв немецких войск на советскую территорию можно отнести лишь на счет ваших преступных действий как командующего фронтом.

— Это обвинение я категорически отрицаю. Измены и предательства я не совершал, — твердит измученный Павлов.

Следователь уточняет свой вопрос:

— На всем протяжении госграницы только на участке, которым командовали вы, немецкие войска вклинились глубоко на советскую территорию. Повторяю, что это результат изменнических действий с вашей стороны.

— Прорыв на моем фронте произошел потому, что у меня не было новой материальной части, сколько имел, например, Киевский военный округ.

И вот наступает кульминация первого допроса, который закончился в 16.10:

— Напрасно вы пытаетесь свести поражение к независящим от вас причинам. Следствием установлено, что вы являлись участником заговора еще в 1935 г. и тогда еще имели намерение в будущей войне изменить родине. Настоящее положение у нас на фронте подтверждает эти следственные данные. Но Павлов пока не сдается:

— Никогда ни в каких заговорах я не был и ни с какими заговорщиками не вращался. Это обвинение для меня чрезвычайно тяжелое и неправильное с начала до конца. Если на меня имеются какие-нибудь показания, то это сплошная и явная ложь людей, желающих хотя бы чем-нибудь очернить честных людей и этим нанести вред государству.

Следующий допрос 9 июля (в 12 часов) следователь начинает со «старой песни»:

— Следствие еще раз предлагает вам рассказать о совершенных вами преступлениях против партии и советского правительства.

Но Дмитрий Григорьевич упорно уходит от главного. Следователю же просто необходимо услышать то, что они хотят:

— Вы расскажете о своей организационной связи по линии заговора с Уборевичем и другими?

И вдруг, Павлов начинает «говорить»:

— Организационно по линии заговора я связан ни с Уборевичем, ни с другими не был. Будучи приверженцем Уборевича, я слепо выполнял все его указания, и Уборевичу не нужно было вербовать меня в заговорщическую организацию, так как и без этого я был полностью его человеком.

К слову, Павлова допрашивали временно исполняющий должность начальника следственной части 3-го Управления НКВД СССР старший батальонный комиссар Павловский и следователь этого же управления младший лейтенант госбезопасности Комаров. Вот только вопросы задавал Павловский, а «колол» генерала Комаров. В сорок первом ему было 25 лет.

На работу в органы НКВД пришел по комсомольской путевке в 1938 г. Восемь классов образования. После ФЗУ — помощник машиниста на московском заводе и комсорг в московской школе. В НКВД — помощник оперуполномоченного в особом отделе центра. С 1939 г. — следователь.

Высокий, полный, с толстыми губами и сросшимися мочками ушей, Владимир Иванович мастерски орудовал кулаками и не менее виртуозно — резиновой дубинкой. По мнению самого Абакумова, писать совсем не умел, слыл дубом. Но Павлова «разговорил»...

11 июля (в 13 часов 30 минут) Дмитрий Григорьевич показал:

— Действительно, основной причиной поражения на Западном фронте является моя предательская работа как участника заговорщической организации, хотя этому в значительной мере способствовали и другие объективные условия, о которых я показал на допросе 9 июля того года.

— На предыдущем допросе вы отрицали свою принадлежность к антисоветской организации, а сейчас заявляете о своей связи с заговорщиками. Какие показания следует считать правильными? — уточняет следователь.

— Сегодня я даю правильные показания и ничего утаивать от следствия не хочу.

И Павлов дает «нужные» показания, как в безумном сне, в агонии, в кровавом вихре. Но говорит только то, что нужно, или просто подписывает протокол, аккуратно «отшлепанный» на машинке.

Будучи физически крепким человеком, он не выдержал побоев после поражения фронта, которым командовал. Когда нечеловеческая усталость сменилась нечеловеческой болью.

Правда заключается лишь в том, что следователю Павлов поведал свои реальные встречи и реальные разговоры с Мерецковым. Они, то и были умело вставлены в необходимый трафарет протоколов.

По мнению Павлова, Мерецков, будучи начальником Генерального штаба, утверждал, что нападения со стороны Германии в ближайшее время не будет. Вместе с Мерецковым, еще в Испании, они оба сходились в оценке состояния Красной Армии: «командный состав Красной Армии якобы бесправен, а политсоставу, наоборот предоставлены излишние права. Существовавший, по нашему мнению, разброд среди комсостава вызывается якобы неправильной политикой руководства Красной Армии. -

В Красной Армии, заявил Мерецков, нет единой доктрины, это хорошо понимают некоторые руководящие армейские работники, которые объединились на почве недовольства существующим в армии положением».

Так был дополнен компромат и на генерала Мерецкова, которого арестовали 5 июля 1941 года. И еще вряд ли могли не вспомнить Павлову его неосторожные слова, сказанные подчиненным перед войной: «Вначале, может быть, придется и отступить. У немцев теперь не 100-тысячная армия какую они имели в 1932 г., а 3-миллионная. Она насчитывает 300 соединений, располагает большим количеством самолетов. Если враг перед началом войны сосредоточит у наших границ хотя бы две трети своих сил, нам в первое время придется, конечно, обороняться и даже отступить... А

вот когда из тыла подойдут войска внутренних округов...»

22 июля 1941 г. состоялся суд.

В 00.20 председательствующий армвоенюрист В.В. Ульрих открыл судебное заседание и объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению бывшего командующего Западным фронтом — генерала армии Павлова Дмитрия Григорьевича, бывшего начальника штаба Западного фронта — генерал-майора Климовских Владимира Ефимовича — обоих в преступлениях, предусмотренных ст. 63-3 и 76 УК БССР; бывшего начальника связи штаба Западного фронта — генерал-майора Григорьева Андрея Терентьевича и бывшего командующего 4-й армией — генерал-майора Коробкова Александра Андреевича, — обоих в преступлении, предусмотренном ст.180 п. «б» УК БССР.

На суде Павлов сразу же отказывается от тех показаний, которые выбил из него Комаров.

— Предъявленное мне обвинение понятно, — с дрожью в голосе говорит он. — Виновным себя в участии в антисоветском военном заговоре не признаю. Участником антисоветской заговорщической организации я никогда не был.

Я признаю себя виновным в том, что не успел проверить выполнение командующим 4-й армией Коробковым моего приказа об эвакуации войск из Бреста. Еще в начале июня месяца я отдал приказ о выводе частей из Бреста в лагеря. Коробков же моего приказа не выполнил, в результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противником.

Я признаю себя виновным в том, что директиву Генерального штаба РККА я понял по-своему и не ввел ее в действие заранее, то есть до наступления противника. Я знал, что противник вот-вот выступит, но из Москвы меня уверили, что все в порядке и мне было приказано быть спокойным и не паниковать. Фамилию, кто мне это говорил, назвать не могу.

Как и само следствие, суд над Павловым и его генералами был скорым. Уже в 3 часа 20 минут был оглашен приговор. Всех обвиняемых лишили воинских званий и государственных наград, и приговорили к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Пройдет более пятнадцати лет, и 31 июля 1957 г. Военной коллегией Верховного суда СССР будут рассмотрены заключения Генерального прокурора СССР в отношении Павлова, Климовских, Григорьева, Коробкова и Клича. С доводами заключений Генерального прокурора СССР

Военная коллегия будет согласна:

«Прорыв гитлеровских войск на фронте обороны Западного Особого военного округа произошел в силу неблагоприятно сложившейся для советских войск оперативно-тактической обстановки и не может быть инкриминирован Павлову и другим осужденным как воинские преступления, поскольку это произошло по независящим от них причинам».

Приказом Министра Обороны СССР Маршала Советского Союза Г.К. Жукова № 01907 от 15 августа 1957 г. был отменен приказ НКО от 28 июня 1941 г., которым был объявлен приговор по делу Павлова и других.

Однако обратимся к биографической справке о Павлове в 6-м томе Советской военной энциклопедии, изданном в 1978 г., где черным по белому написано следующее:

«В сложных условиях начального периода войны, не имея регулярных и точных сведений о ходе боев, состоянии своих войск Павлов не сумел проявить должной твердости и инициативы в управлении войсками фронта».

В книге «Великая Отечественная война. 1941-1945. Энциклопедия», изданной в 1985 г., читаем о генерале Павлове: «В первые дни войны командовал Западным фронтом. В связи с допущенными просчетами в руководстве войсками был отстранен от занимаемой должности».

Так какие же были просчеты у генерала армии Павлова?

Бесспорно, что для немецкого командования западное направление было главным в операции «Барбаросса», поэтому в группе армий «Центр» оно сосредоточило 40% всех своих дивизий, развернутых от Баренцева до Черного моря (в т.ч. 50% моторизованных, 52,9% танковых).

В полосе наступления группы армий «Центр», в непосредственной близости от границы, находилось пятнадцать советских дивизий, а четырнадцать располагались в 50-100 км от нее. Остальные войска начали сосредоточение к границе в середине июня, и к 22 июня в движении находились войска четырех стрелковых корпусов (десять дивизий). Кроме того, на территории округа в районе Полоцка сосредотачивались войска 22-й армии из Уральского ВО, из состава которой к 22 июня прибыло на место три стрелковые дивизии и один механизированный корпус из Московского ВО.

По мнению бывшего начальника оперативного отдела штаба Зап.ВО генерал-майора Б. Фомина, Западный фронт постигла неудача по следующим причинам:

численное превосходство противника; внезапность нападения;

недостаточная обеспеченность средствами ПВО; отсутствие у фронта резервов и оборонительного рубежа по реке Щара и снятие с нее войск в ночь с первого на второй день войны, «вследствие чего противник, беспрепятственно заняв его, создал условия для окружения войск 3-й и 10-й армий», запоздалое занятие рубежей Уров вдоль старой госграницы войсками 13-й армии.

По поводу численного превосходства.

К моменту начала войны войска Западного фронта, содержащиеся по штагам мирного времени, уступали противнику только в личном составе (1,8:1), но превосходили его в танках (1,9:1), самолетах (1,2:1) и незначительно в артиллерии.

По поводу внезапности нападения. В своей записке бывший командующий 3-й армией генерал-полковник В.И. Кузнецов писал: «Все командующие армиями, в том числе и я, докладывали Павлову о совершенно открытой подготовке немцев к войне. Так, например, нами было точно установлено сосредоточение крупных сил немцев в Августовских лесах юго-восточнее Сувалки.

В наших руках также были подметные письма, в которых указывалось примерное время перехода немцев в наступление — 21, 22, 23 июня. Тем не менее Павлов за несколько дней до начала войны приказал всю артиллерию отправлять на артиллерийские стрельбы за несколько сот километров от линии фронта...»

Так как Красная Армия стратегическое сосредоточение и развертывание на Западном ТВД (театре военных действий. — Примеч. ред.) начала в мае 1941 г., поэтому 22 июня ее, не имеющей ни оборонительной, ни наступательной группировки, застали врасплох и громили по частям.

Группа армий «Центр» осуществляла двойной охват войск Западного округа, расположенных в Белостоке выступе, ударом от Сувалок и Бреста на Минск, поэтому основные силы противника были развернуты на флангах, и это одна сторона медали.

А другая? В час ночи 22 июня Павлов докладывал обстановку наркому. В докладе он отметил: «Очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувальский выступ шли непрерывно немецкие мехколонны».

Он прекрасно знал, что на участке Августов-Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снято проволочное заграждение. Отсюда следует, что Павлову докладывали обо всех передвижениях противника, и

он должен был понимать, что это война. Но только теперь, во втором часу, по указанию наркома он предложил привести войска в боевое состояние. А что, собственно, мешало Павлову это сделать 21 или 20 июня?

Скорее, не неисполнительность, а отсутствие обыкновенной инициативы и чувства предвидения. Военачальник обязан всегда идти на риск, лишь принимая меры к степени его уменьшения. Но, исключая риск, он никогда не будет иметь успех. Это аксиома. Не имея же чувства предвидения или интуиции, военачальник не способен мысленно представлять себе ход и исход будущего сражения до мельчайших деталей.

Около четырех часов утра командующие армиями доложили, что все у них спокойно, но прошли считанные минуты, и началась война. Около пяти часов утра связь с армиями была прервана, а управление войсками было потеряно. Дальше все еще печальнее: отсутствие данных о потерях живой силы и материальной части 22 и 23 июня, растерянность при мгновенно меняющейся обстановке, невозможность вовремя отдать приказ, отсутствие контроля за выполнением поставленных задач, невыполнение разведывательных задач, отсутствие броневой боеприпасов, отсутствие горючего для механизированных корпусов (хранилось в Майкопе), несоответствие приказов и распоряжений и т.д. В общем, самый натуральный бардак, который был узаконен до войны.

В последнем слове Павлов сказал на суде:

— Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недостаточно готовились в мирное время к этой войне.

И это чистая правда!

В своих мемуарах генерал Л.М. Сандалов так определил вину командования войск и штаба Западного фронта: «В частности командование фронта и армий несет ответственность за недостаточную боевую подготовку войск и штабов, слабую отработку вопросов противотанковой и противовоздушной обороны, отсутствие тренировок по организации взаимодействия родов войск в бою, операции и в практике командования войсками в полном составе.

Большое отрицательное влияние на исход боевых действий оказала незавершенность подготовки будущего театра военных действий, в первую очередь в части строительства укрепленных районов, полевых позиций и аэродромного строительства.

Бывшее командование Западного Особого военного округа несет ответственность также за создание не соответствовавшей военно-политической обстановке и соотношению сил группировки войск округа,

их дислокацию, необеспеченность вновь формируемых вблизи от государственной границы механизированных корпусов кадрами и новой материальной частью. Формируемые механизированные корпуса поглотили имевшиеся ранее вполне сколоченные армейские танковые бригады, но сами как крупные подвижные соединения фронтового и армейского подчинения оказались неподготовленными. Командование округа несет ответственность за нереальность планов прикрытия, слабую боевую готовность войск в тревожной обстановке накануне войны (проведение сборов артиллерии, особенно зенитной, в окружных артиллерийских лагерях, откомандирование всех саперных частей и подразделений на работу в укрепленные районы, разбросанность подразделений стрелковой дивизии на оборонительных работах на границе и т.д.), слабую обеспеченность войск бронбойными снарядами и противотанковыми минами. Командование войсками фронта и армий несет ответственность также за более чем слабое управление войсками, за решения, не соответствующие обстановке (стремление к нанесению контрударов вместо перехода к обороне и ее заблаговременной организации)».

Не менее огромная вина лежит на Павлове и Коробкове за скученное размещение войск в Брестском гарнизоне, когда хозяйственные соображения, прежде всего, у Павлова побороли оперативные, а командующий 4-й армией просто смирился с этим. Да только противник очень хорошо знал Брестскую крепость, город

Брест и его окрестности. Ведь их окрестности немцы занимали после разгрома польской армии!

В своем письме к генералу армии В.В. Курасову в 1956 г. генерал Сандалов подчеркнул: «Причиной слабого управления войсками ЗОВО (Западного Особого военного округа. — Примеч. ред.) в значительной мере является более чем неудачный состав командования войсками ЗОВО и в первую очередь несоответствие своей должности самого командующего войсками округа.

Генерал армии Павлов, не имея опыта в командовании соединениями (исключая командование в течение непродолжительного срока танковой бригадой), после участия в войне в Испании, был назначен начальником АБТВ (автобронетанковых войск. — Примеч. ред.) Красной Армии, а за год до войны командующим войсками ЗОВО. Не имея ни опыта в управлении войсками, ни достаточного военного образования и широкого оперативного кругозора, генерал армии Павлов растерялся в сложной обстановке начального периода войны и выпустил из рук управление войсками».

Не безынтересно на этот счет и мнение маршала авиации А.Е.

Голованова.

Он писал: «Я знал Павлова еще по Халхин-Голу. До этого он был в Испании, а еще раньше командовал танковой бригадой, которая насчитывала в своем составе три батальона танков и один батальон мотопехоты. То есть, попросту говоря, полк. За какие-то два-три года, часть которых была проведена советником в Испании, человек был поставлен сначала во главе всех бронетанковых сил Красной Армии, а потом назначен командующим Западным Особым, важнейшим прифронтовым округом, округом с огромным количеством войск всяких родов, прикрывающим прямое направление на Москву; округом во главе которого всегда находились командующие с большим опытом руководства войсками, начиная со времен Гражданской войны. (...) Думается, что занимать такой ответственный пост мог человек, который не только имел хорошую тактическую и оперативную подготовку, но также являлся зрелым политическим деятелем. Именно политическая образованность, кроме безусловного знания военного дела, обязательна для военных работников такого масштаба. Я думаю, что, говоря о политической образованности, читатель понимает: речь идет не об элементарных познаниях политграмоты, но о широте мышления и умении правильно и всесторонне оценивать общую обстановку».

Более того, Павлов вполне мог отказаться от этой головокружительной должности, ссылаясь как на все вышеперечисленные причины. Но, увы, не счел нужным. Ведь не каждый раз предлагают такое повышение. Это касается и сегодняшних дней. Отсюда можно сделать следующий вывод: если бы тогда, при своем назначении на должность командующего войсками ЗОВО Павлов хотя бы ради приличия пожеманился, то у него был бы большой шанс не быть расстрелянным в 1941-м!

Однако он добровольно, без особого принуждения, взвалил на свои плечи ту самую ответственность, за которую ответил после поражения войск своего фронта.

Но знал ли он или банально забыл, что высокая должность наделена не только неограниченными правами, но прежде всего высочайшей ответственностью. Следовательно, чем выше должность совершившего преступление, тем строже должно быть и наказание.

К сожалению, сегодня в современной России это происходит с точностью наоборот. Ну, а тогда преступно-халатное исполнение своих служебных обязанностей, прежде всего самим командующим, а также другими генералами, находящимися в его подчинении, привело к разгрому Западного фронта.

По данным противника, он захватил у Западного фронта 3332 танка, 1809 орудий и взял в плен 324 тысячи бойцов и командиров Красной Армии.

В шести механизированных корпусах Западного фронта из 2502 танков к концу июня осталось несколько десятков.

Потери ВВС Западного фронта за девять дней войны составили 1483 самолета.

Западный фронт потерял: 1766 вагонов боеприпасов, 22 717 тонн авиационного горючего, 1655 тонн танкового топлива, 223 тонны автомобильного топлива, 1013 тонн дизельного топлива и 2038 тонн смазочных материалов. К слову, по тем же данным противника, одну треть расхода горючего он покрывал за счет трофейного.

Потери имущества Западного фронта составили 100 %, или 370 000 основных комплектов в среднем...

А виноват во всем Сталин!?

* * *

В своих мемуарах маршал авиации А.Е.Голованов писал: «О том, что война с гитлеровской Германией неизбежна, было известно всем, имевшим отношение к военному делу. Именно поэтому, видя агрессивные намерения гитлеровской Германии, Центральный Комитет нашей партии и наше правительство провели огромное количество мероприятий по укреплению и повышению боеспособности Красной Армии и Военно-Морского Флота. (...) Однако мы упустили непосредственную подготовку Гитлера к войне с СССР, не веря имевшейся информации, получаемой как из-за кордона, так и от наших войсковых разведок, о том, что идет сосредоточение немецких войск в непосредственной близости от наших границ именно для нападения на нас, а не с какими-либо иными целями. Кто же в этом виноват? Главным лицом, которое несет ответственность за этот непростительный просчет, считается И.В. Сталин, и это совершенно правильно, поскольку он был фактическим руководителем нашего государства, нашей партии, наших Вооруженных Сил. Он и сам указывал на свой просчет в этом вопросе на встрече с Рузвельтом и Черчиллем в Тегеране, не предъявляя в этом каких-либо претензий к другим лицам. Однако, хотя Сталин и несет в первую очередь за это ответственность, его действия являются результатом той информации, которой он пользовался и на основании которой делались выводы и принимались решения».

С одной стороны, как военная, так и внешняя разведки в 1941 г. имели ограниченные возможности влияния на решения, которые принимал Сталин.

С другой стороны, данные военной разведки прежде всего направлялись наркому обороны и начальнику Генштаба, которые были обязаны докладывать обобщенные предложения политическому руководству страны. То же самое касается и внешней разведки. Но если начальник военной разведки генерал Голиков был на приеме у Сталина всего два раза (в ноябре 1940-го и в апреле 1941 г.), то гораздо чаще там бывал начальник Генштаба Жуков. Похожая ситуация складывалась и у руководителя внешней разведки Фитина, над которым стоял Берия.

Но что сделали Тимошенко, Жуков, Берия и другие для предупреждения внезапного нападения Германии?

При этом нельзя не учитывать условия целенаправленной дезинформации, которую умело проводили не только германские спецслужбы, но и сам Гитлер, при которых информация советских спецслужб оказалась банально противоречивой. Там не смогли значительно уменьшить поступление дезинформации немцев в Кремль, что в результате по вполне объективным причинам дезориентировало Сталина.

Безусловно, за внезапное нападение Германии на СССР, когда страна и ее Красная Армия оказались не готовы к отражению агрессии лежит прежде всего на политическом и военном руководстве СССР в целом. Тем более что многочисленные данные говорят о том, что угрозу СССР со стороны Германии советское руководство воспринимало серьезно и готовило страну и ее Вооруженные силы к войне.

Но тогда виноват ли один Сталин?

Официальная точка зрения, бытующая с хрущевских времен об ответственности Сталина за трагедию начального периода войны, для многих была выгодной и удобной.

Поэтому до сих пор мы с удовольствием «питаемся» этой ложью, которая надолго скрыла все просчеты в системе как политического, так и военного руководства СССР накануне нападения Германии. Скрыла от критики тех политических и военных руководителей, кто вроде бы навсегда спрятался за спиной вождя.

Вспоминая преддверие войны, маршал Жуков лукаво писал для потомков: «Как-то при личном докладе Сталин говорит, что он вчера получил личное письмо от Гитлера, который его заверяет, что сосредоточение в Польше войск ничего общего не имеет с подготовкой нападения на Советский Союз, что эти войска готовятся совершенно для другой цели, для более крупной цели на западе. Авиация, сосредотачиваемая в Польше, на польских аэродромах, тоже выведена из-под удара английской авиации. И я вам скажу, что Сталин этой версии,

конечно, поверил.

Он был убежден, что Гитлер готовит, с одной стороны, вторжение в Англию, а с другой стороны, имея в виду усилить свою группировку, где действовал корпус Роммеля. Но оказалось это глубоко ошибочным. Ухватил ли я как начальник Генерального штаба глубокую ошибочность в мыслях Сталина? Я бы соврал, сказав, что вполне понимал, что война неизбежна. Я тогда поверил, что вполне не удовлетворен ответом Сталина...

У Тимошенко тоже не было никаких сомнений...»

Там не менее вечером 21 июня после заслушивания военно-морского атташе в Германии капитана первого ранга М.А. Воронцова Сталин отдает соответствующие распоряжения в первую очередь наркому обороны и начальнику Генштаба. Однако они, получив устные указания от вождя на приведение войск приграничных округов в полную боевую готовность, проявили преступную медлительность и халатность. И это их самое главное преступление, не считая того, что Генштаб должен был знать о всех мероприятиях и недостатках в войсках вообще, а наркомат обороны, кроме того, несет ответственность за слабое управление войсками со стороны командования войсками фронта. Частично, Тимошенко и Жуков должны были ответить и за поражение войск Западного фронта.

В августе 1942 г., во время разговора с У. Черчиллем в Москве, И. Сталин однажды обронил: «... Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но думал, что мне удастся выиграть еще полгода».

Сегодня же те, кто бросает камни в Сталина, безусловно, не хотят признавать очевидное.

Во-первых, советско-германский пакт о ненападении дал СССР перед страшной войной следующие возможности: предотвратить создание англо-франко-германского союза, предотвратить войну с Японией (на два фронта), отодвинуть свои западные границы и создать некий стратегический территориальный барьер прикрытия СССР с Запада, возможность выиграть время для укрепления обороноспособности страны и наращивания ее экономического потенциала. Разве этого мало?

Во-вторых, наличие мощной индустрии дало СССР возможность пережить катастрофу начального периода войны и победить фашистскую Германию во Второй мировой. И это несмотря на оккупацию и перебазирование значительной части нашей промышленности с запада на восток. А что стоило за короткий срок превратить молодое, находящееся в руинах государство из аграрной страны в передовую индустриальную державу мира?

Я думаю, на этот вопрос правдиво ответят не скоро, ибо все то в чем обвиняют Сталина, и есть та цена, которая была заплачена за нашу Великую Победу до 1945 г!

Сегодня можно вполне уверенно говорить о том, что накануне войны больше всего вождя подвели военные. Поэтому неудивительно, «л» из 24 маршалов и генералов, выдвинутых на роль командующих фронтами в 1941 г., суровый отбор прошли только пять человек, «оказавшись командующими войсками фронтов на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Но вернемся к мемуарам А.Е. Голованова. Там есть такие слова: «Пример приведения в боевую готовность наших Военно-морских сил в эти же считанные часы до нападения говорит о том, что при надлежащей распорядительности и организованности можно было все же провести хотя и запоздалые мероприятия, которые в какой-то степени предотвратили бы разразившуюся катастрофу. Своевременное приведение войск в боевую готовность и своевременные мероприятия по организации управления войсками дали по возможности руководству, во-первых, иметь полную информацию о том, что происходит, как развиваются события при начавшихся боевых и принимать соответствующие меры, во-вторых, зная положение дел, руководство могло надлежащим образом управлять действиями войск, принимать соответствующие меры и организовать отвод наших войск на новые рубежи. Однако все это было упущено, и катастрофа разразилась именно потому, что с наступлением противника было потеряно управление войсками, была потеряна с ними связь».

Другой маршал, К.К. Рокоссовский был еще более откровенен в своих мемуарах: «То, что произошло 22 июня, не предусматривалось никакими планами, поэтому войска были захвачены врасплох в полном смысле этого слова. Потеря связи штаба округа с войсками усугубила тяжелое положение.

Совершенно иначе протекали бы события, если бы командование округа оказалось на высоте положения и предпринимало своевременно соответствующие меры в пределах своих полномочий, проявляя к этому еще и собственную инициативу, а также смелость взять на себя ответственность за проведение мероприятий, диктуемых создавшейся, чем у границы. А этого сделано не было. Все ожидали указаний свыше».

Бывший начальник оперативного отдела штаба Западного фронта генерал-майор И.И. Семенов свидетельствовал: «Лично я предлагал Климовских и Павлову за две-три недели (после возвращения из Москвы, из Генштаба) до начала войны поднять войска по плану прикрытия, но они

на это не пошли, было прямое указание не делать этого. Если бы мы это сделали хотя бы за неделю до войны, разве бы мы дали немцам так быстро продвигаться даже несмотря на их превосходство?»

Но никто ничего не сделал не только за неделю, но и за день...

Что было потом, достаточно профессионально прокомментировал в своих мемуарах Рокоссовский: «Роль командования свелась к тому, что оно смело выполняло устаревшие и не соответствующие сложившейся на фронте и быстро менявшейся обстановке директивы Генерального штаба и Ставки. Оно последовательно, нервозно и безответственно, а главное, без пользы пыталось наложить на бреши от ударов главной группировки врага непрочные “пластыри”, то есть неподготовленные соединения и части. Между тем заранее знало, что такими «пластырями» оставить противника нельзя: не позволяли ни время, ни обстановка, ни собственные возможности. (...) Ведь элементарные правила тактики, оперативного искусства, не касаясь уже стратегии, гласят о том, что, проиграв сражение или битву, войска должны стремиться к тому, чтобы, прикрываясь частью сил, оторваться основными силами от противника, не допустив их полного разгрома.

Затем с подходом из глубины свежих соединений частей организовать надежную оборону и в последующем нанести поражение врагу».

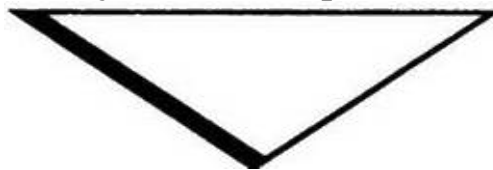
Таким образом, в разгроме Западного фронта был виноват прежде всего сам командующий и его заместители.

За общую же катастрофу Красной Армии летом 1941 г. ответственность должны были понести нарком обороны и начальник Генерального штаба.

Все они по каким-то причинам не использовали элементарные правила тактики и оперативного искусства.

До стратегии дело так и не дошло...

А политика Сталина тут вовсе не при чем!

Часть вторая
ОКОПНАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

1. БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ, АДЖИМУШКАЙСКИЕ КАМЕНОЛОМНИ И ЗАГРАДОТЯДЫ (О БЕСПРИМЕРНОМ ГЕРОИЗМЕ, ТРУСОСТИ И БОРЬБЕ С НЕЙ)

Случайно или закономерно, но первый величайший подвиг в Великой Отечественной войне совершили бойцы и командиры именно Брестской крепости.

22 июня 1941 г., буквально через четыре минуты после начала артподготовки с той стороны, штурмовой отряд немцев в составе пехотной роты и саперов на 9 резиновых моторных лодках приступил к выполнению поставленной задачи по захвату мостов. А еще через 11 минут вторая пехотная рота противника с саперами взяла железнодорожный мост через Буг. Всего же немцам понадобилось 45 минут, чтобы с огромными потерями захватить два моста, соединяющие Западный (Пограничный) и Южный (Госпитальный) острова с центральной частью Брестской крепости — Цитаделью. При этом, повторюсь, их потери были огромными...

Всего же на взятие крепости военачальники Гитлера планировали не более восьми часов. Но неожиданное ожесточенное сопротивление и огромные потери сорвали эти планы.

22 июня в 4 часа утра немцы открыли ураганный артиллерийский и минометный огонь по казармам и по выходам из казарм, по мостам и входным воротам крепости. Прицельно били они и по домам начсостава. Цель самая что ни на есть обыкновенная: вызвать замешательство среди бойцов и командиров и уничтожить их.

В результате командиры не могли попасть в казармы, а бойцы в одиночку и группами, чаще всего раздетыми, самостоятельно выходили из крепости.

Как сообщалось в одном из кратких боевых отчетов: «В результате личный состав 6-й и 42-й дивизий, а также других частей остался в крепости в качестве ее гарнизона не потому, что ему были поставлены задачи по обороне крепости, а потому, что из нее невозможно было выйти».

Русский писатель Борис Васильев впервые попал в крепость летом 1961 г. «Ничего еще не было построено, подправлено, отретушировано: глубокая, торжественная и, как мне показалась, гордая тишина стояла в

крепости, и только осколки, которыми была усеяна вся земля, хрустели под нашими ногами», — вспоминает он.

Далее Борис Львович пишет: «Мы попали в крепость через Северные ворота: тогда это был единственный вход в нее. Левее нас оказался тот самый форт (редут), в котором упорно оборонялась последняя организованная группа защитников под командованием майора П.М. Гаврилова, и мы прошли сначала в него и опять попали в тишину, но тишину, грохотающую очередями, взрывами и выстрелами внутри каждого из нас, и я рассказывал все, что знал, тихо, боясь потревожить этот внутренний грохот. Потом мы перешли к развалинам домов комсостава, постояли там, вспомнив капитана Шабловского и его жену Галину, перешли по мосту Мухавец и оказались на территории Цитадели. Трехарочные ворота были взорваны еще в 1954 г., когда в крепости еще стоял наш гарнизон, распоряжением какого-то безродного в полном смысле этого слова начальника, слева располагалось здание, где совсем недавно разместился музей, но мы пошли прямо. Мы осмотрели разбитую церковь, за обладание которой отдали жизнь сотни наших бойцов, оттуда прошли в руины казарм 333-го полка. Почти у каждого окна сохранившегося подвала с потолка свисали сталактиты расплавленного кирпича — следы огнеметных обстрелов: здесь скрывались уцелевшие женщины и дети, отсюда они вышли сдаваться, когда не осталось ни еды, ни перевязочного материала, а за котелок воды из Мухавца приходилось расплачиваться жизнью. Здесь командовал бесстрашный старший лейтенант Потапов, здесь же воевал и Гаврош Брестской крепости 15-летний Петя Клыпа. Затем через развалины Тереспольских ворот вышли на берег Буга, вдоль Кольцевой казармы, иссеченной осколками, дошли до Холмских ворот, до места расстрела комиссара Ефима Фомина, и уже оттуда вернулись в музей».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Проект крепости на Буге, разработанный военными инженерами Опперманом, Малецким и Фельдманом был утвержден в 1833 г. Однако впервые предложение о строительстве оборонительных укреплений у слияния рек Буга и Мухавца возникло задолго до Отечественной войны 1812 г. А в ходе нее подтвердилась и целесообразность строительства крепости. Она была торжественно заложена 1 июня 1836 г., а построена в

1842 г., то есть через шесть лет.

Брестская крепость имела площадь около 4 квадратных километров. Ее мощную основу составила Цитадель, расположенная на острове, омываемом с юго-запада Бугом, с юго-востока Мухавцом, а с севера ее рукавом. Опоясанная сплошной кирпичной двухэтажной казармой и в то же время оборонительной стеной длиной в 1800 метров, крепость насчитывала 500 казематов с подвалами и сетью подземных ходов и была способна разместить до 12 тысяч человек своего гарнизона, защищенных двухметровыми стенами.

Русла двух рек прикрывали Цитадель рвами, заполненными водой. Но основой ее прикрытия стал земляной оборонительный вал, тянувшийся более чем на шесть километров с высотой в десять метров по внешней окружности. Кольцо бастионов и других крепостных сооружений прикрывало крепость с внешней стороны. Брестские и Холмские ворота туннелями выводили из цитадели к мостам через Мухавец и далее на бастионы крепости, а Тереспольские находились против моста через основное русло Буга. Всего же четверо ворот вели к предмостным укреплениям

В 1864 г. крепость усиливают, а в 1878 г. вокруг нее сооружается оборонительный пояс с 9-ю фортами в нескольких километрах от кольца бастионов. Форты (отдельные железобетонные сооружения) должны были не просто сдерживать противника, но и не допускать ведение по крепости артиллерийского огня.

В самой крепости находились: Белый дворец, Комендантский дом, крепостная церковь, Арсенал и Инженерное управление.

На рубеже XIX-XX веков Брест стал крепостью первого класса и главным форпостом России на западной границе.

В конце августа 1915 г. при отступлении русской армии Брестская крепость была оставлена без боя, а ее некоторые оборонительные сооружения взорваны. В том числе и большинство фортов.

В период Гражданской войны и в начале Второй мировой войны отдельные участки крепости также подвергались разрушению. Частично пострадали здания Белого дворца и Инженерного управления. С 1920 г. по 1939 г. в крепости размещались войска Польской армии. При них-то и были значительно восстановлены казарменный фонд крепости и часть фортов.

Более того, они построили дополнительно несколько казарм для солдат и жилые дома для офицеров.

В сущности, когда Красная Армия вошла в Западную Белоруссию, Брестская крепость перестала быть крепостью. Более или менее

поддерживались казармы, все служебные и жилые помещения, склады и арсенал. «Это привело к тому, — пишет Борис Васильев, — что земляные валы крепости осели, заросли деревьями и кустарниками, многие рвы обмелели и заболотились. Никаких оборонительных сооружений в ней уже не строилось».

Генерал-полковник Л.М. Сандалов вспоминал: «Осмотр крепости оставил у нас не очень отрадное впечатление. Кольцевая стена цитадели и наружный крепостной вал, опоясанный водными преградами, в случае войны создавали для размещавшихся там войск чрезвычайно опасное положение. Ведь на оборону самой крепости по окружному плану предназначался лишь один стрелковый батальон с дивизионом. Остальной гарнизон должен был быстро покинуть крепость и занять подготовляемые позиции вдоль границы в полосе армии. Но пропускная способность крепостных ворот была слишком мала. Чтобы вывести из крепости находившиеся там войска и учреждения, требовалось по меньшей мере три часа...» Тем не менее к началу войны в Бресте скопилось огромное количество войск, не считая госпиталя. Вследствие чего для размещения личного состава были приспособлены часть складских помещений, а также восстановлены некоторые форты крепости. На нижних этажах казарм даже устраивались нары в четыре яруса, что достаточно четко подчеркивает плотность размещения...

Тереспольские ворота. Именно здесь, где дни и ночи сражались пограничники 9-й погранзаставы, 3-й комендатуры Брестского погранотряда и бойцы 333-го стрелкового полка, была найдена надпись: «Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В.

Мы приняли первый бой 22.VI.1941 г. — 3.15.

Умрем, но не уйдем!»

Там же на куске штукатурки чем-то острым было написано: «1941 год. 26-го июня. Нас было трое. Нам трудно, но мы не пали духом. И умираем как герои».

На штукатурке здания костела, что в центре крепости, другие ее защитники и герои написали: «Нас было трое москвичей — Иванов, Степанчиков, Жунтяев, которые обороняли эту церковь, и мы дали клятву — не уйдем отсюда. 1941 год. Июль».

Но ниже была еще запись: «Я остался один, Жунтяев и Степанчиков погибли. Немцы в самой церкви. Осталась последняя граната, но живым не дам. Товарищи, отомстите за нас. 1941 г.».

Но не только сами герои оставляли памятные надписи перед своей

смертью, тем самым опровергая на века какие-либо сомнения в их мужестве и стойкости в те страшные первые дни войны. Главный диверсант Гитлера — Отто Скорцени, принимавший участие в штурме советской крепости, был совершенно искренен, когда признавался в очевидном: «Мы захватили все внешние оборонительные сооружения, но мне приходилось пробираться ползком, ибо вражеские снайперы били без промаха. Русские отвергли все предложения о капитуляции и прекращении бесполезного сопротивления. Несколько попыток подкрасться к крепости и завладеть ею штурмом закончились неудачей. Мертвые солдаты в серо-зеленых мундирах, усеявших пространство перед крепостью, были красноречивым тому свидетельством. Русские сражались до последней минуты и до последнего человека».

В течение только 22 июня германская 45-я пехотная дивизия при штурме крепости потеряла лишь убитыми более 300 человек. Эти потери впервые для нее оказались небывалыми. До 30 июня немцы потеряли 482 человека убитыми и свыше тысячи ранеными. В сравнении с общими потерями германской армии на Восточном фронте на этот день (8886?), вклад защитников Брестской крепости составил более 5 процентов.

В этот же день немцы заявили о полном взятии крепости. Но сопротивление советских бойцов и командиров продолжалось там еще очень долго.

В районе Трехарочных ворот оборону возглавил капитан Зубачев, в северной и северо-восточной частях Цитадели — лейтенант Виноградов; у Тереспольских ворот — старший лейтенант Потапов, на Кобринском укреплении — майор Гаврилов.

«Организованные группы вели активную оборону, — пишет Б. Васильев.- Не хватало оружия и боеприпасов, практически не было еды, защитники очень страдали от жажды, а ту воду, что удавалось с огромным риском добывать, отдавали пулеметам, детям и раненым. Стояла жара, в Цитадели разлагались тысячи трупов, от смрада многие теряли сознание. В подвалах прятались женщины и дети. И хотя женщины не только ухаживали за ранеными, но и отважно помогали отбивать атаки, их необходимо было вывести из крепости хотя бы во имя спасения детей. Когда надежда на помощь извне окончательно была утрачена, женщины и дети с белым флагом вышли из подвалов. Немцы не стреляли, и бойцы успели в это время напиться и запастись водой. Следует отметить, что многие из этих женщин через год были расстреляны под Жабинкой».

«Все меньше защитников оставалось в крепости. Тут вместе с ними были дети и женщины, тут же умирали раненые. Кончались патроны. Не

было пищи, не было воды. Вода текла от стен в десяти метрах, но добыть ее было нельзя. Смельчаков, ночью рискнувших ползти к берегу с котелками, сейчас же настигали пули. Пробовали рыть в казематах колодцы, на веревках бросали в реку простыни, подтянув назад, выжимали из них в котелок грязную жижу. Из-за гари, пыли и трупного смрада невозможно было дышать. Но как только немецкие автоматчики поднимались, обреченная крепость открывала огонь. Уже пал Минск. 16 июля немцы вошли в горящий Смоленск, а крепость продолжала бороться. В десятки раз превосходящие силы немцев расчленили оборонявшихся, но не могли их сломить. К бойницам и амбразурам фашисты подвели огнеметы.

Нельзя без содрогания думать о том, что было в подземных казематах. Кирпич от огня и тот плавился и застывал черными сосульками. Крепость истекала кровью, но не сдавалась», — подчеркивал в своей книге В. Песков.

Выцарапанные на стене казармы слова «Умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина! 20/VII-41», стали символом защитников Брестской крепости.

А день 23 июля 1941 г. считается заключительной датой обороны. В этот день без сознания был пленен майор Петр Михайлович Гаврилов. Однако, по утверждению жителей Бреста, «до конца 1941 г. из крепости в военные госпитали города доставляли раненых немецких солдат. Те, кого мобилизовали убирать трупы и оружие, рассказывают, что зимой 1941-1942 гг. они видели перебежавших из развалин в развалины людей в изодранном обмундировании» (Б. Васильев).

Командир 45-й дивизии генерал Шлиппер в очередном боевом донесении подчеркивал:

«Наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови. Это простая истина еще раз доказана при взятии Брестской крепости. Русские в Брест-Литовске дрались исключительно настойчиво и упорно, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к сопротивлению».

А ведь крепость не сдалась. Более того, ни одно из знамен воинских частей, сражавшихся в крепости, не досталось немцам.

В феврале 1942 г. 45-я германская пехотная дивизия была разгромлена под Орлом. Тогда же в качестве трофея советские солдаты захватили весь архив этого элитного соединения. А спустя некоторое время выдержки из боевого донесения о взятии Брестской крепости были опубликованы в газете «Красная Звезда».

Именно тогда в Советском Союзе впервые узнали о великом и нравственном подвиге ее героических защитников.

В мае 1942 г. немецко-румынские войска под командованием генерала от инфантерии Эриха фон Манштейна перешли в наступление в Крыму. Несмотря на двукратное превосходство советских войск, они нанесли главный удар по левому флангу Крымского фронта, где держала оборону 44-я армия. Не менее половины всех сил противника обрушилась на южную оконечность линии фронта, а на северном и центральном участках Манштейном была проведена лишь демонстрация наступления, которое получилось лишь после прорыва южной группировки Крымского фронта.

Уже к вечеру первого дня противнику удалось прорвать советскую оборону на 5 км участке и на глубину до 8 км. Танки моторизованной бригады «Гроддек» сразу же ринулись к Керченскому проливу, где находились переправы, соединяющие Крымский фронт с таманским берегом. Еще до проливного дождя, который пошел 9 мая, немцам удалось отрезать 44-ю армию от тыловых позиций. Решению этой задачи способствовала также высадка шлюпочного десанта, в составе всего лишь батальона, который оперативно поддержал наступление.

11 мая 22-я танковая дивизия достигла северного побережья Керченского полуострова. За ней шла 170-я пехотная дивизия и 8-я кавалерийская бригада румын. Вечером 14 мая немецкие танки появились на западных окраинах Керчи, а 16 мая 170-я пехотная дивизия взяла город.

Перед угрозой окружения всего Крымского фронта и его полного уничтожения советским командованием было принято решение до последней капли крови оборонять рубеж: берег Азовского моря западнее Юрагина Кута — поселка Аджимушкой и Колонка, чтобы отстоять переправы, через которые на Тамань уходили основные силы фронта. Такая задача была поставлена командующему 51-й армии.

14 мая сводный отряд на этом оборонительном рубеже возглавил бывший командир 138-й горнострелковой дивизии, а с марта 1942 г. — начальник отдела боевой подготовки штаба фронта полковник П.М. Ягунов. В его отряд вошли: резерв командно-политического состава фронта, 1-й Запасной стрелковый полк и подразделения отступающих войск.

Прикрывая отход фронта, отряд Ягунова смог продержаться до 18 мая, когда оборона города, по существу, закончилась.

15 мая сводный отряд был атакован двумя ротами противника при поддержке 16 танков. Село Аджимушкой было потеряно. На следующий

день попытка выбить немцев оказалась безуспешной, из-за отсутствия артиллерийской поддержки. Утром 16 мая

бойцы и командиры Ягунова сражались в полуокружении. Связь с подразделениями и частями, кроме охранявших подступы в каменоломни, была потеряна. Тогда же утром Ягунов получил приказ: «Отход и эвакуация вашего участка обороны по особому приказу».

«Полковник Ягунов честно выполнил приказ, обороняя поселок Аджимушкай, — рассказывал после войны генерал Д.Г. Козлов. — Он не имел приказа на отход, а на вывод из окружения у него едва ли были силы, так как он не имел ни пушек, ни танков. Связь с Ягуновым была прервана, и восстановить ее не удалось, несмотря на усиленные попытки арьергарда 51-й армии прорваться к окруженным...»

В полночь 21 мая, в помещении, специально оборудованном под штаб, было проведено первое совещание командного и политического состава. Под желтый свет электрической лампы присутствующие командиры (полковник Ягунов, старший батальонный комиссар Парахин, полковник Верушкин, подполковник Бурмин, майор Колесников, майор Пирогов, главврач госпиталя Асеев) решали: выходить ли из окружения, прорываясь на Большую землю или же держаться до прихода своих, превратив каменоломни в неприступную крепость.

Ягунов, обращаясь к командирам, сказал, что войска фронта, по всей видимости, на Таманском полуострове, а, значит, поставленная задача отрядом выполнена. Потом он предложил высказаться остальным. Майор Колесников предложил прорываться. Майор Пирогов тоже предложил выходить из окружения, учитывая, что провианта хватит максимум на 12 дней. За прорыв высказался и военврач Авсеев.

Подполковник Бурмин обрисовал ситуацию оптимистичнее всех: «На длительную оборону мы не способны, но, по-видимому, нам и не придется здесь долго оставаться одним. Наши войска снова перейдут в наступление. Им будет необходима помощь, которую мы и окажем. Мы ударим по вражеским тылам, расстроим оборону побережья. А чтобы успешно выполнить эту задачу, надо всех людей, что находятся в катакомбах, — а их, наверное, тысяч восемь или десять, — учесть, разделить по подразделениям и свести в единую боевую часть».

«Необходимо превратить катакомбы в крепость и отсюда, из-под земли, бить врага в спину, пока не придет помощь с Большой земли или пока останутся силы. Это трудно, будут жертвы, но это возможно», — заключил Ягунов.

После сведения всех подразделений и групп в отдельный полк

обороны Аджимушкайских каменоломен, а также назначения командного и политического состава полка, была готова и перепись всех бойцов и командиров. В нем было учтено до 12 тысяч фамилий. Тем не менее люди все прибывали. В результате полный список составил 15 тысяч человек.

Кроме резерва фронта и 1-го запасного стрелкового полка, в каменоломнях находились бойцы и командиры 77-й и 138-й горнострелковых дивизий, 156, 404 и 398-й стрелковых дивизий, 72-й кавалерийской дивизии, 83-й бригады морской пехоты, части 151-го укрепрайона и других.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Керченские каменоломни. Здесь не одно столетие добывали в Аджимушкае известняк-ракушечник, из которого строился город. Пласты его подходили прямо к поверхности. Весьма удобный камень по легкости, прочности и мягкости можно было резать обычной пилой. В результате многовековой добычи известняка образовались подземные лабиринты огромной протяженности.

«Разветвленные подземные лабиринты с запутанными ходами-штольнями, расположенными иногда в два-три яруса, уходящие в глубину на многие десятки метров подземные галереи тянутся на километры, и несведущий человек безнадежно заблудится во мраке подземного города, — пишут авторы книги “Доблесть бессмертна” Г.Н. Князев и И.С. Проценко. — Черная зловещая бездна — такими каменоломни казались завоевателям всех времен, ступавшим на крымскую землю. Сюда, как в крепость, еще в Средине века уходили непокоренные. (...)

Аджимушкай. В переводе — “горький серый камень” — известняк серого цвета, который вырабатывался в местных каменоломнях...»

До отступления штаб Крымского фронта использовал подземные помещения для размещения тыловых служб, различных складов и баз снабжения. Через широкие входы в каменоломни свободно въезжали грузовые автомашины и конные повозки с оружием, боеприпасами, продовольствием.

Итак, командование подземного гарнизона решило продукты питания растянуть на месяц. Также были определены места складов продовольствия, боеприпасов, госпиталей, медпунктов и места раздачи

пищи. Разработали четкий план размещения батальонов, служб и системы обороны, разбив каменоломни на три боевых участка. Организовали посты наблюдения за противником и разведку. Утвердили распорядок дня. Во избежание проникновения вражеских лазутчиков ввели систему пропусков и паролей.

Единственной же огромной проблемой для гарнизона стали несколько тысяч женщин, стариков и детей, укрывшихся в каменоломнях с имуществом и запасами продовольствия к началу обороны. Правда, после первых атак часть мирного населения вышла из каменоломен.

И все же возникает вполне резонный вопрос: как каменоломни, непригодные для ведения боевых действий, с холодными камнями, сыростью и мраком на долгое время превратились в неприступную крепость? Для современного поколения этот подвиг навсегда останется неразгаданной загадкой. Потому как вряд ли молодые, да юные девчонки и мальчишки смогут представить себе все это в самом страшном сне.

Но именно сила духа и непоколебимая воля того поколения смогли победить и жажду, и голод, и холод, и загробную тьму. Ведь именно без таких подвигов, без такого самопожертвования наш народ никогда бы не победил фашизм!

24 мая 1941 г. немцы стали бросать в катакомбы дымовые шашки и гранаты, пустили в катакомбы газ. Это была самая первая многочасовая газовая атака, в ходе которой в адских муках умерли сотни людей.

В ночь на 25 мая они повторили атаку, направив в отдушины и трещины от обвалов шланги, через которые нагнетался газ. Более того, они стали бросать в катакомбы уже не шашки, а баллоны с газами. И если от ядовитого дыма, пахнувшего хлором, можно было как-то спастись, то от газа некуда было скрыться. Он не выходил наружу.

В эти мгновения нечеловеческого ада по приказу Ягунова по радиации в эфир было передано: «Всем, всем, всем! Мы, защитники Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаемся! Ягунов».

От газов погибло не менее 5 тысяч человек. Только за один день умерли 824...

С конца мая, весь июнь и часть июля газовые атаки на каменоломни проводились непрерывно. Для этих целей из Берлина в Керчь была направлена специальная команда СС, которая работала в Аджимушкаях совместно с 88-м саперным батальоном. Их рабочий день начинался с немецкой пунктуальностью в 10 часов с перерывом на обед и заканчивался в 16.

Один из участников обороны вспоминал: «Для защиты от воздействия

газов нами использовались противогазы. У кого не было противогаса, тот делал углубление в полу катакомб, ложился на пол, закрывался плащ-палаткой, опускаясь в это углубление, и дышал. Помогали и горящие костры, у которых газов собиралось меньше. Уходили в глубь катакомб. Туда меньше проникал газ. Основной же мерой защиты от газа стали газоубежища, которые старались расположить в тупиках катакомб, в местах, где меньше надо было делать работ по кладке стен. Стены эти возводили из камня, перекидывая швы кладки плащ-палатками и тряпками, которых много оставалось, после того как гражданское население, выполняя приказ командования, вышло наружу...»

А в это время на Тамани морские пехотинцы ежедневно наблюдали непонятное облако желтого цвета в районе Аджимушкая...

Второй бедой после газов была жажда. «Все колодцы находились вне катакомб, под контролем гитлеровцев. Один из них, с солоноватой водой, — “соленый” — немцы забросали железом, обломками грузовика. А второй, с родниковой водой, — “сладкий” — держали под постоянным обстрелом.

Битва за воду шла ночами. Очередная группа защитников каменоломен внезапным ударом отбрасывала фашистов от колодца и занимала круговую оборону. В эти короткие минуты мгновенно выстраивалась цепочка бойцов, и ведра с драгоценной водой, переходя из рук в руки, одно за другим исчезали во тьме подземелья. Но немного времени было в распоряжении бойцов. Опомнившись, гитлеровцы кидались в контратаку...»

Но через полтора месяца с начала обороны аджимушкайцам удалось на глубине около 15 метров достичь водоносного слоя.

Третьей бедой у подземного гарнизона считался голод. Последняя продовольственная норма в сутки на человека составляла: хлеба — 200 граммов, 10 граммов жира, 15 граммов консервов, 100 граммов сахара. Позже урезали и ее. Но безвыходных ситуаций не было. В борьбе с голодом аджимушкайцев выручали ночные вылазки. Группы из-под земли подавляли огневые точки врага, рвали провололочные заграждения со стороны села, отгоняли фашистов и до утра разыскивали продукты.

Через четыре месяца выходы на поверхность практически прекратились. -

«В эти дни, — вспоминал участник обороны, — мы походили на обтянутые кожей скелеты, передвигались медленно, через каждые три-четыре шага присаживались отдыхать, легче было переползать. Но с этим мирились... Страшнее было то, что почти не осталось сил выполнять самое необходимое — невероятных усилий требовалось перезарядить винтовку,

нажать на спусковой крючок, а после выстрела и отдачи в плечо теряли сознание... Живыми оставались те, кто был молод и здоров, раненые, как правило, умирали, держался тот, кто мог есть все... Кожу ремней и портупей все съели...»

На пятый месяц в катакомбах осталось в живых не более 70 человек.

Другой участник обороны свидетельствовал: «В конце сентября заложили более двадцати однотонных бомб по всей территории, соединили их вместе и одновременно взорвали. Взрывы были очень сильные, во многих местах образовались обвалы, во многих местах стало светло...» А в конце октября 1942 г. немцы подтянули к каменоломням воинские части, которым помогали несколько автомобилей с динамо-машинами и прожекторами, начали операцию. Но оставшиеся в живых уходили вглубь, отстреливаясь. Чтобы окружить и схватить последних 6 человек, немцам понадобилось двое суток. Среди них было два комиссара (Парахин и Храмов) и подполковник Бурмин. Полковник Ягунов погиб раньше от взрыва неизвестной прежде гранаты.

Сегодня можно услышать из уст обывателя и такие слова: «А зачем они там сидели! Какой толк был в этом?»

Но как можно сытому понять голодного. Ведь кроме массового героизма и самопожертвования, кроме преодоления нечеловеческих условий, участники обороны Аджимушкая представляли собой подземную часть Красной Армии, которая очень долго заставляла фашистов бояться! А, кроме того, в эти летние месяцы 42-го немцы не смогли высадиться на Тамань, имея у себя в тылу непобедимый подземный гарнизон.

* * *

Великая Отечественная война начиналась с катастрофического поражения фронтов, с громадных потерь в людях и технике. Цифры потерь впечатляют своими масштабами. За три недели войны перестали существовать около 30 дивизий, около 70 дивизий потеряли более половины личного состава. За три недели было уничтожено около трех с половиной тысяч самолетов на земле и в воздухе, более половины складов горючего и боеприпасов. Тем не менее мощь удара вермахта была значительно ослаблена именно в первые дни, в первые недели... Немцам не удалось самое главное: уничтожить основные силы Красной Армии. Советские бойцы и командиры сражались до последней капли, до последнего патрона...

Об этом очень красочно говорят воспоминания генерал-полковника танковых войск Гейнца Гудериана и фельдмаршала Эриха фон Манштейна. «В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг.

Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты» (Гудериан).

«Уже в этот первый день нам пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с Советской стороны. Один из наших разведывательных дозоров, отрезанных врагом, был потом найден нашими войсками, он был вырезан и зверски искалечен... Позже часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат» (Манштейн).

А массовый героизм Бреста, Аджимушкских каменоломен? А оборона Смоленска, Ленинграда, Севастополя, Вязьмы, Сталинграда? Разве мало действительно ярких примеров самопожертвования защитников своей Родины, своего Отечества?

Однако нет же! Для некоторых наших сограждан даже и такие упрямые факты звучат неубедительно. Например, некий господин В. Белоцерковский в «Новой газете» упрямо заявляет: «У огромной массы населения Советского Союза не было желания воевать за режим, принесший им столько страданий». Не менее ярким доказательством он называет «создание летом 1941 г. заградительных отрядов, которые должны были стрелять в отступавших солдат».

Но извините, как можно обыкновенную человеческую трусость объявить «нежеланием воевать за режим?»

О трусости и панике 41-го в своих мемуарах достаточно подробно написали маршал К.К. Рокоссовский и генерал А.В. Горбатов.

«И вот мы стали замечать, как то в одном, то в другом месте, в гуще хлебов, появлялись в одиночку, а иногда и группами странно одетые люди, которые при виде нас быстро скрывались. Одни из них были в белье, другие — в нательных рубашках и брюках военного образца или в сильно поношенной крестьянской одежде и рваных соломенных шляпах. Эти люди, естественно, не могли не вызвать подозрения, а потому, приостановив движение штаба, я приказал выловить скрывавшихся и

разузнать, кто они. Оказалось, что это были первые так называемые выходцы из окружения, принадлежавшие к различным воинским частям. Среди выловленных, а их набралось порядочное количество, обнаружилось два красноармейца из взвода, посланного для оборудования нашего КП.

Из их рассказа выяснилось, что взвод, следуя к указанному месту, наскочил на группу немецких танкистов, мотоциклистов и пехоты на машинах, был внезапно атакован и окружен. Нескольким бойцам удалось бежать, а остальные якобы погибли. Другие опрошенные пытались всячески доказать, что их части разбиты и погибли, а они чудом спаслись и, предполагая, что оказались в глубоком тылу врага, решили, боясь плена, переодеться и пытаться прорваться к своим войскам. Ну а их маскарад объясняется просто. Те, кто сумел обменять у местного населения обмундирование на штатскую одежду, облачились в нее, кому это не удалось, остались в одном нательном белье. Страх одолел здравый смысл, так как примитивная хитрость не спасала от плена, ведь белье имело на себе воинские метки, а враг был не настолько наивен, чтобы не заметить их.

Впоследствии мы видели трупы расстрелянных именно в таком виде — в белье.

Воспевая героическое поведение и подвиги войск, частей и отдельных лиц в боях с врагом, носившие массовый характер, нельзя обойти молчанием и имевшиеся случаи паники, позорного бегства, дезертирства с поля боя и в пути следования к фронту, членовредительство и даже самоубийств на почве боязни ответственности за свое поведение в бою.

Нанесенный врагом неожиданный удар огромными силами и его стремительное продвижение в глубь территории на некоторое время ошеломили наши неподготовленные к этому войска. Они подверглись шоку. Чтобы вывести их из этого состояния, потребовалось длительное время. Растерянности способствовали еще причины военного и политического характера, относившиеся ко времени, отдаленному от начала войны. Совокупность важных причин и обстоятельств в определенной степени понизила боеспособность войск в моральном отношении, на какой-то период ослабила их устойчивость и упорство, вывела из равновесия особенно те части, которые вступали в бой неорганизованно. А иные неустойчивые элементы совершенно потеряли веру в свои силы, в возможность сопротивления грозному врагу.

Наблюдались случаи, когда даже целые части, попавшие под внезапный фланговый удар небольшой группы вражеских танков и авиации, подвергались панике...

Боязнь окружения и страх перед воображаемыми парашютными десантами противника в течение длительного времени были настоящим бичом. И только там, где были крепкие кадры командного и политического состава, люди в любой обстановке дрались уверенно, оказывая врагу организованный отпор.

Нужно сказать и о том, что местная печать (областная, республиканская) и даже в некоторой степени центральная, сообщая о диверсантах, переодетых в форму милиционеров, пограничников, сотрудников НКВД, командиров и т.п., якобы наводнивших страну, и призывая к бдительности, одновременно способствовала распространению ложных слухов и панике. Этим стали пользоваться малодушные люди в войсках.

Как пример приведу случай, имевший место на участке, занимаемом корпусом. На КП корпуса днем был доставлен генерал без оружия, в растерзанном кителе, измученный и выбившийся из сил, который рассказал что, следуя по заданию штаба фронта в штаб 5-й армии для выяснения обстановки, увидел западнее Ровно стремглав мчавшиеся на восток одна за другой автомашины с нашими бойцами. Словом, генерал уловил панику и, чтобы узнать причину, породившую ее, решил задержать одну из машин. В конце концов это ему удалось. В машине оказалось до 20 человек. Вместо ответов на вопросы, куда они бегут и какой они части, генерала втащили в кузов и хором стали допрашивать. Затем, недолго думая, объявили переодетым диверсантом, отобрали документы и оружие и тут же вынесли смертный приговор. Изловчившись, генерал выпрыгнул на ходу, скатился с дороги в густую рожь. Лесом добрался до нашего КП.

Случаи обстрела лиц, пытавшихся задержать паникеров, имели место и на других участках. Бегущие с фронта поступали так, видимо, из боязни, чтобы их не вернули обратно. Сами же они объясняли свое поведение различными причинами: их части погибли и они остались одни; вырвавшись из окружения, были атакованы высадившимся в тылу парашютистами; не доезжая до части, были обстреляны в лесу “кукушками” и тому подобное» (Рокоссовский).

«В тот период войны, особенно в первый месяц, часто можно было слышать: “Нас обошли”, “Мы окружены”, “В нашем тылу выброшены парашютисты” и т.п. Не только солдаты, но и необстрелянные командиры были излишне восприимчивы к таким фактам, обычным в ходе современной войны; многие были склонны верить преувеличенным, а зачастую просто нелепым слухам.

Однажды утром я услышал далекую канонаду в стороне Витебска,

обратил на нее внимание командира корпуса и получил разрешение поехать для выяснения обстановки. На шоссе я встретил небольшие группы солдат, устало бредущих на восток. Получая на вопросы: “Куда? Почему?” — лишь сбивчивые ответы, я приказывал им вернуться назад, а сам ехал дальше. Все больше видел я военных, идущих на восток, все чаще останавливался, стыдил, приказывал вернуться. Предчувствуя что-то очень нехорошее, я торопился добраться до командира полка: мне надоело останавливать и спрашивать солдат — хотелось поскорее узнать, что здесь случилось. Не доехав километра три до переднего края обороны, я увидел общий беспорядочный отход по шоссе трехтысячного полка.

В гуще солдат шли растерянные командиры различных рангов. На поле изредка рвались снаряды противника, не причиняя вреда. Сойдя с машины, я громко закричал: “Стой, стой, стой!” — и после того как все остановились, командовал: “Всем повернуться кругом”.

Повернув людей лицом к противнику, я подал команду: “Ложись!” После этого приказал командирам подойти ко мне. Стал выяснять причину отхода. Одни отвечали, что получили команду; переданную по цепи, другие отвечали: “Видим, что все отходят, начали отходить и мы”. Из группы лежащих недалеко солдат раздался голос: “Смотрите, какой огонь открыли немцы, а наша артиллерия молчит”. Другие поддержали это замечание.

Мне стало ясно, что первой причиной отхода явилось воздействие артогня на необстрелянных бойцов, второй причиной — провокационная передача не отданного старшим начальником приказа на отход. Главной же причиной была слабость командиров, которые не сумели остановить панику и сами подчинились стихии отхода» (Горбатов).

«А накануне в районе той же Клевании мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спорили знаки различия.

В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по-своему и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому “окруженцу”, велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово “полковник” он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов

пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло. Полковнику было поручено к утру собрать всех ему подобных, сформировать из них команду и доложить лично мне утром 26. Приказание было выполнено.

В собранной команде оказалось свыше 500 человек. Все они были использованы для пополнения убыли в моторизованных частях корпуса» (Рокоссовский).

Но кто-то должен был останавливать трусов, паникеров и дезертиров. Ведь одним командирам это было не всегда под силу. Все подобные факты, приобретающие в начальный период войны нередко массовый характер, послужили вполне серьезным основанием для выхода в свет директивы, адресованной начальникам 3-х отделов военных округов, фронтов, армий, корпусов, начальникам 3-х отделений дивизий. В которой говорилось об организации «подвижных контрольно-заградительных отрядов на дорогах, железнодорожных узлах, для прочистки лесов и т.д., выделяемых командованием с включением в их состав оперативных работников органов Третьего управления с задачами: а) задержания дезертиров; б) задержания всего подозрительного элемента, проникшего на линию фронта; в) предварительного расследования, производимого оперативными работниками органов Третьего управления НКО (1-2 дня) с последующей передачей материала вместе с задержанными по подсудности» (№ 35523 от 27 июня 1941 г.).

В следующем месяце, после объединения НКВД и НКГБ, когда органы Третьего управления НКО были преобразованы в особые отделы и снова подчинены НКВД (как до февраля 1941 г.), нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия, разъясняя задачи особых отделов, подчеркнул: «Смысл преобразования органов Третьего управления в особые отделы с подчинением их НКВД заключается в том, чтобы повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами. Беспощадная расправа с паникерами, трусами, дезертирами, подрывающими мощь и порочащими честь Красной Армии, так же важна, как и борьба со шпионажем и диверсией».

Уже 19 июля 1941 г. при особых отделах дивизий и корпусов были сформированы отдельные стрелковые взводы, при особых отделах армий — отдельные стрелковые роты, при особых отделах фронтов — отдельные стрелковые батальоны, укомплектованные личным составом войск НКВД.

Как правило, эти подразделения и части использовались особыми отделами в организации службы заграждения. А именно в выставлении засад, постов и дозоров, на войсковых дорогах, путях движения беженцев, а также других коммуникациях с целью предотвращения какого бы то ни было просачивания военнослужащих, самовольно оставивших боевые позиции. Кроме того, они должны были тщательно проверять каждого задержанного командира и красноармейца с целью выявления дезертиров, трусов и паникеров, бежавших с поля боя. Установленные дезертиры подвергались аресту и находились под следствием в течение 12-часового срока до предания их суду военного трибунала. Отставшие же от части бойцы и командиры под командой проверенных командиров направлялись в штаб соответствующей дивизии.

В исключительных случаях, с целью немедленного восстановления порядка на фронте, начальник Особого отдела имел полное право расстрела дезертиров на месте.

В конце месяца начальник Управления ОО НКВД СССР В.С. Абакумов потребовал укрепить заградительные отряды кадрами опытных оперативных работников, на которых бы возлагался опрос всех без исключения задержанных.

Все лица, вышедшие из окружения, бежавшие из плена, задержанные заградотрядами или выявленные агентурным путем, подлежали немедленному аресту и тщательному допросу об обстоятельствах пленения, побега или освобождения из плена.

16 августа 1941 г. Ставка ВГК издает Приказ № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». В нем четко и ясно говорилось:

«Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава».

Сегодня в мирное и достаточно сытое время некоторые историки, публицисты и демагоги осуждают все эти, на их взгляд, «бесчеловечные меры». Однако тогда летом сорок первого, в дни великой катастрофы, как никогда стоял вопрос о жизни или смерти нашего Отечества от фашистской чумы. И все рассуждения, нытье, трусость и страх необходимо было преодолеть в максимально сжатые строки.

Даже генерал Д.А. Волкогонов в своей книге «Семь вождей» не смог

не признать: «Хотим мы этого или не хотим, но в трагические месяцы начала войны беспощадная страшная воля Сталина смогла заставить многих людей “упереться”, призвать все свое личное мужество на помощь, одолеть свое малодушие под страхом смертельной кары».

Уже в сентябре 1941 г. заградительные отряды постепенно создаются и в составе стрелковых дивизий фронтов. Численностью не более батальона, они должны были оказывать прямую помощь командному составу в установлении или поддержании твердой дисциплины в соединении, останавливать бегство паникеров и ликвидировать инициаторов паники и бегства.

Заградительные отряды также формировали особые отделы и территориальные органы НКВД.

Таким образом, к концу 1941 г. на всех фронтах действующей армии использовались заградительные отряды различной ведомственной принадлежности, а также численности: армейские, особых отделов и территориальных органов НКВД, численностью от групп в несколько человек до состава батальонов. Но всех их объединяли одни общие задачи: наведение жестокого порядка на тыловых участках фронта, сосредоточение и проверка всех военнослужащих, задержанных без документов, установление и поддержание твердой дисциплины, остановка бегства паникеров и трусов и ликвидация инициаторов паники и бегства.

Например, с 22 июня по 10 октября 1941 г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами НКВД по охране тыла было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла — 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

В числе арестованных Особыми отделами:

шпионов — 1505,

диверсантов — 308,

изменников — 2621,

трусов и паникеров — 2643,

дезертиров — 8772,

распространителей провокационных слухов — 3987,

самострельщиков — 1671,

других — 4371.

Всего — 25 878.

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем-3321 человек.

Один только заградотряд ОО НКВД Балтийского флота с 22 июня по 22 ноября 1941 г. задержал свыше 900 человек. Арестованы и осуждены были 77 человек, из них 11 были расстреляны на месте или перед строем.

Часть задержанных была освобождена за отсутствием состава преступления. Лица же, подозреваемые в дезертирстве из общевойсковых частей, направлены для дальнейшего расследования в другие особые органы.

Заградотрядами Особого отдела НКВД 50-й армии с 15 по 31 октября 1941 г. задержано 2681 человек, из них арестовано 239 человек. В числе арестованных преобладающее большинство, дезертиры. В то же время задержано и изобличено 5 шпионов. По постановлению Особых отделов НКВД расстреляно 38 дезертиров.

28 июля 1941 г. в разгар оборонительных боев был подписан и отправлен в войска Приказ № 227. В отличие от Приказа № 270, этот был более жестким. Но жестокости или жесткости требовала сама обстановка, сложившаяся к этому времени.

В этом документе абсолютно все без сантиментов:

«1. Военным Советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно, ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно, снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта; (...)

2. Военным Советам армий и прежде всей, командующим армиями:

а) безусловно, снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3-5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте

паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной...»

Именно после этого приказа новые заградительные отряды получили статус отдельных воинских частей, подчиненных командованию армии через особые отделы НКВД.

Те же заградительные формирования войск НКВД, которые раньше находились за боевыми порядками частей на линии фронта, теперь уже окончательно были перенацелены на охрану войскового тыла (на 10-15 км — 1-я линия и на 20-25 — 2-я линия).

На 15 октября 1942 г. в частях действующих в Красной Армии было сформировано 193 заградительных отряда.

С начала формирования (с 1 августа по 15 октября) этими отрядами было задержано 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта.

Из числа задержанных было арестовано 3980 человек, расстреляно 1189 человек, штрафные батальоны 185 человек, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 131094 человека.

Следует отметить, что заградительные отряды в период ожесточенных боев с противником сыграли свою положительную роль в деле наведения порядка в частях и предупреждения неорганизованного отхода с занимаемых ими рубежей, возвращения значительного числа военнослужащих на передовую. Кроме того, в критические моменты, когда требовалась поддержка для удержания занимаемых рубежей, эти отряды вступали непосредственно в бой с противником, успешно сдерживали его натиск и наносили ему потери. Например, 13 сентября 1942 г. «112-я стр. дивизия под давлением противника отошла с занимаемого рубежа. Заградотряд 62-й армии под руководством начальника отряда (лейтенанта госбезопасности Хлыстина) занял оборону на подступах к важной высоте. В течение 4-х суток бойцы и командиры отряда отражали атаки автоматчиков противника и нанесли им большие потери. Заградотряд удерживал рубеж до подхода воинских частей».

15-16 сентября 1942 г. «заградотряд 62-й армии в течение 2-х суток успешно вел бой с превосходящими силами противника в районе ж.д.вокзала г. Сталинграда. Несмотря на свою малочисленность, заградотряд не только отбивал атаки противника, но и нападал на него, причинив ему значительные потери в живой силе. Свой рубеж отряд оставил только тогда, когда на смену подошли части 10-й стр. дивизии».

И вот еще: «Заградительный отряд 29-й армии Западного фронта, будучи в оперативном подчинении у командира 246 стр. дивизии,

использовался как строевая часть.

Принимая участие в одной из атак, отряд из 118 человек личного состава потерял убитыми и ранеными 109 человек, в связи с чем заново сформировался».

По мнению ветеранов-окопников, страшнее начавшейся паники на фронте не могло быть ничего. Всего лишь из-за нескольких трусов, драпающих слева и справа в тыл, могла мгновенно начаться цепная реакция панического отступления. А если в этот момент трусов некому было остановить? Вот тогда-то, прежде всего пальбой в воздух, неуправляемую толпу останавливал заградительный отряд.

Есть такая русская поговорка: «У страха глаза велики!» Так вот и на фронте Великой Отечественной она была весьма актуальной, когда одна трагедия приводила к другой.

Например, только с 12 по 17 июля 1943 г. заградотрядами 69-й армии (7 заградотрядов по 7 человек в каждом, во главе которых были поставлены по 2 оперативных работника) было задержано 6956 человек рядового и командно-начальствующего состава, оставивших поле боя или вышедших из окружения войск противника.

Правда, начиная с 15 июля число задержанных военнослужащих, по сравнению с первыми днями работы заградотрядов резко сократилось. Если за 12 июля было задержано 2842 человека, а 13 июля — 1841 человек, то за 16 июля было задержано 394 человека, а уже за 17 июля — всего 167 человек.

К началу 1944 г. заградотряды очень часто использовались по охране штабов армий, охране линий связи, дорог, прочесыванию лесов. То есть после разгрома немцев под Сталинградом и победой на Курской дуге, когда стратегическая инициатива перешла к Красной Армии, заградотряды перестали выполнять свои прямые задачи. А в конце октября этого года Приказом наркома обороны № 0349 они были расформированы, а личный состав отрядов пополнил ряды стрелковых дивизий.

Для более полного понимания изложенного выше давайте ознакомимся с отрывком из письма командира 141-й стрелковой дивизии полковника Тетушкина секретарю ЦК ВКП(б) тов. Маленкову (от 10 июля 1942 г). «Какую же картину отхода армий Ю.-З. и Брянского фронтов я наблюдал? Ни одной организованно отступающей части я не видел на фронте от Воронежа на юг до г. Коротояк. Это были отдельные группки бойцов всех родов оружия, следовавшие, как правило, без оружия, часто даже без обуви, имея при себе вещевые мешки и котелок. Попутно они (не все, конечно) отбирали продовольствие у наших тыловых армейских

учреждений и автомашины. Кто идет с винтовкой, то она обычно ржавая (производства 1942 г.). Картина мне эта знакома по прошлому году.

Получается такое впечатление как только немец захочет прорвать где-либо фронт, ему это в большинстве случаев удастся.

В чем дело? Чем же это можно объяснить?

Если личный состав танкистов, летчиков, артиллеристов у нас не плохой, они дерутся с достаточной стойкостью, то это нельзя сказать про пехоту. Ей стойкости не хватает. Она у нас плохо обучена, беспрекословного повиновения младшего старшему у нас еще нет. Особенно это отражается в звене младший командир — боец, то есть в том звене, где начальник голосом воздействует на подчиненного в бою.

У нас не хватает жесткой дисциплины, чтобы наверняка обеспечить успех в бою, чтоб никто не смел бросить свое место в окопе в любой обстановке. Умри, а держись. Все это должно быть обеспечено соответствующим законом, отраженным в уставах. Все, что мы имеем сейчас (уставы, положения) — этого не достигают. Противник в отношении дисциплины много сильнее нас. Если бойцы на походе или вообще вне боя бросают противогаз, лопатку, шлем, оружие, даже пулеметы, лошадей и так далее (я

знал до ранения на Западном фронте ряд дивизий, где все бойцы побросали лопатки, шлемы, лыжи, противогазы), то возникает вопрос: есть ли тут дисциплина? Я наблюдал немецких пленных, которых гнали десятки километров до штабов, и у них все было цело до последнего личного номерка и у всех обязательно вычищены сапоги и лица побриты. Дисциплина, как и везде, особенно необходима в бою, тут она решает дело. Причем, если даже нет командира при бойце, он должен упорно защищаться или двигаться вперед на противника так же, как и с командиром...»

26 октября 1941 г. Командующий фронтом генерал-лейтенант Рокоссовский в штабе 66-й армии заявил: «... Прибывшие новые дивизии к бою совершенно не подготовлены. Сегодня буду докладывать тов. Сталину, просить его, чтобы личный состав вновь формируемых дивизий хотя бы месяц проходил боевую подготовку...»

И еще: «Командующий фронтом Рокоссовский, под впечатлением того, что причиной неудач являются плохие действия бойцов-пехотинцев, пытался для воздействия на пехоту использовать заградотряды.

Рокоссовский настаивал на том, чтобы заградотряды шли следом за пехотными частями и силой оружия заставляли бойцов подниматься в атаку».

А что можно было предложить еще? Хотя, впрочем, все равно виноватым был бы Сталин!

2. ПЕХОТИНЦЫ-ОКОПНИКИ (НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ)

С чего начать эту главу, с каких слов? Я долго думал над этим не простым для меня вопросом. И чтобы емко, и чтобы до сердца дотянулись, чтобы прожгли его. И чтобы правдиво, совсем близко к истине. Ведь это не просто важно. Это важно принципиально. Потому как «окопная правда» это прежде всего правда окопников из пехоты. Для них война была самой жуткой, самой реальной во всей своей красе, самой кровавой и самой короткой.

И только когда я прочитал рукопись «Ванька ротный» ветерана войны А.И. Шумилина, я понял что нашел именно то, что искал. Без этих слов, возможно, у меня ничего бы не получилось. Ведь я там не был! Судите сами:

«В те суровые дни войны вся тяжесть в боях по освобождению земли нашей легла на пехоту, на плечи простых солдат. Получая пополнение в людях, мы вели непрерывные бои, не зная ни сна, ни отдыха.

Захлебываясь кровью и устилая трупами солдат эту прекрасную землю, мы цеплялись за каждый бугор, за каждый куст, за опушки леса, за каждую деревушку, за каждый обгорелый дом и разбитый сарай.

Многие тысячи и тысячи наших солдат навечно остались на тех безымянных рубежах. (...)

Многие о войне судят по кино. Один мой знакомый, например, утверждает, что когда бой идет в лесу, что горят деревья.

— Это почему? — спросил я его.

— А разве ты в кино не видел?

По кино о войне судят только дети. Им непонятна боль солдатской души, им подают стрельбу, рукопашную с кувырканиями и пылающие огнем деревья, перед съемкой облитые бензином. Художественное произведение, поставленное в кино или так называемая “хроника событий” — собирательный образ боев, сражений и эпизодов, отдаленно напоминающий войну.

Должен вас разочаровать: от кино до реальной действительности на войне, очень далеко. То, что творилось впереди, во время наступления стрелковых рот, до кино не дошло. Пехота унесла с собой в могилу те страшные дни. (...)

Война — это живая, человеческая поступь — навстречу врагу,

навстречу смерти, навстречу вечности. Это человеческая кровь на снегу, пока она яркая и пока еще льется. Это брошенные до весны солдатские трупы. Это шаги во весь рост с открытыми глазами — навстречу смерти. Это клочья шершавой солдатской крови и кишок, висящие на сучках и ветках деревьев. Это розовая пена в дыре около ключицы — у солдата оторвана нижняя челюсть и гортань. Это кирзовый сапог, наполненный розовым месивом. Это кровавые брызги в лицо, разорванного снарядом солдата. Это сотни и тысячи других кровавых картин на пути, по которому прошли за нами прифронтовые “фронтовики” и “окопники” батальонных, полковых и дивизионных служб. Но война — это не только кровавое месиво. Это постоянный голод, когда до солдата в роту доходила вместо пищи подсоленная водица, замешанная на горсти муки, в виде бледной баланды. Это холод на морозе и снегу, в каменных подвалах, когда ото льда и изморози застывает живое вещество в позвонках. Это нечеловеческие условия пребывания в живом состоянии на передовой, под градом осколков и пуль. Это беспардонная матерщина, оскорбления и угрозы со стороны штабных “фронтовиков” и “окопников” (батальонного, полкового и дивизионного начальства).

Война это как раз то, о чем не говорят, потому что не знают. Из стрелковых рот, с передовой, вернулись одиночки, их никто не знает... (...)

Это были нечеловеческие испытания. Кровавые, снежные поля были усеяны телами убитых, куски разбросанного человеческого мяса, алые обрывки шинелей, отчаянные крики и стоны солдат. Все это надо пережить, услышать и самому увидеть, чтобы во всех подробностях представить эти кошмарные картины. (...)

С какой безысходной тоской о жизни, с каким человеческим страданием и умоляющим взглядом о помощи умирали эти люди. Они погибали не по неряшливости и не в тишине глубокого тыла... (...)

Они — фронтовики и окопники стрелковых рот, перед смертью жестоко мерзли, леденели и застывали в снежных полях на ветру. Они шли на смерть с открытыми глазами, зная об этом, ожидая смерть каждую секунду, каждое мгновение, и эти маленькие отрезки времени тянулись, как долгие часы (...)

Без “Ваньки ротного” солдаты вперед не пойдут. Я был «Ванькой ротным» и шел вместе с ними. Смерть не щадила никого. Одни умирали мгновенно, другие — в муках истекали кровью. Только некоторым из сотен и тысяч бойцов случай оставил жизнь. В живых остались редкие одиночки, я имею в виду окопников из пехоты. Судьба им даровала жизнь как высшую награду. (...)

Многие фамилии из памяти исчезли. Я иногда даже не знал фамилии своих солдат, потому что роты в бою хватало на неделю. (...)

Вот и теперь у меня перед глазами ярко встали те кошмарные дни войны, когда наши передовые роты вели ожесточенные бои. Все нахлынуло вдруг. Замелькали солдатские лица, отступающие и бегущие немцы, освобожденные деревни, заснеженные поля и дороги. Я как бы снова почувствовал запах снега, угрюмого леса и горелых изб. Я снова услышал грохот и нарастающий гул немецкой артиллерии, негромкий говор своих солдат и недалекий лепет засевших немцев.

Вероятно, многие из вас думают, что война, это интересное представление, романтика, героизм и боевые эпизоды. Но это не так. Никто тогда — ни молодые, ни старые не хотели умирать. Человек рождается, чтобы жить. И никто из павших в бою не думал так быстро погибнуть. Каждый надеялся только на лучшее. Но жизнь пехотинца в бою висит на тоненькой ниточке, которую легко может оборвать немецкая пуля или небольшой осколочек. Солдат не успевает совершить ничего героического, а смерть настигает его». Есть у Семена Гудзенко (малоизвестного для теперешней молодежи поэта-фронтовика) замечательное стихотворение «Перед атакой». Когда я читаю его, то всегда ясно представляю себе то, о чем с болью и содроганием говорит поэт из окопа Великой Отечественной войны:

Когда на смерть идут — поют,
А перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный нас в бою —
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв —
и умирает друг.
И значит — смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед,
За мной одним идет охота.
Будь проклят сорок первый год —
ты, вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв — и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
Окоченевшая вражда,
Штыком дырявящая шеи.
Бой был короткий. А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь чужую.
1942

Однажды в одном интервью генерала армии В.А. Варенникова спросили:

— Путь к победе был долгим и тяжелым. Какие из эпизодов войны вы вспоминаете?

— Таких эпизодов было очень много, — ответил генерал. — Все-таки от Сталинграда до Берлина с боями ножками пройти, а где и проползти... Я всегда завидовал летчикам, танкистам. Белой завистью, конечно. Истребитель в полете 40 минут, максимум час. Затем он возвращается на аэродром, где его машину обслуживает техник. У летчика есть землянка, есть банька. Он прилетел, поел, отдохнул. А мы всегда с противником в контакте, друг другу смотрим в лицо. Есть еда — хорошо, нет — терпеть надо. Стужа, холод, жара, зной — надо выдержать!

И когда меня спрашивают, где было самое-самое, я отвечаю: у солдата, лейтенанта, капитана вся война — Сталинград. Везде было тяжело.

«Окопная правда» начиналась с отправки на фронт. Вот как она выглядела со слов очевидца: «Смотреть на солдат было грустно и весело. Здесь действовал какой-то пестрый закон живой толпы. Одни шли легко, шустро и даже весело, другие, наоборот, понуро, устало и нехотя. Одни торопились, вырывались из строя куда-то вперед, другие, наоборот, едва по земле волочили ноги. Тут одна мощеная булыжником дорога — в сторону не свернешь. День был жаркий и душный. Некоторым из солдат скатки шинелей с непривычки терли и жгли шеи, и они без конца их перекладывали на плечо и вертели головами. Из-под касок по вискам и щекам сбегали струйки пота. Гимнастерки на спине быстро намокли от пота и потемнели. Одни из солдат шли под тяжестью ноши молча, ни о чем не думая. Другие, наоборот, шли, переговаривались, шутили, радуясь, что покончили со старой жизнью. У третьих на потном лице выражалась тоска, и они мысленно хоронили себя, прощаясь с родными и жизнью. Разные,

видать, были в походной колонне, одетые в солдатскую форму, люди. Тут были прямые и сильные, сгорбленные, как на похоронах. Живой поток солдат показывался над дорогой. Он то расплывался на всю ширину до обочины, то, сгрудившись около выбитой ямы, топтался на месте.

Было жарко, безоблачно и безветренно. Дорожная пыль першила в душе и лезла в глаза. Пахло яловой дубленой кожей, новой кирзой, сбруей, дегтем телят и лошадиным пометом. В движении, в жаре и в пыли шагали солдаты и с непривычки потели. У одного каска откинута на затылок, у другого — на носу. Из-под касок смотрели раскрасневшиеся потные лица. Колонна двигалась то замедляя, то ускоряя свой шаг» (Шумилин).

О другом пути на фронт свидетельствует генерал армии А.Т. Алтунин: «Рев авиационных моторов привлек внимание всех обитателей теплушки. Минометчики, среди которых и я, лейтенант, несколько дней назад принявший командование минометной ротой стрелкового батальона 720-го полка 162-й дивизии, сгруппировались возле дверного проема. В открытую дверь теплушки видно, как одна за другой с нарастающим воем мчатся навстречу эшелону машины со свастикой на крыльях. Сквозь этот вой слышится прерывистое татаканье — то ведут огонь бойцы, дежурившие у станковых пулеметов, приспособленных для стрельбы по зенитным целям.

“Молодцы! — с восхищением думал я. — Ведь ни один из них не был еще под вражеским огнем, а не дрогнули!”

Поезд то ускоряет бег, то почти останавливается — маневрирует машинист, уже не раз попадавший под бомбежку. Справа и слева от железнодорожного полотна взрываются бомбы. Осколки насквозь пронизывают тонкие стены теплушки. Вдруг один из бойцов, стоящих у двери, молча валится на пол: осколок снес ему верхнюю часть черепа вместе с пилоткой. Я на мгновение растерялся, потом, осознав опасность, во весь голос кричу:

— Всем лечь на пол! — и первым выполняю команду. Теперь осколки проносятся над головой. У противоположной двери кто-то громко стонет. Бросаюсь туда и вижу красноармейца, зажимающего ладонью правое плечо. Сквозь пальцы сочится кровь. Зову санинструктора, и вдвоем мы быстро перевязываем раненого.

Поезд набирает скорость. А мы, затаив дыхание, ожидаем, что с минуты на минуту очередная бомба разрушит железнодорожное полотно и наш эшелон рухнет под откос. Но фашистские летчики, израсходовав боезапас, сделали круг над эшеленом и скрылись. Так меня и моих товарищей впервые опалило горячее дыхание войны. Сколько потом было пережито страшных минут, но эта первая бомбежка навсегда осталась в

памяти.

Бомбардировщики улетели, а в вагоне еще долго стояла тишина. Под ритмичный перестук колес все молча переживали случившееся. Видимо, у каждого, как и у меня, бродила мысль: “Вот и в бою не были, и фашиста живого не видели, а товарищей уже потеряли”.

Вздохнув, я достал из планшетки список личного состава и, помедлив, вычеркнул две фамилии».

Александр Захарович Лебедющев на фронт ехал с группой товарищей прямо из пехотного училища. Эту дорогу он запомнил до мельчайших подробностей: «Станционные пути были забиты воинскими эшелонами, и мы медленно продвигались на север. Задержались некоторое время на станции Кропоткинской. Оказалось, что поезда с юга на Ростов не пропускают и нас завернули на Сталинградскую ветку через Сальск. Погода была пасмурной. Большую часть времени мы отсыпались, некоторые играли в карты и даже «принимали» самогон. На подходе к Сталинграду мы впервые услышали заводские гудки воздушной тревоги и хлопки наших зениток, стреляющих по вражеским бомбардировщикам. Проводницы металась по вагонам, почему-то строго предупреждая: “Открывайте окна и двери”. Вскоре дали отбой. И мы прибыли на главный вокзал. Многие были впервые в этом городе. Мы покинули вагоны, и нас покормили горячим обедом в столовой продпункта. Так узнали мы и о продпунктах, о которых ни слова не говорили в училище. Ростов-на-Дону был оккупирован немцами 21-го, а освобожден 29-го ноября 1941 г., поэтому нас и повезли объездным путем. (...)

На следующее утро мы были в Миллерово, но нас завернули снова на юг в город Каменск, где находился отдел кадров Южного фронта. Полк или батальон резерва командного состава размещался в здании сельскохозяйственного техникума на окраине города. Остаток ночи мы провели на сетках студенческих кроватей.

Утром объявили получать на каждую группу предназначенный в армии сухой паек на путь следования. Наша группа предназначалась в 9-ю армию, освобождавшую Ростов. Ее отдел кадров размещался в Новочеркасске, куда нам предстояло выехать. Я снова назначался «продовольственнымником» и пошел за сухим пайком, а к подъезду двухэтажного дома общежития было подогнано с десятков машин-полуприцепов для доставки лейтенантов в отделы кадров армий.

Утро было пасмурным. Продовольственный склад размещался рядом. Подходя к нему, я слышал гул летящего бомбардировщика. Тогда я еще не мог различать по звуку работы мотора своих и чужих. Но тут ударила

батарея наших 37-мм пушек и, как всегда, в «белый свет», так как была низкая облачность. Получил я сухари, рыбные консервы и копченую колбасу на нашу команду из восьми человек. Я оставил маленький довесок колбасы, чтобы съесть по пути. Только я стал подниматься по лестнице на второй этаж, как звук мотора повторился и завизжали падающие бомбы. Первая из них упала на могилы кладбища в 150 метрах, вторая — в центре скопления машин у порога нашего двухэтажного здания, а третья ударила в угол соседнего помещения. С испуга я с остервенением грыз довесок колбасы, а затем бросился бежать вниз, так как меня всего осыпало осколками стекла из окон. У подъезда лежали убитые и раненые лейтенанты. Раненые просили о помощи. По их повседневным петлицам я понял, что это были выпускники Ташкентского пехотного училища. Все бросились бежать в поле, и я последовал за ними к скирде соломы, где и упал в изнеможении. Я впервые увидел убитых от бомбежки и их кровь».

Основная тяжесть войны, бесспорно, легла на плечи пехоты. Об этом достаточно полно говорят страшные цифры ее потерь. Если общие потери родов войск в 16 млн. 859 тыс. чел. (в том числе 4 млн. 28 тыс. безвозвратные и 12 млн. 831 тыс. санитарные) взять за 100%, то на ее долю приходится 86,6%. Более того, в стрелковых войсках только за 28 месяцев войны из строя выбыло — 546, 3%. Для сравнения в бронетанковых войсках это число за тот же период составило более чем в два раза меньше — 236,7%.

Когда начиналась окопная жизнь? С марша после скорой выгрузки из эшелона? С момента занятия исходной позиции или с подготовки этой позиции к обороне?

Если быть точным, то она всегда начиналась неожиданно, что называется, без всяких сантиментов, словно рубилась с плеча, как самая что ни на есть правда.

Шли ли пехотинцы на передовую, находились ли на ней: все одно это уже была их жизнь — окопная. Та земля, которая всегда была под ногами: была и домом, и постелью. Зимой и летом все одно: по ней ходили, на ней воевали и в нее же ложились.

На земле всегда был отдушиной солдатский смех, царским подарком — табак, лучшим другом — лес и великим счастьем — еда. Ведь ничто так не беспокоило солдатскую душу на передке, как харчи.

Лес давал возможность соорудить блиндаж, растопить костер, настелить дорогу да и, бывало, кормил сносно. А если его не было рядом?

Одна надежда только на старшину роты.

Это он тащил с помощниками термос с похлебкой, буханки хлеба, сахар, махорку и водку.

Поставив термос между ног, с цирковой ловкостью он опускал туда черпак и таким же привычным движением плескал содержимое в подставленный котелок. При этом тут же отмечал химическим карандашом галочку на листике замусоленной бумаги.

Но одно дело летом, другое — зимой. Пока пищу дотащат до передовой, хоть в руках, хоть в повозке, все одно: горячее мгновенно превращалась в холодное пойло. Хорошо, если мучная, слегка подсолненная водица не успела схватиться на сильном морозе. Зато хлеб замерзал всегда. Его даже не брала саперная лопата. Да, в сущности, и это была еще не беда. Ведь если солдат с термосом накрывали немецкие снаряды, если по несколько суток старшина не мог добраться до передка, тогда все: и настроения не было, и вши заедали особенно. Ведь они ползали на голодных!

Другое дело батальонная кухня, когда попыхивая горящими топками, уже издали издавая соблазнительный запах, она въезжала в лес. Фыркание лошадей и позвякивание уздечек поднимали спящих солдат без каких-либо команд. Одним словом: война — войной, а обед по распорядку! Но батальонная кухня на передке могла быть мечтой нереальной. Ведь назад с передка только уносили.

12 сентября 1941 г. Постановлением ГКГ № 662 были установлены нормы продовольственного снабжения Красной Армии. Например, первая категория красноармейского продпайка предназначалась для красноармейцев и начсостава боевых частей действующей армии. Она предусматривала следующую норму суточного довольствия: хлеб (октябрь-март) — 900 г, (апрель-сентябрь) -800 г; мука пшеничная 2-й сорт — 20 г; крупа разная — 140 г; макароны — 30 г; мясо — 150 г; рыба -100 г; комбижир и сало — 30 г; масло растительное — 20 г; сахар — 35 г; чай — 1 г; соль — 30 г; овощи: картофель — 500 г; капуста — 170 г; морковь — 45 г; свекла — 40 г; лук репчатый — 30 г; зелень — 35 г; махорка — 20 г; спички — 3 коробки в месяц; мыло — 200 г в месяц.

По этой норме должны были питаться бойцы и младшие командиры воинских частей первых линий действующей армии. Кроме того, в период декабря и февраля им дополнительно должны были выдавать сало свиное по 25 г в сутки на человека. Однако в первые годы войны пехотинцы чаще всего голодали. Реальным же счастьем было захватить трофейную кухню,

где мог оказаться и вишневый компот. Поэтому, когда Красная Армия перешла государственную границу, кормить стали значительно лучше. Выручали трофейные запасы продуктов. А уж после Победы, за границей наши солдаты и офицеры питались, что называется, от пуза.

К слову, третья категория красноармейского пайка предназначалась для красноармейцев строевых и запасных частей, не входящих в состав действующей армии. От первой она отличалась граммами значительно: хлеб — (зима) 750 г, (лето) — 650 г; мука пшеничная 2-й сорт — 20 г, крупа разная — 100 г, макароны — 20 г, мясо — 75 г, рыба — 120 г; комбижир и сало — 20 г; масло растительное — 20 г, сахар — 25 г, чай — 1 г; соль — 30 г, овощи — 920 г; махорка — 20 г; спички 3 коробки в месяц; мыло — 150 г в месяц.

«Передок»! Как много в этом слове! Путь к нему предвещает гул артиллерийской канонады. А там впереди от залпов орудий лихорадочно дрожит земля. Сначала выстрелы, потом удары. Воздух наполняется специфическим удушливым запахом взрывчатки. Облака пыли и пороховой гари поднимаются над передком. Вниз только падают куски земли, а над головами свистят осколки. Солдатские тела инстинктивно сжимаются от каждого удара. А их целая лавина. Тогда солдатское тело начинает судорожно дергаться в конвульсиях, а их разумы теряют способность улавливать промежутки между разрывами. Страшный гул, летящие комья земли и свистящие осколки превращают передок в крошечный ад, после которого остается порой одно месиво.

Психологически не все выдерживали такой артиллерийской обработки противником переднего края. Если одни могли терпеливо лежать, то другие от страха плакали или теряли зрение, слух и память. Если немцы обстреливали не один день, то роты таяли на глазах.

Окопная жизнь. В основном она проходила ночью: «Отправляли больных и раненых, принимали пополнение — обычно одного, двух; получали боеприпасы, термос с пищей, водку, почту. (...)

Казалось, мы в преисподней. Ночью сырость пронизывает все тело, добираясь до костей. Под утро зубы стучат от холода. Постоянная влажность и вонь, под ногами — слизкая грязь, от нее никуда не спрячешься, она раздражающе чавкала под ногами, — какая-то беспросветность, порой я впадал в отчаяние, но старался не поддаваться — за мной взвод. (...)

В окопах обустривали землянки, старались наладить печки из старых железных бочек и молочных бидонов. Ухитрились сотворить низкие нары,

покрыли их лапником. Для укрытия от осколков рыли норы: ячейки с полками для гранат и патронов, к ним прорубили ступени, чтобы, если что, быстрее выбраться наверх. (...) Так шли дни», — вспоминает Б. Горбачевский.

Были ли окопы промерзшими или сырыми и липкими, не важно; все одно: на пехотинце надето много чего. Все с ним постоянно, начиная с поясного ремня с патронташем набитом патронами, каски, противогаза, винтовки и кончая вещевым мешком, где лишь предметы первой необходимости: фляжка, котелок, ложка, кружка, сухари и портянки. К тому же он небрит, заросший щетиной, грязный и мокрый, вымазан глиной и землей. А еще вши. Все это солдат и носил на себе, покуда носили ноги. Ведь подлет и удар пули происходит без единого звука. Ее слышно, когда она уже прошла мимо. Не услышал свиста, значит, кого-то уже и нет на этом свете. Таков закон передка. А когда проявлялись первые проблески весны, солдат радовался яркому солнышку. Да только распутица становилась врагом похлеще немца. Нога в сапоге не поднималась из-за пудовой тяжести раскисшей грязи вперемешку с глиной. Другое дело ботинки с обмотками. Те были гораздо удобней на длинных маршах пехоты.

Правда, Б. Горбачевский имел на этот счет свое мнение: «Особенно скверно было тем, кто в обмотках, — просто беда! Но вот появились сапоги! Обмотки долой! Правда, сапоги попадали к нам не из интендантства! На обуви виднелись старые сгустки крови — ничего, вода все смое! Некоторым доставались только голенища — и то дело! Они защищали обмотки от воды и грязи. Я недоумевал: что ж это за башмачное ведомство, которое нас так выручает? Оказалось, по ночам двое солдат выползали из окопов, ползком добирались до леса и там стаскивали сапоги с убитых немцев. (...)»

Сапоги выручали, спасали от воды, скапливавшейся на дне окопов, и все-таки многие кашляли, хлюпали носами, температурили, но не обращали внимания на все эти жизненные фокусы».

А что делает перед боем пехотинец? «Проходя по расположению батальонов, — вспоминал генерал А.В. Горбатов, — я видел, что все лежат, обняв свое оружие, но никто не спит; кое-кто тихонько перешептывался с соседом. Как знакомы мне эти солдатские думы перед наступлением! Одни думают о близких, о родных, другие — о том, будут ли живы завтра, третьи ругают себя за то, что не успели или забыли написать нужное письмо. Вспомнилось, что и сам вот так не мог заснуть перед наступлением, когда был солдатом, хотя смерти или ранения я не ожидал никогда».

На этот счет есть и другое свидетельство пехотинца Б.С. Горбачевского: «О чем думается бойцу в последний час, минуты перед атакой? Внутренне солдат готов стоять накрепко, исполняя долг, но он точно знает, и никто его в этом не переубедит, что после боя, тем более атаки, не все вернутся живыми. И все же его никогда не покидает надежда: глядишь, рассуждают фронтовики, не отвернется судьба, подсобит; ну ладно, пусть ранят... С мыслью о ранении возникают новые тревоги: вынесут ли, успеют ли, пока не истечешь кровью?... Почему такие сомнения? На роту полагается один санинструктор и один санитар, а раненых сотни, бывает, и больше. Есть еще полковая санитарная рота. И все равно санитаров всегда не хватает, особенно тяжелораненые, вынуждены долго ждать помощи и, потеряв много крови, умирают, так и не дождавшись ее или по дороге в медсанбат. Нередко умирают и от болевого шока.

Выносить раненых с поля боя имеют право только санитары или санинструкторы. Другим бойцам сопровождать раненых в тыл запрещено, всякая такая попытка обычно расценивается как прямое уклонение от боя. Однако не всегда выходит так, как требует устав, в боевых условиях приходится строго разбираться между необходимой помощью и дезертирством с поля боя. (...)

Со временем я понял, что каким бы ни был бой по сету, первым или десятым, всякий раз пережить его очень тяжело — физически и психологически. Достигается это с превеликим трудом, беспредельным напряжением сил и нервов. Самый волевой солдат старается не думать о смерти. Совершенных храбрецов я не видел».

Далее Б.С. Горбачевский описывает свою первую атаку: «Воздух взрывают первые залпы артиллерии! Значит — 6.00! Артподготовка! Высоко над нами со свистом и шумом проносятся огненные стрелы реактивных залпов “катюш”. Рев и грохот нарастают — это принялись за дело наши бомбардировщики и штурмовики, обрабатывают траншеи противника. Великолепно! Все точно так, как должно быть! Все по плану! Над деревьями, которые мы вот-вот пойдем брать, вздымаются огромные столбы черного дыма и багрового пламени — какая приятная картина! Из леса выдвигаются наши танки с солдатами на броне, бегло оцениваю — не меньше тридцати! Двумя колоннами обходят линию окопов и стремительно движутся вперед. (...)

В голову пробивается голос командира:

— За мной! Вперед! В атаку!

Ох! Как трудно оторваться от земли. Кажется, ты распластан, врос в

землю, не сдвинуться — ни рук, ни ног, их просто нет... У меня не хватает обеих рук?... “Окоп — твоя последняя надежная крепость”. Последние секунды... Забудь обо всем, солдат: приказ прозвучал (...)... стиснув зубы, уже ни о чем не думая, враз отключив сознание, приподнимаюсь в своей норе, неумолимая сила исполнения долга вмиг выталкивает меня из окопа, швыряет вперед, и я уже бегу! Вместе со всеми, наклонив голову, прикрытую каской, как нас учили — низко пригибаясь, выставив вперед винтовку с привинченным штыком; я очень спешу, стараясь не отстать от бегущих рядом, и, как все, ошалело ору, хотя чувствую холодную испарину на лбу под каской, но напрягаю легкие и кричу: “Ура-а!...” — и этот объединяющий крик придает какие-то новые, неведомые силы, приглушает, подавляет страх».

А вот и кульминация боя:

«Грохот боя заглушают отчаянные крики раненых; санитары, рискуя собой, мечутся между стеной шквального огня и жуткими этими криками, — пытаюсь спасти, стаскивают искалеченных, окровавленных в ближайšie воронки. В гуле и свисте снарядов мы перестаем узнавать друг друга. Побледневшие лица, сжатые губы. У многих лица дрожат от страха. Кого-то рвет. Кто-то плачет на ходу, и слезы, перемешанные с потом и грязью, текут по лицу, ослепляя глаза. Кто-то от шока в мокрых штанах, с кем-то — того хуже. Вокруг дикий мат. Кто-то пытается перекраситься на бегу, с мольбой взглядывая на небо. Кто-то зовет какую-то Маруську. (...)»

Со всех сторон раздавались отчаянные крики, от которых можно сойти с ума. Я приподнялся и побежал догонять своих. Над полем стоял непрерывный вопль:

— Мандавошки!

— Где моя нога!

— Санитар! Санитар!

— Летчики, спасите нас!

— Что вы с нами сделали?! Гоните, как скотину, на пулеметы!

Опять этот хриплый голос.

— Марусенька, где ты?

Атаки следовали одна за другой. Сражение разгоралось, росли горы трупов. Мы приближались к вражеским траншеям.

Это самая трудная минута боя. Ночью минеры проделали проходы в минных полях, сейчас по ним устремлялись остатки наступающих, я видел, как первые уже достигли траншей, ворвались в них, шла сумасшедшая рукопашная штыковая схватка. Но я успеваю добежать. Последнее, услышанное мной, — чей-то безумный крик. С этим криком я ощутил,

болезненно и остро, как что-то холодное, скользкое, тупое ударило меня в затылок, оглушило, вмиг пригнуло к груди голову; от сильного толчка меня резко качнуло, бросило вперед, и я рухнул лицом на землю».

О другом эпизоде войны еще более натурально написал А.И. Шумилин: «Немцы не торопились. Они все делали по науке. Приводили к бою зенитные батареи. Они хотели сразу и наверняка ударить по лежащей в снегу нашей пехоте. Тем более что мы лежали, не шевелились. Сигнала на атаку не было. Приказа на отход не последовало. Немцы, видно, удивлялись нашим упорству и бестолковости. Лежат, как идиоты, и ждут, пока их расстреляют в упор. Наконец у них лопнуло терпение. Зенитка — это не полевое орудие, которое после каждого выстрела нужно снова заряжать. Зенитка автоматически выбрасывает целую кассету снарядов. Она может стрелять одиночными, парными и короткими очередями.

Из ствола от одного нажатия педали вылетают сразу один раскаленный трассирующий, другой — фугасный снаряды. По каждому живому солдату, попавшему в оптический прицел, немцы стали пускать сразу по два, для верности. Один трассирующий, раскаленный, а другой — невидимый, фугасный. Они стали бить сначала по бегущим. Бегущий делал два-три шага, и его зарядом разрывало на куски. Сначала побежали телефонисты под видом починки обрыва на проводе. Потом не выдержали паникеры и слабые духом стрелки. Над снегом от них полетели кровавые клочья и обрывки шинелей, куски алого мяса, оторванные кисти рук, оголенные челюсти и сгустки кишок. Тех, кто не выдержал, кто срывался с места, снаряд догонял на шагу. Человека ловили в оптический прицел, и он тут же, через секунду исчезал с лица земли. (...) Ординарец отполз несколько в сторону, он хотел посмотреть, что делается на краю кустов. Но любопытство сгубило его. Вот он вдруг встревожился, перевернулся на месте и в два прыжка оказался около меня. И не успел он коснуться земли, как его двумя снарядами ударило в спину. Его разорвало пополам. В лицо мне брызнуло его кишками.

Зачем он поднялся и бросился ко мне?

— Товарищ лейтенант! Там... — успел он выкрикнуть перед смертью. Красным веером окрасился около меня снег. Жизнь его оборвалась мгновенно. Появились раненые солдаты. Они ползли, оставляя за собой кровавый след на снегу.

В оптический прицел они были хорошо видны. Очередной двойной выстрел добивал их в пути. Лежавший рядом телефонист вытаращил на меня глаза. Я велел ему лежать, а он меня не слушал. Я лежал под деревом и смотрел по сторонам, что творилось кругом. Я лежал и не

двигался. Телефонист был убит при попытке подняться на ноги. Снаряд ударил ему в голову и разломил череп надвое, подкинул кверху его железную каску, и обезглавленное тело глухо ударилось в снег. Откуда-то сверху прилетел рукав с голой кистью. Варежка, как у детей, болталась на шнурке. Пальцы шевельнулись. Оторванная рука была еще живая. Все, кто пытался бежать или в панике рвануться с места, попадали в оптический прицел. Я смотрел на зенитки, на падающих в агонии солдат, на пулеметчиков, которые со своими «максимами» уткнулись в снег. (...)

И вот новый удар разбил ствол и щит станкового пулемета, обмотанного марлей и куском простыни.

Приникшие к снегу тела пулеметчиков приподнялись и откинулись мертвыми в сторону».

В результате такого побоища погибли четыре сотни советских солдат.

Осенью 1941 г., в дни горьких отступлений, когда Красной Армии приходилось оставлять одну позицию за другой, некоторые военачальники начали вдруг задумываться: почему бойцы, увидев танки и пехоту противника, порой без приказа оставляют линию обороны своих подразделений и частей?

«Наши уставы, существовавшие до войны, учили строить оборону по так называемой ячейной системе, — писал К.К. Рокоссовский. — Утверждалось, что пехота в ячейках будет нести меньше потерь от вражеского огня. Возможно, по теории это так и получалось, а главное, рубеж выглядел очень красиво, все восторгались. Но, увы! Война показала другое...

Итак, добравшись до одной из ячеек, я сменил сидевшего там солдата и остался один.

Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранилось, но я их не видел и не слышал.

Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчиненных. А бой продолжался.

Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолеты.

Я, старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. (...)

Система ячейной обороны оказалась для войны непригодной. Мы обсудили в своем коллективе и мои наблюдения, и соображения офицеров,

которым было поручено приглядеться к пехоте на передовой. Все пришли к выводу, что надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи. В тот же день всем частям группы были даны соответствующие указания».

Генерал А.В. Горбатов примерно в это же время также обратил свое пристальное внимание опытного командира на эту проблему: «Известно, что в войну мы вступили с укоренившимися взглядами на прогрессивность групповой тактики, с распылениями взвода почти по всему обороняемому району. Однако красноармейцы теряли при этом чувство локтя, не видели не только командира взвода, но порой и командира отделения, не слышали команд, то есть были неуправляемы. С тех пор, как я начал сознательно относиться к тактическим вопросам, я был всегда ярым противником такого расположения в обороне и считал его устаревшей системой. Такая разобщенность на поле боя в известной мере оправдывала тех, кто покидал оборону, ничего не зная о своих, воображая, что “уже все отошли, я ушел последним” (...)

Поэтому от подчиненных нам командиров мы потребовали — не распылять взвод, располагать его на одном из бугров — в общей траншее, не более ста двадцати метров по фронту, чтобы командир видел своих подчиненных, а они — своего командира, чтобы он мог контролировать их поведение и заставлять их стрелять в наступающего противника, а не отходить...

Находясь в обороне, мы произвели анализ потерь за время отступления. Большая часть падала на пропавших без вести, меньшая часть — на раненых и убитых (главным образом командиров, коммунистов и комсомольцев)».

Неудивительно, что прежде чем бить врага, потребовался коренной перелом в сознании и мышлении командиров и военачальников, а также кардинальная ломка устоявшихся стереотипов. Организация и ведение боя в пехоте ежедневно убеждали их отказаться от устаревших методов.

А теперь немного о каске (от исп. Casco — череп, шлем). К слову, этот защитный головной убор из металла появился во Франции в 1758 г. у драгун. В Первую мировую многие страны мира использовали стальную каску для защиты от пуль и снарядов. В Красной Армии стальная каска после 1939 г. стала называться шлемом.

Александр Ильич Шумилин на войне ходил без каски и даже под пулями об ее отсутствии никогда не жалел. «Каска звенела на голове, цеплялась и за сучки, мешала думать и сосредоточиться», — писал он спустя годы.

Другое мнение на этот счет имел его политрук: «Он никогда не снимал свою каску. На солнце она нагревалась и ему, естественно, в ней было не по себе. Он даже ночью, когда ложился спать, оставлял ее на голове! Он был уверен, что она защитит его от шального осколка и пули. Некоторые солдаты тоже носили каски, некоторые ходили без них.

Политрук говорил:

— Дуракам закон не писан, пусть подставляют головы поп пули».

Одинакового мнения с Шумилиным придерживался и писатель Василь Быков: «А вот каска мне не понадобилась. Однажды надел ее на шапку. Но она плохо держалась и сползала. Увидев это, мой помкомвзвода, опытный сержант, сказал: “Без пользы она! Брось ее, младшой, к чертовой матери!”

Перед этим убило моего самого молодого солдата, когда он лежал в цепи. Пуля попала именно в каску и сделала в ней дырку. Ненадежная защита! Я убедился в этом, когда мы заняли село. Там по вербам валялось несколько убитых немцев. Мой сержант выстрелил каждому в голову, и все каски у них оказались пробитыми. После этого я бросил свою в снег. И не пожалел об этом ни разу. Из солдат моих тоже мало кто носил каску — разве что самые осторожные. Но я никогда не слышал, чтобы она кого-нибудь спасла. Особенно в наступлении».

Петр Григорьевич Григоренко, будучи начальником штаба 8-й стрелковой дивизии, на фронте не просто столкнулся с этой проблемой, но попытался как-то решить ее.

«К каскам во всей Советской Армии отношение было пренебрежительное. И наша 8-я дивизия не составляла исключения. Объезжая и обходя части, в том числе на переднем крае, я не встречал ни одного человека, кто носил бы каску. А я помнил разговор с киевским хирургом — профессором Костенко. Обработывая мою кость, он бил молотком по зубилу, как в свое время делал я сам, снимая заусеницы с шейки паровозного ската. При этом он все время говорил, как будто я здесь присутствовал лишь в качестве его собеседника. И особенно его волновала каска. “Почти восемьдесят процентов, — говорил он, — убитых и умерших от ран имеют поражения в голову. И все это люди, не имеющие каски. Те, кто имел поражения в голову через каски, отделялись царапинами и контузиями, иногда тяжелыми. Но смерть при поражении головы через каску — исключение. Очень, очень редкое исключение. Выходит, мы погибнем из-за отсутствия дисциплины. В сущности, мы самоубийцы, самоубийцы по расхлябанности”.

И я решил тогда еще: как только попаду на фронт, в подчиненных мне войсках наведу порядок в отношении касок. Вот об этом я и заговорил с

Леусенко. Рассказал все, что узнал от Костенко, и добавил:

— Да и на немцев посмотри. Ты видел на передовой хоть одну немецкую голову без каски? Я обползал весь передний край — не видел ни одной.

— Ну, у немцев дисциплина. А у нас даже бравируют открытой головой. Вот я с вами говорю и поддерживаю идею, но по своей инициативе в полку каски не введу. Сразу же на всю армию прославлюсь как трус. А будет приказ, сумею заставить носить.

— А каски есть?

— Да, безусловно. Хозяйственники что из брошенного собрали, а что получили на пополнение утрат и теперь берегут. Для них же это имущество.

— А нам надо, чтобы это не было имущество, а стало боевым, обеспечивающим жизнь солдата средством.

— Это теория, а я буду спрашивать как за имущество, боевое имущество, ибо иначе каску снова бросят.

Мы тогда оба не знали, что у немцев спрос за каски был более строгий. Там за появление на передовой без каски на голове судили как за членовредительство. Если б я знал это, то действовал бы более уверенно. Но узнал я сие только после войны. Тогда же, после разговора с Леусенко, я подготовил приказ, по которому весь рядовой состав и офицеры дивизии, кроме штаба и тыла, обязаны постоянно носить каски и положенное оружие.

Офицеры, кроме личного оружия, должны иметь автоматы. Личный состав штаба и тыла дивизии при въезде в части и по тревоге надевают каски; офицеры, кроме личного оружия, берут автомат. Но легко было отдать приказ. Смирнов не спросил и сразу подписал. Но насколько же тяжелее было внедрить все это. Я ежедневно по нескольку часов проводил на передовой в каске и с автоматом на груди.

Беседовал с солдатами и офицерами о значении касок. Приводил известные мне примеры, строго взыскивая за нарушения. И Леусенко оказался прав. В тылах заговорили о начальнике штаба 8-й дивизии как о человеке необстрелянном, трусоватом, как о чудовище, который, натягивая каску и навешивая на себя автомат, хочет выглядеть старым закаленным воякой».

Однако, резюмируя самые разные мнения, мы можем обратиться к статистике, которая говорит, что «анализ более 14 млн. историй болезни раненых военнослужащих показал следующее распределение ранений по области человеческого тела»:

— нижние и верхние конечности — 70,8 % (соответственно 35,6% и 35,2%);

— череп — 5,4%;

— глаза — 1,5%;

— лицо — 3,5%;

— шея — 1,1%».

Следовательно, вывод говорит сам за себя.

Разное мнение существует о наркомовских ста граммах, однако как бы воевали без них окопники!

В Постановление ГКО № 562 от 22 августа 1941 г. было указано: «Установить, начиная с 1 сентября 1941 г. выдачу водки 40 градусов в количестве 100 г в день на человека (красноармейца) и начальствующему составу войск передовой линии действующей армии».

А 25 августа 1941 г. в Приказе НКО СССР № 0320 это указание было доведено для действующей армии.

Характерно, что уже в июне (Постановление ГКО № 1889) от 6 июня 1942 г. Сталин внес в этот процесс некоторые изменения:

1. Прекратить с 15 мая 1942 г. массовую ежедневную выдачу водки личному составу войск действующей армии.

2. Сохранить ежедневную выдачу водки в размере 100 г только тем частям передовой линии, которые ведут наступательные операции.

3. Всем остальным военнослужащим передовой линии выдачу водки по 100 г производить в революционные и общенародные праздники».

Ровно через пять дней в Приказе НКО № 0470 от 12 июня 1942 г. разъяснялось:

«1. Выдачу водки по 100 граммов в сутки на человека производить военнослужащим только тех частей передовой линии, которые ведут наступательные операции.

2. Всем остальным военнослужащим передовой линии выдачу водки в размере 100 граммов на человека производить в следующие революционные и общественные праздники: в дни годовщины Великой Октябрьской социалистической революции — 7 и 8 ноября, в День Конституции — 5 декабря, в День Нового года — 1 января, День Красной Армии — 22 февраля, Дни Международного праздника трудящихся — 1 и 2 мая, во Всесоюзный день физкультурника — 19 июля, во Всесоюзный день авиации — 16 августа, а также в День полкового праздника (сформирования части)».

Однако 12 ноября 1942 г. в разгар Сталинградской битвы Сталин

установил более либеральный порядок в деле приема 100 грамм. В сутки на человека эту норму теперь выдавали не только наступающим частям, но и всем частям, ведущим боевые действия и находившимся на передовой.

При этом не забыли и полковые, и дивизионные резервы. Им, выполняющим работу «под огнем противника», а также раненым (по указанию врачей) разрешалось принимать «для аппетита» по 50 г в сутки. Водку на фронт привозили в молочных бидонах или в дубовых бочках.

На закавказском фронте вместо 100 г водки выдавали 200 г крепленого вина или 300 г столового.

М.И. Сукнев, будучи комбатом, так вспоминал о наркомовских: «Три года пробыть на фронте — это было мало кому дано из тех, кто не поднялся выше комбатов, командиров батальонов и батарей! Месяц-два, а то и сутки-двое, и твоя гибель неизбежна!

Я уже знал свою норму — стакан водки, больше нельзя. Видно не берет, стакан на меня действовал как 50 г. А не выпьешь, из окопа не вылезешь. Страх приковывает. Внутри два характера сходятся: один — я, а другой — тот, который тебя сохранять должен.

Меня как-то вызвали в полк с передовой, что со мной случилось, не знаю. Вытащил пистолет и стал стрелять в землю. И сам не пойму, почему стреляю. Нервы не выдержали».

В атаку пехотинцы всегда поднимались с большим трудом, а нередко и под насилием с помощью личного оружия командиров и их зуботычин. Об этом мне не раз рассказывал А.З. Лебединцев. Об этом рассказывал моей маме ее отец:

«Мне приходилось видеть своих солдат не только в полной апатии, но и встречать с их стороны недовольство и решительный отпор, когда я пытался в очередной раз снова поднять их в атаку, — писал А.И. Шумилин.

— Ты чего, лейтенант? Разве не видишь? Головы поднять нельзя! Мало ли чего от тебя требуют. Пусть сами сначала попробуют сунуться вперед, а мы на них посмотрим! А то давеча старшина рассказывал, сами сидят по избам с бабами, а с нас по телефону требуют!»

А если приказ взять деревню немедленно?

А если по телефону трехэтажный мат и угрозы? Что делать комбату или ротному?

Рассказывает А.З. Лебединцев:

«12 февраля численностью 1216 человек этот полк вернулся в состав дивизии и вскоре получил задачу выдвинуться севернее Шапшугской по щели Киящине. В 10 часов 30 минут началась артиллерийская подготовка. В 10.45 1-й батальон начал наступление на высоту 179.2. Опорный пункт

немцев имел впереди окопов минное поле и проволочное заграждение в пять кольев. Наступление было приостановлено в 12.00 в 150 метрах от домика лесника. 13 февраля в 5 часов утра началась новая атака опорного пункта на высоте 179.2 с задачей любой ценой овладеть опорным пунктом, не считаясь ни с какими потерями. Саперы проделали проход в проволочном заграждении. 3-я и 9-я роты прорвались через проход. Командир 3-й роты лейтенант Доронин и командир 9-й роты старший лейтенант Корольков сблизались до 20-30 метров, но ввиду сильного огня вынуждены были отойти с большими потерями. 14 февраля с 5.00 до 10.00 батальон ведет бой за овладение высотой 179.2. Штурмовые группы, подойдя к дзотам на 20-30 метров, ведут огонь по амбразурам, из окопов противник забрасывает наших ручными гранатами. Наши роты понесли огромные потери. Командир полка принял решение вести огонь по амбразурам, чтобы обеспечить вынос убитых и раненых с поля боя. В 11.30 — повторная атака, но безуспешно. Убитых и раненых 61 человек. В числе их был и мой самый близкий друг.

Я почти не изменил стиля записей в журнале боевых действий, чтобы читатели смогли понять, насколько мы были беспощадны не только к врагу, но и к своим людям, посылая их на неминуемую смерть, так и не подавив огневых средств врага. Спросите любого пехотинца или пулеметчика, и он подтвердит вам, что на каждом участке фронта были свои “долины смерти”, где лежали груды трупов наших солдат, посланных в атаку из-за дикого страха командиров перед вышестоящим начальством».

Белорусский писатель Василь Быков до конца своих дней не мог забыть будни окопников: «Я был командиром взвода в обычном стрелковом полку. И своими глазами видел, какие страшные потери несла пехота, какой кровью доставалась каждая пядь. Бывало, днем ведем бой за село (а села на Украине большие), под вечер выбиваем оттуда немцев. Но даже короткий отдых позволить себе нельзя: нужно гнать их, пока не закрепились. Забежишь в какую-нибудь хату, возьмешь кусок хлеба из рук хозяйки да теплую еще свеклу и снова — вперед, вперед. Снова в огонь и дым. С обеих сторон бухают танковые пушки, вокруг рвутся гранаты и мины. Ну и мать-перемать — особенно по телефону, от начальства.

Так продолжается до тех пор, пока немцы остановятся на окраине очередного села. Тогда останавливаемся и мы. Но прямо в поле атаковать уже нет сил. Пулеметным огнем выкашивало в степи роту за ротой за несколько часов. Сотни убитых, сотни раненых. Бросаться спасать кого-нибудь нельзя — это дело санинструкторов. Они же доставляли раненых в тыл — тех, кто получил тяжелое ранение, легко раненные выбирались из-

под огня сами.

Покидать боевой порядок запрещалось, даже если ранило кого-нибудь из твоих друзей и ты мог бы его спасти — такая попытка расценивалась как стремление выйти из боя. Тяжело раненные истекали кровью и умирали в зарослях кукурузника. Тот, кто был ранен легко, но промедлил или не смог сразу выбраться из-под обстрела, получал второе, третье ранение, часто смертельное. Один из моих сержантов, раненный в ногу, перед отправкой в тыл попросил закурить и, пока кто-то из бойцов сворачивал ему самокрутку, получил пулю в живот. Не знаю, довезли ли его живым до санчасти. Убитых мы не хоронили, — где упал боец, там и оставался лежать. Не было у нас времени валандаться с трупами.

Старшие командиры орали: “Вперед!” Потом, после боя, убитых хоронили специальные похоронные команды”. Они собирали оружие убитых, снимали с них одежду и сапоги, рыли ямы и сбрасывали в них трупы. Закапывали... В штабе части составляли список убитых. Но это совсем не значит, что в той или иной братской могиле лежат только те, кто занесен в список. Точнее, именно те. Порой случались ошибки — боец жив, а числится в списке. И, наоборот, — в списке убитых солдата нет, а он лежит в этой могиле...

Не спали сутками. Бессонница и усталость вызывали состояние полного безразличия. Даже под огнем не хотелось окапываться или искать укрытие: убьют, и черт с ним! Только бы поскорей, чтобы не мучиться, не мерзнуть. Лютая стужа была сильнее страха.

Особенно ночью, в степи. Мороз не давал сомкнуть, глаз, пробирал до костей. Дрожишь всем телом, топаешь ногами. Даже лежа в снегу, стучишь ими, как в агонии. До сознания доходили только команды командиров вперемежку с матюками. Или обстрел с близкого расстояния. Почти в упор. Или когда мины ложились рядом. Тогда на короткое время охватывал страх. А затем опять наваливалась усталость и безразличие ко всему».

9 ноября 1941 г. Приказом НКО СССР № 347 был утвержден и введен в действие новый Боевой устав пехоты Красной Армии. Только теперь некоторые положения Боевого устава существующие с 1927-го и 1938 г. впервые назвали устаревшими и способными принести большой вред. Для этого понадобилось потерять в 1941 г. 4 млн. 473 тыс. 820 чел. (убитыми и ранеными на этапах санитарной эвакуации — 465,4 тыс. чел., умершими от ран в госпиталях — 101,5 тыс. чел., умершими от болезней, погибшими в результате происшествий — 235,3 тыс. чел., пропавшими без вести и попавшими в плен — 2 335,5 тыс.чел., ранеными, контуженными — 1 256,4

тыс. чел., заболевшими 66,1 тыс. чел., обмороженными — 13,6 тыс. чел.) и в 1942 г. 3 258,2 тыс. (безвозвратные потери) и 4 111,1 тыс. чел. (санитарные потери).

Только теперь новый Боевой устав исключал позшелонное построение в глубину боевых порядков дивизии от взвода до дивизии. В основу построения боевых порядков пехоты было положено обязательное требование максимального и одновременного участия в бою пехоты и ее огневых средств от начала до конца боя.

Только теперь для отражения внезапных ударов противника, особенно на флангах и стыках, для поддержки ведущих бой частей, а также для развития закрепления достигнутого успеха должны были создаваться резервы в зависимости от выполняемой задачи и т.д.

Только теперь требовалось сосредоточить основные силы, средства и усилия на направлении главного удара и атак меньшими силами на вспомогательном направлении.

Только теперь командиры были названы центральной фигурой боевых порядков, а, значит, командиры взводов, рот и батальонов должны были находиться за боевыми порядками своих подразделений и частей, на месте, с которого они могли бы наблюдать за ходом боя как своего подразделения, так и на флангах соседей, видеть свой боевой порядок и наблюдать за противником.

Только теперь командирам взвода, роты и батальона разрешалось выдвигаться перед боевыми порядками и лично вести за собою в бой свои подразделения лишь в исключительных случаях.

Только теперь было восстановлено для стрелкового отделения, взвода, а в некоторых случаях и для роты применение залпового огня.

Только теперь современный бой пехоты стал рассматриваться как бой соединенных родов войск, в котором большое участие должны были принимать артиллерия, огнеметы, танки и авиация, что соответственно требовало строго налаженного и непрерывного взаимодействия.

Только теперь оборона была названа нормальным видом боя в современной войне, а наиболее типичным случаем наступления — фронтальный удар с целью прорыва, организуемый из района непосредственного соприкосновения с противником.

Только теперь были введены новые понятия: артиллерийское наступление и авиационное наступление с целью непрерывной поддержки пехоты массированным огнем в течение всего периода наступлений.

Только теперь оборона должна была стать противоракетной, противопехотной, противовоздушной и глубокой, а следовательно,

упорной и активной. При этом фортификационные мероприятия войск должны были обеспечивать живучесть и устойчивость обороны.

В общих положениях устава были определены и задачи пехоты:

«— в наступательном бою умело сочетая огонь и движение, сблизиться с противником, атаковать его, захватить в плен или уничтожить в рукопашной схватке и закрепить за собой захваченную местность;

— в оборонительном бою мощным и метким огнем и решительными контратаками отразить атаки пехоты и танков противника, нанести ему тяжелые потери и удержать за собой обороняемую местность.

Стойкая оборона дело чести пехоты. Она может отходить только по приказу старшего начальника».

Но сколько еще потребовалось времени и крови, чтобы соблюдал, ближе к тексту, написанные опять-таки кровью в 1941-1942 гг. буквы Боевого устава. Чтобы наконец-то одержать победу над врагом в 1945-м!

Ведь и в 1943-м, и в 1944-м нередко пехоту по привычке гнали на убой вопреки всем новым уставам, наставлениям и приказам!

Вспоминает М. Сукнев (середина марта): «Прошу его вызвать комдива Ольховского и отменить штурм без соответствующей артподготовки. Ведь наша полковая, в одну батарею, артиллерия — это, капля в море.

Говорю:

— Товарищ подполковник, позвоните командиру дивизии. Отставьте. Вы же на убийство нас посылаете. Всех! Живым никто не вернется.

— Не могу! Приказ командарма! — резко ответил Лапшин.

Я почти молил не губить не только батальон, но и весь полк, ибо от нас видны колокольни Новгорода. Это значило — противник нас просто расстреляет на этом пойменном ледяном поле!»

И бой начался: «Грянул непрерывный взрыв, от которого у меня чуть не лопнули барабанные перепонки в ушах, а многие надолго оглохли. Немцы открыли стрельбу из 500, если не более орудий, и все снаряды осколочно-брзантные или шрапнель! Не достигая земли, они рвались над ней в 10-15 метрах, поражая все живое. (...)

Попадались убитые наши, по двое-трое, но это были трупы, это были бестелесные останки! Пустое обмундирование, без голов, пустые мешки с сапогами, даже без костей! Взрыв брзантного снаряда над головой — и человека нет, он уже «без вести пропавший». При взрыве такого снаряда температура достигает двух тысяч градусов, и человек испаряется мгновенно.

Мы наткнулись на проволочные заграждения, а наши где-то еще дальше, уже в траншее противника, вели штыковой и огневой бой.(...)

Батальоны Кальсина и Гайчени, атаковавшие в лоб, натолкнулись на каменные стены «земляного» вала и отхлынули назад, оставив на поле убитыми по одной трети батальонов, унося столько же ранеными.

Батальоны отступили на исходное положение атаки».

Спустя десятилетия комбат Сукнев прочтет справку из архива Министерства обороны, где будет сухо написано:

«15.03.1943 г. 52-я армия перешла в наступление с задачей форсировать реку Малый Волховец, уничтожить противостоящего противника и овладеть городом Новгородом.

Войска армии встретили сильное огневое сопротивление противника.

С 16 по 20 марта 1943 г. включительно все попытки перейти в наступление успеха не имели. Приказом Волховского фронта на основании распоряжения Ставки ВГК наступление войск 52-й армии было прекращено...»

Только тогда из 450 человек его батальона в строю осталось всего 15! Ведь как-то не по Боевому уставу все получилось!

Когда М.И. Сукнев вернулся в полк в октябре, то воочию увидел повторение бойни: «В первых числах октября, еще было тепло, 1-й батальон Гайчени бросили форсировать Волхов и брать высоту Мысовая, расположенную неподалеку от новгородского пригорода Кречевицы, это была не высота, а береговой мыс на западной стороне реки. На рассвете без надлежащей артподготовки, не подавив основные огневые средства противника, батальон на лодках (в которых каркасы были обтянуты брезентом) достиг середины реки и был встречен ураганным артиллерийским и пулеметным огнем немцев.

На противоположный берег высадились две трети батальона, остальные пошли на дно Волхова с лодками и пулеметами... Это был расстрел, как и при штурме Новгорода!

Семь дней бился батальон, погибая в неравной схватке. Они все-таки прорвались до шоссе Подберезье — Новгород, уже северо-западнее высоты! Но помощи не было ни от полка, ни от дивизии. Эту высоту хотели взять «на авось», что стоило полку гибели батальона, его командира Григория Гайчени и замполита Федора Кордубайло. Что думали они, погибая?

Без резервов, необходимой артподготовки им было приказано брать высоту с форсированием реки шириной 600 метров. Это — безумие!»

Один из авторитетных аналитиков германского вермахта не без иронии отмечал в своем исследовании: «Хотя русские уставы и характеризуют наступление как основной вид боевых действий, все же наиболее сильной

стороной русской армии, пожалуй, следует признать оборону. Одна из причин этого заложена в самом национальном характере русских. Способность русского солдата все перетерпеть, все вынести и умереть в своей стрелковой ячейке является важной предпосылкой для упорной и ожесточенной обороны.

Она дополняется сильной связью русского солдата с природой, что позволяет ему в обороне мастерски оборудовать свои позиции и прекрасно маскироваться.

Вторая причина — бесконечные пространства русской территории. Огромные пространства, которых не имели армии других стран, позволяли русским на протяжении всей своей военной истории искать в них решения исхода войны в свою пользу, причем противник, как писал Клаузевиц, погибал не столько от меча, сколько от своих собственных усилий».

«Характерными особенностями наступательных действий русской армии в период 1943-1945 гг. являлись массирование войск на узких участках, большой расход снарядов и мин, а также стремление вклиниться в оборонительную позицию, следуя непосредственно за разрывами снарядов своей артиллерии, — писал генерал Эйке Миддельдорф. — В конце войны русские значительно усовершенствовали методы ведения наступательных действий и поразительно быстро сделали их достоянием войск».

Но почему-то и в 1944-м разведку боем в Красной Армии называли по-прежнему «разведкой жизнью».

«Потому что перед настоящей разведкой боем надо сначала как следует обработать передний край противника артиллерией. А у нас додумались — без всякой подготовки. Те подпускают вплотную, обратно никто не возвращается. На глазах у меня убивало по роте... Все лежат белые, как гуси-лебеди, в масхалатах, никто не шевельнется», — свидетельствовал М.И. Сукнев.

А мне вспомнились слова Виктора Астафьева из его романа «Прокляты и убиты»: «Господи! — думал я, глядя на остров, на тухлые воды, покрывшие древнюю реку.- Уж не сослуживцы ли мои, не братики ли солдатики из двадцать первого полка выходят ногами из мутных вод, покрывших ранние их безвестные могилы, и напоминают о себе и о своей доле таким вот странным, лешачьим образом, спасенным от фашизма гражданам родного отечества, забывшим и себя и нас, все святое на этой земле поругавшим».

3. СОЛДАТСКАЯ ДОЛЯ, ИЛИ О ВЫТЯНУВШИХ ВСЮ ВОЙНУ

34 млн. 476,7 тыс. человек надевали шинели в течение всей войны...

21,7 млн. человек (призывавшихся или состоящих на военной службе) по различным причинам убыли за годы войны из рядов Красной Армии и Флота...

Безвозвратные потери (убиты, умерли, пропали без вести, попали в плен, не боевые потери) рядового и сержантского состава за войну составили 10 384 869 человек, или 92,02%...

Санитарные потери (ранены, контужены, обожжены, заболели, обморожены и т.д.) рядового и сержантского состава составили 16 969 837, или 92,51%...

О чем говорят эти безумно страшные цифры (тем более, если они не точные)?

Прежде всего о кровавой трагедии, развернувшейся на полях сражений Великой Отечественной войны! О неисчислимых жертвах, великом горе, миллионах слез матерей и вдов! А еще о солдатской доле, которую сотворила война своим диким безумием!

Война насильно ворвалась в каждую их жизнь, чтобы забрать ее или остаться в ней навсегда!

Солдаты Великой Отечественной войны. Сколько написано о них книг, сколько посвящено стихов и песен, сколько сказано, а все равно не все.

Тогда на фронте они были самыми беззащитными, самыми неизвестными, самыми смертными. Ведь скольких еще не нашли, не перезахоронили, не наградили. А сколько их остаются до сих пор без вести пропавшими.

«Скажу о себе, — абсолютно искренне писал о солдате Виктор Некрасов. — Я был офицером Красной Армии и до сих пор питаю к ней любовь и уважение. Более того, она для меня родная. Нет ничего ближе для меня, чем мой друг — фронтовик, чем Ванька -взводный, чем красноармеец, боец, “колышек”, как называли мы его на своем идиотском телефонном коде. Солдат! (Первое время после введения этого старорежимного термина мы относились к нему иронически, как к поганам, — “Эй, солдат, иди сюда!” — это несерьезно, шутливо.) Солдат! Как много в этом слове. И смелость, и добродушие, и хитрость, и любовь к жизни, и презрение к смерти, и желание обмануть ее, а заодно и тебя, свое

начальство, и само отношение к начальству, человеку городскому, пусть образованному, но не умеющему отличать рожь от пшеницы (я, во всяком случае), и отношение к врагу, немцу, “фрицу” — непонятному и злому, когда он в своих окопах или в кабине «мессера», и жалкому, вызывающему сострадание пленному, в обнимку со своим набитым черт знает чем сидором, сидящему у костра на берегу Волги...

Родной ты мой “березовый колышек” (в отличие от “горелого”, не в обиду ему будет сказано, не понимающего по-русски узбека или казаха). Я навеки полюбил тебя, деревенского парнишку в нелепо торчащей на голове пилотке или серой ушанке в майскую жару (во время харьковского наступления 42-го г. мы все были в ушанках, а до того в лютую зиму, в запасном батальоне, под Сталинградом, обмундирование было х/б — хлопчатобумажное — и ни признака белья), в ботинках на два номера больше и вечно разматывающихся обмотках, ленивого, всегда голодного и “не перекурить ли нам этого дела, товарищ капитан?”, а в общем-то, вытянувшего всю войну и водрузившего знамя (я знал потом обоих — и Егорова, и Кантарию — хитрые мужички) на самом Рейхстаге. Ну как тебя не полюбить, защитничка нашего, победителя?»

Русский писатель Б.Л. Васильев чудом вышел мальчишкой из окружения в октябре 1941-го под станцией Глинка. Потом в его солдатской жизни была пулеметная школа. В ней старшего сержанта Васильева оставили как отличника и назначили заместителем командира учебного взвода.

«Мне нравилась моя служба. В армию приходили взрослые мужчины из запаса, я рассказывал им о немецкой армии, о ее способах ведения боя. Я не занимался с ними строевой подготовкой, поскольку на фронте она не нужна, но без всякой пощады гонял их в двадцатикилометровые кроссы по пересеченной местности. Уж что-то, а бегать на фронте им придется немало.

А еще я рассказывал им, что нельзя хранить взрыватели в нагрудных карманах, нельзя пить перед боем — ни глотка! — если они хотят остаться в живых и что в атаке нельзя расходовать всю обойму, поскольку на перезарядку времени не будет, а с немцем в рукопашную один на один может пойти только ненормальный.

— Это понятно! — гоготали мои мужики. — Они, поди, не одной картошечкой с детства кормлены», — вспоминает Борис Львович.

Однако, несмотря на некоторое благополучие, он писал рапорты с просьбой отправить на фронт, потому что доходил на третьей норме...

Да только случай помог попасть в резерв сержантского состава

Западного фронта.

В Москве, в знаменитых Алешинских казармах свирепствовала страшная дисциплина. Нас никуда не пускали, день был расписан по минутам, построения следовали за построениями, а за нарушения — гауптвахта. И кормили еще хуже, чем в полковой школе...»

Правда, через три дня все закончилось, и старшего сержанта Васильева распределили в 8-й Гвардейский воздушно-десантный полк 3-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Слово Б.Л. Васильеву: «В восемь утра я прибыл в Монино, Спросил у патруля, как мне пройти в штаб полка, притопал по указанному адресу, объяснил дежурному, что направлен к ним в полк, и был допущен к самому исполняющему обязанности командира полка майору Царскому.

В большой захламленной и невероятно прокуренной комнате — бывшей учительской, поскольку штаб располагался в школе, — сидело и лежало десятка два людей самого растерзанного вида. Офицеры и сержанты были одинаково тяжелы с беспробудного похмелья, на столе среди объедков хлеба, колбасы, соленых огурцов и капусты валялись пустые бутылки. Я доложил по всей форме здоровенному одесскому биндюжнику в распахнутой в настежь гимнастерке со Звездой Героя, кто я, откуда и зачем прибыл.

— Пехота?

— Так точно!

Так я сам себя определил в пехоту, а посему был, с точки зрения десантного командования, обязан заниматься караулами, разводами, построениями, ночными поверками часовых — словом, всей пехотной суебой. Мне это было привычно, караульную службу я знал, а об уставах и говорить не приходится. Впрочем, о них никто не вспоминал. Полк только приступал к формировке на основе чудом выживших из боевого сбора десантников, которым пока еще было не до того, чтобы заниматься поступившим пополнением. Они еще переживали чудо собственного спасения, горячку скоротечных боев и гибель товарищей. Я их понимал, выполнял всю повседневную руганную текучку строевой жизни, но как же я им завидовал! И так мечтал попасть в их окружение на любые роли. Даже на роль «выпить подано». Льготы были почти безгрешными: я просто хотел послушать их рассказы, еще не понимая, что десантники, побывавшие в боевых сбросах, больше всего на свете не любят рассказов о том, что с ними случалось по ту сторону фронта».

Вскоре Борису Львовичу выдали очень хороший ватный комбинезон, стали прибывать кандидаты в десантники, и полк приступил наконец-то к

«ежедневной и весьма жесткой программе подготовки завтрашней воздушной пехоты». Начались прыжки.

Далее Бориса Львович вспоминает: «Мы совершили по шесть прыжков, в том числе четыре с полным снаряжением и два -ночных. (...) Все шло удачно. Я удачно приземлился, удачно гасил парашют, удачно скатывал его и волок к месту сбора. И так шло до первой половины марта.

16 марта 1943 г. наш взвод поднялся по тревоге, когда было еще темно. В оружейной комнате выдали снаряжение из запечатанных отсеков, и мы поняли, что сброс будет боевым. Это знали и бывалые оружейники. Помогая каждому подогнать одежду и оружие, они после обязательного приказа “попрыгать” молча клали руку на плечо.

Мы грузились в уже прогретые и готовые к старту “дугласы” в сером предрассветном полумраке. В первый — командир с полувзводом, во второй — я со своими восемнадцатью бойцами. И не успели как следует рассестись на узких боковых скамьях, как самолеты пошли на взлет.

В “дугласах” было тесно и холодно. Кажется, мы молчали, не помню. Помню, что я только собрался заговорить, покопавшись в памяти и подобрав что-то смешное, как зажглась лампочка над кабиной пилотов, а возле дверей появились рослые фигуры выбрасывающих. (...)

Внизу дул резкий ветер, и я, упав на бок, сразу же отстегнул парашют, чтоб меня не уволокло. Тут же вскочил на ноги и оглянулся.

До сих пор мне снится эта точка моего первого боевого приземления. Низменный заледенелый берег какой-то речки, на котором дугами торчали еще не втаявшие веришнками лозы, и я крикнул ребятам, чтобы смотрели под ноги. Чуть левее горел то ли город, то ли большое село, откуда доносилась редкая стрельба орудий.

Никого из моих подчиненных никуда не отнесло, и, хотя солнце еще не показалось, ледяная поверхность отсвечивала достаточно, чтобы всех пересчитать и не прибегать к свистку. А когда они собрались, трижды коротко свистнул командир: “Все ко мне!”

Но я уже знал, как нам бежать. Противоположный берег был обрывист, и под этим обрывом я и решил провести своих бойцов к командиру.

Сказал:

— За мной. Тихо и не отставать.

Это было последнее, что я тогда сказал. Я бежал впереди под обрывом и только завернул за поворот, как перед глазами сверкнула яркая вспышка.

И больше я ничего не помню. Ничего...»

Бориса Львовича тяжело оглушило. Он оглох, ничего не видел и не мог ходить. Его голова все время болела. В себя он пришел в Костромском

эвакогоспитале...

Знаменитый диктор Центрального телевидения Виктор Иванович Балашов на фронт ушел в конце лета 1941-го. Совсем недавно он закончил десять классов. А чтобы никого не смущали его неполные 17, прибавил себе три года.

Прямо из Москвы он попал под Брянск на войну.

Виктор Иванович вспоминает: «Мы захватили вражеский окоп. Я бегу, а на пути мертвый немец лежит. Совсем юный: огромный, светловолосый. Помню, я ему на живот наступил. Потому как перепрыгнуть было невозможно. Мчусь, и мысль мелькнула: вот ведь парень, как я. Погиб во цвете лет. За что? Вдруг прямо над пилоткой пуля просвистела и вошла в подушку, лежавшую на бруствере. Так мне повезло в первый раз.

Я вернулся с ночного задания, пришел в сарай, где мы жили, стал раздеваться, скинул шинель и вдруг обнаружил, что левый рукав гимнастерки прострелен. А меня пуля даже не задела. Так я остался жить во второй раз.

У села Поныри нас бросили в атаку. Мы шли во весь рост. Но прорыв наш был жестоко подавлен немцами. Обстрел фашисты вели очень плотный, идти вперед невозможно. Тут мой товарищ, сержант-узбек, говорит: “Прыгай в воронку”. Потому что есть за: кон: снаряд в одну воронку дважды не попадает. Нырнули мы в яму; лежим — друг от друга в полуметре. И вдруг что-то между нами как шлепнет и зажужжало в песке. Поворачиваем головы, а это крутится огромный осколок от снаряда».

Так солдат Балашов ушел от смерти в третий раз.

Чемпион Москвы по самбо он воевал в разведке почти три года. Два ордена Красной Звезды — серьезные награды для солдата! Именно их и заслужил Виктор Иванович на фронте. И все же первое легкое ранение он получил. В ногу. Второе оказалось гораздо тяжелее. И тоже в ногу.

«Это случилось под Орлом, за пять дней до начала битвы на Курской дуге. Разведгруппа Балашова отправилась на задание за линию фронта. Ночь. Подползли к колючей проволоке, аккуратно ее разрезали... Вдруг сработала сигнализация. Тут же немцы засветили ночное небо сигнальными ракетами. А у разведчиков инструкция: если засекут — в бой не вступать, а возвращаться на свои позиции. Поползли — немцы открыли стрельбу, ранило всех пятерых. Лежат наши солдатики окровавленные в чистом поле. С одной стороны за ними фрицы ползут, а с другой — наши санитарочки.

Девочки первыми успели, положили ребят на салазки — к своим».

Осколок попал в бедро. Сначала была сложная операция в полевом госпитале. Затем отправка в тыл на санитарном самолете «По-2». Затем санитарный поезд. Эвакуация в Рязань, в Свердловск, в Красноярск. И в каждом городе — операция. А в конце 1944 г. война для Балашова закончилась.

Для величайшего актера Иннокентия Михайловича Смоктуновского путь на войну начался в январе 1943 г. Сначала было военное училище. Но там, за то, что курсант Смоктуновский собирал оставшуюся картошку, его отправили на фронт.

Потом он воевал на Курской дуге, участвовал в форсировании Днепра и освобождении Киева.

«Не верьте, что на войне не страшно, это страшно всегда. А храбрость состоит в том, что тебе страшно, а ты должен преодолеть животный ужас и идти вперед, и ты это делаешь», — говорил Иннокентий Михайлович.

В первых числах декабря 1943 г. в бою под Житомиром Смоктуновский, находясь в окружении, был захвачен в плен.

Но нечеловеческие условия не смогли сломать Иннокентия Михайловича: «Был и другой выход — желающим предлагали службу в РОА... Но меня он не устроил...»

Однажды колонну советских военнопленных гнали в Германию. Смоктуновскому стало плохо с желудком. «И когда он уже был не в силах терпеть, ему и еще одному пленному разрешили по нужде выйти из строя. Смоктуновский до конца жизни с благодарностью вспоминал этого солдата, который жестом показал ему оставаться под мостом, а сам взял и скатился на спине по снегу, смазав их следы. Так отсутствия Смоктуновского никто и не заметил. А он чуть ли не сутки просидел в сугробе, а потом пробрался в близлежащую деревеньку», — рассказывает о своем друге Римма Маркова.

Несколько недель Иннокентий Михайлович скитался по лесам, скрываясь от немцев. «То и дело впадая в полузабытье от голода, он пробирался через чащи, пока наконец не выбрался к деревушке Дмитровка. Здесь его умирающего от истощения подобрала старушка-украинка». «У Шевчуков Смоктуновский прожил около месяца, а в феврале 1944-го случай помог ему добраться к партизанам. Несколько месяцев он воевал в партизанском отряде им. Ленина Каменец-Подольского соединения. В мае 1944-го произошло соединение партизанского отряда с регулярными частями Красной Армии».

Закончил войну старший сержант Смоктуновский в Германии с

медалью «За отвагу». А вторая медаль «За отвагу» нашла его почти через 50 лет (с 1943 г.) на мхатовском спектакле «Кабала святош».

Весной 1941 г. Юрий Владимирович Никулин начал готовиться к демобилизации. Подходила к концу срочная служба в Красной Армии. Ему было двадцать. Но все изменила начавшаяся война.

Уже в первые дни его зенитная батарея открыла огонь по самолетам противника, которые прорывались к Ленинграду.

Воевал Юрий Владимирович до весны 1943 г. Затем дважды находился на излечении в госпитале — с воспалением легких и после контузии. После излечения был направлен в 72-й отдельный зенитный артиллерийский Пушкинский дивизион резерва Главного командования, что базировался под Колпином. Старший сержант Никулин исполнял должность помощника командира взвода.

«Не могу сказать, что я отношусь к храбрым людям, — вспоминал актер. — Нет, мне бывало страшно. Все дело в том, что как тот страх проявляется. С одними случались истерики — они плакали, кричали, убегали. Другие переносили внешне спокойно...

Но первого убитого при мне человека невозможно забыть. Мы сидели на огневой позиции и ели из котелков. Вдруг рядом с нашим оружием разорвался снаряд, и заряжающему осколком оторвало голову. Сидит человек с ложкой в руках, пар идет из котелка, а верхняя часть головы срезана, как бритвой начисто...»

Победу Юрий Никулин встретил в Прибалтике. А 18 июля 1945 г. Приказом по артиллерии Ленинградского фронта № 081/Н его наградят самой уважаемой в солдатской среде медалью — «За отвагу».

Любимейший советский актер Анатолий Дмитриевич Папанов на фронт ушел в 1941-м.

«Разве можно забыть, как после двух с половиной часов боя из сорока двух человек осталось тринадцать?», — не раз вспоминал он спустя годы.

В начале 1942 г. Папанова тяжело ранило в ногу на Юго-Западном фронте. Почти полгода он лечился в госпитале, и был комиссован по инвалидности осенью же 1942-го.

Для инвалида третьей группы война закончилась рано. Но всю оставшуюся жизнь она напоминала Анатолию Ивановичу этим ранением: косточки на ступне периодически отторгались организмом.

«Немец мне полпятки срезал», — как всегда с долей иронии говорил Папанов о своем серьезном ранении.

7 июля 1941 г. Михаил Иванович Пуговкин ушел на фронт, прибавив себе всего один год.

«Нас, ополченцев, в срочном порядке посадили на 90 автобусов и повезли в сторону Смоленска, — рассказывает Михаил Иванович журналисту Д. Мельману. — Оружия не выдали. Даже в военное обмундирование не успели переодеть: ехали в майках и белых тапочках, которые чистили зубным порошком... По дороге мы попали под обстрел немецких бомбардировщиков, и из всей нашей колонны уцелело всего 3-4 автобуса, не больше. Мне повезло: со своим товарищем, художником Борисом Бариновым, мы выжили в этом кромешном аду.

Попали в Ельню, которая семь раз переходила от русских к немцам и наоборот. Вот там, на Смоленском фронте, я и увидел, как предавали нас, солдат, советские генералы. Начиная с Власова. Они бросали командные пункты, стреляли друг в друга... Творилось Бог знает что».

Под Ворошиловградом в 1942 г. Михаил Иванович был тяжело ранен в ногу. Уже в госпитале началась гангрена, и Пуговкина стали готовить к ампутации. Три сложнейших операции полевого хирурга и всего лишь шрам через всю ногу на всю оставшуюся жизнь.

Затем несколько месяцев в эвакогоспиталях Грозного, Тбилиси, где рана зарастала вполне естественным путем. Но дальше, еще страшнее: «Когда немецкие войска подходили к Кавказу, мне, как и другим раненым, выдали документы и отпустили домой на амбулаторное лечение. Но добирался до Москвы я целый месяц. На пароход “Ворошилов”, плывущий через Каспийское море, в первую очередь сажали летчиков, а мы, триста человек раненых, ждали своей очереди погрузки. И тут я собственными глазами увидел, как офицеры, вместо своих жен и детей, грузили на борт большие сундуки, баулы и картины. Естественно, все взбунтовались — стали самовольно, не дожидаясь очереди, штурмовать пароход. Не разбирали никого: свой, чужой... В ход уже пошли ножи, пистолеты и даже гранаты. Каким образом я оказался на пароходе — до сих пор страшно вспоминать. Ведь столько тогда человек погибли в этой чудовищной давке...»

Однако зацепило и Михаила Ивановича. Осколок гранаты, брошенный кем-то из толпы, попал ему в щеку.

«Лицо сильно распухло, один глаз не отрывался, и даже медсестры эшелона, направляющегося в Москву, шарахались при виде искалеченного солдата».

В июле 1942 г. М.И. Пуговкина уволили в запас по болезни. Казалось

бы, стрелок, а затем разведчик войсковой разведки 1147 стрелкового полка войну отвоевал.

В 1943 г. с палочкой Михаил Иванович пришел в Московский Драматический театр, где ему дали главную роль в спектакле «Москвичка». Но в августе 1944 г. его снова мобилизовали в армию и направили для учебы в Горьковское танковое училище. Там и застала Пуговкина Победа!

Известный в России и за рубежом русский писатель и философ Александр Александрович Зиновьев войну застал во время прохождения срочной службы сержантом танкового полка. В своей, на мой взгляд, выдающейся книге «Русская судьба, исповедь отщепенца» он пишет: «Наше бегство перешло в отступление с боями — приходилось как-то обороняться. Ожидалась атака немецких автоматчиков. Наше сильно поредевшее подразделение было не способно долго обороняться. Было приказано отступать, оставив прикрытие.

Несколько человек вызвались добровольцами, я — в их числе. Мы, оставшиеся прикрывать отступление части, приготовились сражаться до последнего патрона и достойно умереть. Это не слова, а вполне искреннее решение. Я заметил, что активная готовность умереть снижает страх смерти и даже совсем заглушает его. Мне не было страшно умереть, будучи беззащитным и не имея возможности наносить удар врагу. Это мое состояние идти навстречу смерти было лишь продолжением и развитием моего детского стремления преодолевать страх, идя навстречу источнику страха. Скоро показались немцы. Мы начали стрелять. И они открыли стрельбу. Мне не раз приходилось читать описания психологического состояния людей в первых боях. Может быть, в этих описаниях была доля истины. Но со мной, так же как и с моими товарищами, ничего подобного не было. Мы начали стрелять так, как будто были старыми солдатами, привыкшими убивать. И дело было не только в том, что враги были на расстоянии, мы не видели их лиц и не знали, в кого именно мы попадем. Потом мне пришлось участвовать в уничтожении группы немецких автоматчиков, оторвавшихся от своей части. Два немца залегли около будки высокого напряжения. Я и еще один солдат встали во весь рост и пошли на них с винтовками. Они не стреляли, может быть, растерялись от неожиданности. Мы прикололи их штыками. Произошло это так быстро, что мы просто не имели времени испытать все те психологические перемены, которые так подробно и вроде бы со знанием дела описывали писатели.

В этой операции я был ранен в плечо. Ранение оказалось не опасным.

Но плечо распухло.

Я долго не мог двигать рукой. Ни о каком госпитале и думать было нечего. Некому было даже перевязать плечо. Я был горд тем, что был по-настоящему ранен. И был рад, что уцелел. (...) После сдачи Орши мы отступали в направлении к Москве. Я тогда установил для себя, что война — это пять процентов сражения и на девяносто пять процентов — всякого рода передвижения и работы. А из пяти процентов сражений противника в лицо видит лишь ничтожная часть воюющих. Большинство солдат погибали, ни разу не увидев врага, а многие — даже не сделали ни одного выстрела. (...) Конечно, война не была развлечением. Были все те ужасы, о которых писали бесчисленные авторы и которые показывались в бесчисленных фильмах. Я их видел и переживал так же, как и другие. Кое-что досталось и мне самому. Я не могу добавить к тому, что уже сказано на эту тему, ничего нового. Кроме того, мое сознание всегда было ориентировано так, что все очевидные ужасы проходили мимо меня стороной. Я видел в происходящем то, на что не обращали внимания другие, а именно нелепость, уродливость и вместе с тем чудовищную заурядность происходящего».

Народный артист России Георгий Александрович Юматов в 1941 г. поступил в Московскую объединенную школу ВМФ. Ему было пятнадцать. Со школьных лет москвич Юматов мечтал стать моряком, достаточно серьезно занимался спортом. И вот он в школе юнг, где сотни мальчишек с великим удовольствием постигали азы армейской службы в напряженной учебе, учебных вахтах, нарядах и караулах.

Среди морских специальностей Георгий Александрович выбрал специальность сигнальщика. И не только потому, что курс обучения там был короче.

«Я пошел в сигнальщики не случайно, — рассказывал он своему однокашнику, — мне казалось, что их работа на корабле — одна из самых важных. Сигнальщик — глаза и уши командира, и даже когда от пуль и снарядов не было спасения, стоял на мостике, ты должен видеть все на море и на суше...»

Георгий Александрович буквально рвался на фронт. Куда попал уже в 1942 г. шестнадцатилетним юнгой. Был рулевым-сигнальщиком на бронекатерах Азовской, а затем и Дунайской флотилий. Участвовал в Малоземельном, Евпаторийском десантах, в штурме Измаила, во взятии Будапешта, Бухареста и Вены.

Неоднократно раненый и контуженный, он был точно заговоренный. В

одном бою их корабельная собака, испугавшись обстрела, прыгнула за борт. Георгий бросился за ней. В это время его торпедный катер разнесло снарядами в щепки. И он остался жив.

Была в военной биографии великого артиста-самородка и рукопашная за Венский мост, где погибли более 2000 моряков-десантников. При этом Георгий Александрович ни разу не сошел на берег, не побывал в госпитале, предпочитая лечиться на кораблях.

Медаль «Ушакова», которой он был награжден 25 ноября 1944 г. Приказом по Керченской бригаде кораблей за № 05, стала самой значимой для него наградой из всех заслуженных на фронте.

Демобилизовавшись в июле 1945 г. матрос Юматов совершенно при фантастических обстоятельствах стал актером. И в 1949 г. служил в Государственном театре киноактера.

Булат Шалвович Окуджава ушел на фронт семнадцатилетним добровольцем в апреле 1942 г. В Кахетии, где базировался 10-й отдельный запасной минометный дивизион, таких как он мальчишек, встретили неприветливо. Они ходили в своем домашнем, не принимали присягу, потому что не было обмундирования. «А потом нам выдали шапки альпийских стрелков, и мы, обносившиеся, босиком, в этих альпийских широкополых шляпах, запевая и ударяя босыми ногами в грязь, ходили строем, — рассказывал Булат Шалвович. — Однажды нас вдруг подняли. Повезли в баню и после помывки выдали новую форму. Привезли нас, чистеньких, в Дом офицеров в Тбилиси».

Правда, после многочасового митинга и художественной самодеятельности Окуджаву и его товарищей отправили не на фронт, а под Тбилиси. Он вспоминал: «Там мы изучали искусство пользования ручной гранатой. Раздали гранаты и предупредили, что если сунуть неудачно капсулу внутрь, то тут же взрыв, и все. Гранаты заставляли на пояс прицепить, капсулы отдельно, и с этим добром велели лечь спать. Мы ложились медленно, стараясь не дышать. Ночь была страшная. Полный ужас. Утром смотрим: стоят новенькие американские “студебеккеры”, наши минометы прицеплены к ним. По машинам! Скорее, скорее. Эшелоны стоят. Погрузка. Начинаем грузить каждый свой миномет». А дальше фронтовые скитания: «Это была отдельная минометная батарея, которая придавалась разным частям. Вот мы едем-едем, нас должны придать такому-то полку. Приезжаем, оказывается там уже батарея есть. Потом несколько дней ждем, потом нас отправляют в другое место. Опять эшелон, опять придают какому-то полку. Придали, оказывается у нас нет

довольствия. Все жрут, а нам есть нечего. Что делать? И командир нам как-то говорит, что надо самим еду доставать. Мы по парам разделились и пошли по разным кубанским селам просить милостыню. Кто что давал, все в общий мешок приносили. В казарме все это раскладывали на одинаковые кучки. Потом один отворачивался: “Кому?” — “Тому”. Так раздавали. И командиры питались, и мы.

Потом попали на фронт. Где меня ранило весьма прозаически. Из крупнокалиберного пулемета, с самолета. “Рама” летала и постреливала. Случайно какая-то пуля раздробила кость и застряла в бедре. Я долго ее потом носил на веревочке...»

В общем, толком повоевать у Булата Шалвовича не получилось. «Месяца полтора, — рассказывал он Юрию Росту. — Я вообще в чистом виде на фронте очень мало воевал. В основном скитался из части в часть. А потом — запасной полк, там мариновали. Но запасной полк — это просто лагерь. Кормили бурдой какой-то. Заставляли работать. Жутко было. Там уже содержались бывшие фронтовики, которые были доставлены с фронта. Они ненавидели это все.

Осенью 43-го г. — опять баня, опять новая одежда. Эшелон. И повезли. Слух пошел, что под Новороссийск нас везут. По пути шел грабеж полей, к тому же к поезду выходили крестьяне. Со жратвой. (...)

Мы им американские ботинки рыжие, они взамен тоже ботинки, но разбитые, и еще в придачу кусок хлеба и сала кусок. Полому мы приехали к месту назначения грязные, рваные, похожие на обезьян, спившиеся. И командиры, и солдаты. И нас велели отправить в Батуми, в какую-то воинскую часть, приводить в чувство. Там казармы, на полу солома, прямо на соломе мы спали. Ничего не делали. Я запомнил только то, что повели нас на экскурсию: почему-то дачу Берия посмотреть». А дальше: «Погрузили на баржу и повезли под Новороссийск. У нас почему-то много вина всякого: пьем и плывем, пьем и плывем. Потом стали слышать уже выстрелы. Потом долго стояли, нас не выпускали. Однажды ранним утром нас построили на палубе. Пришел какой-то фронтовой начальник. Он посмотрел на нас и ушел. Мы еще день простояли, и нас отправили обратно.

Меня вновь отправили в запасной полк, где я опять мучился, пока не пришли вербовщики. Выбирать. Я уже на фронте побывал, я уже землянки порыл, я уже наелся всем этим. Я стараюсь сачковать, куда-нибудь полегче. Никакого романтизма. Пожрать, поспать и ничего не делать — это главное. Один офицер набирает в артиллерию большой мощности, Резерв Главного командования. Стоит где-то в Закавказье, в горах. Не воевала с первого дня.

И не предполагается, что будет воевать. Подумал: что там-то может быть трудного? Снаряды подносить — эта работа мне не страшна. А что еще? Думаю: такая лафа. И я завербовался».

Однако в Степанакерте Окуджаву перевербовали в пехотное училище.

«Я посчитал: через полгода буду младшим лейтенантом, хромовые сапожки... Там никто ничего не спрашивал, а у меня к тому же высокое девятиклассное образование. Зачислили меня, и началась муштра невыносимая. Такая муштра началась, что не дай Бог. Полгода ждать — умру. Я человек нетерпеливый..

Через три месяца Булат Шалвович обратился к замполиту и доложил о том, что его отец — враг народа. А на следующий день получил назначение в артиллерийскую часть. При установке гаубицы у Окуджавы открылась рана. Отправили в госпиталь. Затем отпуск по ранению на три месяца и демобилизация.

Он так и останется в истории отечественного кино самым смешным персонажем фильма «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» — Федей. Заслуженный артист РСФСР Алексей Макарович Смирнов был призван в ряды Красной Армии 25 февраля 1940 г. ненадолго, но прослужил в ней до 27 мая 1946-го. Всю его жизнь, как и многих других, изменила война. В двадцать один год он встретил ее в артиллерии рядовым.

Первую свою боевую награду — медаль «За отвагу» Алексей Макарович заслужил 22 июля 1943 г. Приказом по 169 минометному полку за № 8.

Вторую — орден Красной Звезды заслужил 28 апреля 1944 г. Приказом по 3-й артиллерийской дивизии прорыва РГК за №015/Н.

Третью — медаль «За боевые заслуги» — 16 июня 1944 г. Приказом по 3-й артиллерийской дивизии прорыва за № 019/Н.

Следующими боевыми наградами всенародного любимца стали два ордена Славы.

Орденом III степени он был награжден Приказом по 3-й артиллерийской Житомирской дивизии за № 026/Н от 15 сентября 1944 года. В наградном листе на А.М. Смирнова написано: «20 июля 1944 г. в районе высоты 293 противник силою до 40 гитлеровцев атаковал батарею. Товарищ Смирнов, воодушевляя бойцов, бросился в бой и отбил нападение немцев. Сам лично взял в плен 7 гитлеровцев. 27 июля в районе деревни Журавка, выходя из окружения, взял в плен 5 гитлеровцев. Товарищ Смирнов А.М. достоин правительственной награды — ордена Славы III степени. Командир 169 минометного полка Сальцын».

Орденом III степени Смирнова наградили Приказом по войскам 5-й Гвардейской армии за № 035/Н от 27 апреля 1945 г. за то что: «17.01.45 г. в д. Посташевице группа немецких автоматчиков с засады обстреляла автомашины батареи и закрыла путь вперед. Тов. Смирнов с тремя красноармейцами, бросился на немцев и лично из автомата убил 3 гитлеровцев и 2 взял в плен. Батарея получила возможность двигаться вперед.

22.01.45 г., несмотря на интенсивный ружейно-пулеметный и артиллерийско-минометный обстрел противника, с расчетом на себе переправили миномет на левый берег реки Одер, вместе с 36-м Гвардейским стрелковым полком, откуда огнем из миномета уничтожил 2 пулеметных точки в д. Эйхенрид и до 20 гитлеровцев.

36-й Гвардейский стрелковый полк овладел д. Эйхенрид — плацдарм на левом берегу реки Одер.

Тов. Смирнов А.М. достоин правительственной награды ордена Славы II степени...»

Старшина Смирнов был командиром миномета 169-го минометного полка.

Войну закончил командиром огневого взвода — младшим лейтенантом.

После демобилизации скромный человек, совершенно никогда не бравирующий своими боевыми наградами, вернулся в Ленинград в Театр музыки, где работал артистом...

Филипп Тимофеевич Петров в отличие от своих предшественников солдат никому неизвестный. Тем не менее его фронтовая биография по-своему уникальна. С 1938 г. до войны он проходил срочную службу на Камчатке в составе 60-го морского погранотряда. Не успел демобилизоваться, как через месяц снова повестка. Но уже на войну. С Барнаула в составе вновь сформированной 42-й краснознаменной бригады, разведчиком, попал под Москву. Филипп Тимофеевич рассказывает: «Зиму 1941-1942 гг. мы ни разу не были в помещении! Строили шалашики, грелись у костров. Действующая армия получала на человека в день по сто граммов сухарей. Помню, нам так плохо стало однажды, что мы лошадь подстрелили и наелись конины без соли. Потом у всех животы поскрутило, не до войны стало...»

Много раз Петров ходил в составе разведгруппы на задание: «Однажды летом пошли в разведку в нейтральную зону. Смотрим, немцы проверяют передний край, а один дурак по нужде поплелся в нашу сторону.

Сел в кусты, а мы его тут же и посадили на пятую точку. Фельдфебелем оказался. Видели бы вы его глаза!

На войне чего только не бывает: то мы их, то они нас. Был случай, когда нас обнаружили: моего товарища ранили, а я рукавицы потерял. Помню жалко было рукавицы и странно: как-то мы тогда особо не задумывались, что можно было на войне жизнь потерять так же легко, как варешки.(...) На какое-то время мы забывали, что была у нас когда-то мирная жизнь, что теперь война и через секунду человек, с которым ты только что разговаривал, погибнет. Не верилось до самого конца, не хотелось в это верить. А когда всерьез о том задумывались — мурашки бегали по коже.

Помню, как в начале войны немцы «подшучивали» над нами — сбрасывали пустые дырявые бочки с самолетов, которые летели с гулом и этим шумом всех пугали. Нам казалось, что летит на нас что-то очень страшное. Издевались, сволочи: русские летчики в ту пору только тоску на нас навевали. Фрицы называли их «рус-фанер». Даже немецкие транспортные самолеты летали низко и глушили наших ребят гранатами. Смотрим в бинокль, а они улыбаются».

За защиту Сталинграда Филипп Петров был удостоен ордена Красной Звезды. Там же, под городом на Волге, его тяжело контузило: «Три месяца пришлось проваляться на больничной койке. Глухонемым. Не могу без слез это вспоминать. Я, наверное, столько в детстве не плакал. Думаю: неужели таким чуркой навсегда останусь?.. Но как-то пришла уборщица и бросила на пол дрова — в этот самый момент у меня что-то треснуло в ухе. Подзываю ее, бормочу невнятно. Она меня все никак не поймет, и я ее тоже. Постепенно слух вернулся, а позже разговаривать научился. После контузии меня хотели комиссовать, но я отказался — решил остаться в оздоровительном батальоне, откуда снова был направлен на передовую. Не мог я по-другому: надо было отомстить за двух моих погибших братьев, и я мстил как мог. Я вам скажу, считались мы с ними за всех погибших ребят. Пусть в холоде, в голоде, но — до Победы...»

Как говорит Филипп Петров, «пузо набили впервые вдоволь только в Болгарии». А «совсем уж досыта мы наелись в Румынии, а в Венгрии и кухня совсем стала не нужна. И чем ближе к Берлину — тем сытнее». Война для него закончилась в Австрии.

«Война — она всегда теперь мне вспоминается», — грустно говорит ветеран.

Старший брат моего деда (отца мамы), Пылов Василий Васильевич, на

фронт ушел 8 августа 1941 г. Ему исполнился 41 год, когда вместе с другими мобилизованными он попал в район станции Кубинка на формирование 46-й танковой бригады. К слову, предшественницей этой бригады была 46-я танковая дивизия, начавшая боевые действия в районе г. Двинск 25 июня 1941 г. Именно на базе этого соединения, понесшего большие потери, особенно в личном составе, и было принято решение сформировать танковую бригаду согласно директивы № 106850 Военного совета Московского военного округа от 4 сентября 1941 г.

Василия Васильевича распределили в моторизованно-стрелковый пулеметный батальон (мспб) танковой бригады. Обмундировали, накормили, на скорую руку обучили и выдали 10 рублей. А в ночь с 22 на 23 сентября в 24.00 бригада в составе 6 эшелонов выехала на фронт в район действий 7-й отдельной армии.

Три дня бригада находилась в пути, к 26 сентября сосредоточившись в районе Барково — ст. Оять Ленинградской области. И уже 27 сентября в 15 часов двумя колоннами выступила в район боевых действий, выполнив учебные стрельбы из всех видов оружия.

30 сентября 1-й танковый батальон бригады во взаимодействии с частями 21-й стрелковой дивизии вступил в бой в двух направлениях: одна группа танков в направлении Свирстроя, а другая — в направлении Озерки.

8 октября бригада, находящаяся в резерве южной группы 7А в районе Нееловщина, получает указание вести разведку в направлении Бардовская, пос.Свирстрой-3 и Лодейное поле.

9 октября два взвода мспб направляются для ведения разведки в район Вонозеро, ст. Бардовская, где одним из разведчиков был убит финн, находящийся в секрете. В штаб бригады были доставлены оружие белофинна — русская 3-линейная винтовка выпуска 1939 г., портсигар и письмо.

12 октября бригада перебрасывается в район Великий Двор, Прокопьевска, Самойловская, озеро Нексевское, а 21 октября занимает сильно укрепленные узлы сопротивления Заяцкая и Антоновская.

25 октября ее перебрасывают в район Сюръя — Комбаковов где она снова ведет боевые действия.

Тем временем, противник сосредоточив на Тихвинском направлении около пяти дивизий, из них две танковые, 7 ноября занял Тихвин.

Словно «пожарная команда» 46-я бригада перебрасывается в район Тихвина и 10 ноября, сосредоточившись в районе Сарожа, войдя в подчинение командующего группой войск 4-й армии, снова вступает в бой.

Буквально на следующий день она выбивает противника из важных

населенных пунктов Кайвакса и хутора Вехтуй.

12 ноября командующий группой 4-й армии решил наносить главный удар в направлении ручей Пякшин — совхоз Смычка, а вспомогательный в направлении Маклаково — Березовик.

46-я танковая бригада получила приказ сосредоточиться в районе Бродище, Плавун, Вехтуй.

В ночь с 12 на 13 ноября она перешла в этот район, где продолжала вести бой.

13 ноября 46-й танковый полк в составе трех Т-34 и шести Т-26, совместно с моторизованно-стрелковым пулеметным батальоном к 8.00 перешел в атаку в направлении отм. 47,0, свх. (совхоз) «Смычка». Сбив боевое охранение противника на рубеже 47,0, он овладел группой безымянных высот и вышел 100-150 метров восточнее дороги Березовик — Тихвин.

Взрывом мины были повреждены два Т-34. Один Т-26 был подбит. Два других Т-34 начали эвакуацию поврежденных танков, но один из них подрвался на mine, и эвакуацию продолжал один Т-34, прикрываясь огнем поврежденных танков.

В ходе боя танковым полком было уничтожено 2 противотанковых орудия, до 35 солдат и офицеров, подавлены 2 пулеметные точки и подбит один танк.

Батальон стрелков и пулеметчиков в ходе боя вышел 100 метров севернее — восточнее дороги Березовик — Тихвин, уничтожив до 70 солдат и офицеров противника и одну автомашину.

Наши потери составили: убитыми 10 и ранеными 31 человек.

14 ноября части батальона вели бой с противником, укрепившимся в районе свх. «Смычка». Противник предпринимал три атаки, но все они были отбиты с большими для него потерями.

Доходило до того, что он высылал группы автоматчиков в тыл батальона, пытаясь создать видимость окружения. Однако немцев выбили быстро.

Новая атака отряда танков подполковника Василенко и 46-й мспб на свх. «Смычка» была предпринята в 18.00.

К сожалению, из-за сильного минометного и ружейно-пулеметного огня противника она не увенчалась успехом. Батальон потерял 18 ранеными и 8 убитыми. Среди последних был Пылов Василий Васильевич, старший брат моего деда.

На следующий день в 7.00 на совхоз «Смычка» была предпринята вторая атака, которая также осталась безуспешной.

В ходе нее погибли командир батальона и начальник штаба. Затем бригаду вывели в тыл.

Только за 5 дней боев батальон потерял убитыми и ранеными 234 человека.

Всего же из 620 бойцов и командиров на 15 ноября 1941 г. в строю осталось 155 человек.

Родной брат матери моего отца (единственный сын в семье) Смыслов Сергей Иванович ушел на войну 19 декабря 1941 г. Как и положено, по призыву в восемнадцать лет. 28 февраля 1942 г. он прибыл для прохождения службы в 13-й Гвардейский артиллерийский полк 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии из 186-го армейского запасного стрелкового полка. С этого же дня его зачислили в списки полка на все виды довольствия и определили во 2-ю батарею 2-го дивизиона артполка — разведчиком. С момента подписания этого приказа (№ 42 от 5 марта 1942 года) фронтовая жизнь Сергея уместилась всего лишь в одном архивном деле (приказы по полку), что хранится в архиве Министерства обороны.

1 июня 1942 г. его выбрали в красноармейский товарищеский суд своей батареи.

5 июня 1941 г. 2му присвоили звание «еф«ейтор», как «проявившему мужество и отвагу на фронте борьбы с германским фашизмом, высоко дисциплинированному, отлично выполняющему задания командования».

20 сентября 1942 г. следующее звание — «младший сержант», как «отлично выполняющему задания командования на фронте борьбы с германским фашизмом, высокодисциплинированному».

В ходе проверки штабом полка 14-15 ноября 1942 г. знаний отделений разведок батарей и дивизионов по артиллерийско-стрелковой подготовке Сергей получил твердую «тройку». Это притом, что из семи проверяемых во второй батарее «четверку» получили два человека, «тройку» — два человека и «двойку» — также двое. А один красноармеец не проверялся.

В приказе по 35-му Гвардейскому артполку (в прошлом 13-й) от 18 ноября 1942 г. говорилось:

«Проверка установила безответственное отношение командиров батарей и дивизионов к вопросу боевой подготовки разведчиков.

Подготовка исходных данных для стрельбы производится крайне медленно и не всеми. Правила ведения пристрелки одним орудием большинство разведчиков не знает.

Подавляющая часть разведчиков слабо или вовсе не владеет Ш.у .и

К.у.^[2]

Вышеуказанные недочеты имеют место в силу того, что командиры батарей и дивизионов отдали подготовку разведчиков на откуп командирам отделений, а последние сами, за исключением командира отделения разведки 1-й батареи гв. ст. сержанта Горского, слабо подготовлены.

Приказываю: подготовкой разведчиков заниматься лично командирам батареи и начальникам штабов дивизионов. Для разведчиков ввести ежедневный арт. тренаж путем решения коротких летучек по стрельбе одним орудием. На все обнаруженные цели данные готовить разведчикам и при ведении огня первый выстрел под контролем дать разведчику обнаружившему цель и подготовить данные для стрельбы».

А 1 декабря 1942 г. гвардии младший сержант Смыслов погибнет в бою (в разведке), вызвав огонь на себя. О чем будет очень коротко отмечено в Приказе по полку № 127 только 9 декабря 1942 г.: «Нижепоименованных мл. командиров и красноармейцев исключить из списков полка и всех видов довольствия

а/убитых...

б. гв. мл. сержант 2-й батареи Смыслова Сергея Ивановича 1.12.42».

Сергей Иванович погиб в девятнадцать. Погиб героически. Сдав свой последний экзамен гораздо выше, чем на оценку «отлично». Он отдал свою жизнь за Родину! О его подвиге потом написал в письме родителям командир батареи. Это произошло у деревни Никоново Сычевского района Смоленской области.

С 20 по 30 августа 1942 г. 35-й артиллерийский полк в составе дивизии наступал на прорвавшегося противника 18 км южнее города Козельск. В этих боях огнем полка было разрушено: 1 дзот, 1 блиндаж; уничтожено 22 автомашины, 4 пулемета, 1 повозка и до 40 солдат. Подавлено: 14 минометных батарей, 4 пулемета, 3 артиллерийских батареи, рассеяно огнем до полка немецкой пехоты. Отражено 2 контратаки. Захвачено трофеев: 4 телефонных аппарата, 6 км телефонного кабеля, 6 155-мм орудий, 1500 снарядов и мин.

Потери полка за этот период составили: убитыми 2 человека и ранеными 1 человек.

С 31 августа 1942 г. по 4 октября 1942 г. полк находился в обороне, поддерживая части 1-й Гвардейской стрелковой дивизии в районе Сметских Выселок Ульяновского района Орловской области. Артиллерийским огнем полка за это время было сожжено 6 домов, подбито 3 танка, разрушено: 10 блиндажей, 3 наблюдательных пункта, 7 дзотов. Уничтожено: 5 пулеметов, 5 автомашин, 1 минометная батарея, 2 мотоцикла, 13 повозок.

Подавлено: 15 пулеметов, 2 минометных батареи, 2 орудия ПТО, 5 артиллерийских батарей...

Потери полка за этот период составили: 8 человек убитыми и 30 человек ранеными.

«29.11.1942 г. с взятием д. Н. Гриневка, — говорится в историческом формуляре 35 гв. ап, — полк сменил боевой порядок в район: оп — Пруды, Кузничиха, Бобровка; нп — Арестово — Новогриневка.

Полк продолжает выполнять поставленную задачу. Основную массу огня обрушили на Никоново, ведя прицельный огонь на уничтожение дзотов и блиндажей.

30.11.42 г. С утра дивизия атакует Никоново. Огневая деятельность противника заметно ослаблена, что является результатом отличной работы нашей артиллерии.

В 12.00 полки заняли Никоново. При детальном осмотре системы обороны д. Никоново установлено: этот опорный пункт противник подготовил заранее с осени, устроив целую сеть блиндажей и ходов сообщений в таком порядке, что передвижение солдат было скрыто от нашего наблюдения.

В д. Никоново имелось: свыше 34 блиндажей, 14 дзотов, 18 станковых пулеметов, 6 ПТО и 4 закопанных танка. Блиндажи и дзоты были настолько прочными, что даже после 12 попаданий в блиндаж, занятый нами, его 105-мм снаряды вреда никакого не причинили.

Все дзоты имели от 1-4 попаданий и только 6 из них разрушены. Гарнизон д. Никоново состоял из свыше 300 человек /5 ГРТД/, которые почти все были уничтожены, так как гарнизон этого опорного пункта получил строжайший приказ не отходить.

С занятием Никоново все наши полки были выдвинуты на его рубеж.

За два дня полк потерял убитыми — 2, и ранеными — 14.

Выведено из строя: 1 орудие, 1 рация и 1 трактор.

1.12.42 г. оставив Никоново противник отошел на рубеж, заранее им подготовленный: м.и Б. Кропотово, В. Кропотово противник имел 70 орудий разных калибров для стрельбы прямой наводкой. За день огнем полка уничтожено: 2 орудия, 4 пулемета и до 50 солдат и офицеров противника. Задача дня взять Б. Кропотово...»

Один из ветеранов 35 гв. арtpолка Лев Маркович Полонский вспоминает о печально знаменитом ноябрьском наступлении 1942 г.:

«Но после двух дней отдыха нас снова погрузили в эшелоны и перебросили затыкать очередную брешь под Ржев. (...) Дивизия расположилась южнее Ржева, и северо-восточнее города и ж/д станции

Сычевка. 27/11/1942 г. мы вступили в бой. Все наши атаки были отбиты немцами, которые нанесли нам огромный урон. Потери наши были дикими. До сих пор не могу забыть один момент. На голом поле скопилось много наших войск. К передовым позициям подтянули конный корпус, предназначенный для прорыва в немецкий тыл. Укрыться было негде. Снаряды, как болванки, рикошетили и калечили всех подряд.

По рядам кавалеристов — словно смерть с косой прошла! Но никто не дал приказа эскадронам отойти в ближайший лес, где можно было бы укрыться от смертельного огня. Все поле было завалено трупами людей и лошадей... Наступление было провальным, но нас упорно гнали на убой. При подходе к передовому НП разорвавшейся миной тяжело ранило моего радиста-напарника. Санитары-кавалеристы не смогли спасти его, и он умер у них на руках.

Пехота оборудовала небольшие ровики и окопчики прямо под самым носом у немцев. Великое множество трупов вокруг. Их невозможно было убрать из-за шквального минометного и пулеметного огня. Мы обкладывали свои окопчики трупами погибших товарищей. Единственное преимущество в боевом охранении было то, что по передовой линии немецкая артиллерия была меньше, чем по нашему ближнему тылу...»

Не смог выжить в этой мясорубке и Сергей Смыслов, честно выполнивший свой воинский долг до конца.

Двоюродный брат моей мамы Пылов Алексей Васильевич на фронт ушел в 1942 г. Воевал в 860-м артиллерийском полку.

Февральские дни 1944 г. выдались суровыми и снежными для наших войск под Новгородом.

Из журнала боевых действий полка:

«1.02.44 г. Передовой авангард пехоты в районе д. Кудрино к исходу дня встретил сильное огневое сопротивление противника. По-видимому, противник на данном рубеже будет удерживать оборону и предпринимать ряд контратак. Наши части в район исходного рубежа подтягивают живую силу и артиллерию. Потерь с нашей стороны нет. Моральное состояние л/с хорошее.

2.02.44 г. Противник в районе дер. Жили на протяжении суток оказывал упорное сопротивление нашим наступающим частям. Ведет артиллерийский огонь по дорогам, ведущим к переднему краю и районам сосредоточения нашей пехоты и техники. Потерь за истекшие сутки нет.

3.02.44 г. Противник упорно обороняется на прежних рубежах. В течение дня вел артиллерийско-минометный огонь — артогонь с

бронепоезда...

В 9.00 02.02.44 в р. д. Мокрый силою до батальона, пытаюсь перерезать дорогу, прервать связь наступающих частей с тылами.

Силою саперного 600 батальона, при активном содействии отряда противник отброшен с большими для него потерями.

Боевой порядок 1/860 ап перемещен в д. Любино, 2/860 ап в районе прежнего сосредоточения. Потери за истекшие сутки: ранено 2 сержанта и 1 рядовой. Одна убита лошадь.

4.02.44 г. Противник ведет интенсивный огонь со всех видов оружия, кроме того, активно действовала его авиация...

На протяжении суток в районе д. Жили и ю.з. 500-600 м. д. Кудрино противник предпринимал частые контратаки, которые все успешно были отражены оружием пехоты и артиллерии наших войск. Потерь за истекшие сутки в полку нет.

5.02.44 г. Противник на протяжении суток предпринял 5 ожесточенных фланговых контратак, пытаюсь каждый раз отрезать боевые порядки на переднем крае.

В 22.00 4.02.44 противнику после неоднократных контратак удалось отрезать 1 роту 1082 сп и личный состав находящийся на НП 1-й, 5-й и 8-й батарей 860 артполка. Все попытки с нашей стороны в оказании помощи окруженным живой силой и огнем артиллерии остались безуспешными. К исходу дня часть личного состава с окружения вышла, в том числе командир 5-й батареи ст. л-т Кравцов.

Командир 8-й батареи капитан Кирей, по словам, разведчиков остался в окружении тяжело раненым.

Артиллерия полка на протяжении суток действовала на поддержку действий 1080-го и 1082-го сп.

К исходу дня командир 2-го дивизиона капитан Хотенко, находясь в боевых порядках НП в районе севернее д. Жили 2 км, был настигнут пехотой противника. В это время наши пехотные подразделения 1080-го сп отошли на 2 км в тыл. В силу чего командир 2-го дивизиона к-н Хотенко принял решение открыть огонь на себя, что и было выполнено. Противник залег и начал группу, в которой 7 человек, обходить с флангов. Капитан Хотенко отошел не потеряв ни одного человека.

В этот же день противник сделал 3 сильных продолжительных артиллерийских огневых налета по ОП (огневой позиции. — Примеч. ред.) 6 батареи. По-видимому карты командира 6-й батареи с нанесенной точкой оп 6-й батареи попала в руки немцев.

В результате обстрела ранен водитель трактора. Потерь и повреждений

материальной части нет».

В этот же день в Приказе по полку № 32 появляется следующая запись: «Исключить из списков полка и всех видов довольствия убитого и похороненного на братском кладбище зап. 2 км д. Вельяшева Гора Ленинградской обл. номера орудийного 8-й батареи мл. сержанта Пылова Алексея Васильевича».

А в книге учета боевых потерь к данным о солдате добавилась и такая: «Где похоронен: западнее 2 км. д. Вельяшева Гора Ленинградской области...»

Однако обе эти записи вскоре перечеркнули красным карандашом.

К 11 февраля 1944 г. в Приказе по полку № 37 появилась уже новая: «Исключить из списков полка и всех видов довольствия обморозившегося и эвакуированного в МСБ номера орудийного 8-й батареи мл. сержанта Пылова Алексея Васильевича».

До сих пор Алексей Васильевич числится погибшим в бою 5 февраля 1944 г. Тем не менее он чудом вышел из окружения и, сильно обморозившись, остался жить.

Другой двоюродный брат моей мамы Пылов Василий Васильевич также ушел на войну в 1942 г. в восемнадцать лет. Воевал в 449-м стрелковом полку 144-й стрелковой дивизии наводчиком станкового пулемета 3-й пулеметной роты. С 13 февраля 1943-го геройски воевал на Западном фронте. 29 марта 1943 г. был ранен под Вязьмой, затем 6 августа 1943 г. под Спас-Демянском и 16 января 1944 г. на Витебском направлении.

10 сентября 1944 г. Приказом по дивизии за № 059/Н его наградят орденом Славы III степени. В кратком, конкретном изложении его личного боевого подвига в наградном листе указывается: «В бою за форсирование реки Неман в районе севернее м. Румшинки Литовской ССР 26-го июля 1944 г. тов. Пылов огнем из своего пулемета уничтожил свыше 10-ти немецких солдат и офицеров, этим самым дал возможность нашей наступающей роте форсировать реку Неман.

Достоин правительственной награды — ордена Славы III степени.

В настоящее время находится в строю.

Командир 449-го стрелкового Ковенского полка
гвардии полковник Байков

23 августа 1944 года».

26 июля 1944 г. 4 журнале боевых действий 449-го стрелкового полка была сделана следующая запись: «В течение дня 1-й стрелковый батальон наступал на противника, закрепившегося на сев. берегу р. Воды.

Стремительным ударом пр-к был выбит из траншей и бежал за реку Неман.

Взяты трофеи: одна пушка 75 мм, снарядов — 30 ящиков, винтовок — 50, пулеметов — 10, мин — 1000 штук. 3-й и 2-й батальоны полка на лодках и плотах форсировали р. Неман и закрепились на зап. окраине дер. Леоново и Слобода, выбив противника из этих пунктов.

1 батальон остался на восточном берегу ре Неман, прикрывает правый фланг полка на случай контратак противника из района м. Румшинки.

В 19.30. 7 средних танков противника и до роты пехоты контратаковали наши батальоны находящиеся на западном берегу р. Неман.

Танки шли из района Вертожигле. Огнем нашей артиллерии было подбито 3 танка. Пехота противника рассеяна огнем наших стрелков. Не добившись успеха противник отошел на высоту 88.9. 30 пикирующих бомбардировщиков противника в 15.00 бомбили м. Румшинки и частично наш 1 батальон.

Противник потерял за день боя до 200 солдат и офицеров. Взято в плен 10 солдат.

Потери полка: убито 26, ранены 49».

Свою награду Василий Васильевич так и не успел получить. Он погиб 24 сентября 1944 г. в районе д. Гневы Шакинского района Литовской ССР.

В это время его полк находился в обороне, а противник периодически подвергал усиленному обстрелу артиллерийским и минометным огнем передний край полка. Видимо, смерть Василия Пылова стала, как и многие смерти на войне, случайной.

Практически недели ему не хватило дожить до вывода полка во второй эшелон для пополнения и боевой подготовки.

В книге учета захоронения рядового и сержантского состава 449-й сп его место нахождения в могиле, что в 200 метрах севернее шоссе на дороге района д. Гневы значится, как «1-й ряд 2-е место сверху».

Отец моей мамы Пылов Пантелеймон Васильевич на фронт ушел 13 августа 1941 г. в тридцать семь лет. В пехоте он прошел не одну мясорубку, но выжил по непонятным для себя причинам. Он редко рассказывал о войне, хотя видел ее что называется, «своими глазами перед собой». Особенно ему запомнились атаки, когда рядом с ним падали мальчишки и взрослые мужики, а он продолжал бежать. Для деда это на всю жизнь осталось неразгаданной тайной: «Почему не меня?», — очень часто задавал он себе этот вопрос. И, видимо, не находил на него ответ. «Это было такое месиво!», — говорил он своей младшей дочери.

В 1943 г. дед служил в 1-й Гвардейской мотострелковой бригаде.

С 1 по 2 июня 1943 г. части бригады в составе 4-х эшелонов организованно убывали в новый район боевых действий. Для пехоты дело привычное. А тем более, пока поезд довезет по железной дороге до конечной станции, и отдохнуть можно.

В первом эшелоне: 1-й мотострелковый батальон, противотанковая рота, рота автоматчиков и разведрота.

Во втором: 3-й батальон, артиллерийский дивизион и рота управления.

В третьем: 2-й батальон, минометный батальон и медико-санитарный взвод.

В четвертом: части обеспечения, в том числе и автомобильная рота.

Маршрут был рассчитан на несколько дней. Из-под самого Сталинграда.

6 июня 1943 г. бригада прибыла на место (Венев и ст. Ольховка) и в течение десяти часов разгружалась. Уже поздно вечером личный состав и материальная часть были сосредоточены в лесу южнее Богоявленского, и в ночь на 7 июня бригада оборудовала свой район расположения. А с утра начались вполне обычные занятия по боевой подготовке.

На третий день новый приказ на передислокацию по маршруту Тула — Плавск.

И уже вечером личный состав и грузы были отправлены по железной дороге, а 200 автомашин в составе автоколонны своим ходом.

На месте новый приказ: сосредоточиться в роще юго-восточнее Агничное.

Из архивных документов бригады: «За время следования, в следствии плохой службы регулирования часть машин прошла район расположения и направилась далее на Чернь, много машин отстало из-за плохой экономии горючего — зенрота, 2 мсб. Старшина роты 3 мсб Кольцов, ехав на машине с вещевым имуществом роты и продуктами в г. Щекино, сгрузил продукты и вещи с машины, их продал и дезертировал. Много было дезертиров и отставших и с железнодорожного эшелона, особенно с 3 мсб — 3 средних командира отстали и ряд бойцов и младших командиров».

11 июня бригада приводила в порядок автотранспорт, материальную часть и оборудовала новый район расположения.

Из архивных документов бригады:

«Железнодорожный эшелон прибыл к исходу 11.6.43 на ст. Скуратове и выгрузился. В течение ночи на 12.6.43 вся бригада сосредоточилась в роще юго-восточнее Античное, а артиллерия, рто и троп свх. Агничное и роща зап. Агничное.

Район расположения для бригады не удовлетворяет требованиям

нормального размещения. Тесно. Вода недостаточно. Лес редкий, маскировка личного состава и материальной части затруднительна, учебных полей недостаточно.

С утра 12.6.43 бригада продолжает нормальные занятия по расписанию в районе свх. Агничное. Бригада занимается по расписанию в районе своего расположения. Часть отставших бойцов и командиров вернулась в часть. Некоторые бойцы и командиры находятся в других частях.

15-16.6.43 прибыло в бригаду пополнение — 84 автомашины полученные в Батайске, несколько новых автомоторов. Колонну привели гвардии майор Мягих и гвардии капитан Чернявский.

Бригада продолжает занятия в районе своего расположения. Отрабатывает стрельбы, сколачивает мелкие подразделения, отделения, взводы. Получает горючее, артвооружение.

Ко 2-й годовщине Отечественной войны бригада в основном сколочена, в предстоящей операции должна дать определенно высокие показатели и результаты боевой подготовки. Но в силу недостаточно качественного пополнения и плохой воспитательной работы, в бригаде еще много чрезвычайных происшествий: ранения, дезертирство и т.д. Так 22.6.43 старшина роты автоматчиков Маслов, ст. повар роты и сапожник дезертировали из расположения бригады, но были пойманы на ст. Скуратове.

Личный состав бригады продолжал занятия по сколачиванию мелких подразделений: отделение, взвод, рота. Чрезвычайные происшествия благодаря мерам, принятым командиром бригады, сократились, а потом и вообще были устранены. В последних числах были проведены ротные учения. 1-2 июля штаб бригады провел проверку боевой подготовки частей по всем предметам. На первое место вышли рота птр. Командир роты капитан Бабин и разведрота. Командир роты ст. лейтенант Мазур — с общим баллом 4,4. Из батальонов на 1-е место вышел 1 мсб — командир батальона гв. капитан Горбанев, бал — 3,4».

Эту картину жизни бригады дополняет вот такой вот красочный документ, датированный 21 июня 43-го: «Моим заместителем по тылу, вместе с корпусным врачом и инспектором по питанию с 15 по 18 июня проверено питание, обмундирование, санитарное обслуживание и быт л/с частей корпуса.

При проверке обнаружено:

1-я Гвардейская мотострелковая бригада. В 1-м батальоне 6 чел. красноармейцев ходят в рваных ботинках. Ботинки настолько изношены,

что их невозможно ремонтировать. В одном только взводе связи у 10 человек красноармейцев нет звездочек на пилотках. Звездочки батальону выданы в достаточном количестве и 200 пар новых ботинок хранятся на складе БРоп. Верхнее обмундирование (гимнастерки и брюки) у большинства красноармейцев грязное. Взвод связи получил из стирки белье со вшами. Красноармейцы размещаются плохо. В палатках порядка нет и особенно в палатке взвода хозобеспечения.

Во 2-м батальоне кухня не оборудована, контроля за приготовлением пищи нет. Обработка рыбы производится в антисанитарных условиях, рыба наполовину выбрасывается, как отходы, которые подбирают красноармейцы и после обработки кушают. Меню-раскладка на каждый день не составляется, а если и составляется помощником командира батальона по хозяйству, врачом не подписывается и командиром батальона не утверждается.

Красноармейцы жалуются на плохое питание и обвешивание при выдаче им хлеба и других продуктов.

Такие случаи и раньше в батальоне имели место. Красноармейцы умываются в грязном водоеме.

В 3-м батальоне продукты хранятся плохо. Хлеб уложен по 10 рядов в высоту. В нижнем ряду буханки хлеба измяты. В этом же складе хранится и вещевое имущество...»

К началу июля 1943 г. противник сосредоточил в районе Орла крупные силы пехоты, танков и авиации. На случай прорыва немцев в направлении Тула, бригада получила задачу подготовить рубеж обороны в районе Федоровка, Леонтьевка, Румянцевский.

3-5 июля 1943 г. бригада готовила оборонительный участок с передним краем Федоровка, п. Ленина, Поповка, Леонтьево и Переселеновка — Румянцевский (тыльная точка). Район разбили на четыре батальонных участка обороны. Трое суток производились оборонительные работы.

Из архивных документов бригады:

«5 июля немецко-фашистские войска перешли в наступление на Курск. Угроза наступления вдоль Тульского шоссе миновала. Бригада с оборонительных работ была снята и снова отведена в старое место расположения — Агничное.

6-7.7.43 бригада продолжала нормальные занятия, находясь в полной боевой готовности.

8 июля 1943 г. боевой приказ штака 1 гв. ДТ бригаде о передислокации бригады в район Хохлы — Варваринка. Дневка. Самодельность.

В 14.00 8.7.43 получен приказ штакора о передислокации бригады из Агничное в Хохлы, Варваринка по маршруту: Сукманово, Воскресенское, Студенец, Варваринка. Материальная часть, грузы, боеприпасы и часть личного состава были выброшены в район Хохлы автотранспортом.

Личный состав двигался главным образом пешим порядком.

Автоколонна сосредоточилась в ночь на 9.7.43 в Хохлы — Варваринка.

Бригада продолжала сосредоточение в Хохлы — Варваринка, пешая колонна сосредоточилась в новом районе только в ночь на 10.7.43. Личный состав и материальная часть были вкопаны и замаскированы. 9.7.43 командир бригады и нач. штаба произвели рекогносцировку маршрутов: Хохлы — Затушное и Хохлы — Вяжи и переправы Затишье — Вяжи. Штаб производил сбор сведений о противнике и местности. 10.7.43 произведена рекогносцировка этих пунктов командирами частей и штабом.

На рекогносцировке были командиры рот и начальники служб.

11.7.43 произведена была рекогносцировка с частью командиров взводов и уточнена часть вопросов рекогносцировки 1-го дня. Командир бригады отдал приказ на ввод в прорыв. (...)

Ночью была произведена мощная артподготовка и обработка переднего края авиацией. В 3.30 началась мощная артподготовка, которая продолжалась до 6.00. Около 6.00 пехота перешла в атаку, а артиллерия и авиация перешли к обработке ближайшей глубины обороны противника и резервов».

12 июля 1943 г. бригада получила приказ: выйти из района ожидания Хохлы — Варваринка, переправиться через р. Зуша в районе Вяжи по 60 тн. мосту, двигаясь по одному маршруту Вяжи, Затишье, Грачевка, свх. Ржавец, Кочеты, Желябуг, сев. Светлый Путь...

Так 1-я Гвардейская мотострелковая бригада 1-го Гвардейского танкового корпуса 3-й армии Брянского фронта вступала в сражение, которое в истории Великой Отечественной войны было названо Орловской операцией.

Сразу же оговорюсь. В течение 15 лет я неоднократно, несмотря на тяготы и лишения воинской службы, в ущерб своей семье, посещал архивы. В т. ч. и Подольский Министерства обороны. Для меня это было не самое легкое путешествие: до 7 часов дороги туда и обратно плюс самый настоящий рабочий день с огромным количеством документов. Но я никогда не жалел и не пожалел об этом. Ибо прикосновение к подлинным документам всегда таит в себе что-то поистине сказочное. Мне приходилось не просто делать выписки и листать нередко пожелтевшие и трудночитаемые страницы первоисточников, но и оказываться в том

времени. Однако без «архивной пыли», как называют некоторые любители истории такую работу, мы никогда не приблизимся к истине, так и не разобравшись в том, что и как было на самом деле. И это касается абсолютно любого периода нашей с вами истории.

Даже вышеупомянутые отрывки из документов говорят о многом. Во-первых, как долго лежал путь на передовую. В данном случае для 1-й Гвардейской мотострелковой бригады он продолжался больше месяца.

Во-вторых, какие трудности подстерегали на пути ее бойцов и командиров.

В-третьих, как часто приходилось им менять населенные пункты и места расположений.

Сколько тяжелого физического труда им приходилось потратить только на одно оборудование этих мест. И все это между маршами и занятиями.

В-четвертых, за это время у кого-то сдавали нервы, они занимались самострелами и дезертировали. Но основная масса шла на фронт. Но самое главное это то, что не во всех полках и бригадах многомиллионной Красной Армии четко и полно велись штабные документы. Все зависело прежде всего от начальника штаба и его помощников. В 1-й Гвардейской мотострелковой бригаде в этом плане проблем не было. Ее штабом руководил грамотный и преданный своей профессии офицер Николай Павлович Петров.

В скором будущем ее командир, а впоследствии кавалер семи орденов Красного Знамени, генерал-майор, почетный гражданин города Гданьска. Сам он, уже находясь на пенсии, напишет мемуары, которые не опубликованы до сих пор и с которыми меня ознакомил его хороший приятель Александр Захарович Лебединцев. Но вернемся к бригаде.

В 17 часов 12 июля колонна 1-й Гвардейской мотострелковой бригады получает сигнал и в 17.10 начинает движение по маршруту. К слову, в этот день с утра и до самого вечера шел дождь, из-за чего все дороги размыло, а движение автотранспорта было затруднено.

13 июля разведка установила, что населенный пункт Грачевка обороняет до роты пехота противника, хорошо окопавшаяся и имеющая минометную батарею. В два часа 3-й мотострелковый батальон (в его пулеметной роте служил гвардии сержант Пылов) при поддержке подошедших артиллерийского дивизиона и минометной батареи атаковал Грачевку и в 4.30 овладел ею, а также населенным пунктом Ясная Поляна, уничтожив при этом до 100 солдат противника.

К 6.30 в Грачевку подошел 34-й Гвардейский танковый полк, а уже в 7.00 3-й мотострелковый батальон во взаимодействии с танкистами

атаковали совхоз Ржавец и к 8.00 освободили его, уничтожив при этом до 50 фашистов, захватив восемь пушек и 21 мотоцикл.

В 8.00 первые роты трех мотострелковых батальонов (1,2,3) атаковали населенный пункт Казинка и к 10.30 овладели им. Противник дважды контратаковал, но его атаки были отбиты. Части бригады закрепились восточнее Казинка, а с 14.00 противник свежими силами 118-го полка 36-й дивизии контратаковал их до наступления темноты. Немецкая авиация утюжила боевые порядки наших батальонов. Всего за день противник произвел до 500 самолето-вылетов... Но несмотря на это, в течение всей ночи с 13 на 14 июля бригада продолжала закрепляться на достигнутом рубеже. Уже в 7.00 3-й мотострелковый батальон совместно с подразделениями 1362-го стрелкового полка 380-й стрелковой дивизии атаковал населенный пункт Кочеты и овладел им, уничтожив при этом до двух взводов немецкой пехоты.

Начальник штаба бригады вспоминал: «Передовой отряд бригады был сильным. В его состав входили 3-й мотострелковый батальон, тяжелый танковый полк, имеющий 21 тяжелый танк «Черчилль», артиллерийский дивизион бригады, вооруженный 12-ю 76-миллиметровыми дивизионными пушками ЗИС-3. В составе 3-го батальона, кроме пехоты и автоматчиков, было 4 противотанковых орудия, 6 минометов калибра 82 миллиметра, 27 противотанковых ружей, 9 станковых и 30 ручных пулеметов. Такой состав передового отряда мог обеспечить ввод бригады в прорыв и ее продвижение в глубину обороны противника. Однако нужно учитывать, что на этом направлении противник обороняется с весны 1942 г. Его подготовленная оборона была глубокой. Успех ввода бригады в прорыв зависел также от того, насколько глубоко сумеют прорвать главную полосу обороны противника стрелкового соединения. (...)

Начальник штаба бригады следовал в колонне передового отряда, а командир со штабом бригады — в голове колонны главных сил. Была получена информация о прорыве пехотой первой позиции обороны немцев и о ее продвижении на глубину двух, а кое-где и трех километров. И бригада ускорила движение. Передовой отряд переправился по мосту через реку Зуша и сразу же попал под сильный удар авиации противника. Танковый полк,двигающийся в голове колонны, а за ним и мотострелковый батальон стали быстро разворачиваться и рассредоточиваться, медленно продвигаясь вперед. К командиру передового отряда и начальнику штаба подъехал командир бригады, который приказал ускорить движение вперед. Передовой отряд, продвинувшись на 2 километра, был встречен сильным противотанковым огнем и огнем из оружия всех видов. Английские танки

«Черчилль» показали свои невысокие защитив качества: они быстро загорались и горели как костры. Быстрому возгоранию способствовали бензиновые моторы. Атака с ходу успеха не имела. Развернувшиеся на флангах передового отряда 1-й и 2-й батальоны также встретили организованную, хорошо подготовленную в инженерном отношении оборону немцев. Пехота стрелковых соединений прорвала только первую позицию главной полосы обороны противника на глубину до двух километров. Таким образом, для ввода танкового корпуса в прорыв не было создано необходимых условий и он вынужден был самостоятельно завершать прорыв главной полосы обороны противника — вводить, так сказать, сам себя.

1-я Гвардейская отдельная мотострелковая бригады встретила организованное, упорное сопротивление фашистов на второй позиции главной оборонительной полосы и с ходу прорвать ее не смогла. По существу, ввода в прорыв не получилось. Так считало, как потом стало известно, и командование фронта и Ставка Верховного Главнокомандования. Наступила ночь. Передовой отряд и батальоны вели активную разведку. И 3-й батальон нашел слабое место в обороне противника — один мотострелковый взвод проник в тыл врага, за ним рота, а потом и весь передовой отряд, включая и танки. Об этом пошел доклад в штаб корпуса и выше. Этот доклад и явился причиной того, что ввод танкового корпуса не был отменен. К рассвету 14 июля 3-й мотострелковый батальон, продвинувшись на глубину 7-8 километров, преодолел главную полосу обороны и вышел в ее тыл. С утра он продолжал наступление в направлении совхоза «Ржавец». Наступление шло медленно из-за частых контратак противника и массированных налетов авиации».

А теперь я цитирую по документу: «К 17.00 части бригады достигли рубежа юго-западнее опушки рощи, южнее Жабинский, Красная Нива и развернулись для боя против противника, обороняющегося на рубеже Желябуг, хутор Желябуг силами до 2-х батальонов с танками и самоходными пушками. В этих населенных пунктах было 6 танков Т-4. Атака 1 батальона совместно с 17 гв. Тбр на Желябуг с востока и юга не дала результатов, причем танки понесли большие потери. Командир бригады решил вывести бригаду по ложине Зап. Колбаевка, верховье ложины на хутор Желябуг с задачей овладеть им и атаковать населенный пункт Царевка. 1 мсб был ввязан в бой за Желябуг, остальные части к 24.00 были выведены в верховье оврага южнее Желябуг.

Потери за период 12-14-7.43 г.: убитых 83, ранено 302, сожжено и разбито автомашин 29, из них 20 безвозвратных потерь».

15 июля бой разгорелся с новой силой: «Перед рассветом бригада вышла в верховье оврага, что южн. хут. Желябуг, где попала под сильный минометный огонь, со стороны хут. Желябуг, Ниж. Лониковец, Желябугские выс. Бригада была взята в кольцо минометного огня. Танки 34-го тп (танкового полка. — Примеч. ред.) застряли в заболоченной ложине во время марша и участие в бою за хут. Желябуг и Царевка не принимали. Минометный полк, не успев развернуться, потерял несколько машин и в дальнейшем действовал только частью сил. Остальные машины и расчеты при попытке действовать, останавливались на месте.

Выдвинутые вперед бригадные роты в составе: разведроты, роты автоматчиков, роты птр, инж. роты с трех сторон пытались атаковать хут. Желябуг, но, понеся потери, были отбиты противником.

Перед рассветом передовые части 3 мсб до 80 чел. вторично атаковали с юго-востока и юго-зап. хут. Желябуг, но встретив превосходные силы противника (до 15 танков, две роты пехоты) с боем отошли, уничтожив до 40 гитлеровцев и два танка (в т.ч. один тигр).

В 8.00 15.7.43 части бригады (без 2 мсб и одной роты 1 мсб) совместно с танками 17 гв. ТБр при поддержке батареи иптаб (батарея Хоменко к началу атаки опоздала) начали третью атаку на хут. Желябуг. Танки, атаковав хут. Желябуг, прошли на Царевку и овладели Царевкой. В то же время в хут. Желябуг бой продолжался пять часов, т.к. противник оставил в хут. Желябуг три танка и до 100 автоматчиков, которые поддерживались огнем самоходных пушек, танков «Тигр» и минометов, из района Царевка — Подмаслово.

Направленные на помощь пехоте в хут. Желябуг 4 бронемашины и два орудия артдива, прямыми попаданиями имели потери 2 бронемашины и одно орудие.

Подошедшими 2 мсб с ротой 1 мсб в 13.00 хут. Желябуг был взят».

Из боевого донесения штаба 1-й гв. мсбр (Гвардейской мотострельковой бригады. — Примеч. ред.) 15.07.43 21.00:

«За период боев 1-й отд. гв. мсбр понесла потери от авиации и артиллерии противника: общие до 800 чел.

1-3 мсб имеют на лицо 140 штыков, 2 мсб имеет на лицо 180 штыков, пушек 45 мм в батальонах имеют 8 шт. мином. 82 мм в батальонах имеют 12 шт.

Пушек 76 мм имеют 6 шт., минометов 82 мм в минбате имеется минометов 120 мм в минбате имеется — 5 шт.

Расчеты выведены из строя в мин. бат на 40%, зенит, пулем. имеется 8 шт.

Потери автотранспорта боевых машин ба (броневых автомобилей. — Примеч. ред.) — 64 — 3 шт., грузов, машин потер, от авиации противника 31 шт., от артиллерийского огня — 19 шт.

Из них можно восстановить — 8 автомашин...»

Если на 10 июля 1943 г. в бригаде числилось 3244 человека, то с 12 по 22 июля 1943 г. она потеряла 1720 человек убитыми, умершими, ранеными, контуженными и пропавшими без вести.

Ранили в этот день и моего деда. 18 июля его отправили в медсанбат № 196, а 3 августа в эвакогоспиталь № 2658 в Ногинск.

7 октября 1941 г. деда выписали, выдав на руки следующий документ (он до сих пор хранится в Подольском архиве):

«Командиру 206 зап. стрелкового полка
Гор. Калуга.

При этом направляется в Ваше распоряжение для прохождения дальнейшей военной службы военнослужащий Пылов П.В.

Указанный выше, находился на излечении при эвакогоспитале № 2658 и выписан по выздоровлению в часть.

На проезд по жд выдано требование по Ф № 1 от станции Ногинск до ст. Калуга.

Приложение: Продатгестат №... и справка о ранении.

Начальник ЭГ 2658 к-н медслужбы Бандэ
9.10.43 г.»

Служба в 206-м запасном стрелковом полку Западного фронта закончится для деда 27 ноября 1943 г., когда его направят в 20-й запасной стрелковый полк 10-й Гвардейской армии.

Сохранился документ и об этом событии в жизни солдата:

«Предписание

27 ноября 1943 г.

На основании Директивы Управления штаба Западного фронта № 05768 направляется из 206 ЗСП в распоряжение НКО штаба 10 гв. Армии младших командиров 42 человека
красноармейцев 108 человек
итого 150 человек.

Сопровождает гв. м-р Виноградов

Приложение: именные списки, вещевой, денежной и прод. аттестаты».

6 декабря 1943 г. команда прибыла в полк, а 7 января 1944 г. оттуда уже на фронт.

8 января 1941 г. гвардии ст. сержант Пылов назначается на должность командира расчета первой пулеметной роты 1-го мотострелкового

батальона 96-го Гвардейского стрелкового полка (30-й Гвардейской стрелковой дивизии 10-й Гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта).

И вот снова фронт!

Из донесения штаба 96 гв. СП №0181 за 8 января 1944 г. 14.30:

«1. Подразделения полка в течение прошедших суток занимались боевой подготовкой и проходили санобработку в бане.

2. Положение подразделений прежнее.

3. Со склада артснабжения дивизии получено Винтовок со штыками —

140

Ст. пулеметов — 3

Пистолет-пулемет — 40

4. Количество боеприпасов без изменения.

5. Продуктами полк на 9.1.44 обеспечен.

6. Наличный состав полка — 1162

7. Связь проводная и пешими посыльными НШ гв. м-р Колодяжный».

Из донесения штаба 96 гв.сп № 0182 за 8 января 1944 г. 17.00:

«1. Подразделения полка в течение дня занимались боевой подготовкой.

2. По боевой подготовке отрабатывалась огневая подготовка — практическая стрельба.

1 упр. Один, стрельб из винтовки, ппш, рп и станковых пулемета — изучение материальной части стр. оружия — 10 часов.

3. Ставятся и подгоняются на лыжи ст. пулеметы и минометы 82 мм.

4. Связь проводная и пешими посыльными...»

Из донесения штаба 96 гв. сп №0191 за 9 января 1944 г. 15.00:

«1. Подразделения полка в течение дня занимались боевой подготовкой и готовились к совершению марша.

2. По боевой подготовке отрабатывались следующие темы:

— наступление стр. батальона на обороняющегося противника-3 часа.

3. Численный состав полка 1272 ч.

4. Количество боеприпасов без изменения.

5. Продуктами полк обеспечен на 10.-11.-12.1.44

6. Выход полка для совершения марша 16.20».

Из донесения штаба 96 гв.сп № 01101 за 10 января 1944 г. 10.00:

«1. Подразделения полка после совершения ночного марша в 7.00 10.1.44 г. сосредоточились в районе деревень СУХАЯ, ЮРЧИХА, ЛИХАЛЕТЬЕ, ПОЛОВИНКИ.

2. Личный состав размещен в теплых жилых помещениях.

3. В дер. СУХАЯ расположен 1 сб, бат. 45 мм пушек, в дер. ЮРЧИХА

— 2 сб, в дер. ЛИХАЛЕТЬЕ, ПОЛОВИНКИ спец. подразделения.

В дер. РЕЧИСТАЯ — тран. рота, бат. 76 мм пушек.

4. КП полка дер. ЛИХАЛЕТЬЕ...»

Из донесения штаба 96 гв. сп № 01111 за 11 января 1944 г. 10.00:

«1. Подразделение полка после совершения ночного марша в 3.00 11.1.44 г. прибыли и разместились в лесу в р-не БАРАКИ.

2. Личный состав занимается оборудованием шалашей и находится на отдыхе. Личный состав 2 сб размещен в блиндажах и землянках.

3. На место сосредоточения не прибыли и находится конный взвод и автотранспорт.

4. Отстающих на марше 10 чел., приняты меры розыска.

5. Мат. часть в порядке.

6. Продуктами полк обеспечен.

7. КП в районе БАРАКИ...»

Из донесения штаба 96 гв.сп № 01121 за 12 января 1944 г. 15.00:

«1. Подразделения полка за прошедшие сутки оборудовали места для жилья, приводили в порядок оружие, пополняли боеприпасы, занимались боевой подготовкой.

2. По боевой подготовке занимались сколачиванием ст. пулеметов, минометных, птр и артиллерийских расчетов.

3. Численный состав полка 1239 чел.

4. Кол-во боеприпасов —

Винт. патрон — 1 б/к пист. патрон 0,94 б/к

4,5 мм патрон 0,02 б/к ручн. гранат — 1040 шт.

82 мм мин 0,3 б/к 120 мм мин-0,5 б/к

45 мм выстр. 0,37 б/к 76 мм выстр. — 0,27 б/к.

Из указанного количества находятся на ст. В. ЛУКИ 120 мм. мин — 102 шт. 45 мм выстр. — 80 шт. 76 мм выстр. — 40 шт.

5. Полк продуктами на 13.1.44 обеспечен

Сухари — 1,2 с/д

Кашсмеси — 1с/д

Жиры жив. — 3,5 с/д

Сахар — 3... с/д

Соль — 3... с/д

Овес — 1... с/д

Комбикорм 100 с/д

6. Пушки 76 мм и 45 мм со склада не получены, т.к. еще ремонтируются...»

Из донесения штаба 96 гв. сп № 01113 за 13 января 1944 г. 15.00:

«1. Подразделения полка после совершения ночного марша в 10.30 13.1.44 сосредоточились в лесу южнее Борки 300 м.

2. Личный состав отдыхает и находится в полной боевой готовности.

3. Численный состав полка 1239.

4. Готовится л/с для танкового десанта.

5. Продуктами л/с полка на 14.1.44 обеспечен.

6. Комплект боеприпасов без изменений.

7. Установлена делегатами связь с 94 и 98 гв. ст.

Наконец, подготовка полка закончилась, и он вступает в бой.

В течение ночи с 14 на 15 января 1944 г. 1-й мотострелковый батальон наступал по труднопроходимой местности и к четырем часам вышел к большаку севернее Скураты, где противник оказал упорное огневое сопротивление. На линии большака били пулеметы и минометы противника, а вскоре немцы контратаковали боевые порядки батальона под прикрытием бронемашин и самоходных орудий.

В 5.00 командир полка вводит в бой второй батальон с задачей: развертываясь из-за левого фланга, 15-го овладеть Скураты и перерезать большак.

В 7.30 двумя батальонами полк овладел населенным пунктом Скураты. Противник дрогнул и начал беспорядочное отступление. Преследуя его, батальоны вышли к рубежу 300 метров восточнее населенного пункта Лужки, где были встречены пушечным огнем...

Далее из документа: «Противник, выбитый из леса из Скураты, бросая технику, в беспорядке вышел в д. Лужки, где в это время было выброшено подкрепление на 4-х автомашинах (...)

3. Потери — убиты 62 чел. Ранено 36 чел».

В этот день, восточнее деревни Лужки был тяжело ранен и мой дед, получив слепое осколочное ранение правой голени с повреждением кости. Тогда он потерял 30% крови и чудом выжил, случайно и вовремя подобранный санитарями. Его вывезли на специально обученных собаках... И снова медсанбат и снова эвакогоспитали. Последним был в г. Осташкове, откуда дед выписался 19 июня 1944 г. — инвалидом на костылях.

В свидетельстве о болезни № 404 «С», выданном мне Ногинским военкоматом, написано:

«Ранен в бою при защите СССР».

На этот раз война для него закончилась. Правда, до самой смерти в 1968 г. не давала покоя не только дикими болями, но еще более страшными воспоминаниями. Ведь он на войне выжил. Выжил чудом!

Из книги мемуаров адмирала Флота Н.Г. Кузнецова «Курсом к победе» мы можем узнать, что в битве за Москву в составе армейских соединений участвовали и флотские формирования: «62-я, 64-я, 71-я, 84-я Московские стрелковые бригады; вдоль Волоколамского шоссе была развернута 75-я Морская стрелковая бригада, а на Можайском шоссе действовал специальный морской полк». Все эти соединения и части были сформированы из моряков тихоокеанцев (62-я, 71-я, 84-я), из моряков Ярославского флотского экипажа (62-я), из черноморцев и курсантов Военно-морских училищ Баку и Астрахани (75-я).

Всего же в битве под Москвой сражались семь бригад 154-я, 62-я, 64-я, 71-я, 74-я, 75-я и 84-я, а также 85-й отдельный полк моряков, 199-й и 200-й артиллерийские дивизионы, состоявшие из батарей 152,130 и 100 мм морских орудий.

«Мне приходилось читать, — писал Кузнецов, — будто моряки легко расставались со своим плавучим “домом”. Не так это обстояло на деле. Прощание с кораблем было нелегким. Те, кто служил на флоте, знает. Каждый хотел воевать именно на корабле, рядом с друзьями. Но война есть война, и краснофлотцы шли драться на суше (...) На фронте различия между моряками и армейцами быстро стирались. Разве только флотские словечки “братва” и “полундра” да хлесткие изречения боцмана в адрес фашистов говорили о том, что здесь воюет морская пехота. Верность морским традициям проявлялась еще и в том, что в решительный час моряки неизменно шли в бой в полосатых тельняшках, чтобы враг знал, с кем имеет дело!

Обычно костяк морских стрелковых бригад составляли моряки с кораблей и бойцы частей береговой службы флота. К ним прибавлялось пополнение из других родов войск. В отдельных бригадах к моменту переформирования процент моряков оказывался совсем небольшим. Однако морские традиции продолжали жить. И неудивительно: во главе бригады стояли, как правило, флотские командиры — береговики или командиры корабельной службы».

К слову, 1-я отдельная бригада морской пехоты, сформированная на Балтийском флоте в 1941 г. до начала Великой Отечественной войны, оставалась единственным соединением морской пехоты в Советском ВМФ. Так как по мобплану 1941 г. развертывание частей морской пехоты не предусматривалось.

И лишь с началом войны, когда ВМФ пришлось решать особую задачу по оказанию помощи сухопутным войскам, соединения морской пехоты формировали в крайне сжатые сроки. Например, в июне 1941 г. на

Балтийском флоте были сформированы три отдельные бригады (2-я, 3-я и 4-я), а в августе-сентябре еще три (5-я, 6-я и 7-я).

В августе-сентябре, на Черноморском флоте были сформированы три отдельные бригады (7-я, 8-я и 9-я). На Северном флоте сформировали одну (12-ю) и на Тихоокеанском флоте две (13-ю и 14-ю) отдельные бригады.

Кроме отдельных бригад и батальонов, на всех флотах и флотилиях летом и осенью 1941 г. создавалось большое количество стрелковых частей и подразделений.

71-я отдельная Тихоокеанская бригада морской пехоты, разгрузившись в Дмитрове осенью 1941-го, сразу же вступила в бой.

«Еще на марше к исходной позиции девятнадцатилетнему старшине 1-й статьи Вонлярскому, как и другим бойцам, выдали противогазы, бутылки с зажигательной смесью и новенькие СВТ-40 — самозаряжающие винтовки конструкции Токарева, — рассказывает в своей статье “Не отдадим Москву” Николай Ямской. — Противогазы за очевидной ненужностью ребята развесили по дороге на кустах. А освободившиеся от них сумки заполнили патронами и бутылками с зажигательной смесью. Ладным СВТ-40 очень обрадовались. С таким оружием только в атаку ходить. Не зря же с ним маршировали на довоенных парадах и смотрах!

Впрочем, сам же Вонлярский предпочел бы автомат. И белый полушубок. Но теплые щегольские кожанки полагались только комсоставу, а автоматов ППД на всю бригаду было только два: у командира Боброва и самого комбрига Безверного.

Первый бой жестоко и кроваво все расставил по своим местам. Белые кожанки оказались идеальной мишенью: по этой номенклатурной примете немецкие снайперы сразу перещелкали почти весь комсостав. Гнусной пособницей врага оказалась чудо-винтовка СВТ. На лютom морозе (в 1941-м зима пришла рано) у них дружно отказал подающий механизм. Так что уже в самом начале атаки Дмитрию вынужденно пришлось возглавить взвод. И вместе с остальными “братишками” бежать на врага с “оштыкованной кочергой”, сбросив в глубокий снег путающуюся в ногах шинельку. Но зато в бескозырке и с “полундрой”!.. ни поддержка нескольких танков, ни наши экономно постреливающие артдивизионы немцев особенно не беспокоили. Они могли себе позволить какое-то время просто наблюдать за экзотическими маневрами русских.

Однако скоро немецкая машина заработала на полную мощь. Полураздетым морпехам пришлось залечь. Особенно досаждал им огонь из пулеметного гнезда близ церкви: распластанные на снегу, моряки были оттуда как на ладони. Исход поединка решил отчаянный поступок

Диминого однополчанина, командира армейской разведки лейтенанта Павла Стулова. Подговорив ребят закидать его снегом (масхалатов-то не было), Павлик сквозь темно-бурую пелену разрывов сумел незаметно подобраться к вражеской огневой точке и забросать ее гранатами.

В стремительном броске, преодолев отрезок до окраины села, моряки ворвались на его улицы. В завязавшейся рукопашной схватке прошедшие пол-Европы немцы оказались лишены главных своих козырей — общего управления боем и поддержки авиации.

Их грозные танки беспомощно крутились на месте и скоро полыхали. Увы, чаще всего вместе с моряками, которые были вынуждены поражать вражескую технику очень опасными при использовании бутылками с “горючкой”. Но все-таки больше всего досталось вражеской пехоте: такого жестокого мордобоя она еще не видывала...»

Неудивительно, что бойцы соединений морской пехоты помогли сухопутным войскам не только выстоять в обороне под Москвой, но и создать благоприятные условия для перехода в решительное наступление.

Эту бль о «замерзшей дивизии» я впервые услышал из уст одного офицера управления корпуса ПВО в Североморске. И только со временем мне удалось узнать подробности действительно имевшей место трагедии в годы войны.

152-я стрелковая дивизия с весны 1942 г. находилась в резерве Карельского фронта и располагалась в Кеми. Погода этот период в Карелии выдалась неожиданно теплой, и командующий фронтом не без чьих-то ходатайств приказал досрочно на 20 дней переодеть подчиненные ему войска в летнее обмундирование. Естественно, попала под этот приказ и 152-я стрелковая дивизия, отправляющаяся на Крайний Север.

1 мая 1941 г. бойцов этой дивизии хорошо накормили, выдали им по 100 наркомовских граммов и, погрузив в эшелоны (11 370 человек), отравили под Мурманск, где шли напряженные бои.

К слову, дивизия была сформирована в январе 1942 г. на Урале в Красноуфимске из выписанных из госпиталей раненых. Когда их отправили в Мурманск, орудия, боеприпасы, кухни и продовольствие должны были прибыть с последующими эшелонами.

Сразу же по прибытии в Колу личный состав дивизии выгрузился и двинулся в путь пешком порядком по безлюдной тундре на расстояние почти в 90 км.

3 мая 1942 г. на половине пути пошел дождь. А ночью разыгрался ураганный ветер и ударил мороз.

Марш колонны замедляли машины с боеприпасами и продовольствием в сторону фронта и обратно с ранеными и больными. Грунтовая дорога была очень узкой, и встречный транспорт едва разъезжался. Кроме того: днем распутица, а ночью гололед.

4 мая ветер с мелким дождем усилился. Шинели стали тяжелыми, а ноги в ботинках быстро промокли и начали отмерзать.

5 мая ветер достиг ураганной силы и началась снежная вьюга. «Сырое обмундирование и обувь быстро обледенели. Пилотки у многих сдуло ветром, снег слепил глаза, отмерзали уши и носы. Многие без рукавиц несли оружие, железные коробки с минометными минами, с дисками для ручных пулеметов и лентами для станковых. (...) Одни умирали молча. Другие просили товарищей написать их женам и матерям. Иные плакали до последнего вздоха».

А кошмар продолжался.

«Все искали убежища от непогоды. Командиров нет. Ни о какой дисциплине не было и речи. Каждый боролся за свою жизнь. Особенно страшной была ночь с 6 на 7 мая. Дорога устлана трупами бойцов. Кое-где в снежных ямах за огромными валунами разожгли костры. Бойцы вокруг них сразу заснули, и огонь никто не поддерживал. А утром вокруг погасших костров лежали заснеженные трупы».

В самый пик вьюги 7 мая дивизию повернули обратно, а 8 мая, когда вьюга стала затихать, командующий армией приказал организовать спасательные группы.

С 5 по 8 мая 1942 г. в 152-й сд замерзли насмерть 484 человека, а 1683 обморозились.

Первоначально виновными были объявлены начальник штаба дивизии и дивизионный интендант. Однако суд не нашел в их действиях состава преступления. Тогда виновными признали необычные условия Заполярья — то есть вьюгу!

Фронтовые солдатские письма и дневники всегда были откровенны. В них писали о самом главном в короткие минуты затишья перед боем или в госпиталях. В них суровые, а подчас неимоверно жестокие будни войны. Пусть это страшные откровения, но зато самые чистые строки. Для понимания их солдатской доли они не имеют себе равных.

В них та самая «окопная правда» войны. Солдатская правда!

Из дневника Луки Игнатьевича Соколова:

«Из деревни каждый день уходят на войну 3-4 человека. Пришел и мой черед. Рано утром подъехала к дому подвода, погрузили на нее пожитки и

двинулись в райцентр.

До конца жизни буду помнить эту картину: у ворот плачущая старушка-мать и жена с детишками — все шестеро, старшему пятнадцать, младшей годик. Отец на проводы не успел, сторожил комбайны на дальнем поле.

К 10 утра были уже в райвоенкомате. Во дворе собралась большая группа. Разбили по сельсоветам. Родственников, приехавших провожать, к нам не пускали. Разговаривать с женой пришлось через изгородь. К вечеру подали три грузовика, чтобы отвезти на станцию Мишкино. У многих с собой оказалась водка, по дороге прикладывались к бутылкам.

В сумерках подали состав, объявили о посадке. Толпа с яростным плачем кинулась к вагонам. Женские вопли, детские голоса, крики милиционеров и железнодорожников, отгоняющих толпу. Жуткая картина сентябрьской ночи. Помню, как провожали солдат в прошлую германскую войну и во время Гражданской войны, но такого рева никогда не слышал. Кто громко причитал, а кто протяжно, со стоном кричал, как будто ему нож под ребро всадили» (11 сентября 1941 г).

«Сегодня принимали присягу. Выступал какой-то незнакомый майор. Политрук прочитал обращение в газету. «Ура» солдаты кричали тихо и нестройно. После присяги вопросов никто не задавал. Ничего не знаем, что там на фронте происходит. Прошел слух, что немцы прорвали фронт и подбираются к Москве. Но никто ничего толком не говорит. Под вечер кто-то принес газету. Прочитал статью Алексея Толстого об угрозе Москве.

Комроты долго рассуждал о военной тайне, мол, нельзя говорить никому, что солдатам не выдают оружия, нельзя говорить, что плохо живем. А потом проговорился, что одна надежда — на Бога» (19 октября 1941 г.).

Из солдатских писем за 1941-й и 1942 гг.:

«Тяжелый час! Европа стонет! Русь стонать не умеет. Она отвыкла. Она, с искрами свободы, правды и чести на глазах, с крепкой волей и уверенностью, закаленными руками и грудью, в поте лица своего идет навстречу коричневому черту и без стога уничтожает его. Жалости нет. Ее высушило зверство немцев. Кто пришел не спросясь на нашу землю, будет нами убит» (Тесленко, 479 сп).

«Я пишу и чувствую себя так, сам не понимаю в чем дело, хочется, чтобы убили, да как будто бы жить хочется и здесь же не хочется, в общем, не знаю, что хочется» (Смирнов, п/я 22).

«Плохо то, что надоело уже воевать и валяться в сырой земле» (Оглобин, 605 лап. 2 див. 4 бат.).

«Вместе сидели в плену у немцев в конюшне 8 суток. Таскали бревна и выполняли другие работы, таскали машины по грязи, одним словом, они с пленными обращаются очень плохо, бьют, не кормят» (Халбанов С.П., 1 рота, 1 бат 3 сп).

«Одет тепло, государство снабдило меховой телогрейкой, шапкой, свитером шерст., ватными брюками, теплыми байковыми портянками — две пары» (Тумаков, штаб 479 сп).

«Шапок нам нет, выдали какие-то вязанки-подшлемники, они ничего не греют. Нас кормят плохо, хлеба дают 700 граммов, а суп дают полкотелка на двоих, видно отжили хорошо» (Дворников, 33 полк связи).

«Здравствуйте, папаша и мама! Получил известие о смерти моего старшего брата Сергея Васильевича. Да, убит Сережа. Уже больше его не увижу, но горе не убило, слез нет. Жаль, что мало, совсем мало пришлось ему истребить фашистских двуногих зверей — всего 20 дней он участвовал в боях. Пусть он убит, но мы еще живы: Иван Васильевич и Василий Васильевич — мы еще отомстим за брата, за всех, кто пал жертвой фашизма» (Никушин В.В., 693 лап, 2 д-н).

«Где мы находимся, сейчас морозы, зима. Одели и обули нас очень хорошо, дали все теплое, так что зима будет нипочем. Пусть враги мерзнут и померзнет их не мало. Только вы там в тылу работайте так, как положено. Укрепляйте тыл и помогайте рабоче-крестьянской Красной Армии. Мы скорее разобьем этих врагов немецких бандитов, ну вот пока и все...» (Пропин, 173 гап, 2 д-н).

«Нас роскошно одели. Я, например, в жизни так не одевался — меховая шапка, шинель, меховой жилет под шинель, суконная гимнастерка и брюки, теплые белье, две пары шерстяных портянок, валенки, перчатки и варежки — это имеет каждый боец нашей армии. И вот спросите сейчас, чем недовольна наша армия, из ста красноармейцев как один ответят: «Слабостью морозов». Термометр, как назло, не падает ниже 16 градусов, а требуется по крайней мере выше 20, чтобы немцы поперли к нам с поднятыми руками не десятками, как за последние дни, а сотнями.

Один боец учил пленного, обовшивевшего фашиста, как уничтожать вшей. “Ты, — говорит, — напиши своим, чтобы натолкли кирпича и посыпали этим порошком те места в белье, где водятся вши, а потом туда же молотой махорки. Вошь начнет чихать и биться головой о кирпичи”. Тупой фашист слушает, а красноармейцы не выдерживают и громко хохочут» (Делов Д.Д., политотдел тыла армии).

«Война сегодня — это ожесточенные схватки на снежных равнинах людей уже знающих друг друга, привыкших к взаимным фокусам, не

удирающих при виде танка. Люди обозлились, возненавидели врагов всем нутром, до зубного скрежета. Все чаще действуем штыком, молча или со злой матерщиной. Наш русский боец уже глубоко задет за живое и бьется с неимоверной яростью.

Фронт длинный, у немцев уже не хватает сил на всех позициях. На протяжении 10-15 км немцы держатся небольшими изголодавшимися подразделениями... Неподалеку от нас немцы потеряли все и теперь едят собачье мясо. Только быстрота маневров и скорая переброска на машинах жидких резервов дает возможность фашистам парировать удары. Последние дни мы тесним врага. Зима загнала немцев в деревню, одеты они плохо, солдаты устали и панически боятся ночи, непрерывно жгут сараи и дома для освещения территории. На плечах у солдат женские шали, полотенца, тряпье. Хлеба у них не хватает...» (Кадановский, 545 арт. полк).

«Может быть, и Вы уже попали в армию, на очередную мясорубку, она здесь работает полным ходом, только знай поставляй сырье... Кому это нужно, тебе или мне, или каким-то фашистам, которые такие же рабочие, как и мы с тобой. Убивать как кровожадные звери, убивать друг друга самым ужасным способом, уничтожать материальные ценности...

Горько, что люди не могут понять коварный обман и несправедливость, то что их натравливают друг на друга, как диких зверей, во имя благополучия других, которым нужна слава, деньги и т.д., которые недостижимы простым смертным, и все это делается под маской лжи и фальши, т.е. политики...

Придет время, когда на виновников этих бедствий наши потомки будут показывать пальцем и скажут — вот они, кровожадные звери, вот они, людоеды, загубившие ради собственного Я миллионы человеческих жизней» (Дендин В., без адреса).

«Я Вам, жена моя милая, сообщаю о том, что я пока жив и здоров. А так еще веса у меня было 82 кг, а сейчас и 63-х кг нет. Стал легкий. А ружье никому не давай...

«Нас немец гнал, как стадо овец, а мы бежали без памяти. Родители, если у Вас есть много денег в запасе, так мой совет таков, что денег много не собирайте в запас, не больше 30 рублей, ибо они будут не нужны...» (Черноиванов, отд.телеграфная стройрота).

«Питания совершенно нету, каждый день находимся в лесу, в снегу. По двое и трое суток не кушаю, а если дадут, то два маленьких сухаря — 20 граммов на день и кушаю со снегом, потому что воды нет, все время прячемся в лесу от самолетов германских.

В газетах все хвалятся — все для фронта пишут, а на деле на фронте

ничего нет, а когда прочитаешь газету, то подумаешь, что на фронте рай, даже надоело смотреть на такую (нецензурно) войну, паршивую жизнь, что делается на фронте страшно смотреть. Больных много, валяются где попало, потому что нет хозяина. Помещений не хватает, кормежка больных плохая, а командиры жрут в три глотки консервы всякие, свинину, хлеб и жареную картошку. Мое положение сейчас очень тяжелое, я забыл уже, когда я спал, все время в движении, на ногах. Я забыл уже, когда хорошо кушал, мы часто бываем в окружении у немцев. Надо прямо сказать, что наши (нецензурно) по уши, а потом нам о плохом не разрешат ни писать, ни говорить, чтобы никто о плохой войне и жизни не знал.

Таких войн еще не было в жизни ни в одном государстве, срам смотреть на хваленую жизнь и войну. Я не дождусь, когда же будет конец такой адской жизни, я все нервы испортил и даже теперь не могу спокойно уснуть... Такой паршивой жизни нет ни в одном государстве, как мучаются колхозники без хлеба и пищи...» (Толкачев, госпиталь).

«Жизнь меня не радует, скорее бы убили, наступили холода, ноги болят, ходить невозможно, врачи болезни не признают, говорят, что симулирую...» (Дементьев, 792 лап).

«В культурных отношениях живем плохо, газеты даже получаем не аккуратно. По части питания дело обстоит плохо, купить абсолютно ничего невозможно, в части курева живем так же плохо, пачка махорки стоит 20 рублей, водки можно купить по государственной стоимости 34 рубля литр...» (Батов Н.Н., 194 обс).

«Желаю вам пожить подольше, поработать для нас, нашего фронта. Обеспечивайте фронт всеми средствами, чтобы скорее уничтожить гитлеровскую свору, которая сейчас находится на нашей земле. В скором времени эта гитлеровская свора будет улетать с нашей родной земли, а если же будет сопротивляться, то мы уничтожим ее, всю до одного и это будет память Гитлеру о русской земле, он будет помнить как чужую землю захватывать...» (Голандсков, 33 стр. дивизия).

«Я был живым свидетелем на Калининском направлении массовой сдачи фашистской сволочи в плен. Если бы ты видел, какой жалкий и жуткий вид имеют эти собаки в образе человечества... Не далек тот день, когда наша армия будет бить эту сволочь на их же территории, ну и тогда, конечно, пусть не ждет ни один пощады, пусть это будет 3-месячный ребенок, я лично все равно разорву на клочки выродка этих собак...» (Ильичев, 122 артбат.).

«... Моя жизнь стоит теперь на волоске. Смерти ожидаю каждую минуту и такое время тянется уже по месяцу. Много моих друзей валяется в

поле и про них никто не знает. Лебедева, Гонарова и Рыбакова нет. Кондратьев ранен. Эх, дорогая, трудно и охота жить, но наша жизнь опасная. Меня не будет и я не буду думать ни о чем, но твоя жизнь пропащая» (Столыпин, 340 сд, 1140 сп).

«... Я удивляюсь, как остался жив. После боя от нашего взвода, от 26 чел. осталось 6 чел. Очень надоело переносить большие трудности. Ноги опухли. В бане уже забыл, когда был. Напала вошь, валяемся где попало» (Стебнев, 813 сп).

«... В настоящее время мы вступили в бой. Жив то ли буду, то ли нет. Мама, моли Бога обо мне, чтобы жив был» (Дубовицкий М.С., 154 сд, 410 сап. рота).

«... Настали тяжелые моменты для спасения жизни. Днем и ночью всюду нас ожидает смерть. Нет спасения нигде от проклятых самолетов. Еще очень обидно, что в защиту нас мы не видим ни одного нашего аэроплана. На мой возврат рассчитывать трудно, есть счастливичики, которых только ранят, а нам верно голову сломят» (Аникиев П.И., 1101 сп).

«... Каждый день жду смерти, наверное, больше вряд ли увидимся. Я не думаю, что приеду домой из-под таких пуль. Все время наступаем, очень страшно, несколько раз попадал под бомбежку» (Карадинский Н.М., 1099 сп).

«... 24 января был очень большой бой с немцами, стыкались за 15 метров друг от друга, но я удивляюсь как только жив остался. Из нашей роты в этом бою погибло 25 человек, а остальные мы спаслись 10 человек...» (Малов, 1103 сп, мин.бат., 3 роты).

«... Из роты, то есть 160 чел., осталось 9 чел., в том числе и я, а остальные убитые и раненые» (Сорокин А.Ф., 1111 сп, 1 бат., 2 рота).

«... У нас в батарее было 57 чел., а осталось 10 чел., кого ранило, а кого убило. У нас в батарее не осталось ни одной пушки, все немец забрал в плен, а сейчас мы причислены к пехоте. С питанием все же ненормально, потом вши заели нас. В Смоленской обл. м. Брынь мы бежали бегом 7 километров, отступали» (Богомазов А.И., 1103 батарея 45 м/м).

«... Я пока жив, но скоро меня не будет на свете потому, что я сижу в Особом отделе жду решения Военного трибунала, когда вынесет смертный приговор за то, что я снял оружие с огневой позиции самостоятельно» (Пужаев, 1089 сп).

«Вот, что мы наблюдаем — женщина валяется посреди улицы. У нее отрезаны уши, глаза выколоты, живот распорот. Рядом лежит группа бойцов и командиров, у них нет носов, ушей, на лицах рубленые раны. После этих издевательств они были сожжены в огне живыми. Каждый

вечер мы наблюдаем огромные зарева пожарищ от пылающих сел и деревень, и сердце обливается кровью у каждого...» (Сазонов, без адреса).

«В боях был 5 дней, получил обморожение обоих ног. Обморожены пальцы правой руки, которые, наверно, отрежут. На фронте я был 5 суток без валенок. Наша вся рота валенок не получила, все обещали, так и не дали» (Чумаков, 1119 ППГ).

«... Громим немцев, они бегут. Большинство их замерзает, потому что они в кожаной обуви и в летних шинелях. За русскую шапку немцы кричат: “Рус, меняем шапку на автомат!” А мы говорим: “Ничего и в пилотках”, (Третьяков, 943 сп).

«Я не хочу вводить вас в уныние, но не могу и ложно ориентировать. Эта война — серьезная война. Перед нами враг с железной палочной дисциплиной, привязывающий к пулеметам цепями солдат, а мы противостоим с сознательной дисциплиной, которая не до всех еще полностью дошла. Вот поэтому и топчемся на одном месте» (Жабо З.Д., 125 дарм).

«Нахожусь в самом адском положении — смерть на каждой минуте. Нужно иметь большое счастье, чтобы остаться живым в этом проклятом аду, конца войны не видно. Враг отступает, но с большими потерями с нашей стороны. Дома видеть вас не думаю, придется остаться здесь в глубоких снегах» (Гадецкий П.Т., 1278 сп).

«... Насчет кормежки очень плохо, едва ноги носишь, день с хлебом, а день без хлеба. Нам дают 600 граммов на день, очень голодно. Голодной смертью помрешь. Я уже не стал бояться, что меня убьют, наплевать на это. Не стал считаться со своей жизнью, не убьют, так с голоду умрешь» (Булычев, 660 бао, 8 раб).

«... В отношении питания очень плохо. Хлеба полагается 900 граммов, фактически получаем 600-700 граммов, причем суп — одна вода и та за последнее время подается несоленая. Чем все это объяснить, я не могу. У нас как-то вообще с этим делом обстоит плохо, другое дело у немцев. Говорят, что нужно все перетерпеть, вот уже давно терпим, сколько еще осталось, не знаю...» (Сергеичев, 20 сбр).

«Пришлось мне пострадать после ранения, лежал полные сутки в снегу. Сейчас нахожусь в плохом положении — лежим в гражданских квартирах, без матрацев, почти голодные. Никто внимания не обращает, как я мучаюсь» (Малиновский, 33 сд).

«Пишу я последнее письмо, иду в бой на передовую линию огня, так что одна мысль — либо ранят, либо убьют; если ранят — то большое счастье, так что вы меня больше не увидите» (Жмыркин Т.М., 74 кд).

«Меня не ждите потому, что хожу вперед, а смерть за мной, война и месть не та, что были в Ростове. Танки противника видны из окна, перестрелка надоела и мешает продолжать жить. Я не имею представления о своей жизни» (Маслихин П.В., 106 сд).

«Вот когда пришла мука, очень у меня болят ноги, наверное, не придется с вами видаться. Мне очень скучно, своих нет, не с кем поговорить. Как трудно и страшно расставаться с белым светом. Не горюй, молитесь богу, может бог даст увидеть. Были б крылья, улетел бы к вам хоть на одни сутки. Прощай» (Ремезов Ф.А., без адреса).

«Не думаю я домой прибыть, я располагаю, что мне придется в украинских краях и помирать. Надоели мне украинские края, только и ожидаешь себе смерти, как пойдут наши в наступление, так и мы едем следом на лошадях, подбираем раненых и везем в санчасть» (Краснов, 349 сп).

«Отступление их усеяно трупами фашистов, вообще деремся каждый день. Перед смертью начал бросать слезоточивые газы, 5 красноармейцев ослепли, но это не остановит нашего наступления, противогазы есть у всех бойцов» (Ф.И.М., без адреса).

«Белье не хуже портянок, негде сменить его да и смысла нет. Спишь где придется и все время в шинели — еще холодно. Если белье чистое, вшей больше появляется, приходится охотиться за ними» (Бондаренко Н.В., 64 кд).

«Только с одним не мирюсь, это то, что очень много вшей.

Я как выехал из г. Сталинграда, с тех пор не был в бане, уже 4-й месяц» (Коротков Михаил, 131 ТБр).

«Лазим в воде выше колена, мы голодные, паек очень малый, сыты никак не бываем, а купить за деньги ничего не купишь, так что я очень голодный бываю. Больше ничего не достанешь, кроме своего красноармейского пайка» (Дазиров Умар, без адреса).

«Насчет продуктов трудновато. По 500 гр. Хлеба на день, 2 раза приварок, а приварок такой — пшено и горох, больше ничего» (Толиков А.Л., батальон ПТР).

«... Мы пошли в наступление. Один день было благополучно, а на другой день он нас окружил, стал нас бомбить, высадил впереди десант, кругом нас горело, что не было куда деться. Дождались мы вечера, но проклятый немец подметил нас и давай бомбить прямо над Доном, многих убил, многих потопил, многих поранил и много забрал в плен, также много взял, потопил и убил эвакуированного скота, не дал перегнать через Дон...» (Чечков Иван Семенович, 4070 окшр).

«На фронт мы ехали из Рязани, Ростов, Сталинград, а теперь находимся на Дону. Писать больше нечего, жду ответ. Прощайте, прощайте навсегда...

Прощай навсегда, больше не увидимся, передай мальчикам и девочкам по прощальному привету. Писать больше нечего. Прощай и прощай навсегда...» (Глухов Я.Р., без адреса).

«... Настигает большая опасность для жизни. Мне домой не верная никогда и я тебя больше не увижу. Живи как можешь, затем до свидания, пока жив, когда ты получишь мое письмо, тогда, может быть, меня не будет...» (Старков А.А., 47 опмб).

«... Жизнь моя не легкая, воевать мне придется не мало, жить мне надоело. Я бы рад, чтобы меня ранило или убило, было бы легче. Если меня убьют, то мне не нужно будет о вас заботиться, а также о детях, а если тяжело ранят, то ожидай меня домой, я приеду, ибо раненых домой отпускают.

Наташа, я больше без тебя и детей жить не могу, если жить, так жить раненым, но жить вместе. Мне бы хотелось посмотреть на тебя и на своих детей, а тогда и погибать бы, но мне не хочется сейчас погибать, но, наверное, придется умереть...» (Пакомут, 619 сп).

«... Опишу бездарное наше положение. До фронта доехали с горем пополам, по приезде на второй день вступили в бой с немецкими танками и пехотой, и мы были разбиты вдребезги, немного осталось от дивизии. Наше подразделение в 120 человек было вооружено десятью винтовками, осталось в резерве, но попали в окружение танков и чуть не погибли, удалось выбраться. Сейчас дивизия вновь формируется, стоим от фронта км 13... Никогда бы нас немцы не победили, если бы у нас не было продажи, часто посылают в бой с голыми руками, такая участь постигла не только налгу дивизию, но и другие. Люди голодные, измученные походом вступают в бой с голыми руками. Вот как мы воюем... Положение наше неважное... Писать есть много кой-чего, но нельзя. Настроение чертовски плохое... Немец воюет не считается, по одному человеку бьет из пушки, а нам на человека жалко пулеметной очереди. Враг силен, как его одолеть — вопрос...» (Трушков Я.А., 358 пах).

«... Сегодня весь день авиация немчуры не давала никакого покоя, хоть зарывайся на 100-1000 метров, а достанет. Наших самолетов не видно было целый день, и это не только сегодня, но было вчера и будет завтра. Нет никакого сопротивления, что хотят, то и творят с наземными войсками... Ведь до чего дошло, что летчик из нагана бьет по пехоте, насколько они не боятся и как низко приземляются. Как не замаскируй окоп — все видит...

Ой, сколько сегодня на нашем направлении было самолетов, это ужас и главное то, что одна партия уходит, а другая приходит. Ну где наши самолеты, почему нам не помогают?..» (Квасов Г., 265 истреб. противавиановый дивизион).

«... Вы думаете, что для меня страшен фронт или страшна смерть? На эти вещи я смотрю, как на явления — дождь или снег. Но только одно мне остается непонятным, что у нас кругом обман и насильствие, что мы настолько демагогичны, что не видим действительности и говорим на предмет черный. Так выходит с нашей свободой, с нашей техникой, когда самолеты неприятеля днем и ночью парят в нашем российском воздухе. И, глядя на это, берет сомнение, что у нас развита техника, о которой говорят нам книги и лекторы.(...) Так, сегодня опять предстоит голодный 45-километровый марш ближе к фронту, о котором так мечтают бойцы, ибо голодная угнетающая жизнь всем надоела и желает каждый или смерть, или раны и освобождения...» (Без фамилии и адреса).

«... Нахожусь в очень плохом положении. Вот уже 3 дня, как я не кушал. Немец очень сильно бомбит, а я лежу в окопе голодный, на спине пулемет, стрелять нет сил, хочется кушать и кушать...» (Агапов, 1045 сп).

«... Я нахожусь на волоске от смерти. Сегодня, 15 октября, все кишки перевернуло и сильно рвало. Вся причина в этом — проклятые галушки да каша из пшеницы. Лучше быть голодным, но не есть эту пищу. Вдобавок к этому стали давать муку, вот и представь себе, что мы кушаем...» (Абросимов, 140 ОСБр).

«... Да, дорогая мама, бой здесь с 18 по 20/IX был большой и сейчас он продолжается. 18/IX было начало наступления на этом фронте и “мясорубка” была хорошая. Много было изрублено за эти 2-3 дня и пролито крови, и все ради чего? Из-за славы, власти и богатства какой-то кучки людей... Да, дорогая мама, проведенные мной несколько дней, то есть за 15-20 дней, меня, как говорится, переродили совсем, и сейчас я стал совсем другим, чем был раньше. Только теперь я понял всю политику этой войны, за по и кого мы проливали свою кровь и ложим свои головы...» (Без фамилии и адреса).

«... Наш полк разбили за два дня. Убитых, раненых много, так что тошно глядеть, сердце захватывает. Если вам все описывать, то очень много бумаги надо. Что здесь творится на фронте? Немец так бьет, что нигде нет спасенья. У нас все измена. В тылу и на фронте кормят в трое суток один раз и не досыта. Здесь в лазарете кормят два раза в сутки. Хлеба дают 600 гр., плохой суп, немного каши. Жена и дети, как-нибудь живите, видно мое такое счастье — что даст господь...» (Без фамилии и адреса).

«... Я жив, а через секунду, может быть, убьют, потому что здесь жизнь секундная. Хотя вы и пишете не думать о смерти, но я не думаю, чтобы остался жив, потому что очень сильные бои, много народа перебито, трупы лежат на земле, жутко смотреть, и немцы и наши лежат, бедняги, гниют и никому не нужны, хотя бы похоронили, а то валяются, как снопы. Танки ездят по людям, как по дровам. Танк весь в крови, жутко смотреть. Со мной такие товарищи, которые с первого боя ранены, есть такие, которые не успевают увидеть немца, как его убьют или ранят. Я считаю человека, которого ранили в руку или в ногу, счастливым, а то ведь большинство убивают...» (Коваленко В.И., 422 сд).

Из солдатских писем за 1943, 1944 и 1945 гг.:

«... Я пока жив и здоров. Что будет дальше под этой проклятой Тросной и представить себе не могу. Дядю, Фрол. Мих., ранило под ней, а меня, вероятно, убьют. А все же люди идут грудью на гитлеровскую броню» (Чекалин И.Е. п/п 68577).

«... Мы сейчас пошли в наступление, у нас сейчас самое жаркое время. Дорогой брат, какое у нас сейчас на фронте положение, я даже не могу передать, это один ужас, за время моего пребывания в армии я только что теперь увидел самое страшное, а поэтому я сейчас потерял всякую надежду остаться живым, временами доходишь до отупения...» (Хряпкин И.Д., п/п 66930).

«... Я вам сообщаю про свою жизнь. Жизнь у меня очень плохая, и плохо на нашем направлении, очень сильный бой, и не знаю, останусь живой или нет, положение трудное, вернусь или без ног и рук...» (Казеров Г.Г., п/п 68564).

«... Ты говоришь, что Вам пришлось переживать очень трудно, ничего, те ужасы, что пережил я, когда они приснятся ночью, то просыпаюсь в холодном поту, я стал почти седой, ну, ничего, бог даст, увидимся, но навряд ли, потому что, где я нахожусь, мало кто останется жив...» (Куксин Н.Н., п/п 03335).

«... Дорогой Мих. Ив., ты бы на меня посмотрел, то, наверное, не узнал, как я поправился в обратную сторону. На нашем участке идут большие бои, и не знаю я, придется нам увидаться, что-то не верится. Мы переживаем все невзгоды, жизнь в окопах “роскошная”». (Бегутин И.А., п/п 01165).

«... Ну, еще неизвестно, жив ли я останусь. Мы сейчас ведем бои большие с немцами, и, может, все это к лучшему, страшно все надоело, и конца краю не видно, проклятая война эта...» (Неравный, п/п 71694).

«... Хочу я себя унизить перед смертью, потому что в таком бою все мы смотрим смерти в глаза, но я пока жив, часть моих товарищей погибла, а часть искалечило на всю жизнь...

... А сейчас такие бои, что я не могу даже описать, как войны сдерживают натиск врага, самолеты с воздуха бомбят...» (Челищев, п/п 24085-3).

«... Что с вами теперь вряд ли будет свидание, с 15 июля я нахожусь на передовой позиции, в воздухе шум самолетов, на земле шум пушек, и видно только один дым. Уже терпишь, нет сознания, и ожидаешь каждую минуту себе смерть, а поэтому прощайте, моя родная семья, жаль только своих малых детей, как будут жить без родного отца, сумлевайтесь вы сами, а мене вам надежды нет, через такую страсть не переживешь. Дойдет мое письмо, а меня и на свете не будет, всех моих товарищей из Ертиля убили, один я остался...» (Мурыгин, п/п 01144-м).

«... Одному богу известно, как это адски тяжело находиться каждое мгновение под угрозой смерти. А сколько мы уже потеряли товарищей? Я не могу об этом писать цифрами, но скажу своими словами, что от нашего взвода осталась жалкая кучка людей. Смерть и только смерть ждет меня. Смерть здесь везде и повсюду. Никогда мне не свидеться больше с тобой, смерть, страшная, безжалостная и беспощадная, оборвет мою молодую жизнь. Где же мне набрать сил и мужества, чтобы переносить все это? Все грязные до невозможности, обросли и пооборвались. Когда же будет или нет конец этой ужасной войне? Прощай, это письмо будет последним (как хотелось, чтобы оно не затерялось, это прощальное письмо). Прощайте навеки» (Иванов, п/п 64064-Б)

«... Папаша и мамаша, я вам опишу свое положение, мое положение плохое: меня контузило. У нас в полку очень много погибло людей, ст. лейтенанта убило, командира полка убило, моих товарищей побило и много ранено, теперь только очередь за мной осталась. Мама, я за 18 лет не видал такого страха, какой был за это время, только знает грудь моя и рубаха. Мама просите у бога, чтобы я остался жив, вашу бумажку читаю 40 раз и думаю, может, чего поможет» (Самохвалов, п/п 77066).

«... Какое у нас сейчас положение на фронте, я даже не могу передать. Это один ужас, за время теперь увидел самое страшное, а поэтому я сейчас потерял всякую надежду остаться живым, временами доходишь до одурения...» (Хряпкин, п/п 66930-6).

«... Жаркий был бой, но враг разбил свои зубы у наших ворот, его “тигры” сломали себе шею, пытаясь перепрыгнуть через наш оборонительный хребет. Враг захлебнулся в своей поганой крови. Враг не

прошел. В этих боях мы завоевали себе честь и славу и теперь будем гвардейцами...» (Морозов М.А., п/п 18894).

«К вечеру 21 апреля наше подразделение послали в атаку. До чего я был спокоен, сам удивляюсь, как никогда. Я знал куда иду и что может быть. А в голове: ну что же, дома семья, родные, мать, которых я обязан защищать как истинный русский патриот, солдат. Пришли на место, залегли, получили задачу, а вражеские пули то и дело свистят, одна из них как раз ткнулась перед моим плечом. Одного земляка из Татарии успело ранить через человека от меня. Дали сигнал. Бросились вперед перебежками по топкому болоту. Тут пошла стрельба из всех видов оружия. Кругом свистели пули, рвались снаряды и мины, а я бегу и ложусь, бегу и ложусь... Жуткости, боязни никакой не чувствовал, меня как-то толкало все вперед и вперед.

Но пришлось и мне выйти из строя. В одной из перебежек меня что-то сильно стукнуло по голове, и боли не почувствовал. Тут только я не помню, сам упал или свалило. Сначала подумал, что, наверное, это ударило комками грязи, как и до этого было от разрывов снарядов невдалеке. Лежу на правом боку, закрыв глаза. Открыть сумел только правый глаз и увидел, что кровь течет всюду, залита вся грудь. Ну, думаю, теперь все. Раз ударило в голову и так течет кровь, сейчас вот-вот потеряю сознание — и конец.

А боли никакой не чувствую, только голове тяжело. Лежу, жду и вспоминаю все-все» (Платонов Н.А., 22 сп, 92 сд).

«... В 12 часов дня получили приказ занять немецкие траншеи. Поднялись все из своих траншей, двинулись на немцев. Но ни одного выстрела не было со стороны противника: оказалось, что немцы бежали на новую линию обороны. Миновав немецкие траншеи, мы двинулись вперед и прошли километра 3 на запад, заняли одно сожженное село. Вот здесь немцы нас стали осыпать из минометов и орудий. Впереди шла наша разведка. Погиб один друг из Ижевска — Семенов Михаил...

Вечером заняли оборону. Разместились в немецких землянках. На другой день перешли в наступление на одну станцию и крупный населенный пункт. Идут ожесточенные бои. Фашистская сволочь сильно сопротивляется, цепляясь за этот занятый рубеж...

Всем охота остаться живыми. Но и смерти никто не боится, нужно же кому-то умирать. Без этого не бывает сражений, войны» (Караулов Н.П., 405 опаб).

«... Сейчас мы находимся в лесу около озера. Очень красивое место. Сегодня глушили рыбу, ничего не вышло. Но зато чай пили с черникой. Сейчас послал ребят за ней, думаем сделать варенье. Живем весело. Сейчас

играет баян, слушаем музыку попеременно с артиллерийской канонадой... А сегодня будем смотреть картину “Кутузов”. Вообще живем на все 150 процентов и будем жить на 200, когда разобьем эту банду, а этот день не так далек.

Сами видите, как дела идут» (Саморуков И.В., 576 сп, 115 сд).

«В конце марта встретился с немцами. С тех пор непрерывно нахожусь на фронте. О г. Ковеле, наверное, слыхала из сводок Совинформбюро. Под этим городом я провозился более 2-х месяцев. Время было тяжелое: дождь, снег, грязь и все прочее. Но мы не унывали, немцев били крепко.

Потом участвовал в прорыве его обороны западнее Ковеля. Вот где немцы почувствовали силу нашего удара. С боями форсировали Западный Буг, перешли государственную границу, прошли много по Польше.

Здесь живут по-разному. Есть небольшое число поляков, которые живут богато, но это единицы. Основная масса крестьян живет очень бедно. Почти ни у кого нет хлеба. Живут только на картошке, ходят босые, так как обуви нет, вообще картина неприглядная. Встречают нас с радостью, видно, что немец им очень “насолил” (Маккий Н.М., 641 сп, 165 сд).

«... Идем в первый эшелон, снова на “передовую”. А эти дни отдыха прожили, можно сказать, замечательно. Расположились в господском доме. Большой, богатый дом. Дорогая мебель. Тепло, чисто, светло. А что еще нужно солдату после походной жизни?

Впервые за много дней, а быть может, и месяцев, спали на кроватях с перинами. Недавно здесь жил помещик, теперь здесь “барствовала” солдатня — наши “славяне”. Я добрался до библиотеки. Досыта покопался в книгах.

Говорят у нас так: “Солдат просто справляет праздник. Нашел масло — значит, масленица, нашел яйца, сметану — пасха, а ничего не нашел да от кухни отстал — значит, великий пост. Так вот и у нас в эти дни была масленица — все пекли блины” (Хмелев Г.В., без адреса).

«Живу я пока что очень хорошо. Чувствую себя пока что тоже неплохо. Правда, иногда побаливает рана на голове, но это ничего, еще терплю. А насчет питания здесь, я уже тебе писал, чего душа желает... В общем, если бы здесь не стреляли, так я бы чувствовал себя как на курорте...» (Соболев М.Н., без адреса).

Из дневника танкиста Панарина Ивана Сергеевича:

«Мы пошли в атаку в Померании. Прорвав оборону немцев, двинулись вперед два танка нашего взвода, шесть горели, убит Литвиненко, нашу

машину ударил снаряд, но не пробил. На шоссе мы вышли первыми, подавили очень много немецких повозок — как военных, так и гражданских. На одном тракторном прицепе наш танк встал креном, и поехать ни назад, ни вперед было нельзя. Немцы, видя, что больше танков нет, с гранатами в руках подходили к нам. В машине было много людской крови и конской крови, у нас отказал пулемет, у меня было лихорадочно-нервное состояние, но все же я вылез из машины и стал вместе с Голотенком отбивать немцев фанатами. Скоро подошли наши танки. Немцы — часть убежали, часть — убили мы. Нас буксиром стянули с прицепа, и мы поехали за своими. Вечером недалеко от города Бранденбурга у нас соскочил подшипник ленивца и порвалась гусеница. На шоссе наших близко не было, только гражданские немцы собирались из лесов по домам. Слева были дома, а справа, метров двести, — лес, ехать нельзя. Я достал лобовой пулемет, пять дисков, штук шесть гранат, а остальной экипаж исправлял танк. Шел дождь, было темно и опасно, я открыл по деревне огонь из пулемета, но там видно никого не было. После чего я пошел в дом, достал вина, немного выпили. Напиваться было опасно. Мы по уши в грязи и крови. Подошел 3-й батальон, а потом летучка. Нам стало веселей, скоро исправили машину и поехали дальше. В Бранденбурге выпили еще и ночевали до утра. Я переменял одежду, так как весь был мокрый» (27 февраля 1945 г.).

«Заняли город Нейштадт. Встали около одного магазина, замаскировали машину, достали вина, рому и проч., выпили. Гражданского населения было мало. Я зашел на хлебозавод, там были русские парни, они меня угостили и пожаловались на своего мастера, что он очень издевался над русскими. Один просил наган, чтобы самому его застрелить. Я не дал и сам стрелять не стал, а так этому мастеру насовал в лицо, что он упал и долго не мог опомниться, а потом, когда я собрался уходить, он пожал мне руку и говорит: “Руссиш гут”...» (8 марта 1945 г.).

До победы оставалось два месяца!

4. ФРОНТОВЫЕ КОМАНДИРЫ, ГЕНЕРАЛЫ И МАРШАЛЫ

В годы войны советский офицерский корпус потерял 35% от общего числа офицеров, состоящих на военной службе. Это 1023,1 тыс. чел. погибших в сражениях, умерших от ран и болезни, пропавших без вести и попавших в плен.

В том числе погибших, умерших от ран и болезни — 61,68% (631003), и пропавших без вести, попавших в плен — 38,32% (392 085).

Потери младших офицеров в этом списке составили, однозначно, ведущее место:

младшие лейтенанты — 279 967;

лейтенанты — 353 040,

старшие лейтенанты — 168 229,

капитаны — 71 738,

Всего: 872 974.

Далее идут старшие офицеры:

майоры — 19 404,

подполковники — 4887,

полковники — 2502,

Всего: 26 793.

И завершают его генералы и адмиралы: 416.

Безусловно, и то, что самые значительные потери офицерский корпус Красной Армии понес в командном составе. Это 80,3% от общему числу потерь.

Или 536 359 — погибших и умерших и 284 571 — пропавших без вести, попавших в плен.

А всего: 820 930 из 1023 088.

А если говорить о потерях по видам и родам войск, то самые страшные потери понесли офицеры Сухопутных войск — 95,13% от общего числа потерь.

Или 607 217 — погибших и умерших, 366 043 — пропавших без вести, попавших в плен.

А всего: 973 260. В том числе, командный состав пехоты — 58,54%.

Или 389 467 — погибших и умерших, 180 327 — пропавших без вести, попавших в плен.

А всего: 569 794.

Судите сами: общая списочная численность командно-начальствующего состава армии и флота на 1 января 1941 г. составила всего 579 581 чел., из которых — 426 942 приходилось на Сухопутные войска. На общем учете офицеров запаса армии и флота состояло 915 951 чел. При развертывании армии и на доукомплектование флота по мобилизации в 1-й месяц войны было призвано 652 336 офицеров запаса, или 74,1% всех ресурсов.

На восполнение потерь командного состава действующих фронтов в 1941 г. было дополнительно отмобилизовано — 265 119 офицеров и младших командиров запаса.

При этом наибольшее число безвозвратных потерь в офицерском составе армия и флот понесли в 1941-1942 гг. — более 50% всех потерь офицеров за войну.

Только в 1942 г. потери офицерского состава составили свыше 550 тыс. чел.

В 1943 г. — 217 тыс. офицеров, а 400 тыс. выбыли из действующей армии в связи с ранениями и болезнью.

В 1944 г. — общие потери офицерского состава составили более 500 тыс. чел.

В 1945 г. армия и флот потеряли более 80 тыс. офицеров.

Референт по обобщению тактического опыта в Генеральном штабе сухопутных войск Германии Э. Миддельдорф в своей книге «Русская кампания: тактика и вооружение» писал о русских: «В ходе минувшей войны они исключительно быстро учли опыт первого этапа и приспособились к немецким способам ведения боевых действий. В частности, они заимствовали у немецкой армии использование крупных соединений бронетанковых войск для решения оперативных задач, массирование артиллерии и танков на решающих направлениях и непрерывное наращивание сил из глубины.

Таким образом, русские в 1944-1945 гг. придерживались в основном методов ведения боевых действий немецкой армии периода 1941-1942 гг. А немецкие “учителя” уже не могли что-либо противопоставить своему ученику, так как приказы Гитлера мешали применению испытанных немецких принципов ведения боя. (...)

В русской армии управление войсками, построение боевых порядков и использование соединений, частей и подразделений, а также постановка им боевых задач были направлены на то, чтобы ввести противника в заблуждение, заманить его в ловушку и нанести внезапный удар.

Постоянно проводимая маскировка, строгое соблюдение тайны, распространение ложных слухов, систематическое применение ложных позиций — все это характеризовало русские приемы ведения боевых действий.

Русские войска неуязвимы от внезапных ударов. Однако если удастся нарушить строгую схему, по которой организован бой, или лишить командиров подразделений возможности влиять на своих подчиненных, то среди русских солдат на мгновение возникает паника...

Основным видом боевых действий русской армии является наступление. В русском полевом уставе 1943 г. было указано, что “только наступление, проводимое с твердой решимостью уничтожить противника в ближнем бою, приносит победу”.

Постоянное стремление во что бы то ни стало наступать и ограничение инициативы низшего звена командного состава приводило к непрерывным повторениям захлебнувшихся атак и к большим потерям. (...)

При рассмотрении русской тактики нельзя не учитывать искусства русского командования, способности русских людей переносить непогоду и их умение быстро преодолевать трудные участки местности. Однако на воплощение тактических принципов в жизнь отрицательно сказалась громоздкость организационной структуры армии и несамостоятельность массы русских солдат».

Вот такие вот откровения немецкого профессионала были изданы в послевоенное время.

Однако учиться Красной Армии предстояло на собственных ошибках, а значит, на крови и костях!

В начале 1942 г., когда наши войска то и дело вгрызались в немецкую оборону, расшатывая ее на различных участках, они не были в состоянии прорвать фронт. Впрочем, одной из причин было непонимание того, что количеством дивизий тогда нельзя было определить соотношение сил.

Маршал Рокоссовский вспоминал: «Мы давно забыли, что дивизия — это 8 тысяч бойцов. Наши соединения насчитывали 3,5, а то и 2 тысячи человек; редко какая дивизия имела 4 тысячи, и та после одного — двух боев по численности приближалась к остальным.

Между тем у противника численность личного состава пехотной дивизии достигала 10-12 тысяч, а танковой и моторизованной — 12-15 тысяч». И вот еще: «Наша слабость определялась уже не только малочисленностью в людском составе частей и соединений, но и слабым вооружением. Не хватало в большом количестве автоматического оружия (пулеметов), мало имелось минометов, образовался огромный некомплект

артиллерийских орудий разных калибров, танки исчислялись единицами, недоставало транспортных средств... Самым больным местом оказалось очень слабое обеспечение артиллерийскими и минометными боеприпасами. (...)

Нашей пехоте, наступающей жиденькими цепями, приходилось продвигаться по глубокому снегу под сильным огнем. Весьма слабую поддержку оказывала артиллерия, располагавшая малым количеством стволов и испытывавшая нехватку снарядов. Еще не видя противника, то есть задолго до атаки, наша героическая, но измученная пехота выбивалась из сил и несла большие потери».

Таким образом, Ставка ВГК и Генеральный штаб продолжали требовать от войск продолжение изматывания противника, после того как враг был отброшен от Москвы.

Однако изматывали они прежде всего сами себя.

Как вспоминал Рокоссовский: «Мне была непонятна основная цель действий войск Западного фронта. Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому “каждый солдат должен знать свой маневр”. И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место армии в этой операции. Такое желание — аксиома в военном деле». Но приказ оставался приказом, и будущему маршалу оставалось лишь одно — «думать о том, как лучше выполнить задачу».

Так и воевали тогда. А ведь шел уже сорок второй!

Более того, по вине командиров частей, соединений и командующих армиями нередко имели место плохое руководство боем. Вследствие чего части имели большие потери, совершенно не добиваясь должного успеха в проведении боевых операций.

Например, не принимались меры к организации войсковой разведки. Зато очень часто предпринимались неподготовленные лобовые удары на широком фронте.

Нередко планы наступлений просто не проверялись, а потому они оказывались неподготовленными.

В них отсутствовало единое руководство, т.к. каждое соединение или часть действовали самостоятельно, без какого-либо взаимодействия.

Кроме того, отдельные командиры частей могли себе запросто позволить самоустраниться от управления боем, перепоручив это своим подчиненным.

Например, «командир 36 отдельной стрелковой бригады подполковник Кононенко наступлением своих подразделений не руководил, а

перепоручил это врид. нач. штаба бригады майору Сметана, недостаточно компетентному в военных вопросах. Подразделения бригады под управлением Сметаны 29.12.41 г. два раза предпринимали атаку противника у дер. Чертаново, но успеха не имели и к концу дня отошли на исходные позиции. (...)

Командиры 36-й и 49-й отдельных стрелковых бригад не использовали орудия ПТО при наступлении пехоты, в результате чего 30.12.41 г. противник окружил подразделения этих бригад несколькими танками и безнаказанно расстреливал личный состав этих бригад.

Подразделения 36-й и 49-й иосб успеха не имели и отошли на исходные позиции, потеряв до 70% личного состава.

Для участия в прорыве обороны противника были выделены 19 танков 22 и 146 танковых бригад, половина которых противником выведена из строя, так как командование танковых бригад и стрелковых частей (354 сд, 36 осб и 2-й Гвардейского кавкорпуса) не разведало систему огня, наличие на переднем крае у противника противотанковых средств».

Вот что докладывали особисты об итогах военных действий частей 1-й Ударной армии 14 февраля 1942 г, «Успехи нашей армии обуславливались:

Непрерывностью и стремительностью атак на позиции противника.

Смелостью и самоотверженностью личного состава.

Высоким морально-политическим сознанием личного состава.

Правда, в ходе операций со стороны отдельных командиров подразделений и соединений в целом допускались грубейшие ошибки и недочеты, которые приводили к большим потерям.

Командование соединений и работники оперативного отдела не изучали места проходов между укреплениями и обороной, где можно было скрыто зайти в тыл или во фланг противнику.

Не было постоянного наблюдения за огневыми точками противника и этому вопросу не уделялось внимания.

Выполняя задачу на прорыв укреплений противника, наши части действовали в основном лобовыми ударами, шли на укрепления без достаточных технических усилий и в большом некомплекте в личном составе.

Работники Опер, отдела штаарма неглубоко продумывали планы наступления и несвоевременно доводили его до отделов штаба.

Боевые приказы до штабов частей доходили с большим запозданием. Зачастую части шли в наступление вслепую, попадали под сильный огонь противника и отходили на прежний рубеж, не выполнив поставленной задачи.

Часто терялась связь между подразделениями и штабами.

Характерными в этом отношении примерами являются следующие.

При наступлении на дер. Гаврилово артотдел не провел соответствующей артподготовки и лишь потому, что не был поставлен оперотделом штаба в известность о плане наступления. В результате пехота понесла большие потери.

Санотдел, не зная планов наступления, в районе дер. Никольское не организовал эвакуацию раненых. Точно по таким же причинам Инженерный отдел не организовал переправу танков через канал Москва — Волга, в результате 2 танка утонули.

41 сб 29 декабря 41 г. была введена в бой. Наступление, как требовал приказ по армии, должно было начаться в 6 часов утра, но благодаря неорганизованности оно началось в 8 ч. Силы противника разведаны не были. Связь между подразделениями и со штабом бригады отсутствовала. В итоге за 3 дня боев бригада, не выполнив приказа, потеряла убитыми — 290 чел., ранеными -700 чел. и без вести пропавшими — 400 человек.

1-го декабря 1941 г. 44 стр. бригада прямо с марша была брошена в бой за дер. Степанова. Силы противника и его огневые точки установлены не были. Попыток к фланговому обходу не проводилось, артподготовка из-за отсутствия в бригаде пушек проведена также не была. В результате брошенные в наступление подразделения не выдержали огня противника и отошли на исходные позиции, потеряв в этом бою 30 чел. убитыми и 150 человек ранеными.

3 декабря в бою за эту же деревню командованием бригады не были учтены недочеты первого боя, подразделения также шли в лобовую атаку и под сильным огнем противника в беспорядке отошли на исходные позиции, неся при отходе значительные потери в людском составе. За время этого боя в одном 1-м б-не из 45 человек командного состава вышло из строя 20 человек, в том числе 4 командира роты, 2 политрука и 14 командиров взводов. (...)

До середины декабря м-ца в Оперативном отделе (армии) не были распределены обязанности между оперативн. работниками, работали по отдельным поручениям и никто не нес ни за что ответственности, в результате неорганизованности и обезличенности в работе работники Оперативного отдела иногда даже не знали места нахождения и действия отдельных подразделений».

Кроме того, в состав 1-й Ударной армии было придано 2 танковых батальона (66 танков, в т.ч. 15 — KB, 12 — Т-34 и Т-60 — 39 плюс пополнение, которое проходило медленно и неорганизованно). Только на

марше из строя вышло 9 машин. Общие их потери с 1.11.41 г. по 20.1.42 г. составили 77 машин. Из них было подбито в боях — 33; утоплено на переправах — 4; вышло из строя по техническим неисправностям — 42 машины.

В процессе боевых действий были выявлены следующие недостатки в применении танков:

1. Операции детально не продумывались.
2. Взаимодействие с другими родами войск не организовывалось.
3. Разведка районов движения танков не проводилась. Кроме того, до 16 января 1942 г. в армии не было ни одной ремонтной бригады для восстановления танков, и полностью отсутствовали запасные части. Из-за чего застрявшие в болотах танки так и не были вытаснены, а 33 подбитые артогнем машины и 42 вышедшие из строя по техническим неисправностям были оставлены на своих местах не эвакуированными.

Вскоре 1-я Ударная армия была передана на Юго-Западный фронт, а 3 марта 1942 г. особисты снова докладывали руководству о недостатках, которые, видимо, никто не хотел устранять: “1) неудовлетворительно поставленная служба разведки и наблюдения за противником;

- 2) частая потеря связи между подразделениями и штабами;
- 3) плохое взаимодействие соединений и родов войск во время наступательных операций;
- 4) пренебрежение к фланговым обходам сил противника, действие в основном лобовыми ударами даже при отсутствии поддержки артиллерии;
- 5) зачастую непродуманная, без учета всех конкретных условий и возможностей, разработка и проведение боевых операций;
- 6) слабая работа Оперативного отдела штаарма, несвоевременное вручение боевых приказов частям, из-за чего они нередко шли в наступление вслепую, без должной подготовки и разведки;

7) неудовлетворительная работа тыловых управлений армий. Эти же недочеты характерны для 1-й Ударной армии и сейчас. Зная о том, что к огневым рубежам имеется только одна дорога, штаарм, управление тыла не использовали саперных батальонов для прокладки новых дорог и разъездов, не разработали плана движения частей, не организовали службы регулирования. В результате все рода наземных войск и обоз передвигались неорганизованно, дорога была быстро приведена в негодность. От встречного транспорта создавались сплошные пробки. Артиллерия, танки и сотни машин с боеприпасами, продовольствием и горючим целыми сутками простаивали на одном месте. Промежуточно-заправочные пункты по вине начальника штаба армии майора Васильева вовсе не были

организованы, что еще больше увеличило простой машин и усилило дезорганизацию в снабжении частей боеприпасами и продовольствием, а также ставило колонны под угрозу бомбежки вражеской авиацией. (...)

Оперативный отдел штаба армии работает негибко, вслепую, Начальник отдела полковник Фурсин только в последнее время распределил обязанности между своими помощниками, но вместо изучения обстановки, хода операций и контроля за соединениями, они значительную часть времени тратят на выполнение поручений, не имеющих прямого Ношения к их службе...

Были случаи, когда штаармом боевые приказы частям и соединениям спускались с большим опозданием и перепутывались, разрабатывались без учета обстановки и задач, поставленных перед каждым соединением.(...)

Глубокого изучения участка предстоящего наступления как в частях и соединениях, так и штабом армии проведено не было; огневые точки и инженерные сооружения противника перед наступлением не были выявлены;

Пехотные части были введены в бой без приведения их в порядок после длительного и тяжелого марша.

Не имея достаточной и своевременной поддержки артиллерии, минометов и танков, стрелковые соединения не выполняли поставленных перед ними задач и во многих случаях отходили назад.(...)

13-14 февраля 129 сд наступление вела только силами пехоты. Приданная артиллерия участия в боях не принимала: 264 пап АРГК стал на огневые позиции 15 февраля, а 613 артполк прибыл только 17 февраля. Полковая артиллерия дивизии бездействовала из-за отсутствия выстрелов, которые были еще вместе с тылами в пути.

84 стр. бригада была введена в бой без артиллерии. Приданная ей артиллерия прибыла в район сосредоточения на два дня позднее пехоты.

50 стр. бригада 17 февраля в наступлении на дер. Утошкино не использовала крупнокалиберной артиллерии — не было к ней снарядов.

Армейский 701 пап из-за отсутствия снарядов не использовал своей мощной крупнокалиберной артиллерии в боях по уничтожению узлов сопротивления противника.

25 февраля наступление 254 стр. дивизии на дер. Деревково не сопровождалось артиллерийским огнем из-за отсутствия снарядов.

Неподавленные огневые точки противника при подходе к ним нашей пехоты на 50-60 метров открывали ураганный огонь и вынуждали ее отходить обратно. (...)

201 и 129 стрелковые дивизии, 41,47, 50 и 84 стр. бригады зачастую

ведут наступательные операции за овладение населенными пунктами только лобовыми ударами, хитрости и обходных маневров не применяют, мест проходов и ударов по флангам и тылам не выявляют. Нередко командный состав не рассредоточивает подразделения, при наступлении ведет их скученно, толпой, тем самым вызывая излишние потери.

19 февраля сего г. командир стр. полка 201 сд подполковник Варкална приказал командирам батальонов овладеть дер. Утошкино. Данных о силах противника, его огневых точках, о путях подхода к деревне батальоны от командира не получили. На исходные рубежи подразделения шли по компасу, заблудились и попали в болото. Лишь к утру они вышли на исходные рубежи. Атака на Утошкино немцами была отбита, подразделения понесли большие потери.

Командир стрелкового полка 129 сд подполковник Соколов приказания подчиненным командирам дает будучи выпивши, данных разведки не обобщает, кто из артиллерии будет поддерживать наступление, зачастую не говорит. Все это вынуждены выяснять сами командиры. (...)

Отдельные стрелковые бригады (2 гвардейская, 84), энергично стремительно начав наступление пехоты, добивались успеха в боях и вышибали противника из населенных пунктов. Однако закрепить и развить успеха не могли, так как продвигались в одиночку, без поддержки соседей артиллерии. Неподавленные огневые точки немцев открывали ожесточенный фланговый огонь, под силой которого бригады отходили обратно. (...)

Только за первую неделю боев — с 15 по 22 февраля — потери армии убитыми и ранеными превысили 16 000 чел.(...)

Интендантское управление армии не учло особенностей участка — удаление от железной дороги на большое расстояние — и не приблизило головные склады к передовым позициям. До последнего времени эти склады находились на расстоянии 180 км от передовых частей, а промежуточных складов не было создано.

Имея ограниченна число транспортных машин, части не в состоянии обеспечить бесперебойный подвоз боеприпасов, продовольствия, фуража и горючего...»

20 мая 1942 г. войска Крымского фронта потерпели поражение на Керченском полуострове. Хотя этот фронт располагал 16 стрелковыми дивизиями, 3 стрелковыми бригадами, 1 кавалерийской дивизией, 4 танковыми бригадами, 9 артиллерийскими полками усиления, 401 самолетом, в том числе 176 исправными истребителями и 225 исправными

бомбардировщиками. А противник имел всего 7 пехотных дивизий, 1 танковую дивизию, 1 кавалерийскую бригаду; 1 механизированную бригаду и до 400-500 самолетов.

В директиве Ставки ВГК № 155452 от 4 июня 1942 г. Сталин подчеркнул несостоятельность руководства войсками фронта со стороны командующего, члена Военного совета, начальника штаба и представителя Ставки ВГК.

При этом основной причиной он назвал полное непонимание природы современной войны командованием фронта и представителем Ставки, которое нашло выражение в следующих фактах:

«1. Опыт современной войны, где танки и авиация играют большую роль показывает, что исход боя и судьбу войск нельзя ставить в зависимость только лишь от полевых укреплений и линейно растянутых по переднему краю сил боевого порядка. Войска, растянутые в линию по переднему краю линии обороны, могут быть прорваны, как говорят об этом многочисленные факты. Поэтому главная задача состоит в том, чтобы иметь сильные вторые и третьи эшелоны, развернутые на подготовленных в глубине рубежах, армейские фронтовые резервы, которые должны задержать прорвавшегося врага, а затем контрударом разгромить его. При этом расстановка вторых эшелонов и резервов должна всегда производиться с обязательным учетом характера местности. Например, открытая, ровная местность, как это имело место на Керченском полуострове, требует от всех командиров более глубокого построения своих боевых порядков, выделения сильных резервов в глубину, с размещением их на узлах дорог, в населенных пунктах, достаточно удаленных от передовых позиций, дабы иметь время для развертывания этих резервов и выдвижения их против прорвавшегося противника.

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта растянуло свои дивизии в одну линию, не считаясь с открытым равнинным характером местности, вплотную пододвинуло всю пехоту и артиллерию к противнику, резервов в глубине не создало, причем на одну дивизию приходилось на фронте не более двух километров, — значит, фронт имел возможность создать вторые и третьи эшелоны.

Вследствие этого, после прорыва противником линии фронта командование оказалось не в силах противопоставить достаточные силы наступающему противнику. Приступив же с опозданием к организации контрудара по прорвавшемуся противнику, командование фронта не могло довести это дело до конца, ибо противник атаковал дивизии, разрозненно подходившие к полю боя с правого фланга своего фронта.

2. Опыт войны показывает далее, что организованное и твердое управление войсками в бою играет решающую роль и что потеря связи командования с войсками губительно отражается на исходе боевой операции. Штабы обязаны иметь хорошо оборудованные, замаскированные командные пункты, должны иметь заранее оборудованные запасные командные пункты с тем, чтобы периодически менять свое местонахождение; штабы должны держать в полной готовности все виды средств связи (радио, провод, самолет, авто, офицер связи), дабы связь была бесперебойной и безотказной. Штабы должны, наконец, понять, что радио является наиболее надежным средством связи и что они обязаны всячески развивать и культивировать его в армии.

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта в первые же часы наступления противника выпустило из рук управление войсками. Командование фронта и армий продолжительное время не меняли своих командных пунктов, вследствие чего противник, зная расположение этих пунктов, первым же налетом авиации разбомбил эти пункты, нарушил проводную связь на командных пунктах штаба фронта и армий и расстроил узлы связи, а радиосвязь по преступной халатности штаба фронта оказалась в загоне. К использованию других средств связи штабы армий оказались неподготовленными.

3. Опыт войны показывает, что успех боевой операции немыслим без четко организованного взаимодействия всех родов войск в бою. Особенно важное значение имеет организация взаимодействия в боевой работе наземных сил с авиацией.

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта не организовало взаимодействия армий между собой и совершенно не обеспечило взаимодействия наземных сил с авиацией фронта. Командование Крымского фронта авиацией не руководило и допустило такое положение, когда наша авиация действовала распыленно и вне общего плана операции, ввиду чего она не дала массового контрудара против немецкой авиации, хотя она имела для этого все возможности.

3. Опыт войны показывает, что наряду с умением организовать наступательный бой, командование должно уметь, когда этого требует обстановка, вывести свои силы из-под удара противника. При отводе войск решающим является умение командования правильно наметить маршруты движения, рубежи и сроки выхода на них войск, умение организовать прикрытие отводимых сил достаточно сильными арьергардами.

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта не организовало отвод войск. Командование Крымского фронта не поняло

того, что противник, нанося главный удар против левого фланга фронта, сознательно вел себя пассивно против правого нашего фланга, будучи прямо заинтересован в том, чтобы наши войска на этом фланге оставались на своих позициях, и рассчитывая нанести им удар с выходом своей ударной группировки на тылы наших войск, остававшихся в бездействии на правом фланге. Когда же на второй день после начала наступления противника, учитывая обстановку, сложившуюся на Крымском фронте, и видя беспомощность командования фронта, Ставка приказала планомерно отвести армии фронта на позиции Турецкого вала, командование фронта и тов. Мехлис своевременно не обеспечили выполнение приказа Ставки, начали отвод с опозданием на двое суток, причем отвод происходил неорганизованно и беспорядочно. Командование фронта не обеспечило выделение достаточных арьергардов, не установило этапов отхода, не наметило промежуточных рубежей отвода и не прикрыло подхода войск к Турецкому валу заблаговременной выброской на этот рубеж передовых частей.

II

Вторая причина неудач наших войск на Керченском полуострове заключается в бюрократическом и бумажном методе руководства войсками со стороны командования фронта и тов. Мехлиса.

Тт. Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состоит в отдаче приказа и что изданием приказа заканчивается их обязанность по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования.

Как показал разбор хода операции, командование фронта отдавало свои приказы без учета обстановки на фронте, не зная истинного положения войск. Командование фронта не обеспечило даже доставки своих приказов в армии, как это имело место с приказом для 51-й армии о прикрытии ею отвода всех сил фронта за Турецкий вал, — приказа, который не был доставлен командарму.

В критические дни операции командование Крымского фронта и тов. Мехлис вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета.

III

Третья причина неудач на Керченском полуострове заключается в недисциплинированности тт. Козлова и Мехлиса. Как уже отмечалось

выше, тг. Козлов и Мехлис нарушили указание Ставки и, обеспечили его выполнения, не обеспечили своевременный отвод войск за Турецкий вал. Опоздание на два дня с отводом войск явилось гибельным для исхода всей операции...»

Всего удалось эвакуировать на Таманский полуостров около 140 тысяч человек. Потери же фронта составили более 176 тысяч человек, свыше 3,5 тысяч орудий и минометов, 400 самолетов, 347 танков. Это были огромные потери.

Всего же за 111 дней существования Крымского фронта его безвозвратные потери достигли около 450 тысяч человек.

Из дневника Маршала Советского Союза С.М. Буденного (в то время главнокомандующего войсками Северо-Кавказского направления): «Это случилось на Керченском фронте, которым командовал т. Козлов. Уполномоченным Ставки на этом фронте был Л.З. Мехлис, фактический виновник катастрофы этого фронта. Он совершенно терроризировал командование и принял на себя управление фронтом, чего делать абсолютно не умел. Но ему все сошло с рук, и он после войны попал еще в министры Госконтроля.

Когда произошла эта катастрофа на фронте, выехал туда для наведения порядка. Со мной были член Военного совета направления Исаков Иван Степанович и мой адъютант Зеленский П.П.

На фронте я застал невообразимую панику. Все пушки, пулеметы, противотанковые ружья были брошены на поле боя, а люди бежали группами и в одиночку к Керченскому проливу. И если видели плывущую у берега доску или бревно, сразу же на этот предмет прыгали по несколько человек и тут же тонули. То же самое происходило, если удавалось обнаружить на берегу что-либо из плавучих средств или видели приближающуюся лодку — бросались тучей, тут же все затоплялось — люди гибли.

Такой паники я никогда не видел — в моей военной практике подобного не случалось. Это была какая-то стихия бедствия, хоть противник особенно и не наступал. Его авиация работала хорошо, она и создавала панику. Но ей это удалось сделать только потому, что наша авиация бездействовала, а командование фронтом растерялось и потеряло управление. Несмотря на это, мне удалось занять ближний оборонительный Керченский обвод и на нем закрепиться. Мехлису и Козлову я приказал руководить этой обороной, и если придется эвакуироваться, то они должны выехать с керченской земли последними.

Часть людей уже попала на Таманский полуостров через Керченский пролив. Там у меня была расположена стрелковая бригада трехполкового состава. Я приказал ей задерживать всех переправляющихся и сажать на оборонительный рубеж Тамани.

После всего этого я позвонил по телефону ВЧ И.В. Сталину и доложил об обстановке. Он спросил: “Что вы думаете делать дальше?” Я ответил, что будем бороться на ближнем оборонительном обводе (защищать Керчь). Но Сталин сказал: “Вы теперь должны прочно защищать Таманский полуостров, а Керчь эвакуировать”.

Я все же решил Керчь защищать как можно дольше, потому что падение Керчи сразу же скажется на обороне Севастополя, у которого к моему приезду на это направление была половина комплекта огнеприпасов. И я довел его к 15.5.42 до 6 боекомплектов.

У Керчи мы еще продержались 11 суток, а за это время Таманский полуостров был подготовлен для обороны.

Я был на командном пункте фронта, когда ко мне подошел И.А. Серов и представился как уполномоченный НКВД от Берии. Серов у меня спросил, какие будут распоряжения. Я ответил, что при эвакуации ему надлежит потопить паровозы, чтобы они не попали в руки немцам.

Спустя 2-3 часа Серов подошел ко мне и доложил, что мое распоряжение выполнено, паровозы затоплены. Я спросил: “Как?!” Он ответил, что спустил их с мола. Я сказал: “Ну и дурак. Я же вам сказал, что это надо сделать при эвакуации, а мы еще уходить не собираемся, и паровозы нам нужны”. Я приказал ему из Керчи выехать и не осложнять дела”».

Есть и еще не менее интересное воспоминание уполномоченного Смерш капитана Л. Иванова: «Я, когда пришел уполномоченным в батальон, на знаменитых Ак-Монайских позициях был по счету четвертым. Трех предшественников моих убили. Ведь в первые годы смершевец наравне с комиссаром должен был вести бойцов в атаку. А если погибнет командир — брать руководство на себя.

... Керчь — многострадальный город. Два раза его сдавали, два раза отбивали. Самая страшная мясорубка пришлась на май 42-го. Немцы прорвали фронт. Поднялась паника. Все устремились к Керченскому проливу — там было единственное спасение.

А фашист поджигает: идет на нас, его уже видно. Кто стреляется, кто петлицы срывает, кто партбилет выбрасывает. Я и сам, грешным делом, решил, что пришла моя смерть. В плен попадать нельзя. Один только выход — стреляться. Нашел валун попроземистей, присел. Достал уже пистолет, и

вдруг — какой-то моряк. Видно, выпимши. “Братцы! — орет, — Отгоним гадов!”

Никто бы на это внимания не обратил, но откуда-то, словно в сказке, зазвучал “Интернационал”. И верите — люди поднялись. Здоровые, раненые — бросились в атаку, отбросили фашистов на 5-6 километров... (...)

В мае 42-го на Крымском фронте я организовал переправу раненых на Кубанский берег. Это было ужасающее зрелище.

У воды скопились тысячи солдат. Суматоха, никакого управления. Каждый сам за себя. Море заполнено нашими трупами: почему-то все они в вертикальном положении, и на волнах кажется, будто покойники маршируют.

А переправа — одна: с узкого пирса. Толпа напирает. Мы вместе с двумя особистами еле сдерживаем ее. В рыбацкие шхуны сажаем только раненых.

И тут сквозь толпу прорываются четверо кавказцев. Над головами у них — носилки с каким-то полковником. “Пропустите, это раненый командир дивизии!”

Что-то кольнуло у меня внутри. Приказываю: положить носилки на пирс, развязать бинты. И точно: никакого ранения нет.

“Расстрелять”, — загудела толпа. По лицам солдат видно, что, оставь я полковника в живых, меня убьют самого. Что делать? Достаю пистолет. В тот момент вид у меня был, наверное, жуткий: небритый, оборванный. Я не спал и не ел уже несколько суток; спасался лишь спиртом из фляги.

И на моих глазах полковник мгновенно седеет. За какие-то секунды его черные волосы становятся белыми. И я его пожалел.

“Слушай, — шепчу, — я буду стрелять мимо, но ты падай в воду, как будто убит. Если повезет — выберешься”.

... 21 мая все было кончено. Немцы взяли Керчь. Сотни тысяч солдат остались в плену. Сам я спасся чудом: на последней шхуне.

Пока плыли, почти все, кто был на борту, погибли: немцы били прицельно. Только пришвартовались, замертво упал в песок...»

Прошел год Великой Отечественной войны, и что изменилось? Судя по архивным документам и свидетельствам очевидцев, очень мало!

Красная Армия одержала победу под Москвой, осуществила ряд контрнаступлений, но в целом многие ее просчеты и недостатки продолжали упрямо повторяться!

Очень красочно об этом говорит письмо полковника Тетушкина,

командира 141-й стрелковой дивизии (10.7.1942 г.): «Возьмем вопрос о взаимоотношениях высшего комсостава. Я был в 33-й армии зимой этого года. Там дело обстояло просто. Вызывает к телефону командарм или его начальник штаба, или даже начальник Оперативного отдела командира дивизии, его начальника штаба или вк (военный комиссар. — Примеч. ред.) дивизии и кричит: “Сволочь, оболтус... твою мать... почему ваш полк не может взять деревню, сегодня приеду и расстреляю вас всех”.

Конечно, никто из них за полгода к нам в дивизию не приезжал, а по телефону расстреливали командование дивизии по пяти раз в день. Я задаю вопрос — когда и в какой армии были и есть такие отношения между высшим комсоставом? Разве это поможет успеху боя? Как раз наоборот. Эта закваска спускается вниз во все звенья. Кругом стоит сплошной мат. А дело, конечно, не улучшается и улучшиться не может от этого. Командарм 33-й армии даже бил по лицу командиров, причем совершенно ни за что. Применяя эти методы, командир расписывается в своем бессилии, значит, у него нет более эффективных способов воздействия. Для такого лица, как командир дивизии, достаточно одного замечания в вежливой форме, и он уже чувствует. А помочь ему выиграть бой можно толковым указанием — как лучше организовать операцию, вовремя придать необходимые средства, дать необходимое время на подготовку боя. Смешивать командира с землей ежечасно и ежеминутно, это значит — создавать такое положение, чтобы командир не имел никакого авторитета у подчиненных. История военного искусства говорит, наоборот, что во все времена и во всех армиях принимались меры к созданию огромного авторитета для офицеров. Это имело и имеет решающее значение в войне и непосредственно на поле боя. Такое отношение к командирам, возможно, имеет место не во всех наших армиях. Но почти везде не считаются с мнением командиров дивизий (который лучше, чем кто-либо другой, знает условия обстановки в своей полосе), а просто ему говорят: “Записывай, что я приказываю, и делай”. А вот история всех войн подсказывает нам, что, организуя какую-либо операцию, собирается совещание высшего комсостава для обсуждения вопроса — как лучше организовать эту операцию. У нас совещаний и заседаний миллион, но такие, что я сказал выше, не практикуются.

Какая часть войск фактически участвует в бою, непосредственно ведет бой из находящихся на фронте людей? Не ошибусь, если скажу, что не больше 1/5 воюет, а 4/5 находится в тылу дивизий, армий, фронтов. Возьмите любую дивизию — в ней едоков, предположим, 5 тысяч, а штыков на фронте 500-600, максимум 1000 (при условиях). Из числа находящихся в тылу часть людей обеспечивает бой (единицы людей в

штабах, обозы, сан. вет. учреждения).

Буквально десятки тысяч людей во фронтовом масштабе могут лечь спать во время боя, проспать неделю, и никто не вспомнит о них, ибо они для боя никому не нужны. Я воевал в войну 1914-1917 гг., бывал в штабах полков, дивизий. В штабе полка находились два лица: командир полка и адъютант и руководители боем, в штабе дивизии 3-4 лица, и все (с несколькими ординарцами). Теперь у нас: на КП командира полка десятки командиров и начсостава вообще, на КП к-ра дивизии сотни, а в армии или на фронте я даже не могу сказать — там тучи людей. Причем все они ездят на машинах, часто приезжают десятками, в штабы дивизий (далее вниз не спускаются), в лучшем случае привезет какую-нибудь писульку и завалится спать при этом в штабе на неделю. Если армия отходит, то начинают движение назад прежде всего штабы армий, тылы — наводят сразу своим числом и беспорядком ужас на население, деморализуют жителей и дерущиеся войска, создавая картину массового отхода. Никто из этой массы, конечно, не подумает остановиться, занять боевой участок и задерживать противника! Считается, что они зачем-то должны передвигаться и съедать продпайки. Я спрашиваю — зачем все это нужно и почему никто решительной рукой не срежет все эти штабы и тылы немедленно на 50% минимум, а затем разобраться и срезать еще на 25%. Мы получили бы десятки новых дивизий. Пусть кто-нибудь займется анализом этого вопроса у противника. Все, что нам выгодно, будем перенимать у него. Там все до последнего музыканта и повозочного дерется в передней линии, и штат армейских тылов и штабов в немецкой армии минимум в 10 раз меньше нашего. Ведь до чего доходило дело: автомобильные б-ны при наших армиях, которые обязаны перевозить боеприпасы и продовольствие к дивизиям, едва справляются с перевозкой самого управления армии да еще забирают для этой цели последние машины из дивизий.

Главное: подвоз б/припасов, продовольствия войскам, эвакуация раненых отбрасываются в сторону, а машины используются бесчисленным количеством военных чиновников, которые с важным видом летают во все концы. Спрашивается, зачем они летают, — оказывается, собирать всякой, рода сведения. Потом эти сведения чиновник привезет к себе, положит в сумку, и больше они никому не нужны. Неужели этого не могут уловить работники нашего Генерального штаба и сделать из этого разумные выводы. Ведь мы заинтересованы в том, чтобы успешно завершить войну. Так как машины находятся не в войсках, а возят чиновников и их грузы в армиях и фронтах, то в бою мы плохо маневрируем — у нас нет средств

перебрасывать войска. К месту прорыва пехота пребывает с опозданием. Противник жмет, а затем наступает момент, что выправить положение уже поздно. Несколько слов о Воронежской операции немцев (выход немецкой армии к р. Дон южнее Воронежа), свидетелем которой я был. Сколько возмутительной бестолковщины, неумения предвидеть события. Противник 4 июля переправил через р. Дон у деревни Малышево (10 км. ю.з. Воронежа) взвод пехоты и закрепился в деревне. Ко мне приезжали в эти дни три зам. комвойсками Брянского фронта, я им сказал: “Я не пророк, но если фронт не примет мер немедленно, чтобы отбросить этот взвод немцев на зап. берег Дона, мы потеряем Воронеж, а возможно, создадим угрозу и Ростову”. Эту фразу я повторил им несколько раз и добавил: “Пусть на этом деле погибнет полк, а выбить нужно, ибо завтра немцы подтянут сюда танки и дивизию пехоты на место этого взвода”.

Никто, конечно, мер не принял, противник вошел в Воронеж, и вот только 10 июля что-то решили сделать, но уже стало трудно даже одной, двумя дивизиями выбить пр-ка из Воронежа. Готовность артиллерии к этой операции к 19.00 9.7, а приказ я получил в 22.00 9.7. Судите сами, что это будет за операция.

На фронте от г. Воронежа до г. Коротояк напичкали всяких частей и целую неделю не могут разобраться — кто же кому подчинен и кто отвечает за боевой участок. Снабжение войск не наладили. Я получил пять приказов, что мне придается 1-я истреб. бригада, а затем 5-я истреб. бригада, но целую неделю ее отыскивают и нигде найти не могут (генералы из штаба фронта и армии). Полки снимают с участков, не ставя в известность об этом к-ра дивизии, он случайно узнает, что фронт оголен, а противник наводит переправу.

Выводы делайте из этого сами...»

Пока письмо попало к адресату, в действующей армии все продолжалось по-прежнему. 1 июля 1942 г. 6 и 114 танковые бригады 23 танкового корпуса начали наступление, не имея данных о силах противника, без организации взаимодействия с пехотой, артиллерией и авиацией. «В результате такой неорганизованности, танки были встречены из засад активным артиллерийским огнем противника во взаимодействии с авиацией, что сразу нарушило боевой порядок наступающих наших танков. Вследствие непродуманного наступления, части корпуса потеряли только за два дня боя до 30 танков и с боем отошли на восточный берег реки Оскол», — продолжали докладывать особысты НКВД Сталинградского фронта в Управление ОО НКВД СССР. Словом, «что в лоб, что по лбу»! Но продолжим: «4.7.42 г. командование 23 танкового корпуса получила

распоряжение от генерал-майора Пушкина о немедленном отводе частей корпуса и занять новый рубеж обороны на реке Валуй:

“... Начать отход немедленно. К утру 5.7 быть готовым драться на реке Валуй”.

Командование корпуса приказ Пушкина выполнило, свои части отвели и заняли (рубеж) на реке Валуй, оставив район обороны без прикрытия наших частей.

5.7.42 г. в 11-30 № 01/ОП командование корпуса получает от 28-й армии новый противоречивый приказ: “... Почему вы без приказа отошли на новый рубеж и в результате этим дали возможность распространяться противнику в районе Солоти на восток? Приказываю немедленно лично вам, всеми имеющимися у вас силами и средствами, закрыть участок Селиваново — Борисовка, где образовался разрыв между 13 и 15 сд”.

Части корпуса не успели сосредоточиться и занять оборону на новых рубежах согласно приказу Пушкина, как по приказу командования 28-й армии снова были брошены на старые рубежи обороны.

Такая неразбериха, недоговоренность бесцельно изматывали материальную часть, вследствие чего в частях 23-го танкового корпуса за непродолжительное время, не участвуя в боях, танки израсходовали моточасы на 35-40 процентов...»

Другой пример не менее характерен: «... Около 9-00 8.7.42 г. командир корпуса полковник Хасин поставил боевую задачу командиру 6-й гвардейской танковой бригады. В то время выяснилось, что часть танков из-за отсутствия масла и горючего отстали и стоят в пути, другая часть уже прибывших танков также не имели гсм и боевую задачу решать не могли.

Вскоре удалось достать на авиабазе около тонны бензина и немного масла, машины были минимально заправлены и в 10.30 бригада выступила из с. Ржевка на выполнение боевой задачи.

До переправы Россошь танкам предстояло пройти около 40 километров. Было ясно, что танки из-за отсутствия гсм (горючесмазочных материалов. — Примеч. ред.) и боеприпасов в отрыве длительного боя вести не могли и были обречены на гибель, что признавал и сам командир корпуса, но приказ 28-й армии требовал любых жертв.(...)... наступление танков началось в тот момент, когда противник быстро распространялся от Россоши на юго-восток, а наши части поспешно отходили.

По существу, танки корпуса пошли в глубокий рейд без пехоты и боевого обеспечения, что грозило им окружением.

Танки, как и следовало ожидать, своей задачи — овладеть переправой — не выполнили. Россоши не достигли, встретив упорное сопротивление

противника, потеряв несколько танков, были вынуждены отойти в район Кривоносовка».

21 августа 1941 г. командование 37 гвардейской стрелковой дивизии получило из вышестоящего штаба 4-й танковой армии два совершенно разных боевых распоряжения:

«Первым боевым распоряжением частям дивизии было приказано: перейти в наступление и выбить противника с восточного берега р. Дон; второе боевое распоряжение предусматривало наступление только частью подразделений дивизии, остальным подразделениям ставилась совершенно другая задача.

Наступление должно было начаться в 22.00 21.8-42 г., приказ получен в 21.00, а в 23.00 в штаб армии был вызван представитель штадива для получения новой боевой задачи.

В результате такого руководства, приказ дивизией был не выполнен, несмотря на превосходство наших сил».

24 сентября 1942 г. заместитель начальника Генерального штаба Боков связывается с командованием Сталинградского фронта (Еременко и Хрущевым). Их разговор сам по себе интересен той же проблемой, которая мешала Красной Армии с начала войны.

Боков спрашивает: «В чем основная причина наших неудач?»

Еременко: «Основная причина: а) это неумение командиров дивизий организовать бой, видеть этот бой, влиять на ход боя;

б) низкая требовательность;

в) и самое плохое, самое похабное, я бы сказал, это то, что командиры дивизий и полков не знают, что перед ними, какой противник, не изучают врага и часто начинают бой, ведут артподготовку почти по пустому месту. Я разговаривал с семнадцатью командирами дивизий и тремя командующими (66-й, 24-й и 1-й Гвардейской) армиями. Выяснилось, что за десять дней действий ни одна дивизия не захватила ни одного пленного (это при наступательной-то операции) и совершенно никто не знал из них, удивительно, что ни один из них не знал! Кто перед ним, какой противник и сколько его. Ведь при наступлении 18 сентября 1942 г. на фронте двух ударных армий — 24-й армии и 1-й Гвардейской — было всего четыре полка противника против наступающих двенадцати дивизий. Противник явно был захвачен врасплох, и все же операция не удалась».

Боков не понимает и переспрашивает: «В чем основная причина неудачи?»

Еременко: «Если неудачи первых двух наступлений объясняли тем, что не было времени, спешкой, то тут дано было и время, и превосходство

перед врагом, за исключением авиации, а успеха нет».

Боков спрашивает еще раз: «В чем же причина?»

Еременко: «Я эту причину вижу прежде всего в том, что, не имея данных о противнике, полки и дивизии атаковали предполье и свой артиллерийский огонь, по сути дела, был направлен по пустому месту. И, второе: выдвижения частей пехоты за танками не было. Немецкие автоматчики остановили передовые части, а все задние застопорились из-за глубокого построения. Появление сильной авиации противника над полем боя прижало части к земле, так как маскироваться на открытой местности очень трудно. Воздействие авиации противника было очень сильное, так как дивизия имела участок от одного до полутора км фронта, создавали большую плотность, вследствие чего каждая брошенная бомба с самолета противника попадала по цели. Командный же состав не понял того, что, чем больше лежишь на месте, тем больше несешь потери от авиации. Наоборот, при движении, а особенно когдаходишь в огневую связь с противником, вклиниваешься в его боевые порядки, потерь меньше, так как затрудняется воздействие авиации противника по нашим войскам из-за боязни поразить своих. Кроме того, пехота наша потеряла душу пехоты, из такого сильного автоматического оружия, которое мы имеем, из такого мощного пехотного оружия, которым она вооружена, совершенно не ведет огня, не ведет настоящего пехотного боя, то есть того, чем она сильна.

Противник десятками автоматчиков, находясь в обороне, сдерживает целые полки при наступлении, а наша пехота с ними не вступает в огневое единоборство. Только и слышно на поле боя артиллерию, РС (реактивные снаряды. — Примеч. ред.) и авиацию. Ручная граната совсем забыта на поле боя.

Противнику выгодно, когда мы скученно наступаем и на узком фронте, потому что он, имея подвижные части, быстро их стягивает на это направление и имеет при этом возможность наносить сосредоточенные удары с воздуха...».

В общем, Боков ничего не понял и вскоре закончил разговор.

При организации наступления, командир стрелкового полка, получив соответствующий приказ из штаба дивизии, должен был принять предварительное решение по карте. «Кухня» его работы была следующей: сначала он указывал рубеж боевого охранения. Затем вместе с начальником штаба, комбатами, командирами артиллерийских и танковых подразделений, полковым инженером, командирами приданных и поддерживающих средств производил разведку противника и местности в полосе наступления (до 1,5 км в зависимости от поставленной задачи).

Основой для принятия решения являлся выбор направления главного удара. Для чего командир полка был обязан уяснить цель, направление, силы и средства для его нанесения. Выбирая направление, командир, во-первых, должен был определить ту часть боевого порядка противника, разгром которой поставит его в тяжелое положение и в большей степени обеспечит успех; во-вторых, он должен был оценить выгодные части местности для скрытого продвижения пехоты и танков, для прорыва охвата фланга противника, а также для удобства отражения контратак противника с танками.

Далее командир полка обязан был организовать взаимодействие с приданными и поддерживающими средствами таким образом, чтобы артиллерия, минометы и саперы обеспечили танкам и пехоте бросок в атаку, захват опорных пунктов первой линии обороны и наступление в глубине. При этом он должен был очень точно определить: кто с кем, когда и для чего взаимодействует (ориентир, задачу и направление каждого батальона, направление и объекты атаки танками для совместных действий, объекты подавления и уничтожения для артиллерии и минометов; исходное положение батальонов для наступления и рубежи атаки; сигналы вызова, переноса и прекращения артиллерийского огня, готовность к наступлению; способы поддержки танков огнем, способы уничтожения противопехотных и противотанковых препятствий, время и объекты атаки авиации и связь с ней; способы взаимного целеуказания пехоты, танков, артиллерии и минометов; меры по инженерному обеспечению наступления). Артиллеристам командир полка указывал:

- участки и цели в расположении противника, подлежащие подавлению и уничтожению;
- рубежи заградительного и сосредоточенного огня;
- порядок поддержки танков;
- распределение артиллерии для поддержки батальонов;
- объекты для переноса огня с началом атаки пехоты и танков;
- порядок переподчинения артиллерийских подразделений батальонам в период развития атаки;
- сигналы для вызова, прекращения и переноса огня по достижении танками и пехотой определенных рубежей.

Далее организуется противотанковая и противовоздушная оборона.

Особое внимание командир должен обратить на обеспечение флангов и стыков, установив ответственность за них, производя там разведку, прикрывая их огнем и расположением резерва.

При этом наступление на открытом фланге должно находиться под

постоянным наблюдением и прикрытием с соответствующим расположением резерва.

После чего командир должен указать начальнику штаба те данные, которые необходимо получить от разведки, которая более детально производится на направлении главного удара.

Свой командный пункт командир выбирает на том месте, с которого лучше всего будет видно полосу наступления полка и особенно на направлении главного удара (где на удалении от основного кп организуется запасной кп).

Закончив рекогносцировку, командир отдает приказ на наступление.

В принимаемом решении он должен был указать:

- 1) направление главного удара;
- 2) направления для батальонов;
- 3) исходное положение для наступления;
- 4) рубеж атаки и порядок его занятия;
- 5) ближайшая и последующие задачи батальонов, какие им придаются и какие их поддерживают средства усиления;
- 6) время готовности к наступлению;
- 7) порядок взаимодействия;
- 8) задачи резерву, меры по обеспечению флангов и стыков;
- 9) предполагаемый рубеж для закрепления в глубине обороны противника; свой кп и порядок его перемещения.

Затем полк занимает исходное положение для наступления. Под прикрытием боевого охранения он выдвигает для поддержки наступления пулеметные роты, роты противотанковых ружей, отдельные противотанковые и полковые орудия, автоматчиков и часть пехоты.

В исходном положении полк отрывает щели, окопы, укрытия, ходы сообщения, к оборудованию огневых позиций и кнп (командного наблюдательного пункта. — Примеч. ред.).

Если наступление назначается с рассветом, то ночь используется для выдвижения на рубеж атаки, для дополнительной разведки противника и уничтожения искусственных препятствий, особенно противотанковых.

До начала атаки, как правило, начиналась артиллерийская подготовка, которая должна была дезорганизовать управление и наблюдение противника, нарушить систему огня, обороны и проделать проходы в препятствиях.

При этом она являлась важнейшим средством обеспечения атаки.

С началом же атаки артиллерийская подготовка должна была прежде всего воспретить восстановление нарушенной системы огня противником,

подавить оживающие огневые точки, обеспечить бросок пехоты и танков в атаку и захват опорных пунктов первой линии обороны противника.

Но все это в теории. А в реальной фронтовой жизни все было совершенно иначе.

Например, из докладной записки о наступательных операциях 66-й армии от 30 октября 1942 г. мы можем узнать следующее: «Командир 62 сд — полковник Фролов и начштадива — подполковник Коломиец, получив приказ о наступлении, не разъяснили командирам задач, не проверяли как выполняются отдаваемые ими распоряжения, практической помощи командирам полков не оказывали. Командиры полков несерьезно отнеслись к подготовке подразделений и личного состава для выполнения операции.

Командир 123 сп, 62 сд — майор Проявенко с местностью ознакомился только на карте, командиры батальонов местность просматривали ночью, границы полосы действий батальонам отведены не были. Вследствие плохой организации батальоны к исходному положению для атаки были подтянуты не к 3.00, как было предусмотрено приказом, а только к 7.00, были обнаружены противником и подвергнуты сильному артпулеметному обстрелу.

Попад под обстрел противника, командиры растерялись, потеряли управление подразделениями. Бойцы группами и одиночками рассеялись на поле, роты и батальоны полка смешались.

По сути, никем не управляемые бойцы пошли в атаку, но пройдя 200-300 метров и попав снова под сильный огонь противника, залегли. Полковая артиллерия находилась на значительном расстоянии от пехоты, вела огонь по площадям, не подавляла огневые точки противника, мешавшие продвижению пехоты.

Командир 123 сп — майор Проявенко со штабом полка в это время находился на КП полка в 3-х км от подразделений, связи с командирами батальонов не имел и не принял никаких мер для приведения подразделений в порядок. (...)

306 сп этой же дивизии, действовавший с правого фланга 123 сп, запоздал с наступлением, половиной своих подразделений нашел на боевые порядки 123 полка, подразделения этих полков смешались, что еще больше внесло беспорядка.

Командир 123 сп — Проявенко и после этого не принял мер к наведению порядка.

21.10., Проявенко, поддавшись паническим слухам о продвижении немцев с фланга, вместо организации обороны проявил трусость, приказал отвести назад роту автоматчиков и был склонен к отходу. Но отход был

предотвращен секретарем партбюро полка — Косолаповым.

В результате изложенного полк поставленной задачи не выполнил, потеряв за два дня боев 50% личного состава. А дивизия за это время потеряла до 3000 человек личного состава. (...)

Командиры частей 226 сд потеряли много времени на поиски своих подразделений. Командиры частей не были предупреждены, когда начать атаку.

Артиллерийская подготовка начата еще до того, как части подошли к исходным для атаки рубежам.

Начальник штаба 226 сд — полковник Бойко, спустя 10-15 минут после того как был произведен артиллерийский огневой налет, по телефону передал командирам полков, что огневой налет на дзоты противника уже произведен и полки должны были идти в атаку для захвата высоты “Блин”. Части, будучи неподготовлены еще к атаке, не сосредоточившись вступили в бой с противником с ходу, не сделав броска на сближение с противником. А когда полки пошли в наступление, они были встречены сильным артминометным и автоматическим огнем противника, т.к. наша артиллерия уже молчала.

985 сп, идущий в ударной группе дивизии, в первый же период от огня противника потерял 50-60% командиров рот и батальонов. Бойцы, не имея руководства со стороны комсостава, не зная, что делать, вместо стремительного продвижения вперед, залегли на боевых порядках 252 сд.

Командиры 985 сп — майор Коробка и 987 сп — подполковник Ляхов в начале боя потеряли управление подразделениями, не знали, где находятся их батальоны, не ориентировались на местности, все время путали высоту “Блин” с высотой “Груша”.

Вследствие незнания настоящего положения своего полка, майор Коробка стал на путь очковтирательства и дезинформации командования дивизии. Коробка доложил, что его подразделение наступает, а на самом деле они залегли...»

И таких примеров множество!

По воспоминаниям Александра Захаровича Лебединцева, офицера матушки-пехоты с 1941 по 1945 год, с которым мы достаточно тесно общаемся последние несколько лет, командование полков и дивизий было малограмотным в военном деле, а командиры батальонов иногда выигрывали бой, но не умением, а дерзостью, внезапностью и преимущественно ночью.

Вот что он рассказывал мне неоднократно:

«... выступая в поход, мы даже не знали, кто командует армией, ибо командующих на ней с сентября 42-го по март 43-го сменилось пять человек. Все неудачи на фронте решались снятием, перемещением, отстранением, переводом военачальников, а не надлежащим обеспечением вооружением, боеприпасами и умением организовать и провести операцию и бой».

«В нашем 48-м стрелковом полку 38-й дивизии уже третьего формирования в 1943 г. на более чем сто офицеров был только один комбат старший лейтенант Лысынчук, который имел полный двухгодичный курс пехотного училища. Да и то потому, что на фронт попал в ноябре 1943 г., а до этого преподавал на курсах в глубоком тылу. Все остальные были “краткосрочники”, начиная с комдивов. Начальник штаба дивизии был взят с первого курса Бронетанковой академии, начальник оперативного отделения штаба дивизии капитан Петров В.И. накануне войны закончил двухмесячные курсы младших лейтенантов-сабельников, хотя это не помешало ему в послевоенные годы стать первым заместителем министра обороны и Маршалом Советского Союза. Единицы сохранившихся в действующей армии “полнокурсники-двухгодичники”, если выживали, то оседали в крупных штабах или тыловых органах управления».

«... поступили офицеры из резерва. Это были не скороспелые лейтенанты с курсов, а те, кто проходил службу в запасных полках, готовили кадры в училищах и на тыловых курсах усовершенствования. Добрались и до них, чтобы понюхали пороха, как говорили в те дни, хотя бы через два года после начала войны. Некоторые из них сами просились, писали рапорты, но рапорты не всегда удовлетворялись по разным причинам. И вот настал их черед. Они имели хорошую методическую подготовку, так как почти все окончили полный курс довоенных училищ, но у них не было фронтового опыта».

Не менее интересен рассказ Александра Захаровича о структуре штаба стрелкового полка:

«Командир полка имел штатного заместителя по общим вопросам и заместителя по политической части, ему же подчинялся и штаб во главе с начальником. (...)

Начальник штаба тоже считался заместителем командира полка и, более того, только одному ему предоставлялось право отдавать письменные приказания от имени командира за своей подписью. В штабе полка имелись шесть помощников начальника штаба, сокращенно именовавшихся по номерам от первого до шестого.

Первый помощник (ПНШ-1) — по оперативной работе. В его

обязанности входило вести подсчеты боевой численности подразделений и на этой основе делать предложения об их боевом использовании. Вести запись боевых задач подразделениям при отдаче командиром устного боевого приказа. Составлять боевые донесения в штаб дивизии. Письменно оформлять все боевые распоряжения штаба от имени командира полка. Вести рабочую карту и журнал боевых действий полка. Вести учет и снабжение топографическими картами. Замещать начальника штаба в его отсутствие. Организовать службу оперативных дежурных и руководить ею. Это далеко не полный перечень его обязанностей, который сохранился у меня в памяти.

Второй помощник (ПНШ-2) являлся начальником разведки. Он планировал и осуществлял разведку противника путем наблюдения, захватом и допросом контрольных пленных, изучением боевых и личных вражеских документов. Он занимался укомплектованием и боевой подготовкой подчиненных ему взводов пешей и конной разведки. Он должен был всегда вести карту с данными о противнике и информировать начальника разведки дивизии.

Третьим помощником (ПНШ-3) считался начальник связи полка. Он имел в своем подчинении роту связи, состоявшую из штабного взвода, радиовзвода и телефонного взвода и обеспечивавшую проводной и радиосвязью батальоны и артиллерию. Он же руководил и работой батальонных взводов связи.

Четвертый помощник (ПНШ-4) имел в своем подчинении двоих делопроизводителей и нескольких писарей по учету личного и конного состава. Они вели книги учета, отдельно офицерского и личного состава, штатно-должностные книги, книги безвозвратных потерь, выписывали “похоронки”, оформляли документацию к присвоению воинских званий, к награждению орденами и медалями, выписывали временные удостоверения и вели учет выданных знаков отличия. Они же вели всю отчетность по укомплектованию, по потерям в боевом составе.

Пятый помощник (ПНШ-5) должен был ведать вопросами тылового обеспечения и снабжения, но, по иронии судьбы, это был тот ПНШ, который занимался всем чем угодно. Только не вопросами снабжения, так как начальники служб снабжения подчинялись непосредственно помощнику командира полка по снабжению. Все службы тыла находились во втором эшелоне полка, а ПНШ-5 в первом. Он использовался в зависимости от своей компетентности для выполнения поручений начальника штаба и его заместителя. Чаще всего он бывал оперативным дежурным и на посылках в подразделения.

И последний — ПНШ-6 считался помощником начальника штаба по специальной связи. В его распоряжении находились кодовые таблицы для кодирования текста при передаче его по телефону и радио. Он же владел ключами для кодирования топографических карт, которые часто менялись. Он тоже был в штабе “на подхвате”, так как посылать его в подразделения было опасно из-за наличия при нем таблиц кодирования. (...)

Начальнику штаба подчинялся еще комендантский взвод, имевший 7 человек отделения охраны, хозяйственное отделение, поваров с двумя походными кухнями для штаба и подразделение боевого обеспечения.

Наиболее частыми гостями штаба полка были полковой инженер и начальник химической службы, подчинявшиеся непосредственно командиру полка, но постоянно работавшие в контакте с нами. Они имели в своем подчинении саперный взвод и взвод химической защиты. Часто бывали в штабе старший врач полка и начальник артиллерии. Начальник артиллерийского вооружения полка, начальники продовольственной, вещевого, военно-технической служб, начальник финансового довольствия и полковой ветеринарный врач почти постоянно составляли второй эшелон полка, но нередко бывали непосредственно в штабе. Чаще всего и ПНШ-4 находился с ними во втором эшелоне вместе с Боевым Знаменем полка».

Дальше, оглядываясь назад, Александр Захарович задает сам себе вопрос: “Соответствовали ли мы своим должностям?”, и тут же однозначно отвечает: “Скорее всего, нет, кроме чистых специалистов (связист, химик, сапер). Дело в том, что ни операторов, ни разведчиков, ни укомплектовальщиков нигде не готовили. Если на ПНШ-4 мог пойти гражданский кадровик, то оператором с кругозором полкового масштаба мог быть только человек с академическим образованием или окончивший курсы усовершенствования в полковом масштабе. Я выяснил, что Академию имени М.В. Фрунзе закончили только два из пяти наших командиров дивизий. А полками командовали лица, не имевшие полного курса пехотного училища, что же говорить о ПНШ?”»

Как вспоминает А.З. Лебединцев, самым страшным бедствием для штаба было отсутствие писчей бумаги. Где ее только не добывали. Использовали и обратную сторону топокарт, обрывки обоев, архивные документы столетней давности, где использовалась, опять-таки обратная сторона. А уж когда удавалось достать оберточную бумагу, то это было целое событие.

Не менее любопытны вот такие обрывочные воспоминания ветерана: «Батальоны почти никогда не представляли боевых донесений в полк, а мне нужно было всегда достоверно знать положение рот и расположение

всех средств поддержки и усиления. С этой целью я и так ежедневно посещал передовую линию».

Оформлением представлений к боевым наградам в штабе полка занимались писари и делопроизводители у ПНШ по учету. И вот однажды «фантазия писаря дошла только до того, что он сумел, не повторяясь, записать в качестве подвига затыкание пробоин в лодках: у одного — портянками; у другого — бельем; а у третьего — обмундированием, и приписывал всем фантастическое количество перевезенного через Днепр личного состава, вооружения, боеприпасов и воинских грузов. Дальше фантазия писарей не пошла, а командирам, подписавшим эти представления, не было времени уточнять и тем более корректировать или исправлял, их, так как некоторые командиры не могли сами написать донесения или расписки, а то и письма близким, поручая это писарям. С мая 1943 г. и по февраль 1944 г. я нашел в архивах только одну записку из трех строк, написанную собственноручно начальником штаба полка...»

Или вот такой момент: «Боевые потери были огромными из-за бездарности вышестоящего командования, самого комдива и бестолковых и безынициативных командиров полков. Дальнейшие бои по прорыву промежуточных рубежей противника кое-чему научили только комбатов, но не командиров полков.

На протяжении двух недель наши командиры не знали, сколько у них людей в наличии, не читали донесений. Встали в оставляемые противником села, именуя это “захватом и овладением с боем”. Это притупило чувство ответственности и контроля за выполнение приказов и привело к тому, что дивизия вышла в Лысянский район совершенно обескровленной. Только 343-й полк имел 457 человек списочного состава, 48-й — около 300, а 29-й -263 человека из положенных по сокращенному штату 1582 человек. Лишь артиллерийский полк из положенных 600 имел 529 человек. Поясню, что при численности триста человек в стрелковом полку можно было не иметь ни одного стрелка, автоматчика и пулеметчика, так как эти триста человек могли быть артиллеристами, минометчиками, связистами, саперами, хозяйственниками, медиками, писарями, поварами и т.д. Кстати, об этом забывали командиры всех рангов, кроме комбатов и командиров рот».

Что касается боевой подготовки, то и там было не все в порядке: «Если подразделения и части проводили учения и боевое сколачивание, то с офицерами частей и дивизии никаких штабных и командно-штабных учений совершенно не проводилось. Мне кажется, что в то самое время никто даже не представлял, как это делать. Даже терминов этих мы не

знали».

Что уж там говорить, если в архивных документах 1 гв. МСБр, где воевал в мой дед, я нашел один весьма характерный пример. Передо мной «Список на командиров штаба бригады и командиров батальонов с оценкой по функциональным обязанностям и отработкой штабных документов на 20 июня 1943 г. Читаю без указания фамилий:

- «1) капитан... ЗНШ по оперативной работе — посредственно.
- 2) лейтенант... ПНШ по оперативной работе — хорошо.
- 3) капитан старший помощник НШ по разведке — хорошо.
- 4) ст. лейтенант... ПНШ по разведке — посредственно.
- 5) капитан административной службы... ПНШ по учету л/с — посредственно.
- 6) лейтенант... ПНШ по спецсвязи — хорошо.
- 7) мл. лейтенант... (тоже) — посредственно.
- 8) капитан... офицер связи — посредственно.
- 9) ст. лейтенант... (тоже) — посредственно.
- 10) лейтенант... (тоже) — посредственно.
- 11) лейтенант... (тоже) — посредственно.
- 12) лейтенант... завделопроизводством штаба — слабо.
- 13) капитан... нач. инженерной службы — посредственно.
- 14) ст. лейтенант... нач. химической службы — посредственно.
- 15) капитан... нач. связи — посредственно.
- 1 мсб
- 16) капитан... адъютант старший — посредственно.
- 2 мсб
- 17) капитан... (тоже) — посредственно.
- 3 мсб
- 18) капитан... (тоже) — слабо.
- Мин. батарея
- 19) капитан... (тоже) — слабо.
- Арт. дивизион
- 20) капитан... (тоже) — посредственно».

Судите сами, но только три хороших оценки из двадцати проверяемых офицеров штаба бригады говорят о многом. По крайней мере они подтверждают слова Александра Захаровича. Ну, как это так, офицеры на фронте не могут изложить то, что они должны знать, как «Отче наш», тем более это касается только лишь их прямых ежедневных обязанностей!

К слову сказать, в июне 1943 г. в 1-м Гвардейском Донском танковом корпусе были подведены итоги боевой подготовки за десять дней с 13 по

23. В результате были выявлены следующие недостатки в подготовке командного состава и штабов:

«а) Исключительно слабый внешний вид и строевая выправка, приветствовать не умеют, внешний вид неряшлив, на погонах звездочек многие не имеют;

б) Нет четкости в командовании и управлении подразделениями;

в) Плохое использование местности и слабое ориентирование на месте и на ходу;

д) Недостаточно усвоены вопросы взаимодействия».

В подготовке штабов: «а) Штабы не полностью сколочены, особенно плохо в 15-17 гв. ТБр. (Гвардейских танковых бригадах. — Примеч. ред.). Командиры полностью не отвечают требованиям современного боя;

б) Не уделяется должного внимания несению службы оперативного дежурного, своевременной отправки боевых документов, как во время тактических учений, так и повседневно, налаженному делопроизводству;

в) Боевая документация оформляется небрежно, стандартно, без учета характера и особенностей боя. Вся положенная документация еще не оформляется;

г) Мало натренированы и быстрой оценке обстановки, расчету времени начальников служб, заместителей и т.д.;

д) Офицеры связи на учениях не используются;

е) Не практикуется взаимодействие и помощь;

ж) Радисты еще слабо натренированы, неумело используются на командно-штабных учениях...»

Как-то А.З. Лебединцев опубликовал статью под заголовком: «Страда Букринского плацдарма». В ней он очень интересно, как всегда он это умеет делать, рассказал о самых памятных днях осени 1943 г.

«22 сентября мне вручили в штабе нашей 38-й стрелковой дивизии пять экземпляров очередных листов топокарт, на которых сразу бросалась в глаза голубая лента Днепра. В 14 часов мы прибыли в село городище, которое находилось примерно в трех километрах от одной из крупнейших рек Европы. Само русло еще не просматривалось, зато уже хорошо было видно противоположный господствующий обрывистый берег, на котором теснились хатки-мазанки села Григоровка, где 48-му сп предстояло захватить плацдарм...»

Вторым рейсом, со следующей ротой, я переправился с несколькими связистами и двумя радистками с рацией. Над руслом реки опустился туман. Вражеские осветительные ракеты слабо мерцали. Только скрип уключин напоминал о тяжелых усилиях нашего перевозчика. Вот и

противоположный берег. Наша лодка уткнулась носом в прибрежный песок. Мы прыгаем на берег, не промолив даже обуви. Овраг очень глубок. Его откосы можно преодолевать только на четвереньках. Поднимаемся на небольшое плато, впереди несколько строений села Григоровка.

Занимаем хату. Жители, видимо, в погребе. При свете трофейной площадки разворачиваем радио и телефонную связь. (...) Следующим рейсом прибывает командир и начальник штаба. Наступает рассвет. Подвергаемся бомбардировке сначала «юнкерсов»-пикировщиков, потом «хейнкелей». Меняем место командного пункта, передвинувшись севернее в незаметный с воздуха овражек с кустарником. Здесь спокойнее...»

Начальник штаба полка приказывает Лебединцеву бежать на КНП к командиру полка уточнить, где батальон, а по дороге исправить связь. Дальше Александр Захарович рассказывает о том, что не вошло в статью: «Я понимал, на что он меня посылает и куда придется идти через сплошной шквал разрывов. И мы пошли по проводу, сращивая перебои провода от разрывов. Вот и верховье большого оврага, поднимаемся на пригорок, где был окопчик кнп. Младший лейтенант связист Оленич вел огонь из ручного пулемета короткими очередями. Кузьминов (командир полка. — Примеч. авт.) и Бикетов (начальник артиллерии. — Примеч. авт.) стреляли из карабинов связистов, которые набивали запасные диски к РПД. Увидев меня, Кузьминов закричал: “Саша, как ты прорвался через эту стену огня и что вообще сейчас творится?” Телефонист только сообщил о прибытии в штаб, как провод снова перебило разрывом. Со штабом дивизии у командира тоже не было связи, как ее не было, видимо, ни у кого в таком аду. Впереди КНП танконедоступный овраг, откуда были слышны две команды: “форверст” и “фойер”. Но вражеская пехота тоже не лезла под пулеметный огонь (...) Очнулся от своих дум Кузьминов и решил послать меня с докладом об обстановке к командиру дивизии. Хотя он не знал, где наш батальон и что с полковой артиллерией. Он просил передать, что свой КНП они с начальником артиллерии не покинут, и будут отстреливаться до последнего патрона. Он просит командира дивизии открыть огонь артиллерии по этому скату. Говоря возвышенными словами, он вызвал огонь на себя, но, не имея связи, делал это через меня. Только вылез из окопа, как рядом раздался взрыв снаряда, и меня снова бросило в окоп. (...)

Я доложил комдиву о просьбе Кузьминова, и он потребовал указать его место на карте и на местности. Потом он спросил, где наш штаб. Я ответил, что здесь же на пригорке в промоинах, и он отпустил меня, наказав: немедленно на том берегу собирайте всех способных держать оружие и переправляйте их сюда. (...)

Убедившись, что я могу ходить, Ершов (начальник штаба полка. — Авт.) опять же поручил мне идти с отрядом на КНП командира и найти его живого или мертвого. Как ни странно, на месте КНП оказались только связисты. Один из них был убит и один ранен. Я спросил о судьбе командира полка, и Оленич сказал, что оба майора ушли к соседям для поддержания связи и не вернулись. Связь снова была наведена, и я доложил Ершову и в штаб дивизии майору Петрову о том, что командир был жив и где-то у соседей. На его КНП двадцать солдат под командованием Медведева».

Так куда же делись командир полка и начальник артиллерии?

«После того как они все же вернулись, командир дивизии наградил Кузьмина пощечиной и сказал: “А как же с вызовом артогна на себя? Смыть кровью!” Так что от штрафного батальона до звания Героя был один шаг. А так как наш полк и сам командир переправились на сутки раньше других частей на правый берег, то Кузьминов только один и подходил в кандидаты на Героя».

Спустя десятилетия Герой Советского Союза М.Я. Кузьминов напишет о том же, но по-своему: «Что делать? Ведь если фашисты возьмут высоту, они легко прорвутся в Григоровку, и весь плацдарм будет под угрозой ликвидации. После недолгих размышлений я приказал Бикетову вызвать огонь по нашему наблюдательному пункту. Майор внимательно посмотрел на меня и дал условный сигнал.

С НП артиллеристов запросили:

— Где ваш “первый”? — так условно именовался командир полка.

Я взял микрофон у майора Бикетова и сказал:

— Нахожусь у края “ленты” (условное название Днепра). Прошу немедленно открыть огонь по высоте.

— Понятно! — ответил артиллерийский наблюдатель.

И вслед за этим все вокруг загремело, загрохотало, в небо полетели комья земли. Высоту окутали дым с пылью, закрывшие небо. Мы с Бикетовым лежали на дне траншеи, тесно прижавшись друг к другу.

Вражеский танк, пятясь назад, переполз через нас, привалив землей сержанта Николая Семенова. Если бы фашисты знали, что в траншее расположен наш НП, где находились два майора, лейтенант и три солдата-связиста, они, конечно же, нас живыми не оставили. Достаточно было водителю вражеского танка развернуть машину над нами, “поерзать” на месте, и мы оказались бы заживо погребенными...»

Возможно, что этот ярчайший пример трусости командира полка, позднее ставший «подвигом» был не единственным в практике Великой

Отечественной войны. Однако, как правило, обычно за такие «подвига» люди получали по заслугам...

Война до сих пор не дает покоя тем, кто ее прошел. Тогда молодые или совсем молоденькие офицеры, ставшие впоследствии известными писателями, актерами, режиссерами, скульпторами не переставали, да и не перестают возвращаться к ней в своем творчестве.

Например, Виктор Некрасов писал: «Тридцатилетний, но все еще мальчишка, мирно дремавший на военных занятиях в институте (...), получил в свое распоряжение восемьдесят “годных необученных” гавриков и должен был обучить их военному искусству. Пройдя пешком от Ростова до Волги, запасной наш саперный батальон обосновался в захудалой деревушке Пичуга на крутом берегу и стал долбить колхозными лопатами насквозь промерзший грунт. Никто из нас, командиров, в глаза не видал живой мины, детонатора, взрывателя, бикфордова шнура. О толе (тринитротолуоле) знали только, что он похож на мыло, а динамит — на желе. Оружия не было. Стрелять не умели. За всю зиму каждый солдат на стрельбище сделал по одному выстрелу — патронов и на фронте-то было в обрез.

К весне 42-го г. рядовой состав был отправлен в Крым, где и сложил свои кости, а комсостав, полковыми инженерами, в действующую армию, в район Донца. Оружия по-прежнему не было. Из станицы Серафимович наш стрелковый (!) полк выступил с палками вместо винтовок на плечах. Полковая артиллерия — бревна на колесах от подвод. Во всем полку только две учебные винтовки — их торжественно несли два ассистента по бокам знамени — святыни полка. Мы бодро “С места песню!”, рубанули шаг, бабы зарыдали: “Родимые вы наши, с палками-то на немцев!” Кто мог придумать этот цирк — до сих пор ломаю голову.

На передовую угодили прямо к началу “плана Барбаросса” оружие получили за сутки до того, как “вступили в дело”. Солдаты — московские винтовки образца 1891 г., офицеры — пистолеты ТТ. И то, и другое держали в руках первый раз в жизни. Попытались тренироваться на воронах, запретили — передовая рядом.

“Вступление в дело” вылилось в повальное бегство. Утром Ю-88 засыпали бомбами, на бредущем пронесли “мессера” и полезли на нас танки. Мы лежали в кустах “рубежа”, который должны были держать, и тихо заполняли штаны. Я командовал: “По одному, перебежками, к той роще!” — и сам за бойцами засверкал пятками.

Знаменитый Нурми мог мне позавидовать...

Так началась “моя” война. Закончилась она в июле 1944 г. в Люблине — пуля немецкого снайпера с крыши дома на Краковском Пшедместье перебила правую плечевую кость.

Через полгода был демобилизован, стали именоваться «инвалидом Отечественной войны II группы», получил пенсию. Оставалось только передвигать флажки на большой, немецкого происхождения, карте Европы, повешенной на стене, на самом видном месте.

9 мая 45-го мы все напились, без конца целовались, у кого сохранились пистолеты — стреляли в воздух и опять бежали за водкой. (...)

Мы победили! Фашизм — самое страшное на свете — разгромлен.(...)

Победителей не судят! Увы! Мы простили Сталину все! Коллективизацию, тридцать седьмые годы, расправу с соратниками, первые дни поражения...»

Знаменитую книгу капитана и кавалера ордена Красной Звезды и медали «За отвагу» Некрасова «В окопах Сталинграда» в 1946 г. опубликовал журнал «Знамя», а в 1947 г. Виктор Платонович был награжден Сталинской премией в области литературы.

Василь Быков на фронт ушел семнадцатилетним юношей. Сначала воевал рядовым, потом был направлен в Саратовское пехотное училище, по окончании которого стал командиром взвода автоматчиков, затем попал в полковую артиллерию также взводным. С «сорокопятками» он прошел Украину, Румынию, Венгрию, Югославию, Австрию. Был два раза ранен и награжден двумя боевыми орденами.

В книге воспоминаний о пережитом, которую он завершил в 2002 г. (по зловещей иронии судьбы) во Франкфурте-на-Майне, Василь Владимирович рассказал о самом первом бое, который не очень ему запомнился и о том, как они воевали: «В памяти осталось лишь то, как ротный, какой-то нескладный, совсем по-граждански выглядевший человек в полушубке, гнал солдат и меня вместе с ними через неубранную, заваленную снегом кукурузу, пока не накрыл нас плотный немецкий огонь. Залегли. А потом опять в атаку — короткими перебежками...

Ночь застала нас на марше, в батальонной колонне. А с рассвета и весь день с неба летели бомбы. Мы то разбегались по степи, то вновь собирались на дороге. На околице села, до которого дошли, около пустого хлева ротный объявил короткий привал. Дальше нам предстояло взять кошару, стоящую неподалеку от дороги. Предполагалось, что в ней закрепились немцы. Но едва я задремал на мерзлой соломе, как послышался пронзительный вой немецких пикировщиков и разрывы бомб.

Нужно было быстро выметаться из хлева. Но тут немцы налетели вновь, и ротный, задержавшийся в хлеву, был убит осколком. Из офицеров в роте остался я один, и именно на меня навалился возникший откуда-то заместитель командира полка: “Наступать, твою мать!” Что ж, наступать, так наступать. И по моему приказу остатки роты, рассыпавшись в цепь, двинулись к кошаре. На наше счастье, немцы больше не стреляли, а в развалюхе-кошаре не было ни души. Я тут же послал на КП полка сержанта доложить, что приказ выполнен. Как выяснилось впоследствии, делать этого не следовало, хотя вернувшийся сержант передал мне благодарность командира полка. Тем временем мои ребята залегли прямо в снегу, замерзшие и голодные. И тут помкомвзвода предложил: “Айда в кошару! Немного погреемся...”

Я узнал: кто-то из моих раздобыл бутыллицу со шнапсом. Аккурат для сугреву.

А вот погреться не удалось. Раздвигая побелевшие кукурузные будыли, показались три бронетранспортера и стали бить из пулеметов. Солдаты тотчас вскочили и, не дожидаясь моей команды, кинулись назад, к дороге. За ними — где ползком, где перебежками — подался и я, их незадачливый командир. В кюветах просидели под обстрелом до ночи. А едва стемнело, опять появился заместитель командира полка и сразу же пообещал расстрелять меня, если до рассвета не займу оставленную кошару. Оказывается, про захват этой злополучной развалюхи уже доложили в штаб дивизии, а там она, быть может, попала в оперативную сводку — поэтому необходимо отбить ее у немцев. Любой ценой. Положение такое, что хуже не придумаешь. Кошару обороняют три бронетранспортера, а у меня всего пятнадцать солдат с винтовками. Как взять?

Однако приказ есть приказ. Ночью, при свете не вовремя показавшейся луны, я повел солдат в новую атаку. Но очень скоро пришлось вернуться: немцы не дали продвинуться и до половины пути к кошаре. Решил ждать рассвета и своего приговора. А тут что-то случилось там, где находился КП полка. Оттуда слышались крики, беспорядочная стрельба. К нам прибежал автоматчик — на КП напали немецкие разведчики, замкомполка приказывает: “Все на помощь, немедленно”. Побежали, конечно. Но опоздали. Немцев, правда, уже не было, а тот, кто обещал меня расстрелять, лежал убитый. Утром два моих солдата выкопали ему могилу. В тот же день нам прислали нового ротного — лейтенанта Миргорода, с которым я провоевал до Рождества. (...)

Как бы ни было трудно, пехота с боями занимала большие и малые

села и, продолжая наступать, шла дальше. А в это время в селах начинали действовать тыловые службы, полевые военкоматы. Они сразу мобилизовывали всех, кто отсиживался там с 41-го г., — хозяйственных мужичков и примачков, бывших окруженцев. Разговор с ними был короткий. Едва успеют тыловики собрать винтовки, валяющиеся около убитых и раненых, похоронить одних, а других отправить в тыл, как винтовки эти раздают только что мобилизованным дядькам. Обмундирования для них нет, и они в домашней одежде, с “сидорами” за плечами идут в цепь — брать соседнее село. До него доходят немногие. А возьмут — и все повторяется в том же порядке.

Несмотря на эти поспешные мобилизации, солдат все равно не хватало — слишком велика была убыль. Да и с командирами дело обстояло не лучше (кадровых еще в начале войны повыбило почти всех). В нашей роте, к примеру, было всего два офицера — ротный и я. На взводы личный состав не делили: зачастую и на один не набиралось. А учет? Хорошо, если писарь успеет записать фамилии новоприбывших, а то часто идут в бой и погибают неучтенными “активными штыками”. Потому у нас теперь столько “неизвестных солдат” и “пропавших без вести”. Считали пулеметы, орудия, танки. Даже снаряды и патроны. За них могли притянуть к ответу. Не считали только людей, и отвечал за них лишь Господь Бог».

«Я до сих пор отношусь к войне, как к мистическому акту, — рассказывает Эрнст Неизвестный. — Что бы ни говорили пацифисты, я глубоко убежден, что война, как состояние бездны, проявляет все дремлющие в человеке качества. Люди, воевавшие даже по разные стороны баррикад, внутренне понимают друг-друга гораздо лучше, чем те, кто не заглядывал в лицо смерти».

Неизвестный ушел на фронт добровольцем в семнадцать лет. Когда Ленинградскую художественную школу, в которой Эрнст учился, эвакуировали в Самарканд, он подал заявление в военкомат.

Несмотря на то что будущий автор крупных монументальных скульптурных композиций во всем мире перенес тиф и его ноги были слабыми после болезни, но на медицинской комиссии его лишь спросили про жалобы, которых, естественно, не было.

Потом было Туркестанское стрелково-пулеметное училище в Кушке, где курсант Неизвестный учился по сокращенной программе недолго, всего лишь с ноября 43-го по конец апреля 1944-го. А потом в теплушках молоденьких младших лейтенантов бросили на Запад, на фронт.

Там, в действующей армии, он познал все: командовал взводом

автоматчиков, был в рядах штурмовиков, когда приходилось действовать в танковом десанте при разведке боем и при штурме укрепленных позиций.

«Для меня война — это разрозненная, полубредовая цепь локальных эпизодов: сигнальная ракета, одинокое дерево с обожженным стволом, бруствер, — вспоминает Неизвестный. — Оказавшись в Вене, я был потрясен такой картиной: кругом разорванные лошади, трупы, кровь! Мы врываемся в какое-то кафе, а там лежат горячие пирожные. Горячие! Я не очень боялся немцев, молодой был, задиристый, но тут меня охватил страх. Какая организованность! Кругом смерть гуляет, а они с-суки... пекут!..»

Воевал младший лейтенант Неизвестный почти год, прежде чем его представили к первой боевой награде. Наградной лист на героя четок и лаконичен. Ничего лишнего: «Тов. Э.И. Неизвестный, в боях западнее Рюккендорфа 28 апреля 1945 г. проявил себя смелым и инициативным командиром в бою и захвате контрольного пленного. Он одним из первых поднялся в атаку, увлекая за собой бойцов своего взвода.

Ворвавшись в траншею, он гранатами и огнем из автомата уничтожил пулеметную точку и 16 немецких солдат. Будучи ранен, младший лейтенант Э. Неизвестный продолжал командовать взводом, и благодаря этому траншеи противника были очищены и взят пленный.

Командир 260-го Гвардейского стрелкового полка майор Величко. 2 мая 1945 г.».

И вот самый конец войны. Австрия. Младший лейтенант Неизвестный под шквальным огнем противника поднимает свой взвод в атаку. Но никто из его солдат не хочет умирать теперь, и они не встают... И тогда он поднимается на вражеские окопы один...

4 мая 1941 г. его посмертно награждают орденом Красной Звезды приказом за № 088/Н по 86-й Гвардейской стрелковой Николаевской Краснознаменной дивизии, а его матери отправляют похоронку. У Неизвестного перебит позвоночник, не хватает несколько ребер. Но он выжил вопреки всякой логике. Ведь ему на этом свете предстояло сделать еще очень много.

После излечения Э. Неизвестный преподавал в Суворовском училище в Свердловске.

Свой посмертный орден получил через двадцать пять лет — в 70-м г.

«А сейчас я воспринимаю войну в более человеческих тонах, — говорит великий скульптор. — Еще во времена Сталина я делал серию “Война — это...”, где Великая Отечественная война рассматривалась через человеческое страдание, человеческую выносливость, устойчивость и героизм. Война не выглядела, как барабанный бой и фанфары, а как

преодоление народных страданий, как образец стойкости».

Студент театрального училища Владимир Этуш на фронт ушел добровольцем, имея бронь. Во время спектакля «Фельдмаршал Кутузов» он увидел в зале всего 13 человек и понял, что советским людям теперь не до театра.

Учился в школе военных переводчиков в Ставрополе, где его готовили к разведке четыре месяца. На фронт попал в стрелковый полк переводчиком полковой разведки. Красная Армия тогда отступала, и молоденького офицера даже собирались оставить с рацией за линией фронта для того, чтобы докладывать, какие части наступают. Но что-то не вышло, и он отступал вместе со всеми, защищая Кавказ.

«А потом, когда уже пошли вперед, помню, как 13 дней не могли подняться в атаку под шквальным огнем. Там и пришлось личным примером поднимать солдат», — вспоминает знаменитый актер.

Неудивительно, что первую боевую награду — орден Красной Звезды лейтенант Этуш получал во время атаки, на бегу. Командир полка бежал рядом и кричал: «Этуш, тут тебя орденом наградили, держи, пока меня не убило или тебя», и отдал вместе с коробочкой.

Владимир Этуш сражался в горах Кабарды и Осетии, принимал участие в освобождении Ростова-на-Дону и Украины. В 1944-м был тяжело ранен, и после эвакогоспиталя, получив вторую группу инвалидности, демобилизовался.

Он вернулся в Москву в гимнастерке с наградами, в своей собственной шинели со следами высохшей крови, с палочкой и с фронтовым дневником.

Войну народный артист, на счету которого более 100 киноролей, помнит в мельчайших подробностях: «Ну чего тогда стоила жизнь бойца? Командир застрелил солдата, потому что тот позволил себе взять в каком-то доме гитару и заиграть, хотя все силы тогда следовало отдавать наступлению. Или замполит дивизии лично расстрелял хорошего парня, старшину, за то, что он не туда побежал. А помощник замполита полка убил начальника продсклада за то, что тот отказался налить ему стакан водки. Застрелил за стакан. И ничего. Его разжаловали, но оставили служить при штабе. Так и болтался там без дела».

В 45-м Владимир Этуш окончил театральное училище и в том же году начал служить в Московском театре имени Е. Вахтангова.

Сын красного комиссара, известный советский актер и режиссер Владимир Басов десятилетку закончил в Москве в 1941 г. В июле этого же

года его зачислили курсантом Московского военного финансового училища, которое он окончил в январе 1942-го. На фронте с января 1942 г. Первая должность — ответственный секретарь бюро ВЛКСМ отдельного артиллерийского дивизиона 76 мм пушек в 4-й отдельной стрелковой бригаде. С сентября 1942-го — начальник штаба дивизиона, с февраля 1943-го — помощник начальника штаба артиллерии 4-й стрелковой бригады.

Вскоре он становится слушателем 29-го учебного армейского артиллерийского полка офицерского состава, затем в июле 1944 г. назначается в 39-й полк резерва офицерского состава. А в сентябре этого же года снова на фронте — адъютант командира 28-й артиллерийской дивизии РГК. В январе 1945 г. — командир батареи 424-го минометного полка, 36-го минометной бригады той же дивизии. И с апреля 1945-го — помощник начальника оперативного отдела штаба 28-го артиллерийской дивизии РГК.

Владимир Басов воевал на Западном, 2-м Прибалтийском, 1-м Прибалтийском, Ленинградском фронтах. 23 февраля 1945 г. был контужен.

Воинское звание «капитан» ему присвоили 30 февраля 1945 г.

За боевые отличия награжден медалью: «За боевые заслуги» Приказом по 4-й отдельной стрелковой бригаде 50-й армии за № 17/Н от 18 мая 1943 г. и орденом “Красной Звезды” Приказом по 36-й минометной бригаде 28-й артиллерийской дивизии РГК за № 013/Н от 1 мая 1945 года.

Свою службу в армии Владимир Павлович закончил в 1946 г. — офицером-разведчиком учебного артиллерийского полка Академии Красной Армии им. Дзержинского. Его уволили в запас по статье 43 пункт «А» 25 июля 1946 г.

Ведь он уже давно все решил. Еще учась в десятилетке, Басов вечерами посещал Художественное училище имени 1905 года... Зато теперь фронтовика принял Всесоюзный Государственный институт кинематографии — он мечтал быть актером!

18 февраля 1945 г. капитана Солженицына арестовали. А произошло это вот при каких обстоятельствах:

«Комбриг вызвал меня на командный пункт, спросил зачем-то мой пистолет, я отдал, не подозревая никакого лукавства, — и вдруг из напряженной неподвижной в углу офицерской свиты выбежали двое контрразведчиков, в несколько прыжков пересекли комнату и, четырьмя руками одновременно хватаясь за звездочку на шапке, за погоны, за ремень, за полевую сумку, драматически закричали:

— Вы -арестованы!!

И обожженный, и проколотый от головы к пяткам, я не нашелся ничего умней, как:

— Я! За что?!

Хотя на этот вопрос не бывает ответа, но вот удивительно — я его получил! Это стоит упомянуть потому, что уж слишком непохоже на наш обычай.

Едва смершевцы кончили меня потрошить, вместе с сумкой отобрали мои политические письменные размышления и, угнетаемые дрожанием стекол от немецких разрывов, подталкивали меня скорей к выходу, — раздалось вдруг твердое обращение ко мне — да! Через этот глухой обруб между оставшимися и мною, обруб от тяжело упавшего слова “арестован”, через эту чумную черту, через которую уже ни звука не смело просочиться, — перешли немыслимые, сказочные слова комбрига:

— Солженицын. Вернитесь.

И я крутым поворотом выбился из рук смершевцев и шагнул к комбригу назад. Я его мало знал, он никогда не снисходил до простых разговоров со мной. Его лицо всегда выражало для меня приказ, команду, гнев. А сейчас оно задумчиво осветилось — стыдом ли за свое подневольное участие в грязном деле? Порывом стать выше всежизненного жалкого подчинения? Десять дней назад из мешка, где оставался его огневой дивизион, двенадцать тяжелых орудий, я вывел почти что целой свою разведбатарею — и вот теперь он должен был отречься от меня перед клочком бумаги с печатью?

— У вас... — веско спросил он, — есть друг на Первом Украинском фронте?

— Нельзя!.. Вы не имеете права! — закричали на полковника капитан и майор контрразведки. Испуганно сжалась свита штабных в углу, как бы боясь разделить неслыханную опрометчивость комбрига (а политотдельцы — и готовясь дать на комбрига материал). Но с меня уже было довольно: я сразу понял, что я арестован за переписку с моим школьным другом, и понял, по каким линиям ждать мне опасности.

И хоть на этом мог бы остановиться Захар Георгиевич Травкин! Но нет! Продолжая очищаться и распрямляться перед самым собою, он поднялся из-за стола (он никогда не вставал навстречу мне в той прежней жизни!), через чумную черту протянул мне руку (вольному, он никогда мне ее не протягивал!) и, в рукопожатии, при немом ужасе свиты, с отепленностью всегда сурового лица сказал бесстрашно, отдельно:

— Желаю вам — счастья — капитан! (А.И. Солженицын. Архипелаг

Гулаг. Том 1)»

Более того, когда на бывшего капитана и бывшего командира 2-й звукобатареи органы запросили «Боевую характеристику», тот же командир Александра Исаевича поступил еще раз честно, как настоящий офицер: «... За время пребывания в моей части Солженицын был лично дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным, его подразделение по боевой работе и дисциплине считалось лучшим подразделением части.

Выполняя боевые задания, он неоднократно проявлял личный героизм, увлекая за собой личный состав, и всегда из смертельных опасностей выходил победителем.

Так, в ночь с 26 на 27 января 1945 г. в Восточной Пруссии при контратаке немцев его батарея попала в окружение. Гибель ценной, секретной техники и личного состава казалась неминуемой. Солженицын же, действуя в исключительно трудных условиях, личный состав из окружения вывел и технику спас...

Командир в/ч 07900 генерал-майор артиллерии Травкин».

Когда этот документ комментирует человек заведомо настроенный против великого писателя, то у него и выходит все соответствующим образом. Так, например, известный публицист Марк Дейч в своей книжке пишет: «По-видимому, в ту ночь в Восточной Пруссии Александр Солженицын действительно проявил самоотверженность и даже героизм. Других подобных случаев в военной биографии А.И. судя по всему более не было — в противном случае генерал-майор Травкин не преминул бы о них упомянуть». Но это зря. Дело в том, что в Смерше были собраны все необходимые документы, в том числе и личное дело о офицере, в которое подшивали и наградные листы. А так как у Александра Исаевича было два боевых ордена, то это как минимум еще два подобных случая в пользу арестованного офицера. Плюс все остальные боевые характеристики и аттестации за период войны. Самая последняя требовалась следствию как самая свежая. Так было заведено тогда, так происходит и сейчас.

Но лично меня больше всего беспокоит не это. Тот же М. Дейч достаточно смело заявляет, что о военном прошлом А. Солженицына неизвестно практически ничего.

Он, в частности, пишет: «Этой темы “живой классик” старательно избегает. Неужто из скромности, которой он никогда не отличался?

Ну, прежде всего сам А.И. в добровольцы почему-то не записался. Ждал, пока его призовут. А пока — спокойно дождался первого сентября, начала учебного года, и пошел учить детишек математике.

Да и на фронте Солженицын был отнюдь не в первом эшелоне».

То, что Александр Исаевич никогда не отвечает клеветникам и хулителям — это достойно великого человека, ведь он наверняка прекрасно помнит басню Крылова «Слон и моська».

А вот то, что люди пытаются оскорбить человека, совершенно не владея необходимой информацией — это на сегодняшний день нормально для дилетантов, но никак не для профессиональных журналистов.

И вот почему.

Действительно, после окончания спец. факультета Ростовского государственного университета в июне 1941 г. Александру Исаевичу шел 23-й год, и он не был призван в армию. А призвали его только 18 октября 1941 г. Но куда? В 74-й отдельный гужтранспортный батальон, где он проходил службу на должности красноармейца-ездового. Как вы думаете, почему? Почему не в пехоту или другой род войск? Видимо, причину надо искать в каком-то ограничении. Не иначе.

И только в апреле 1942 г. Александра Исаевича направляют в 3-е Ленинградское артиллерийское училище, потому как офицерские кадры были значительно истреблены, и было уже не до ограничений.

После выпуска лейтенант Солженицын находится, как и положено, в 9-м запасном разведывательном артиллерийском полку (с 1 ноября 1942 г.), где готовится к назначению в действующую армию по воинской специальности.

На Брянский фронт он попадает 28 февраля 1943 г., а сентября 1943-го воюет на 1-м Белорусском командиром батареи артиллерийского дивизиона 68-й отдельной тяжелой пушечной артиллерийской бригады. Ах, да, чуть не забыл — командиром батареи звуковой разведки.

Как пишет М. Дейч, «на передовой Солженицын никогда не был. Он командовал батареей звуковой разведки (БЗР), которая располагалась по определению А.И., во 2-м, 3-м, а то и в 5-м эшелоне. Во всяком случае — никак не в 1-м. По залпам вражеской артиллерии БЗР определяла ее местонахождение и передавала эти данные своим батареям. А вот те-то и занимались настоящей работой.

И два своих ордена, как выяснили мои коллеги-журналисты, Солженицын получил не за храбрость, а не выходя из блиндажа — когда после двух сражений и побед в них награды раздавались всем подряд».

Вообще-то звуковая разведка — это добывание сведений о ненаблюдаемых стреляющих батареях (орудиях, минометах, пусковых установках реактивной артиллерии) противника по звуку их выстрелов с помощью звукометрических приборов.

Задачей звуковой разведки является также обслуживание стрельбы

своей артиллерии (определение отклонений разрывов снарядов (мин), координат звуковых реперов, контроль стрельбы на поражение).

При этом звуковая разведка не зависит от условий видимости, успешно действует в любое время года, трудно обнаруживается разведкой противника.

Словом, не простой батареей командовал будущий великий писатель. И по ряду причин, в том числе секретного характера, он никак не мог находиться на передовой.

Хотя, как мы знаем, из окружения батарею выводил вместе с людьми. Не подвигли это?

И еще. Не всякого могли назначить в такую батарею, ведь, как известно, с уровнем образования в СССР было в то время трудно. А тут физмат!

Потому-то капитан Солженицын был отличным офицером, что занимал свое место. И неизвестно, кто бы смог его заменить, если бы Александр Исаевич попал в пехоту.

Вычислить тщательно замаскированную батарею противника и передать ее точные координаты на боевую батарею своей артиллерии было делом ювелирным. А вот накрыть немецкие орудия по этим координатам было гораздо проще. Правда, если у таких расчетов хватало элементарных знаний и боевого опыта.

Не менее оскорбительно звучат слова о боевых орденах А.И. Солженицына.

Дело в том, что их было всего два. И если бы не арест, было бы больше.

Первым орденом Александра Исаевича наградили 10 августа 1943 г. Приказом командующего артиллерией 63-й армии за № 05/Н (орден Отечественной войны 2-й степени) и вторым орденом от 8 июля 1944 г. Приказом по 68-й армейской пушечной артиллерийской бригаде №019.

Лично мне удалось найти в архиве Министерства обороны наградной лист только на первую награду. Но и он говорит сам за себя: «Командир БЗР-2 лейтенант Солженицын получил 6 января 1943 г. необученных бойцов. К 17 марта 1943 г. батарея звуковой разведки была обучена звуковой разведке и готова к выполнению боевой задачи. За период май-июнь месяц БЗР-2 под умелым руководством лейтенанта Солженицына выявила основную группировку артиллерии противника на участке Малиновец — Сетуха — Бол. Малиновец (Орловское направление).

11.6.43 г. в период операции три вражеских батареи, засеченных БЗР-2 44 ПАБР подавила.

В период наступления наших войск 12.7.43 г. вся группировка артиллерии противника, которая была выявлена БЗР-2 подавлена 44 ПАБР, что дало возможность успешно и быстро прорвать сильно укрепленную оборону немецко-фашистских войск.

За успешную и быструю подготовку личного состава, за умелое руководство по выявлению группировки артиллерии противника на участке Малиновец — Сетуха — Бол. Малиновец, командира БЗР-2 представляю к награде орденом Отечественной войны 2-й степени.

Командир 794 ОА РАД капитан Пшеченко
27 июля 1943 г.».

О том, что на фронте Александр Исаевич служил добросовестно, говорит и его рост в воинских званиях. Самое первое «лейтенант» ему было присвоено 1 ноября 1942 г. по выпуску из училища. «Старший лейтенант» ему присвоили 15 сентября 1943 г. и «капитан» — 7 мая 1944 г.

Арестованный органами Смерш, всего лишь за переписку, капитан Солженицын «хлебнул» сполна, но все же справедливость восторжествовала.

В его учетно-послужной карте, находящейся на хранении в Центральном Архиве Министерства обороны записано: «Считать уволенным в запас с 21.3.1956 по ст. 59 «а» — по выслуге установленного срока действительной службы — напр. на учет в Курловский Р.В.К.»

Знаменитый режиссер Петр Ефимович Тодоровский ушел на войну летом 1943 г., но сначала стал курсантом Саратовского военного пехотного училища. Только в 1944-м он оказался на фронте и был назначен командиром взвода 93-го стрелкового полка 76-й стрелковой дивизии 47-й армии 1-го Белорусского фронта.

11 месяцев плюс один месяц в госпитале после ранения в голову, плюс неделя в санитарной землянке после контузии — это та самая война лейтенанта Тодоровского.

Когда люди отказывались идти в атаку, ему приходилось и прикладом автомата по спинам бить. «Иначе нельзя было, — рассказывает Петр Ефимович. — Я был младшим лейтенантом, командиром самого низшего ранга, но отвечал за свой взвод. И если видел, что какие-то бойцы оставались на месте, в то время как все вставали в атаку, я возвращался и прикладом по спинам поднимал их. Война вынуждает быть жестоким. Помню, случай был в Германии. Мы никак не могли взять одну немецкую деревеньку, расположенную на абсолютно ровном поле. И я видел, как командир корпуса — генерал-лейтенант — бил палкой командира полка.

При солдатах. Под финал сказал: «Если утром не возьмешь эту деревню — расстреляю!» На войне разговор очень короткий и жестокий... У меня эту жестокость за полгода воспитали еще в Саратовском военно-пехотном училище».

В другой раз, на вопрос «Что самое тяжелое на войне?» он лишь добавляет: «Встать и побежать в атаку. А я же офицером был. То есть должен подавать пример для рядовых бойцов. Вот и бодрился, делал вид, что совсем не страшно.

Конечно, перед боем ходили и раздавали бойцам водочки. Для храбрости, как полагается. На передовой появлялся бак со спиртом и — кому сто граммов, кому сто пятьдесят. Те бойцы, кто постарше, не пили. А молодые... им помогало».

Петр Тодоровский прекрасно помнит и страх на войне: «... Страшно было. Не верю тем, кто говорит, что ничего не боялся. Страх у человека заложен в генах. Когда попадаешь под артобстрел и рядом с тобой рвутся снаряды и мины, ты невольно падаешь, прикрывая голову. И за минуту малой лопаткой вырываешь лунку, чтобы нырнуть в нее головой. В спокойной ситуации в каменистом грунте вырыть такую лунку — глубиной в два штыка — практически невозможно. А там появлялись какие-то невероятные силы... Я пришел на фронт на завершающем этапе войны, и наша 47-я армия воевала буквально до последней минуты войны — только 8 мая с тяжелейшими боями мы вышли на берег Эльбы».

О ранениях: «Ранение я получил случайно. Мы никак не могли взять какой-то хутор. Он находился на возвышенности, а немцы засели где-то наверху за амбаром. Они бабахали по нам без передышки. Наш начальник артиллерии говорит мне: “Возьми-ка свою батарею (это три миномета), отойдите вон в ту ложину и накройте-ка эти пушки беглым огнем”. Добрались мы до ложины и еще не успели установить свои минометы, как эта немецкая зениточка вдарила... Миномет вдребезги, а мне большой осколок борозду на черепе положил. Миллиметром глубже — он бы мне в голову так и вошел».

В другом бою его контузило. Точнее, в перерыве между боями. Бойцы сидели в траншее и играли в карты. Место было песчаное, и когда метрах в двух от окопа шарахнул мощный снаряд, несколько тонн песка осыпалось на ребят. Их долго откапывали, один боец даже задохнулся. А у Тодоровского от взрыва повредился слуховой нерв. Два месяца спустя ему показалось, что слух восстанавливается, но на самом деле дела шли все хуже. Пришлось надеть слуховой аппарат.

Петр Ефимович прошел со своим полком в составе 47-й армии часть

Западной Украины, всю Польшу и всю Германию. Брал Берлин, брал Шпандау, правительственный германский аэродром и дошел до Эльбы. Два ордена Отечественной войны I и II степеней — не просто боевые награды. Это прежде всего память об определенной жизни там.

До мельчайших подробностей ему запомнился день 8 мая: «... Наша 47-я армия вышла на Эльбу с боями. Перед нами мост через реку. Немцы отстреливаясь, переправлялись к американцам, которые стояли на той стороне. Каждому солдату выдали пачку патронов — все нужно было выпустить по немецкой стороне. Против нас к тому же выставили огромное количество артиллерии... Но утром 8-го река вдруг затихла. Мы вышли на берег и были в самом прямом смысле слова оглушены тишиной.(...)

Река, которая именовалась у нас “водной преградой”, вдруг стала обычной рекой. Мы сняли свои грязные портянки, завшивленные телогрейки и полезли в воду. Именно в этот момент вдруг стало понятно, что такое счастье. Оно заключалось в том, что мы остались живы...»

Где-то через месяц после подписания капитуляции лейтенанта П. Тодоровского назначили комендантом маленького поселка, а после демобилизации в 1948-м он со второго раза поступил во ВГИК, чтобы осуществить свою мечту.

На 15 мая 1944 г. в составе офицерского корпуса Красной Армии насчитывалось 2952 генерала. Как явствует из документов наркомата обороны, это стало одной из актуальных проблем того времени, так как количество высших офицеров в годы войны по сравнению с довоенным периодом увеличилось более чем в три раза.

«Дальнейший рост количества генералов уже не отвечал объективным потребностям. Война близилась к завершению, и неизбежным было численное сокращение армии, в том числе офицерского состава», — говорится в коллективном труде «Офицерский корпус и кадровые органы Вооруженных Сил России».

«Проведенный в Главном управлении кадров анализ показал, что в системе присвоения генеральских званий и распределения генералов между войсками и аппаратом имелись серьезные недостатки. Необходимо было принять меры к сокращению штатно-должностного количества генералов в Красной Армии, а также определить, как использовать офицерские кадры в мирное время (там же)».

В документе, который был доложен Сталину 18 мая 1944 г. начальником Главного управления кадров генерал-полковником Ф.И. Голиковым, говорилось: «... На 15 мая Красная Армия имеет 2952 генерала.

В целом эти данные свидетельствуют:

1. Об огромном росте военных кадров Советского Государства за время Отечественной войны.

2. О создании в годы Отечественной войны большого генералитета Красной Армии...

3. О том, что основным источником выращивания и формирования советского генералитета явилась лучшая, наиболее боевая и способная часть офицеров, выдвинувшаяся снизу из числа полковников — 1152 чел., подполковников — 182 чел., майоров — 186 чел., капитанов — 15 чел. и старших лейтенантов — 1 чел».

Анализируя все необходимые данные, начальник ГУКа предлагал:

«1. Определить и ограничить общую численность генералов

Уже сейчас мы имеем почти 3 тысячи генералов (2952 чел.).

Это сейчас очень серьезная цифра. В сравнении с другими армиями она будет выглядеть так: США — 1065 генералов, сухопутная армия Англии — 517 генералов, Германия — 2198 генералов (без санитарной и ветеринарной службы), Япония — 1209 генералов (данные Разведывательного управления от 25 января 1944 года).

Требования на присвоение новых и новых генеральских званий не прекращаются и не ослабевают.

Особенно они велики по линии службы тыла Красной Армии (в тоже время они наиболее сдержаны из действующей армии и по общевойсковой линии).

Сточки зрения штатной нам могут предъявить требования еще на присвоение 6000 генеральских званий. Это вытекает из того, что в действующих сейчас штатах военного ведомства установлено 9007 должностей, которые должны и могут замещаться лицами генеральского состава. Эта цифра в 3 раза больше количества уже имеющих генералов.

Кроме того, нужно учесть, что в целом ряде случаев центральные управления стремятся добиться генеральского звания даже тем лицам, должностное положение которых определяется категорией “Подполковник — полковник”.

Необходимо:

а) установить ориентировочную численность генералов для Вооруженных сил Советского Союза, чтобы ее придерживаться;

б) основательно сократить штатно-должностное количество генералов, установленное сейчас, тем более что излишне большая численность генеральского состава отрицательно скажется на авторитете и весе генералов;

Такое сокращение штатных должностей генералов является, безусловно, возможным и реальным делом, это видно хотя бы из того, что 9007 штатных генеральских должностей — 3287 идут под рубрикой “Полковник-Генерал”, то есть вполне могут заполняться полковниками.

Этот процент особенно велик в ВВС КА, где количество должностей, могущих заполняться “Полковник-Генерал” почти в два раза больше цифры, установленной для заполнения генералами (по штату установлено генеральских должностей 380, а должностей “Генерал-Полковник” — 666).

в) исходя из общей цифры, которая будет установлена для генеральского состава, установить численность генералов по родам войск и служб с тем, чтобы для них это явилось ограничительными рамками.

2. Централизовать представление к генеральским званиям через ГУК НКО

Основные центральные управления НКО представляют свои кандидатуры в СНК СССР на присвоение генеральских званий каждое самостоятельно, исходя из своего собственного критерия и своих ограниченных служебных интересов.

При этом стараются избежать представления через Главное управление кадров НКО и избавиться от его контроля.

Нагляднее всего это проявляется со стороны Управления тыла, где ярко выражено стремление, как можно больше произвести генералов и возвести их в высший ранг.

Уже сейчас по службе тыла имеется 326 генералов, что составляет к общему числу 11,04%.

Это обстоятельство приводит к фактам незаслуженного присвоения генеральских званий.

Так, Постановлением Совнаркома СССР от 11.5.1944 г. присвоены генеральские звания 24 офицерам и генералам Службы тыла, из которых по крайней мере 6 человекам, по моему мнению, звание присвоено незаслуженно, среди них:

1. Начальник административно-хозяйственного Управления ПОЛЯКОВ В.В.

Он только 20.12.1942 г. получил звание “Генерал-майора”. В Красной Армии прослужил всего лишь 6 лет и 5 месяцев, из которых один год — рядовым, 5 лет — военкомом финуправления и 5 месяцев — начальником административно-хозяйственного Управления НКО.

Военного образования никакого не имеет.

Он с успехом мог бы и сейчас быть в звании “Полковник интендантской службы”. Столь стремительного движения в званиях нет

даже в Действующей армии.

2. Начальник Управления Базы Центра НКО АЗИБЕКОВ А.М. в Красной Армии всего лишь 8 месяцев, ни опыта, ни военного образования, ни стажа службы в армии совершенно не имеет.

3. Начальник 1 отдела Интендантского Управления ЧИСТЯКОВ В.А.

Хотя в армии он и с 1918г., но вся его служба с 1920 г. проходила только в военно-хозяйственном управлении НКО, на канцелярских должностях, начиная с младшего делопроизводителя по положению не выше майора-подполковника и сейчас он занимает должность не генерала, а только полковника.

С 1920 г. ни одного месяца службы в войсках.

4. Начальник автомобильного Управления Белорусского округа НАБЕРУХИН И.М.

Ему звание полковника было присвоено только в апреле 1943 г. Будучи в окружении в 1941 г., по сообщению Управления контрразведки Смерш, сдался в плен румынам, порвал и выбросил партбилет. В плену подвергался допросам, после чего был освобожден и направлен на работу. При выходе из окружения неоднократно задерживался немцами и полицейскими органами. Вышел из окружения одиночным порядком, что пытается скрыть.

В 1942 г. во время осады Сталинграда немцами высказывал пораженческие настроения.

5. Зам. начальника Вещевого управления ПАЛЕЕВ Б.С. Вся его служба в Красной Армии с 1919 г. исчерпывается:

— четырьмя месяцами рядовым и начальником разведки батальона в 1919 г;

— восьмью годами учебы в хозяйственных ВУЗах (с 1920-1928 гг.);

— и 16 годами непрерывной службы в Интендантском управлении НКО, начиная с должности мл. приемщика в г. Москве;

— ни одного дня службы в войсках.

6. Зам. начальника отдела кадров Управления тыла БАВИН И.В.

Занимал и занимает должность, отнесенную к званию “Подполковник-полковник”.

Имеет перерыв по службе в армии 7 лет.

Для более правильного подхода и в целях усиления контроля необходимо установить, чтобы представления к генеральским званиям шли только через Главное управление кадров НКО и им докладывались. Конечно, могут быть исключения но и тогда начальник любого центрального Управления, лично докладывающий вопрос о присвоении

генеральского звания, должен иметь на материале мнение Главного управления кадров НКО.

3. Выправить распределение генералов между войсками и управленческим аппаратом

Из 2952 генералов Красной Армии — 1569 чел. (или 57,5%) находятся в органах управления; из них 396 чел. — в Центральном аппарате НКО, 1174 — во фронтовом, окружном и армейском аппаратах. В войсках же (в корпусах, дивизиях, бригадах, училищах, академиях и научно-исследовательских институтах) находится 1256 генералов (или 42,5%).

При всем значении органов управления все же необходимо установить более правильное распределение генеральского состава между аппаратом управления и между войсками.

Сейчас у нас в звании “полковник” находится: 276 командиров дивизий, 74 командира бригады и 67 начальников училищ. По мере их роста они войдут в состав генералов.

Но даже при полной заполненности штатных должностей генералами в войсках, количество генералов в управленческом аппарате остается очень большим; еще больше оно по штату, о чем я уже говорил.

От уменьшения генеральских должностей авторитет управленческого аппарата, в том числе и центрального, отнюдь не проиграет, а только выиграет.

Между тем руководители учреждений центрального аппарата стремятся к тому, чтобы у них было больше генеральских должностей.

4. Повысить требования к военному образованию генералов. Очень велика цифра генералов, не имеющих никакого военного образования — 142 чел. (4,8% ко всему составу генералов). Также очень велика цифра генералов, имеющих военное образование всего лишь в объеме военного училища (443) и курсов (769 чел.), что составляет 41,05% (по обеим цифрам).

К генеральскому составу необходимо предъявить серьезные требования в отношении собственного военного образования.

В первую очередь нужно потребовать от лиц, вовсе не имеющих военного образования, — подготовиться и сдать за военное училище...»

Дополняя этот документ, характеризующий очень сложную ситуацию с генералитетом Красной Армии, давайте кратко остановимся на их потерях в годы Великой Отечественной войны.

Эта цифра составляет 416 человек или по воинским званиям: контр-адмиралы — 6, вице-адмиралы — 2, генерал-майоры — 343, генерал-

лейтенанты — 56, генерал-полковники — 4, генералы армии — 4, Маршал Советского Союза — 1.

В это число не вошли 13 репрессированных генералов перед войной (в войну) и расстрелянных в годы войны (генерал-полковники — 2, генерал-лейтенанты — 8, генерал-майоры — 3).

По обстоятельствам смерти или гибели 416 генералов и маршала можно разделить на:

- погибших в бою — 185 чел.,
- умерших от полученных ранений — 61 чел.,
- пропавших без вести — 14 чел.,
- погибших или умерших, находясь в плену, — 23 чел.;
- подорвавшихся на минах — 9 чел.,
- погибших в авиационных катастрофах — 12 чел.,
- погибших в автомобильных катастрофах — 6 чел.,
- погибших в результате несчастных случаев — 2 чел.,
- умерших от болезни — 79 чел.,
- расстрелянных — 18 чел.,
- покончивших жизнь самоубийством во избежание плена — 4 чел.,
- покончивших жизнь самоубийством — 3.

Кроме того, за период войны погибли (1), умерли от полученных ранений (2), погибли, находясь в плену (1), пропали без вести (3) — два корпусных и пять дивизионных комиссаров.

Из попавших в плен 80 генералов и комбригов Красной Армии только 12 пошли на сотрудничество с противником. Пятеро бежали из плена и 23 погибли в плену.

Если же говорить о наибольшем уроне, то, естественно, его понес командный состав: почти 89%.

На алтарь Отечества сложили свои головы: командующие фронтами — 4, командующие армиями — 22, их заместители -8, командиры корпусов — 55, их заместители — 21, командиров дивизий — 127 и 8 командиров бригад.

Для сравнения потери генералитета Германии выглядят следующим образом:

- погибло — 963,
- без вести пропало в 3,2 раза больше советских генералов,
- в плену умерло в 8 раз больше советских генералов,
- самоубийством покончили 110.

Сегодня не является секретом, что в течение первого и частично

второго периодов войны основным видом военных действий являлась оборона, а основной формой военных действий были фронтовые и армейские оборонительные операции. А ведь в предвоенный период в Красной Армии оборону рассматривали лишь как возможный вид боевых действий. При этом в первые же дни Великой Отечественной стало очевидным, что проблема оперативной обороны наиболее полно может быть решена не в армейской, а во фронтовой оборонительной операции.

Более того, война подвергла суровой проверке довоенную теорию оперативного искусства и тактики Сухопутных войск. Она хоть и правильно отражала вопросы подготовки и ведения операции и боя, однако многие теоретические разработки нуждались в пересмотре. Следовательно, как командным, так и научным кадрам пришлось ежедневно и критически осваивать боевой опыт, с огромнейшим трудом преодолевая достаточно серьезные недостатки в теоретической и практической подготовке войск, вырабатывая совершенно новые формы и способы борьбы с противником применительно к реальной боевой обстановке...

В ней как военачальникам, так и командирам, нередко приходилось «сталкиваться с такими явлениями, которые» не предусматривались никакими теоретическими положениями или противоречили им, поэтому возникала необходимость в поиске совершенно новых способов действий. Как правило, на войне более успешно действовали командиры, имеющие высокую теоретическую подготовку. «Но известны случаи, когда военачальники, обладая большими теоретическими знаниями, оказывались малопригодными для практической деятельности, так как не владели искусством управления в сложных условиях обстановки» (генерал армии Махмут Гареев). При этом «... Изучение какой-либо науки совершенно не гарантирует владения руководимым этой наукой искусством, и жизнь нам являет неоднократные примеры так называемых “ученых дураков”, которые, владея в совершенстве широкими научными познаниями, оказываются совершенно несостоятельными в области соответствующего искусства. Одно дело знать, другое — уметь», — писал Е. Смысловский — один из участников дискуссии о военном искусстве в 20-е г.

По рассказу Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, Сталин в шутку говорил: «Если бы соединить вместе Жукова и Василевского и затем разделить пополам, мы получили бы двух лучших полководцев. Но в жизни так не получается».

«Советское военное искусство формировало полководческое искусство наших военачальников во время войны в ожесточенном противоборстве с очень сильным военным искусством Германии, — анализирует военное

наследие советских полководцев профессор М.А. Гареев. — В военной науке и военном искусстве Германии наиболее полно были разработаны весьма изощренные формы и способы дезинформации и достижения внезапности действий, упреждения противника в стратегическом развертывании, массированного применения ВВС для завоевания господства в воздухе и непрерывной поддержки действий сухопутных войск на главных направлениях. В операциях 1941-1942 гг. весьма эффективно строились наступательные операции с массированным применением танковых войск и широким маневрированием силами и средствами.

С точки зрения военного искусства наиболее сильной стороной германского командования было умение постоянно маневрировать силами и средствами как в наступлении, так и в обороне, быстро переносить усилия с одних направлений на другие, хорошее взаимодействие между сухопутными войсками и авиацией. Подчеркнем еще раз, как правило, немецкие командующие и командиры стремились обходить сильные узлы сопротивления наших войск, быстро переносили удары с одних направлений на другие и умело использовали образовавшиеся бреши в оперативном и боевом построении наших войск для свертывания обороны в сторону флангов и развития наступления в глубину. Объективности ради, надо признать, что такие операции, как окружение и уничтожение наступающих советских войск под Харьковом весной 1942 г., или действия генерала Манштейна по разгрому наших войск в Крыму в 1942 г. и некоторые другие, были проведены с большим военным мастерством. Германские командующие и командиры более гибко действовали в обороне. Они в отличие от нас не всегда придерживались принципа жесткой обороны и, когда требовала обстановка, отводили войска на новые рубежи».

Говоря о том, как немцы проиграли войну, мы сейчас часто повторяем, что не в ошибках Гитлера, дело в ошибках немецкого генерального штаба, — оценивая противника, отмечал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. — Но надо добавить, что Гитлер своими ошибками помогал ошибаться немецкому Генеральному штабу, что он часто мешал принимать Генштабу более продуманные, более верные решения. И когда в 1941 г., после разгрома немцев под Москвой, он снял Браухича, Бока, целый ряд других командующих и сам возглавил немецкие сухопутные силы, он, несомненно, оказал нам этим серьезную услугу. После этого и немецкий Генеральный штаб, и немецкие командующие группами армий оказались связанными в гораздо большей мере, чем раньше. Их инициатива оказалось скованной».

У нас же, из 24 маршалов и генералов, выдвинутых на роль командующих фронтами в 1941 г., суровый отбор прошли только пять человек, оказавшись командующими войсками фронтов на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Это Еременко, Жуков, Конев, Малиновский и Мерецков. Война же в целом выдвинула целое созвездие талантливых полководцев и военачальников... На наше с вами счастье!

Маршал авиации А.Е. Голованов в рецензии на книгу о Маршале Советского Союза К.К. Рокоссовском написал буквально следующее: «Если бы меня спросили, рядом с какими полководцами прошлого я поставил бы Рокоссовского, я бы, не задумываясь, ответил: рядом с Суворовым и Кутузовым. Полководческое дарование Рокоссовского было поистине уникальным, и оно ожидает еще своего исследователя».

В своих мемуарах Голованов также не забыл о Константине Константиновиче: «Пожалуй, это наиболее колоритная фигура из всех командующих фронтами, с которыми мне довелось сталкиваться во время Великой Отечественной войны».

И действительно война не застала врасплох генерала Рокоссовского.

Будучи командиром механизированного корпуса, он один смог отстоять свою артиллерию, когда накануне войны войскам КОВО было приказано выслать ее на полигоны, находившиеся в приграничной зоне.

Тогда же, учитывая отсутствие боевой матчасти (укомплектованность на 30%), Рокоссовский ограничил использование танков для учебных целей из опасения оказаться на войне вообще без танков (учебная техника была на износе, моторы оставляли желать лучшего).

С началом войны Константин Константинович взял на себя ответственность на вскрытие особого секретного оперативного пакета за подписью заместителя начальника Оперативного отдела штаба. Хотя его можно было вскрывать только по распоряжению председателя Совета Народных Комиссаров или Наркома обороны.

Далее он приказал вскрыть центральные склады без разрешения сверху с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. При этом написал море расписок интендантам.

Выступая в поход, Рокоссовский запретил выдавать командирам и сержантам петлицы защитного цвета и знаки различия, чтобы командир резко выделялся в боевых порядках.

Получив приказ на проведение контрудара, он снова взял на себя огромную ответственность не наносить его, а встретить врага в обороне. Его корпус не просто атаковал немцев, но и отбросил их. При этом его

бойцы и командиры стали обстрелянными и убедились в том, что немца можно бить.

Сочетая усилия пехоты, артиллерии и незначительного количества танков, комбинируя их действия, корпус Рокоссовского стремился нанести противнику как можно больший урон. И это, надо сказать, у него получалось. Однако, что он мог сделать один среди немногих, таких же, как он?

Вспоминая 41-й, маршал писал в своих мемуарах: «Приграничное сражение нами проиграно. Остановить врага теперь можно будет не подбрасыванием разрозненных частей и соединений к расшатанному фронту, а созданием где-то в глубине нашей территории сильной группировки, способной не только противостоять мощной военной машине противника, но и нести ему сокрушительный удар».

«Рокоссовский со своим корпусом попал в окружение, — рассказывал генерал-лейтенант авиации Н.А. Захаров Феликсу Чуеву. — Надо сказать, что войну он встретил в отличие от многих наших командиров очень подготовленно и грамотно. Перешел в контрнаступление и, разбив превосходящие силы врага, послал в вышестоящий штаб депешу с просьбой разрешить ему взять Варшаву. Естественно, он не знал общего положения на театре военных действий, и ему совершенно справедливо было приказано отступать. Рокоссовский, отступая, вывел свой корпус в расположение наших войск с соотношением потерь 1:2,5 не в пользу немцев. И это летом 1941 г.!

Такова цена полководца».

К слову, корпус Рокоссовского успешно действовал на Новоград-Волынском направлении, где он, взаимодействуя с другими соединениями фронта, нанес 10 июля 1941 г. контрудар по противнику с севера. Контрудар оказался неожиданным и пришелся по слабо укрепленному стыку 258-й и 44-й пехотных дивизий противника.

Контрудары войск Юго-Западного фронта восточнее Новоград-Волынского, где действовал корпус Рокоссовского, и в районе Бердичева вынудили противника приостановить продвижения на подступах к Киевскому УР...

В июле же Рокоссовский возглавил одну из пяти армейских оперативных групп, созданных в соответствии с директивой начальника Генерального штаба от 18.7 для нанесения ударов из районов Белого, Ярцева, Рославля по сходящимся направлениям на Смоленск с задачей во взаимодействии с 16-й и 20-й армиями разгромить группировки противника севернее и южнее города.

Действуя на важнейшем направлении в течении нескольких дней, группа Рокоссовского, сформированная им из отходивших частей, отражала на рубеже реки Вопь в районе Ярцева ожесточенные атаки танковых соединений Гота, стремившихся прорваться на восток к Вязьме и в юго-восточном направлении к Ельне в целях соединения с частями 2-й танковой группы Гудериана.

При организации обороны на левом берегу реки Вопь войска Рокоссовского впервые за войну сделали попытку создать противотанковую оборону, основанную на противотанковых опорных пунктах (районах), размещаемых на танкоопасных направлениях. 28 июля группа нанесла контрудар, в результате которого соединения противника были вынуждены перейти к обороне. А 1 августа, одновременным ударом группы с востока и частей 16-й и 20-й армий с запада, находившихся в окружении, был прорван фронт окружения.

После выхода войск из окружения генерал-майор Рокоссовский вступил в командование 16-й армией. Участвуя в оборонительных и наступательных боях, войска его армии форсировали Вопь, овладели вражескими укреплениями на западном берегу, отвлекая на себя часть резервов противника из Ельни, способствуя успешному проведению Ельнинской операции Резервного фронта.

Заметную роль его армия сыграла и в обороне Москвы. Она достаточно активно участвовала в Можайско-Малоярославецкой и Клинско-Солнечногорской оборонительных операциях.

В ходе октябрьского наступления противника войска 16-й армии, прикрывая подступы к столице на Волоколамском направлении, проявили исключительное упорство.

Против армии противник бросил четыре дивизии (200 танков), а у него на каждый стрелковый батальон и кавалерийский полк приходилось не менее 5 км фронта обороны. Плотность же артиллерии на 1 км не превышала двух орудий. Тем не менее Рокоссовскому удалось противопоставить массированным ударам противника при поддержке авиации хорошо организованную оборону, в которой огромную роль сыграли противотанковые опорные пункты и районы. 27 октября 16-я армия остановила немцев восточнее Волоколамска благодаря четкому управлению, умелым маневрам силами и своевременным вводом резервов.

В ходе нового наступления противника (15 ноября 1941 г.) на Волоколамско-Истринском направлении против его армии, занимавшей фронт обороны в 70 км, перешла в наступление 4-я танковая группа (не менее 400 танков) при массированной поддержке авиации. Но уже 5

декабря она была остановлена приблизительно в 20 км от главного рубежа Московской зоны обороны, умело организованной обороной, которая отличалась стойкостью и высоким моральным духом войск Константина Константиновича.

Армия Рокоссовского первой перешла в контрнаступление под Москвой. «Глубокий снежный покров и сильные морозы, — писал он в своих мемуарах, — затрудняли нам применение маневра в сторону от дорог с целью отрезать пути отхода противнику. Так что немецким генералам, пожалуй, следует благодарить суровую зиму, которая способствовала их отходу от Москвы с меньшими потерями, а не ссылаться на то, что русская зима стала причиной их поражения».

Феликсу Чуеву рассказывали, что после победы под Сталинградом, одним из первых Рокоссовскому прислал поздравление начальник тюрьмы («Кресты»), где он сидел с 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 г. «Рад стараться, гражданин начальник!» — ответил ему Рокоссовский.

А вот, что рассказывал Ф. Чуеву маршал авиации А.Е. Голованов: «Когда мы прибыли из Сталинграда, нас принял Сталин, это после завершения операции “Кольцо”, всех поздравил, пожал руку каждому из командующих, а Рокоссовского обнял и сказал: “Спасибо, Константин Константинович!” Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-то по имени и отчеству, кроме Б.М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский был вторым человеком, которого И.В. Сталин стал называть по имени и отчеству. Это все сразу заметили. И ни у кого тогда не было сомнения, кто самый главный герой — полководец Сталинграда...»

К слову, командующий войсками Донского фронта генерал Рокоссовский, осуществляя операцию по ликвидации окруженной группировки противника под кодовым наименованием «Кольцо» (10 января — 2 февраля 1943 г.), сумел рассечь вражескую группировку на две части. Уже 31 января была разгромлена южная группировка войск 6-й армии Ф. Паулюса, а 2 февраля капитулировала северная.

Не имея общего превосходства над противником и уступая ему в личном составе и количестве танков в 1,2 раза, Рокоссовский сумел на направлении главного удара, нацеленного на рассечение окруженной группировки, создать превосходство над противником в пехоте — в 3 раза, в танках — в 1,2 раза, в артиллерии — в 15 раз, сосредоточив на направлении главного удара 33% стрелковых дивизий, 50% артиллерии, 57% гвардейских минометов и 75% танковых полков. Это имело решающее значение в быстром разгроме врага. Но прежде всего успеху операции способствовало полководческое мастерство самого Рокоссовского.

Именно Рокоссовский был уверен, что на Курской дуге решится исход кампании 1943 г. Тогда как другие предлагали там нанести упреждающий удар по противнику.

Это несколько колебало уверенность Сталина как Верховного в принятом им уже решении вести оборонительные действия.

«Прошел май. Опять всплыли разговоры об упреждающем ударе с нашей стороны. Рокоссовский переживал, как бы в Ставке не приняли такое решение. Соотношение сил было примерно равным, и преимущество будет на стороне обороны. Наступающий должен иметь значительное превосходство в силах и особенно в средствах. Организованная оборона давала твердую уверенность Рокоссовскому, что он разгромит противника, а возможное наше наступление наводило на размышления. Тем более что Рокоссовский принадлежал к числу тех полководцев, которые планировали операции с минимальными потерями. Однако Ватутин по-прежнему был уверен в успехе предполагаемого им упреждающего удара...

В конце июня разведка донесла, что противник начнет наступление второго июля. Но ни второго, ни третьего, ни четвертого июля ничего не произошло. Напряжение росло»

(Феликс Чуев).

«В ночь на пятое июля я был на докладе у Сталина на даче, — пишет Голованов. — Он был один. Выслушав мой доклад и подписав представленные бумаги, Верховный сразу заговорил о Рокоссовском. Он довольно подробно вспомнил деятельность Константина Константиновича и под Москвой, и под Сталинградом, особенно подчеркнув его самостоятельность и твердость в принятии своих решений, уверенность в правильности, а главное — обоснованность вносимых им предложений, которые всегда себя оправдывали, и наконец Сталин заговорил о создавшемся сейчас положении на Центральном и Воронежском фронтах. Рассказал о разговоре с Рокоссовским, где на вопрос, сможет ли он сейчас наступать, последний ответил, что для наступления, имея в виду соотношение сил, ему нужны дополнительные силы и средства, чтобы гарантировать успех, и настаивал на том, что немцы обязательно начнут наступление, что они не выдержат долго, ибо перевозочных средств у них сейчас еле хватает лишь на то, чтобы выполнить текущие расходы войны и подвозить продовольствие для войск, и что противник не в состоянии находиться в таком положении длительное время. И наконец не то вопросом, не то с каким-то сожалением Сталин сказал:

— Неужели Рокоссовский ошибается?.. — Немного помолчав, Верховный сказал: — У него там сейчас Жуков.

Из этой реплики мне стало ясно, с какой задачей находится Георгий Константинович у Рокоссовского. Было уже утро, когда я собирался попросить разрешения уйти, но раздавшийся телефонный звонок остановил меня. Не торопясь, Сталин поднял трубку ВЧ. Звонил Рокоссовский. Радостным голосом он доложил:

— Товарищ Сталин! Немцы начали наступление!

— А чему вы радуетесь? — спросил несколько удивленно Верховный.

— Теперь победа будет за нами, товарищ Сталин! — ответил Константин Константинович.

Разговор был окончен.

— А все-таки Рокоссовский опять оказался прав, — как бы для себя сказал Сталин».

В 1944 г. в Ставке обсуждались разные варианты проведения Белорусской операции. Командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии Рокоссовский предлагал, как всегда, самый необычный вариант: нанести одновременно два главных удара. Маршал Жуков и Генеральный штаб выступили категорически против такого предложения. Более того, их поддержал сам Верховный. Ведь считалось абсолютно правильным нанесение всего лишь одного главного удара при прорыве хорошо подготовленной обороны противника, остальные же должны были нести вспомогательный характер, скрывая истинное направление нанесения главного удара.

Противники Рокоссовского настаивали на ударе с плацдарма на Днестре в районе Рогачева.

Рокоссовский вспоминал: «Окончательно план наступления отработывался в Ставке 22 и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла фронта на Люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подвергалось критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар — с плацдарма на Днестре (район Рогачева), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого “продумывания” приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представляли.

— Настойчивость командующего фронтом, — сказал он, — доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха». Далее полководец объясняет причину настойчивой защиты решения о двух ударах: «Дело в том, что местность на

направлении Рогачев, Бобруйск позволяла в начальный период наступления сосредоточить там лишь силы 3-й и частично 48-й армий. Если этой группировке наших войск не оказать помощи, на другом участке противник будет в состоянии не допустить здесь прорыва своей обороны. В случае необходимости он для парирования угрозы имел бы возможность перебросить сюда силы с неатакованных участков.

К этому необходимо добавить, что правый фланг 3-й армии упирался в район, занимаемый противником не только по западному, но и по восточному берегу Днепра. Это вынуждало нас принять надлежащие меры для обеспечения правого фланга армии и фронта. Удар 65-й и 28-й армий на левом берегу Березины в направлении Бобруйск, Осиповичи лишал противника возможности перебросить свои силы с этого участка против 3-й армии, и наоборот. Ударами на двух направлениях вводилась в сражение одновременно основная группировка сил правого крыла фронта, чего нельзя было достигнуть ударом на одном участке из-за его сравнительной ограниченности. Кроме того, успех, достигнутый на любом из этих участков, ставил противника в тяжелое положение, а войскам фронта обеспечивал успешное развитие операции».

К слову, Константин Константинович тогда своим фронтом, впервые в мировой военной практике нанес два главных удара (передний край протяженностью 900 км). При этом с плацдарма у Рогачева успех не был достигнут. Зато там, где наносился второй главный удар, был достигнут наибольший успех!

«Вряд ли можно назвать другого полководца, который бы так успешно действовал как в оборонительных, так и наступательных операциях прошедшей войны, — писал маршал Голованов. — Благодаря своей широкой военной образованности, огромной личной культуре, умелому общению с подчиненными, к которым всегда относился с уважением, никогда не подчеркивая своего небного положения и в то же время обладая волевыми качествами и выдающимися организаторскими способностями, он снискал себе непререкаемый авторитет, уважение и любовь всех, кто с ним общался».

После Белорусской операции, которую изучают во всех военных академиях мира, Сталин назвал Константина Константиновича «мой Багратион». За нее же Рокоссовский и стал маршалом.

Хроника деятельности Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. грандиозна по своему масштабу и характеру деятельности. Архивные источники ЦАМО с их

фондами, описями, делами лишь детализируют эту картину. Георгий Константинович до сих пор считается маршалом Победы и полководцем Великой Отечественной войны №1. С его именем связаны практически все одержанные за ее период победы. Однако многие его личные просчеты и ошибки обращались в кровавое месиво убиенных на полях сражений солдат. Следовательно, только одно это не может ставить его имя на первое место в плеяде советских полководцев.

Как известно, Георгий Константинович большую часть войны провел в должности представителя Ставки ВГК. Встретив ее начало на посту начальника Генерального штаба, он командовал фронтами недолго: Резервным: с 31 июля по 8 сентября 1941 г., Ленинградским: с 9 сентября по 6 октября 1941 г., снова Резервным: с 8 октября по 12 октября 1941 г. и Западным: с 13 октября по 1 февраля 1942 г. Далее Западным направлением с оставлением в должности командующего войсками фронта (Западный и Калининский фронты): с 1 февраля по 28 августа 1942 г. И, наконец, 1-м Белорусским: с 14 ноября 1944 г. по май 1945 г. Между августом 42-го и маем 45-го: работа в Генеральном штабе и Ставке ВГК, руководство операциями фронтов и т.д. и т.п.

Если говорить о роли представителя Ставки, то по авторитетному мнению К.К. Рокоссовского (а у него сложилось твердое убеждение), что «ему как заместителю Верховного Главнокомандующего полезнее было бы находиться в Ставке ВГК».

И еще: «Вместо того чтобы управлять вооруженными силами, находясь в центре, куда стекаются все данные о событиях на театрах войны и где сосредоточены все нервы управления, представители Верховного Главнокомандующего отправлялись в войска. Там они, попадая под влияние “местных условий”, отрывались от общей обстановки, способствовали принятию Ставкой ошибочных решений и своими попытками подменять командующих только мешали им». Мало того, даже сам начальник Генерального штаба в ответственный момент покидал свое место и выезжал для руководства операцией, подменяя командующего фронтом.

Константин Константинович писал: «Порой в поспешных мероприятиях, проводимых решениями Ставки, пытавшейся немедленно реагировать на происходившие на фронте события, отсутствовала дальновидность, необходимая для столь ответственного органа».

После войны Сталин неоднократно говорил Рокоссовскому, смеясь:

— А помните, когда Генеральный штаб представлял комиссар штаба Боков?

«Считаю, что такие вопросы, как разработка крупной стратегической операции с участием нескольких фронтов или отработка взаимодействия между ними, целесообразно рассматривать в Ставке путем вызова туда командующих соответствующими фронтами. Кстати, впоследствии так и делалось, что приносило существенную пользу», — резюмировал тему представителей Ставки Константин Константинович.

В книге профессора Федора Давыдовича Свердлова «Ошибки Г.К. Жукова (год 1942)» есть вот такие простые, как истина слова: «Мы не умели воевать. Мы были ослеплены, больше — связаны по рукам и ногам устаревшими теориями боя времен Гражданской войны. Устарели наши взгляды и в области тактики, и в области оперативного искусства. Старая истина гласит: устаревшие военные взгляды куда хуже, чем устаревшее оружие.

Во время войны не только трудно, но часто и невозможно восполнить то, что упущено в мирное время. Восполнить такое упущение во время прошлой войны удалось лишь ценою огромных жертв, реками крови и колоссальными материальными затратами».

Ну что тут скажешь, как возразишь, когда тут же Ф.Д. Свердлов приводит весьма характерный документ:

«... Ставка за последнее время Западному фронту дает пополнение больше других фронтов в 2-3 раза, но это пополнение при халатном отношении командиров частей к сбережению жизни и здоровья людей недопустимо быстро теряется, и части вновь остаются в большом некомплекте. Особенно плохо отношение к сбережению людей в 50-й и 10-й армиях Западного фронта, где ввиду недопустимо плохой и безответственной организации боя, неумения организовать обеспечение войск не прошло ни одного боя, чтобы не побывал полк и целые дивизии в окружении, кончавшиеся большими потерями людей и материальной части...

В Ставку Верховного Главного командования, в Военный Совет фронта поступили многочисленные письма красноармейцев, командиров и политработников, свидетельствующие о преступно-халатном отношении командования всех степеней к сбережению жизней красноармейцев пехоты. В письмах и рассказах приводятся сотни примеров, когда командиры частей и соединений губят сотни и тысячи красноармейцев при атаках на не уничтоженную оборону противника, на не уничтоженные пулеметы, на не уничтоженные опорные пункты и при плохо подготовленном наступлении...»

Как вы поняли, речь идет о Западном фронте, когда им командовал Георгий Константинович.

Когда в ноябре 1941-го бои шли в центре и на левом фланге 16-й армии, а именно в 10-ти километрах от Истринского водохранилища, на Клинском направлении быстро сосредотачивались войска противника. Усиливалась угроза с севера и давление на левое крыло, которое не прекращалось, а резервы в буквальном смысле таяли на глазах. По мнению Рокоссовского, река Истра, водохранилище и прилегающая местность представляли прекрасный рубеж для организации прочной обороны даже небольшими силами. Тем самым можно было бы освободившееся количество войск вывести во второй эшелон, создав глубину обороны, а большую часть сил перебросить на Клинское направление.

После обдумывания и тщательного обсуждения с помощниками замысла, командующий 16-й армией доложил его генералу армии Жукову и попросил разрешения отвести «войска на истринский рубеж, не дожидаясь, пока противник силою отбросит туда обороняющихся и на их плечах форсирует реку и водохранилище».

При этом он подчеркнул, что войска армии понесли большие потери в людях и в технике. Однако командующий фронтом не принял во внимание просьбы Рокоссовского и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

«На войне возникают ситуации, когда решение стоять насмерть является единственно возможным, — вспоминал Рокоссовский. — Оно, безусловно, оправдано, если этим достигается важная цель — спасение от гибели большинства или же создаются предпосылки для изменения трудного положения и обеспечивается общий успех, во имя которого погибли те, кто должен с самоотверженностью солдата отдать свою жизнь. Но в данном случае позади 16-й армии не было каких-либо войск, и если бы обороняющиеся части погибли, путь на Москву был бы открыт, чего противник все время добивался».

В результате, не согласившись с приказом командующего фронтом, он обращается к начальнику Генерального штаба Б.М. Шапошникову, обстоятельно мотивировав свое предложение. А спустя несколько часов приходит ответ от Шапошникова, что предложение правильное и он его санкционирует.

Дальше были немедленно подготовлены боевые распоряжения войскам об отводе ночью главных сил на рубеж Истринского водохранилища. Но все испортила грозная телеграмма Жукова: «Войсками фронта командуя я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад

не отступать. Генерал армии Жуков».

Что было после судите сами: «Как мы и предвидели, противник, продолжая теснить наши части на левом крыле, отбросил их на восток, форсировал с ходу Истру и захватил на ее восточном берегу плацдармы. Южнее же Волжского водохранилища он прорвал оборону на участке 30-й армии и стал быстро продвигаться танковыми и моторизованными соединениями, расширяя прорыв. (...)»

На клинском и солнечногорском направлениях создавалась весьма тяжелая обстановка...»

Все это будущий полководец прокомментировал следующим образом: «Не могу умолчать о том, что как в начале войны, так и в Московской битве вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы. Часто такие приказы и распоряжения не соответствовали сложившейся на фронте к моменту получения их войскам обстановке, нередко в них излагалось желание, не подкрепленное возможностями войск.

Походило это на стремление обеспечить себя (кто отдавал такой приказ) от возможных неприятностей свыше. В случае чего обвинялись войска, не сумевшие якобы выполнить приказ, а “волевой” документ оставался для оправдательной справки у начальника или его штаба. Сколько горя приносили войскам эти “волевые приказы”, сколько неоправданных потерь было понесено!»

Несмотря на это, лично о Г.К. Жукове Константин Константинович в своей манере написал в воспоминаниях достаточно мягко: «Георгий Константинович рос быстро. У него всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах.

И вот на Западном фронте во время тяжелых боев на подступах к Москве мы снова работаем вместе. Но теперь наши служебные отношения порой складываются не очень хорошо. Почему? В моем представлении Георгий Константинович Жуков остается человеком сильной воли и решительности, богато одаренным всеми качествами, необходимыми крупному военачальнику. Главное, видимо, состояло в том, что мы по-разному понимали роль и форму проявления волевого начала в руководстве. На войне же от этого многое зависит». (...)»

Высокая требовательность — необходимая и важнейшая черта военачальника. Но железная воля у него всегда должна сочетаться с чуткостью к подчиненным, умением опираться на их ум и инициативу. Наш командующий в те тяжелые дни не всегда следовал этому правилу. Бывал он несправедлив, как говорят, под горячую руку».

В январе 1942 г. по плану Ставки ВГК войска Западного и Калининского фронтов получили задачу наступать в общем направлении на Вязьму, нанося, концентрический удар с целью окружить Гжатско-Вяземскую группировку немцев. Западный фронт под командованием генерала армии Жукова вместо того, чтобы нанести удар одним мощным кулаком, организует не один удар, а целых пять, словно растопыренными пальцами, как пишет об этом Ф.Д. Свердлов.

«Забегая вперед, — подчеркивает он, — скажем, что ни один из перечисленных ударов не получил развития, не имел успеха и полного завершения. Задач было поставлено много, ударов наносилось тоже не мало, но ни один из них, не был обеспечен достаточными силами и средствами и с самого начала, таким образом, обрекался на неудачу».

Александр Николаевич Бучин в годы войны был личным шофером маршала Жукова.

Когда в одном из интервью его спросили: «— Жукова мемуаристы упрекают в грубости даже хамстве по отношению к нижестоящим. Вам маршал нахамил хоть раз?», он ответил: «— Не было такого! Да, требовательный он был, сурово отчитывал за нерадивость, правду в лицо говорил. Но крик и оскорбления — этого не было. Он всегда держал себя в руках, не опускался до брани».

Тем не менее были и другие, кто абсолютно не понаслышке знал Георгия Константиновича.

Той осенью 41-го под Москвой Георгий Константинович был особенно скор на расправу. Один из генералов — командующий 30-й армией Дмитрий Данилович Лелюшенко всегда старался избегать встречи с командующим Западным фронтом, проявляя при этом прекрасную изобретательность.

Всякий раз, когда суровый генерал армии приезжал в его войска, Лелюшенко оказывался на передовой, а докладывал за него всегда заместитель.

Поначалу Жуков не обращал на это внимания, но однажды, появившись в очередной раз, с хитрецей поинтересовался:

— Где опять ваш хитрый хохол?

— Возглавляет рейд по тылам противника! — ответил начальник штаба и указал на карте место нахождения командарма.

Будущий маршал внимательно посмотрел туда и не без удивления сказал:

— Он что, боится меня больше, чем Гудериана?..

О другом эпизоде, характеризующем полководца, рассказал К.К.

Рокоссовский:

«Как-то в период тяжелых боев, когда на одном из участков на Истринском направлении противнику удалось потеснить 18-ю дивизию, к нам на КП приехал комфронт Г.К. Жуков и привез с собой командарма 5-й Л.А. Говорова, нашего соседа слева. Увидев командующего, я приготовился к самому худшему. Доложив обстановку на участке армии, стал ждать, что будет дальше.

Обращаясь ко мне в присутствии Говорова и моих ближайших помощников, Жуков заявил: “Что, опять немцы вас гонят? Сил у вас хоть отбавляй, а вы их использовать не умеете. Командовать не умеете!.. Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, а он держит его и не пропускает. Вот я его привез сюда для того, чтобы он научил вас, как нужно воевать”.

Конечно, говоря о силах противника, Жуков был не прав, потому что все танковые дивизии немцев действовали против 16-й армии, против 5-й же — только пехотные.

Выслушав это заявление, я с самым серьезным видом поблагодарил комфронт за то, что предоставил мне и моим помощникам возможность поучиться, добавив, что учиться никому не вредно. Мы все были рады, если бы его приезд только этим “уроком” и ограничился.

Оставив нас с Говоровым, Жуков вышел в другую комнату. Мы принялись обмениваться взглядами на действия противника и обсуждать мнение, как лучше ему противостоять.

Вдруг вбежал Жуков, хлопнув дверью. Вид его был грозным и сильно возбужденным.

Повернувшись к Говорову он закричал срывающимся голосом: “Ты что? Кого ты приехал учить? Рокоссовского?! Он отражает удары всех немецких танковых дивизий и бьет их. А против тебя пришла какая-то паршивая моторизованная и погнала за десятки километров.

Вон отсюда на место! И если не восстановишь положение...” и т.д. и т.п.

Бедный Говоров не мог вымолвить ни слова. Побледнев, быстро ретировался».

Еще до прибытия Жукова в Ленинград на совещании у Гитлера 5 сентября 1941 г. район Ленинграда был назван «второстепенным театром военных действий».

То есть, перед тем как туда прибыл Георгий Константинович, колыбель русской революции немцы решили не штурмовать. Речь шла о блокаде. Но «маршал Победы» не только не разгадал замысел противника, а продолжал

защищать город от штурма. Он бросал подчиненные ему войска в кровавую мясорубку, подпитывая свои прямолинейные приказы самыми обыкновенными угрозами. Так 17 сентября 1941 г, «... все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу».

28 сентября 1941 г, «Все семьи сдавшихся врагу будут немедленно расстреляны, и по возвращении из плена они также будут все расстреляны».

Судя по всему, «народный маршал» вместо того чтобы проявить свой полководческий талант, свои знания, умения и навыки, предпочел этому только угрозу к расправе.

Он не был Рокоссовским, который мог ради победы и сохранения основных сил отступить, занять более выгодный или удобный оборонительный рубеж, а затем в активной обороне уничтожать врага. Тем самым, освободив дополнительные силы для второго эшелона и сделав оборону непреодолимой. Жуков предпочитал маневру силами и охватам совершенно бесплодные контратаки.

А потом были Московская битва и Ржевско-Вяземская операция.

Чтобы не быть голословным в оценке «полководческого мастерства» Жукова ознакомимся с выдержкой из заключения, сделанного группой операторов Западного направления Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии сразу же после прекращения последней:

«Операция 33-й и 43-й армий на Вяземском направлении»: «... Общие выводы.

1. (...) Неверный расчет времени и игнорирования условий в которых действовали наши войска, привели к неправильному применению решения, вследствие чего задуманная операция не была выполнена...

2. (...) Западный фронт погнался преждевременно за большими целями, хотел одновременно разгромить Гжатско-Вяземскую, Юхновскую, Спас-Деменскую, Мятлевскую группировки противника, не имея для этого достаточных сил и средств. Действия Западного фронта уподобились действию растопыренными пальцами. Каждая армия имела свою ударную группировку, которая действовала на своем направлении без тесной увязки с соседями...

И получилось так, когда ударная группировка одной армии наступает, то второй — стояла на месте, потом менялись ролями. А командование Западным фронтом продолжало наблюдать, как рядом ударные группировки двух армий дерутся вразнобой, и не вмешивалось в их дела до тех пор, пока операция на этом направлении не была сорвана.

3. Западный фронт не создал кулака в виде крупной мощной

группировки из всех родов войск на решающем направлении, при помощи которого решал бы задачу крупного оперативного размаха. Силы и средства были почти равномерно распределены по всему огромному фронту. Громкие приказы, которые отдавал командующий Западный фронт, были невыполнимы. Ни один приказ за всю операцию во время не был выполнен войсками. Они остались голой ненужной бумагой, которая не отражала действительного положения войск и не представляли собой ценного оперативного документа... Операции начинались не подготовленными, без тесного взаимодействия родов войск (...)

8. Западная группировка 33-й армии честно и доблестно дралась до конца своего существования...»

В принципе неудивительно, что в одной из журнальных публикаций будет написано кратко, но предельно честно: «Жуков действительно не щадил солдат, часто воюя числом, а не умением...»

Пример тому трагедия 33-й армии, вину за которую Георгий Константинович легко свалил на ее командующего генерала Ефремова.

Ржевско-Вяземская операция проходила в период с 8 января по 20 апреля 1942 г. в условиях напряженных и кровопролитных боев на участке Калининского и Западного фронтов под командованием Г. К. Жукова.

В ходе операции 33-я армия успешно прорвала оборону немцев и стремительно двинулась в тыл врага. Однако командующий Западным направлением по каким-то причинам не принял мер для закрепления и расширения создавшегося участка прорыва в обороне противника. А немцы, воспользовавшись этим, подтянули туда две танковые дивизии, прочно закрыв образовавшуюся брешь. В результате дивизии 33-й армии оказались отрезанными от своих тылов, баз снабжения и дивизий второго эшелона, а также оказались без артиллерии, танков, боеприпасов, продовольствия и без прикрытия с воздуха. Тем не менее 33-я армия получает задачу: захватить Вязьму, окружить группировку противника, не дать ей возможности отойти на запад и уничтожить.

Согласно плану Жукова, на Вязьму наступали с четырех сторон: с юго-востока — 33-я армия в составе (фактически) двух стрелковых дивизий и одного полка стрелковой дивизии; с запада — 8-я воздушно-десантная бригада (800 чел.); с северо-запада — 11-й кавалерийский корпус в составе трех кавалерийских и одной мотострелковой дивизии (без танков и артиллерии). По мнению операторов Генерального штаба, в той обстановке было необходимо: усилиями четырех армий (33-й, 43-й, 49-й и 50-й), а также «частью фронтовых резервов обрушиться на Юхновскую группировку противника, окончательно ее окружить и уничтожить, после

чего всем левым крылом фронта во взаимодействии с Калининским фронтом обрушиться с флангов на Вяземско-Гжатскую группировку противника. Вместо этого 33-я армия с очень слабенькими силами направляется против Вяземской группировки противника, 43-я армия с недостаточными силами, растянувшись на широком фронте, приступила к окружению сильной Мятлевской группировки противника (6 пехотных дивизий), 49-я армия пробивала брешь к Юхнову., 50-я армия втянулась в безрезультатные бои против частей, оборонявших Варшавское шоссе, и Спас-Деменской группировки противника. Все это привело к тому, что в конечном счете левое крыло Западного фронта ни на одном направлении крупных успехов не имело».

В результате 33-я армия продолжала вести упорные бои без всяких средств усиления. Фланги армии не обеспечиваются, а усилия соседей нацеливаются по расходящимся линиям. В сущности, армия генерала Ефремова бросалась в глубокий тыл противника на произвол судьбы, лишь бы двигалась вперед. Но всему наступает предел. Так и наступательные возможности армии иссякли. А в конце марта 1942 г. даже сам Жуков понял, что существованию 33-й армии наступил конец. И он отдает распоряжение командующему группы войск генералу Белову: «Выделить один полк, которому немедленно, совместно с частью сил партизанского полка Жабо, принять все меры для вывода из окружения жалких остатков 33-й армии».

Но, как известно. Георгий Константинович всегда пренебрегал реальной обстановкой. Судя по всему, он жил одними эмоциями.

Для оказания помощи 33-й армии сил было выделено мало, а вооружение отряда не обеспечивало прорыв обороны врага.

К слову, всего за два с половиной месяца боев (с 2 февраля 1942 г.) 33-я армия уничтожила 8700 солдат и офицеров противника, 24 танка, 29 орудий и т.д.

Безвозвратные потери армии за это же время составили более 8 тысяч человек, в том числе около 6 тысяч во время выхода из окружения. К своим прорвались всего 889 человек. Генерал-лейтенант М.Г. Ефремов, получивший третье ранение — застрелился. Немцы похоронили его с почестями 19 апреля 1942 г.

«Сражайтесь за Германию так же доблестно, как сражался за Россию генерал Ефремов», — сказал в этот день своим солдатам немецкий генерал.

Сразу же после войны сам Сталин приказал поставить первый монументальный памятник именно М. Ефремову. И в 1946 г. в разрушенной Вязме был установлен памятник работы скульптора Е.

Вучетича. Видимо, и себя Сталин считал виноватым в трагедии 33-й армии и ее командующего.

Зато Жуков тут же, по свежим следам бросился искать крайнего... В неотправленном им документе самому Ефремову говорилось: «... Как показало следствие, никто, кроме командующего 33-й армией, не виноват в том, что его коммуникации противник перерезал. Жуков».

И тут необходимо отметить следующий факт. Не исключено, что у Жукова к Ефремову была личная неприязнь. Ведь 28 января 1942 г. Георгий Константинович подписал боевую характеристику на генерал-лейтенанта Ефремова, с которой и «в тюрьму не возьмут». И это через двадцать с лишним дней после последнего награждения его орденом Красного Знамени за ликвидацию Наро-Фоминского прорыва немцев и последующие успешные действия. Вот ее текст: «Генерал-лейтенант Ефремов Михаил Григорьевич командует 33-й армией с конца октября 1941 г. Оперативный кругозор крайне ограничен. Во всех проведенных армией операциях неизменно нуждался в постоянном жестком руководстве со стороны командования фронтом, включительно тактического применения отдельных дивизий и расположения командного пункта армии. Приказы выполняются не в срок и не точно. Приходится все время подстегивать, за что имеет выговор в приказе. Должности командующего армией не вполне соответствует. Целесообразно назначить командующим войсками внутреннего округа.

Командующий войсками Запфронта

Генерал армии Жуков

Член Военного Совета Западного фронта

Хохлов...».

И это писал «народный маршал», про которого однажды генерал П.А. Белов, прочитав его телеграмму, устало сказал: «До чего же жестокий и бездушный человек!»

Комиссар штаба группы войск Белова полковник Лобашевский после войны на вопрос «дать свое мнение о документах фронта, которые проходили через его руки и об отношении с командующим фронтом», отвечал: «Все важные документы, как правило, подписывались Жуковым и Булганиным. Честно скажу, что почти во всех документах красной нитью проходило беспощадие Жукова, оно было направлено в первую очередь на ограничение прав и инициативы Белова. Именно сковывание инициативы Белова, жестокость и грубость Жукова, доходящая до оскорбления личности, вот в чем его главная ошибка. Ошибка, которая не могла не отразиться на боевых действиях нашей Группы...»

Как известно, маршал Жуков из военного образования имел лишь: кавалерийские курсы (1920 г.), высшую кавалерийскую школу (1925 г.) и курсы высшего начсостава (1930 г.). В общем, одни «пулеметные курсы»!

Поднявшись по служебной лестнице слишком высоко вверх, он не считал это своим недостатком и нередко унижал тех, кто в отличие от него учился в академиях.

Тем не менее, видимо, ему, как раз таки и не хватало академического образования, не считая элементарной культуры и воспитанности.

«Иметь жезл маршала в руках — еще не значит быть полководцем», — сказано в одной из книг О. Бальзака.

Маршал авиации Голованов считал, что «полководцем следует..., называть человека, который своим искусством, своим военным талантом, своим дарованием одерживал победы над врагом не числом, а умением, как говорил Суворов». «Надо полагать, — продолжал он, — что относить к полководцам мы можем лиц, которые командуют в современных условиях объединениями, то есть армиями и более высокими организациями войск. Но вот вопрос, может ли каждый, командуя, скажем, армией, называться полководцем. Мне думается, что считаться полководцем по занимаемой им должности он может, а вот являться — это зависит от его способностей...»

И действительно военачальников в годы войны было с избытком, но вот умело воевали, а значит, командовали и берегли людей — единицы!

Однажды в кавалерийский корпус генерала Белова приехал заместитель Жукова генерал Г.Ф. Захаров. Ростом ниже среднего, широкое угрюмое лицо. Когда он слушал доклад, то пальцы на его руках и колени дрожали. Для тех, кто не умел кривить душой, у него всегда был заготовлен трофейный пистолет «вальтер». Махая перед лицом «нерадивого» офицера его дулом, генерал Захаров сразу же потел, а его глаза вылезали из орбит и ничего не видели. Он любил угрожать расстрелом, но зато был труслив на передовой.

Начальник разведки 1-го Гвардейского кавалерийского корпуса полковник А.К. Кононенко, внимательно присмотревшись к этому «военачальнику», прекрасно «понял, какой страшной злобой заполнено было все его существо, как дико ненавидел он людей. Злоба туманила его и так не весьма ясный рассудок». В старой записной книжке начальника разведки о Захарове было написано: «... он так обильно и плотно заполнен злобой, что никакие другие качества уже не могут в нем вписаться. Слава ко многим генералам приходит через горы трупов. Их славе всегда сопутствует смерть. Еще не было случая, чтобы генерал отказался от вручаемой награды из-за того, что его заслуга стоила в сотни раз больше

жизней и крови, чем могла стоить. У меня всегда вызывало недоумение, как можно таким людям, как Захаров и ему подобные, доверять и подчинять войска?»

Был и другой генерал — командующий, «который, проезжая по ремонтируемой саперами дороге, обратился к своему адъютанту: “Почему меня не приветствуют мои войска?”

Адъютант был весьма расторопен и ответил: “Товарищ командующий, идет дождь, и верх у нашей машины поднят. Вас не видят, поэтому и не приветствуют”. “Остановите машину и опустите верх”. Приказание было исполнено, но ни один солдат не обратил внимания на едущих в машинах... У них была своя работа и разглядывать — кто в машинах, да еще узнавать своего командующего, которого они сроду в глаза не видели, времени не было. Так и пришлось генералу промокнуть, не достигнув желаемого».

В январе 42-го, в разгар подготовки операции в штаб 16-й к Рокоссовскому приехал заместитель командующего фронтом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов. Приехал, что называется, не с пустыми руками, а с целой машинисткой. И расположился аккуратно в одном из домов. Константин Константинович вспоминал: «Он вызвал меня к себе. Выслушав мой доклад, в повышенном тоне заявил, что все мероприятия никуда не годятся. Дескать, вместо того чтобы усиливать равномерно всю занимаемую нами полосу, мы, стягивая к Сухиничам силы, ослабляем другие участки, давая возможность этим воспользоваться противнику. С ним я не мог никак согласиться и счел своим долгом доложить о том командующему фронтом по телеграфу. Тот мое решение одобрил, а Кузнецову приказал выехать в 61-ю армию.

Задачу комфронтом мы выполнили и город Сухиничи освободили».

«Дебют» же Кузнецова продолжался. Там ему точно так же, как и в 16-й, не понравились мероприятия, проводимые командующим генералом М.М. Поповым. «О своих претензиях он доложил по телеграфу комфронтом. Тот незамедлительно отреагировал на его доклад, приказав ему вступить в командование 61-й армией. Ф.И. Кузнецов, пытаясь избежать столь неожиданного назначения, доказывал, что М.М. Попов в состоянии выправить положение после полученных указаний, но его доводы не помогли ему избавиться от более ответственной самостоятельной должности. И пришлось ему вступить в командование 61-й армией. Но не повезло, оказывается, Кузнецову и здесь, так же, как не везло в Прибалтике и Крыму. Не прошло и недели, как противник перешел в наступление и продвинулся на одном из участков 61-й армии до 30 км. М.М. Попов опять вступил в командование армией, а Ф.И. Кузнецов

вообще выбыл из состава Западного фронта».

Были и другие генералы. Например, бывший заместитель командующего Брянским фронтом вступил в командование 38-й армией. Командовал ей безупречно, но отличался особенной неторопливостью или даже флегматичностью.

Однажды командующий фронтом К.К. Рокоссовский, находясь в расположении его армии, «узнал, что противник внезапной атакой потеснил наши части на одном из участков». Естественно, его это не могло не обеспокоить, и он отправился на КП армии. Каково же было удивление Константина Константиновича, когда он застал командарма за столом, на котором тот пил чай из самовара.

«Чибисов был в весьма благодушном настроении, — вспоминал Рокоссовский. — На мой вопрос, известно ли ему о положении у него на фланге, командарм спокойно ответил: он еще не выяснил обстановку, но уверен, что там ничего особенного не приключилось. И пригласил меня попить чайку.

Это поистине олимпийское спокойствие в столь тревожной обстановке возмутило меня до глубины души и вынудило повести разговор в резкой форме. Подействовало. Командарм энергично принялся за дело».

Петр Григорьевич Григоренко, будучи заместителем начальника штаба 10-й Гвардейской армии по вспомогательному пункту управления, однажды столкнулся, мягко говоря, не с очень хорошим генералом.

После одного из выездов в войска он возвращался в штаб армии на «виллисе». Но фронтовые дороги, как правило, «страдали» скоплением автомашин и разной техники. И на этот раз одна машина разворотила небольшой деревянный мостик, проложенный прямо на земле (перекрывающий заболоченную речушку) и загрозила проезду. Другие машины попытались объезжать и застряли. В общем, на этот раз скопилось до сорока машин.

Организовав спасение злополучной машины и ремонт мостика, Григоренко взобрался на верхнюю кромку выемки, откуда было хорошо видно, что происходит на дороге, и закурил, подставив ветру спину.

«Вдруг страшный удар через каску обрушился на мою голову, — вспоминал он спустя годы. — Оборачиваюсь. Передо мной человек, заносащий палку для нового удара. Вижу только эту палку и папаху с красным верхом. И руки сами непроизвольно схватывают автомат с груди. Нажимаю спусковой крючок... Но сильный рывок опускает ствол вниз. Вся очередь уходит в землю у самых носков сапог любителя палки. Это мой ординарец Петя своевременно вмешался и спас жизнь двум людям, тому,

кто был под дулом автомата, и тому, который, убив генерала, был бы расстрелян по приговору трибунала. Я рванул автомат, но невысокий крепыш Петя буквально впился в него. И мне пришлось уступить. Тем более что генерал, скатившись с откоса, буквально упал на сиденье своего “виллиса”, и шофер погнал машину с предельной скоростью. Подошедшие к нам шофера рассказали предысторию. Оказывается, генерал (утверждали, что генерал-полковник), подъехав к хвосту стихийно образовавшейся колонны, начал материться, требуя прохода для своей машины. И шофера теснились, очищая ему проезд. Так он добрался до мостика, за которым движение было уже относительно свободным.

— Кто тут старший в этой банде? — спросил он добровольных регулировщиков у мостика. Один из них указал на меня.

— Во-он наверху подполковник стоит.

Генерал выскочил из машины и бегом по откосу побежал ко мне. Не говоря ни слова, с ходу нанес удар палкой».

Кстати сказать, возвратившись на КП армии, Григоренко доложил обо всем командующему. Был издан приказ по армии, которым предлагалось, чтобы совершивший рукоприкладство явился к командующему войсками. Увы, никто не явился!

Любители же бить палкой младшего по званию тогда так до конца войны и не перевелись.

А еще были любители дать в морду. Едет какой-нибудь командующий также по фронтовой дороге и точно так же попадает в пробку. Вылезает и ищет крайнего, которым оказывается или заснувший солдат-шофер, или заснувший на правом месте младший офицер. Дал в морду и поехал дальше. Примеров огромное количество!

Это потом их водители будут рассказывать, защищая своих «хозяев», что пьяные, мол, были, потому и в морду. Видимо, не были им близки те, кто не возил таких, как они.

В военно-исторической литературе имя Маркиана Михайловича Попова встречается редко. В отличие от многих своих коллег-военачальников он не оставил после себя солидных мемуаров. А ведь именно ему — восходящей полководческой звезде, одному из любимцев Сталина, который прощал ему многое, было что рассказать.

В начале войны командующий войсками Северного фронта генерал Попов отражал наступление трех армий противника (одной немецкой и двух финских) в Карелии. Ему удалось остановить их в 30 километрах от границы уже к середине сорок первого. Буквально в эти же дни возникла

угроза прорыва крупных сил немцев к Луге. Маркиан Михайлович собрал в кулак семь стрелковых дивизий, два военных училища, несколько артиллерийских частей и этими силами сумел задержать на реке Луге противника почти на месяц. И в этом случае, по мнению специалистов, он «проявил большую решительность и отличные организаторские способности».

С ноября 1941 г. генерал Попов командовал 61-й армией Брянского фронта. Его армия участвовала в контрнаступлении под Москвой, но особенно значительных успехов добилась в наступлении на Волховском и Орловском направлениях. Считается, что именно «здесь особенно ярко проявилось его военное дарование».

Маркиан Михайлович умел «находить новые, неожиданные для противника формы борьбы». Быстро и глубоко оценивая обстановку, он безошибочно предвидел характер действий противника и успешно решал сложнейшие задачи по их срыву.

С октября 1942 по апрель 1943 г. М.М. Попов был заместителем командующего Сталинградским и Юго-Западным фронтами. В Сталинградской битве успешно командовал 5-й Ударной армией.

Сталин оценил способности военачальника и принял решение назначить его командующим войсками фронта, для чего вызвал в Ставку. К слову сказать, любое приказание Верховного выполнялось тотчас же. Но на этот раз вождь ждал генерала не один день. Даже начал волноваться: не случилось ли чего по дороге?

Попросил уточнить. Доложили: вылетел вовремя. Многие коллеги Попова даже подумали о худшем и «искренне жалели, что так нелепо закончится карьера весьма способного генерала...»

И вот на третьи сутки Сталину доложили о прибытии Маркиана Михайловича, что называется, в полном здравии. Сталин уже знал причину... и вместо наказания рассказал случай из Гражданской войны. Об этом очень интересно поведал Главный маршал авиации А.Е. Голованов Феликсу Чуеву: «... когда Троцкий потребовал снять с должности одного командира дивизии, обвинив его в пьянстве, Ленин поручил Сталину разобраться с этим делом. Сталин прибыл на фронт, вызвал к себе командный состав дивизии и прямо поставил вопрос: как они оценивают своего командира? Все в один голос ответили, что лучшего комдива они не видели, что бойцы идут за ним в огонь и в воду, дивизия успешно сражается.

— А вот Троцкий говорит, что он пьяница, и требует снять, — сказал Сталин.

— Какой он пьяница? Он пьет только тогда, когда нет боевых действий, от безделья! — ответили командиры.

Сталин доложил Ленину, и было решено оставить комдива на своем участке, только побольше загрузить работой, чтобы у него не оставалось времени для безделья.

— Видите, как товарищ Ленин решал такие вопросы? — сказал Сталин собравшимся в Ставке. — Можно мириться со многими недостатками человека, лишь бы голова была на плечах. С недостатками бороться можно и исправить их можно — новой же головы человеку не поставишь».

А 23 апреля 1943 г. М.М. Попову было присвоено звание «генерал-полковник».

С апреля по май этого года он командовал войсками Резервного фронта и Степного военного округа.

В июне 1943 г. Сталин доверил Попову войска Брянского фронта. Именно здесь в ходе летнего контрнаступления советских войск широко развернулся его полководческий талант.

Брянский фронт уничтожал Орловскую группировку противника. Уже 5 августа был освобожден Орел, а 26-го числа М.М. Попову присвоили звание «генерал армии».

Однако в начале сентября наступление Брянского фронта было остановлено. Наступавшие армии генерала Попова за полтора месяца понесли значительные потери. Командующий не мог создать превосходства для дальнейшего наступления ни на одном направлении. Ему просто не хватало сил.

Проведя разведку, Маркиан Михайлович определил наиболее слабый участок в обороне противника на крайнем правом крыле фронта, куда и начал стягивать две свои армии. В дальнейшем он совершенно случайно в разведсводке соседнего Западного фронта прочитал о захвате небольшой высоты на стыке со своим, которую раньше безуспешно атаковывали его войска. Пленные показали, что произошла перегруппировка и оборону заняли подразделения, сформированные из тыловиков. Командующий решил нанести удар через полосу соседа и, прорвав оборону, бросить в прорыв кавалерийский корпус.

Риск был огромен, но о своем решении он доложил начальнику Генерального штаба.

Через некоторое время Попову позвонил Сталин и спросил:

— Ручаетесь ли вы за успех наступления в полосе 10-й армии?

— Это наиболее целесообразное решение, — уверенно ответил

командующий.

Следует отметить, что полководческое решение — это сложный результат деятельности ума и воли военачальника, квинтэссенция его мыслительного процесса, основанного как на теоретических знаниях, так и на предвидении, интуиции и точных расчетах.

Риск операции заключался в перегруппировке вдоль фронта огромной массы войск и в действии через полосу соседа. Только внезапность могла принести успех. Но для этого нельзя было сосредоточить в районе свою артиллерию и приходилось рассчитывать на удары авиации и «катюш». Генерал Попов решил использовать артиллерию соседа, но ее было недостаточно, а боеприпасов и вовсе не хватало. Снаряды несли на руках войска, которые перегруппировались для флангового удара. Все передвижения необходимо выполнять только ночью, при строжайшей маскировке, а перегруппировку произвести всего за сорок часов на расстояние до ста километров.

И тем не менее фланговый удар был осуществлен с большим искусством. Войска генерала Попова за три дня прошли более 70 километров и, выйдя в тыл Брянской группировке противника, вынудили ее к отходу.

Этот фланговый удар позднее вошел во все учебники по оперативному искусству, а сам полководец считал, что ему помогла интуиция. Полководческий почерк Маркиана Михайловича заключался в решительном маневре крупных сил во фланг и тыл группировки противника.

Ф.Д. Свердлов запомнил М.М. Попова высоким, стройным и подтянутым: «Форма сидела на нем, как влитая, — вспоминал он. — Красивое, благородное лицо подчеркивало его волю и решительность». И действительно Маркиан Михайлович был человеком властным, высокотребовательным. Между тем многие очевидцы отмечают его исключительную самостоятельность. Принимая решение, командующий смело брал на себя ответственность и решительно проводил его в жизнь.

Как-то, присутствуя при докладе Попова Жукову о положении дел на фронте и наметках предварительного решения на предстоящее наступление войск фронта, маршал авиации А.Е. Голованов, слушая его ответы на задаваемые Жуковым вопросы, увидел человека необычного склада ума.

«Попов, — писал он впоследствии, — отлично знал свои войска, не задумываясь, со знанием дела, коротко и ясно отвечал на любые вопросы Жукова, не являвшиеся для него неожиданностью. Для ответа командующему Брянским фронтом не требовалось времени и каких-либо

уточнений, предельно ясный, немногословный доклад шел без бумаг или записей.

Все это показывало, что перед нами недюжинных способностей человек, не только отлично знающий дело, на которое он поставлен, но и прекрасно образованный в военном отношении».

Генерал Попов резко отличался от некоторых командующих в своем общении с подчиненными. «Даже во время наступления, когда, встречая упорное сопротивление, войска не на всех участках фронта могли полностью выполнить поставленные перед ним задачи, несмотря на нажим сверху, Попов не переносил имевшую место некоторую нервность на своих подчиненных. Он весьма вежливо разговаривал со своего командного пункта с командующими армиями, поддерживал у некоторых из них необходимую бодрость, когда не все получалось так, как было предусмотрено».

Но несмотря на высокую оценку большинством коллег, а тем более Ставкой ВГК и персонально Сталиным личных качеств и военных дарований Попова, это не спасло его от неудачи в Прибалтике.

Продолжая выполнять задачи Ставки, поставленные 22 февраля 1944 г., в ходе Ленинградско-Новгородской наступательной операции командование, а значит, командующий, просмотрело начало отвода войск противника в полосе своего фронта и потеряло соприкосновение с ними. Немцы вывели свои войска и технику на заранее подготовленный рубеж и закрепились на нем.

Таким образом, войска М.М. Попова, преследуя врага и продвинувшись всего на 160 километров, форсировали реку Великую, а дальше, не имея резервов, не смогли вступить в Восточную Латвию. На этот раз Сталин не простил полководцу просчета, убежденно считая, что он должен был позаботиться о достаточных резервах.

20 апреля 1944 г. в специальном постановлении ГКО генерал армии Попов был понижен в звании до генерал-полковника и уже до конца войны выше начальника штаба не поднимался.

Многие объясняли неудачи Маркиана Михайловича просто. «Но его беда и горе, — считал маршал А.М. Василевский, — склонность к выпивке. Было больно смотреть, как он, волевой командир, так бесконтрольно вел себя. М.М. Попова ценило Верховное главнокомандование, с ним не раз вели серьезный разговор в Политбюро ЦК партии. Но строгие внушения и обещания исправиться помоги лишь на какое-то время. Думаю, что не допущу ошибки, если скажу, что только этот недостаток помешал М.М. Попову в полной мере раскрыть свой военный талант».

Полководческий талант генерала армии И.Д. Черняховского раскрылся, совершенно закономерно, в ходе Белорусской стратегической наступательной операции 1944 г.

А до нее был трудный путь самого молодого военачальника Красной Армии.

Летом 1941 г. недалеко от Немана 28-я танковая дивизия полковника Черняховского одной из первых столкнулась с немецкой танковой армией. Но, несмотря на мужество и стойкость бойцов и командиров в боях с превосходящими силами противника, его соединению пришлось отступить. А потом командир отвечал на вопросы прокурора:

«Таким образом, 12 мк с первых дней войны и до выхода его в резерв фронта действовал:

а) Совершенно разрозненно по частям и без взаимодействия между дивизиями.

б) Дивизии действовали совершенно самостоятельно, причем с первых дней 28-я тд была лишена самого необходимого для взаимодействия с танковыми полками и для обеспечения действий танков — мотострелкового полка, который самостоятельно по приказу Военного совета действовал на Либавском направлении.

в) Взаимодействия с авиацией или с наземными частями, стрелковыми дивизиями или корпусами не было никакого, и задач для дивизии или корпуса таких не ставилось, хотя это должно было лечь в основу подготовки операции мехкорпуса.

г) Отсутствие разведывательных данных и отсутствие всякой корпусной или армейской разведки, работающей на корпус, и наличие только ограниченной тактической танковой разведки в дивизиях (причем из-за отсутствия мотострелкового полка разведка была чисто танковая) приводило к тому, что дивизия получала по 3-4 задачи в день для действия с большими маршами, поворотами и даже перевернутым фронтом, тогда как обстановкой это не называлось. На протяжении всего периода боев, начиная с 23.6 от м. Калтиненай и до выхода в р-н Псков, ни впереди, ни на флангах дивизии не было ни одной стрелковой части, хотя по приказу они должны были быть...»

В июне — августе 1941 г. дивизия Черняховского ведет тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника на Северо-Западном фронте и показывает высокую боеспособность в боевых действиях юго-западнее г. Шяуляй, на р. Западная Двина, под гг. Сольцы и Новгород. С декабря 41-го по июнь 42-го Иван Данилович командует 241-й

стрелковой дивизией (переформировал из танковой). В 36 лет (в июле 42-го) он командир 18-го танкового корпуса Воронежского фронта, а 25 июля того же года принимает 60-ю армию.

Как он воевал, как командовал, можно судить по следующим датам:

25 января 1943 г. войска 60-й армии освободили Воронеж,

8 февраля 1943 г. войска 60-й армии освободили Курск.

11 сентября 43-го за умелое руководство войсками в операциях по освобождению городов Глухова, Конотопа, Бахмача и Нежина Черняховского наградили вторым орденом Суворова 1 степени.

В ноябре 1943 г. 60-я армия участвовала в Киевской, затем Житомирско-Бердичевской, Ровно-Луцкой и Проскуровско-Черновицкой наступательных операциях.

5 мая 1942 г. ему присваивают звание «генерал-майор», 14 февраля 1943 г. — «генерал-лейтенант», а в марте 1944 г. — «генерал-полковник».

Предшествовало этому воинскому званию следующее, не вполне обычное представление, подписанное маршалом Жуковым:

«Тов. Сталину

По своим знаниям и умению управлять войсками, командующий 60-й армии генерал-лейтенант Черняховский вполне заслуживает звания генерал-полковника.

В сравнении с Москаленко, Гречко и Рыбалко, Черняховский стоит гораздо выше.

Просим присвоить т. Черняховскому звание генерал-полковник...»

А заметил Ивана Даниловича не кто иной, как Рокоссовский. «Знакомясь с войсками 60-й армии, — вспоминал он, — переданной нам из Воронежского фронта, я внимательно приглядывался к генералу И.Д. Черняховскому. Это был замечательный командующий. Молодой, культурный, жизнерадостный. Изумительный человек! Было видно, что в армии его очень любят. Это сразу бросается в глаза. Если к командарму подходят докладывать не с дрожью в голосе, а с улыбкой, то понимаешь, что он достиг многого».

Генерал Черняховский действительно был замечательным командующим. Он все время учился и пополнял свои знания. На фронте, где очень мало оставалось времени для отдыха и сна, он находил его для продолжения изучения военной науки. С собой Черняховский всегда возил большую библиотеку, в которой можно было увидеть книги Суворова, Кутузова, Брусилова, а также литературу, вышедшую недавно.

Не менее важно и то, что солдаты и офицеры 60-й армии знали своего командующего в лицо. Он находил время побывать и в подразделениях, где

беседовал с бойцами о фронтовой жизни и об их нуждах.

Отличительными чертами характера этого полководца называли необыкновенное самообладание и огромную силу воли. От природы он был очень талантливым, одаренным человеком. При этом его требовательность к себе и своим подчиненным сочеталась с какой-то особой заботой и вниманием к ним. Его любили, что было особой редкостью на войне.

Молодость сочеталась в Иване Даниловиче с большим опытом командования, управления войсками, с обширными военными знаниями. Живой и располагающий к себе, он любил шутку и смех. С бытом бойцов знакомился всегда подробно. Лично проверял, как кормят и в чем нуждаются.

Проверяя подготовку командного состава к предстоящему наступлению, попутно делал свои указания, которые содержали настолько важные, конкретные сведения, что многим это напоминало вполне профессиональную лекцию, изложенную вполне доступным языком.

16 апреля 1941 г. Генерал-полковник Черняховский вступает в командование войсками 3-го Белорусского фронта, которые 26-го июня освобождают Витебск и 27-го Оршу, 3-го июля столицу Белоруссии Минск, а 13-го июля столицу Литвы — город Вильнюс.

18-го февраля 1945 г. войска генерала армии Черняховского окружили город и крепость Кенигсберг...

Именно в этот день случилось непоправимое. Рано утром 18-го он выехал в сопровождении только одного адъютанта и охраны на левый фланг войск, в район г. Мельзак. Возвращаясь назад, неожиданно позади его крытой машины ГАЗ-61, в удивительной и непривычной фронтовой тишине, разорвался снаряд. Его осколок пробил сзади кузов машины и ударил командующему в левую верхнюю часть спины, навывлет...

Иван Данилович, находясь в шоковом состоянии, сам вышел из машины но, сделав шаг, упал. «Неужели все, неужели я убит?», — сказал он, обращаясь к своему адъютанту.

Спасти молодого полководца было невозможно. Осколок перебил сосуды, идущие к сердцу, и командующий скончался в тот же день.

Так Красная Армия потеряла своего самого молодого полководца.

В своем личном послании И.В. Станину, премьер-министр Великобритании У. Черчилль писал 20 февраля 1945 г. «С печалью прочел я о потере, которую Вы понесли в связи со смертью генерала Черняховского от ран, полученных им в бою. Талант и деятельность этого блестящего и храброго офицера вызывали большое восхищение у Правительства Его Величества и британской армии». Добавить нечего.

Среди тех, о ком мы говорили, были и те, кто не прошел естественного для военного человека отбора суровыми годами и проверкой Великой Отечественной войны.

Среди них особое место занимает Григорий Иванович Кулик.

После выхода из окружения с 29 июля по 6 августа 1941 г. он исполняет обязанности начальника Главупраформа Красной Армии.

Затем его назначают командующим 54-й армией Ленинградского фронта, которая после формирования в МВО была переброшена на северо-западное направление и вела бои на правом берегу р. Волхов. Но из-за того, что вместо обороны Кулика заставляли организовать решительное наступление, что было невозможно, 25 сентября его освободили и с этой должности.

В ноябре 41-го Григорию Ивановичу дают еще один шанс. Его направляют в качестве представителя Ставки ВГК для оказания помощи войскам, действовавшим на Керченском полуострове. Он прибыл на полуостров 12-го, отдал командующему распоряжения относительно оставления полуострова, а сам отправился на Тамань, поскольку «считал главной задачей организацию обороны» именно там. В общем, изначально его миссия была провалена. Тогда же 13-го ноября в Крыму все уже было решено. Командующий войсками Крыма вице-адмирал Г.И. Левченко докладывал: «Войска Керченского направления последнее время понесли большие потери, а ведущие бой крайне устали. Фронт сдерживается исключительно двумя полками вновь прибывшей 301 сд и группами устойчивых бойцов, оставшихся в дивизиях.

Противник давит минометами и живой силой. Войска, не имея достаточного количества автоматического оружия и минометов, потеряли всякую сопротивляемость.

Сегодня мною принято решение на переправу с Керченского на Таманский полуостров: ценной техники, тяжелой артиллерии, специальных машин, излишнего автотранспорта».

15 ноября в 2.30 Кулик телеграфировал в Москву, что положение войск 51-й армии крайне тяжелое, они почти небоеспособны и малочисленны, оборонять Керчь, по сути дела, некому. Бои уже идут на окраине города, который удержать практически невозможно.

А 17 ноября в 11.35 он доложил по телефону, что «части 51-й армии с Керченского направления полностью переправились на Таманский полуостров во второй половине дня 16.11. Переправа проходила в тяжелых условиях штормовой погоды при морозе в 12 (градусов)».

Пройдет всего три месяца и 19 февраля 1942 г. Григория Ивановича за оставление Керченского направления лишат воинского звания маршала и всех наград.

Но еще и за то, что «во время пребывания на фронте он систематически пьянствовал, вел развратный образ жизни и, злоупотребляя званием Маршала Советского Союза и зам. наркома обороны, занимался самоснабжением и расхищением государственной собственности, растрачивая сотни тысяч рублей из средств государства».

«В Краснодарском военторге для него в октябре-декабре 1941 г. было взято товаров больше чем на 85 тысяч рублей. Председатель крайисполкома Тюляев приказал военторгу оплатить взятое по оптовым ценам и расходы отнести на счет тыла фронта. Расследование показало, что маршал специальным самолетом отправил семье в Свердловск большими партиями фрукты, колбасу, муку, масло, сахар, 200 бутылок коньяку, 25 килограммов паюсной икры, 50 ящиков мандаринов. Мясо, мука, крупа были отправлены и по московскому адресу Кулика», — дoloжило ведомство Абакумова.

Правда, в марте (17-го) ему присвоят звание «генерал-майор» и будут держать в распоряжении наркома обороны. Но в сентябре-октябре 1942 г. он выезжает на Калининский фронт как представитель Ставки ВГК для оказания помощи в организации наступательных операций 22-й армии по разгрому Белойской группировки противника.

В апреле Кулику присваивают воинское звание «генерал-лейтенант» и назначают командующим 4-й Гвардейской армией, которая была создана путем преобразования 24-й армии Степного ВО и находилась в резерве Ставки ВГК.

В августе армия под командованием Г.И. Кулика вошла в состав Воронежского фронта и участвовала в Курской битве, Белгородско-Харьковской наступательной операции и боевых действиях на Левобережной Украине.

За неправильное использование войск армии при ведении боевых действий Г.И. Кулик был в очередной раз отстранен от командования и с октября 1943 г. находился в распоряжении Главного управления кадров. Только в январе 1944 г. ему находят место — заместителя начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии, где снова Григорий Иванович с занимаемой должностью не справился, был снят и вновь понижен в воинском звании до генерал-майора в июне 1945 г.

В феврале 1945 г. снова всплыли его «бытовая распущенность, нечистоплотность и барахольство».

В сентябре 1944 г. бывший «полководец» «привез с фронта пять легковых машин, двух племенных коров, незаконно использовал красноармейцев на строительстве личной дачи по Москвой». «Кроме того, — говорилось в докладной генерал-полковника Смородинова (его начальника), на имя заместителя Народного комиссара обороны генерала армии Булганина, — по сообщению Главного военного прокурора Красной Армии, 22.2.45 г. Кулик, будучи в августе месяце 1944 г. в Крыму, присвоил себе в Кареизе в поселковом совете (спецпереселенцев) дачу с имуществом — мебелью, посудой и т.д. без оплаты стоимости.

Для охраны дачи выставил часового — бойца погранотряда Субботина. Боец Субботин, получив от Кулика приказание охранять его дачу, оставлен на произвол судьбы, снят со всех видов довольствия, и, несмотря на неоднократные письма бойца Субботина к Кулику, последний никаких мер не принял».

Так Григорий Иванович доигрался в предпоследний раз, ибо последний будет после войны!

* * *

«Велик вес полководца в любой военной операции, от его замыслов и решений во многом зависит ее исход, — считал маршал авиации Голованов. — От его правильного или неправильного решения зависит не только успех операции, но и жизнь огромного числа людей — исполнителей воли своего военачальника».

В своих, безусловно, честных мемуарах Александр Евгеньевич очень точно подмечает, что материалов о военачальниках и их победах опубликовано вполне достаточно. Однако там нет «серьезного анализа неудач тех или иных полководцев в период Великой Отечественной войны с разбором обстановки и причин, вызвавших эти неудачи».

К сожалению, мы до сих пор познаем, изучаем и анализируем поражения и победы той страшной войны. И делаем это порой параллельно все с новыми и новыми открывшимися нам архивными документами.

Многое становится понятным только теперь, а отсюда в корне меняется и сама картина войны.

К сожалению, не все военачальники и командиры различных рангов воевали умением, не все берегли солдатские жизни, не все поступали по совести. И самое главное, не все из них брались за то дело, с которым могли справиться. Нередко обыкновеннейшие бездарности из-за своих трех классов церковно-приходской школы только прибавляли жертв своему Отечеству. И почему мы не должны знать об этом?

Тогда как же быть с уроками истории для молодых поколений?

В Советском Союзе было огромное количество офицеров и генералов. Достаточно имелось и маршалов. Но победили тогда в 1945-м только благодаря тем, кто делал свою работу профессионально, кто постоянно совершенствовался, кто заботился о своем солдате, кто не угрожал расстрелами по пять-десять раз на день!

А еще было соперничество генералов и маршалов. И тогда и потом они будут отчаянно спорить, кто внес вклад в Победу несколько больше, кто достоин более высокой награды, а кого обидели полководческим орденом (не той степени) или не присвоением очередного воинского звания.

Немцы неплохо знали своего противника, по почерку «награждая» советских командующих простыми прозвищами.

И если одного они называли «генерал Паника», то другого «генерал Кинжал». Другим был маршал Советского Союза К.К. РОКОССОВСКИЙ.

В 1949 г. Сталин вызвал Рокоссовского на Ближнюю дачу. Когда тот приехал, то никого не застал и в недоумении сел, ожидая.

Вдруг из сада появился Сталин с букетом роз, которые он, по всей видимости, ломал, так как его руки были в царапинах.

— Ваши заслуги перед Отечеством оценить невозможно, — обратился вождь к маршалу. — Вы награждены всеми нашими наградами, но примите от меня лично этот скромный букет!..

А ведь победили прежде всего благодаря таким как Рокоссовский. И Сталин прекрасно знал об этом...

5. МОРАЛЬ ВОЙНЫ И ПОЧЕМУ МЫ ПОБЕДИЛИ

Женщины на войне это две стороны медали...

В годы войны в армию и на флот было призвано около 300 тыс. женщин. Летчицы, снайперы, врачи и военфельдшеры, зенитчицы и связисты, прачки, синоптики воевали рядом с мужчинами. Они также погибали в боях, получали ранения и несли свой офицерский долг наравне с ними. Но были среди них и те, кого называли не иначе, как ППЖ — походно-полевые жены, которые скорее пристраивались на войне как могли, за спинами командиров, начальников и политработников, в тепле, фронтовом уюте и сытости. А за это еще и получали государственные награды. Они тоже сделали для победы не мало, и потому наград у них было несколько больше, чем у женщин-фронтовиков. Но обо всем по порядку.

Маршал Советского Союза А.И. Еременко на фронте находил время для ведения дневника. А в 1969 г. он издал книгу «Годы возмездия», которая вышла в свет с купюрами. В 2000 г. газета «Труд» опубликовала вычеркнутые страницы.

Андрей Иванович затронул, на его взгляд, чрезвычайно щекотливую тему: «Это вопрос о сожительствах офицерского состава армии с военнослужащими, вольнонаемными женщинами, а также женщинами из местного гражданского населения».

По мнению маршала, этот вопрос отрицательно влиял на ход боевых действий войск Отдельной Приморской армии в зимних наступательных операциях.

«Сожительствовали многие офицеры штаба, командиры частей и подразделений, — вспоминал Еременко. — ... Сожительницы, как правило, жили вместе с офицерами и генералами, присутствовали при обсуждении оперативных планов, при отдавании приказаний старшими и при докладе младшими, они находились в курсе событий, всех дел».

Более того, такие женщины «вели паразитический образ жизни, получали зарплату по какой-нибудь должности, а сами не работали». Всего только в штабе командующего Еременко было зафиксировано 68 таких случаев. Автор приводит некоторые из них:

«Так, например, начальник штаба генерал-майор П.К. жил вместе с

младшим лейтенантом медслужбы М., которая нигде не работала. Начальник разведотдела генерал Н.Т. Сожительствовал с гражданкой Л., которая жила в его служебном кабинете, ни за что ни про что получая зарплату по офицерской должности. Подполковник Г.Ж. — начальник отдела кадров армии (!) — сожительствовал с “гражданкой города Краснодара” Л., которая ранее проживала на оккупированной противником территории и вела разгульный образ жизни с немецкими офицерами. Любовницей подполковника П.К., заместителя начальника топографического отдела армии, была хозяйка квартиры гражданка станицы Ахтанизовская В.О., которая во время оккупации имела интимные связи с немецкими офицерами. Она все, что узнавала, разбалтывала “среди гражданского населения станицы”... Подполковник Р. — командир 691-го стрелкового полка 383-й стрелковой дивизии состоял в интимной связи на протяжении двух лет с санинструктором Е.Б., которая никакой работы в полку не выполняла. Однако Р. трижды представил ее к правительственным наградам: медалям “За боевые заслуги”, “За отвагу”, ордену Красная Звезда».

К слову, проблемы в Отдельной Приморской армии были не одиноки, так как проблема «ППЖ» вообще существовала во всех частях и штабах многомиллионной Красной Армии.

Вот выдержка из докладной записки начальника Особого отдела НКВД Волховского фронта майора госбезопасности Мельникова от 10 марта 1942 г. «О морально-бытовом разложении комполсостава частей и соединений 59-й армии»: “... Начальник штаба артиллерийского управления 59-й армии полковник Самойлов увлекся машинисткой артуправления Тугариновой Капиталиной, чем скомпрометировал себя в лице сотрудников управления. В любовной записке на имя Тугариновой Самойлов пишет: “... Капочка! Если ты не хочешь нарушать дружбы, откажись, что ты сказала сегодня — Больше кушать со мной не будешь. Я сильно этим огорчен, ты меня обижаешь незаслуженно. Делаю я все для тебя из дружеских и благих намерений. Ты мне нравишься, я к тебе привык, если не сказать большего. Фима”. Эта записка стала достоянием сотрудников артуправления.

Комиссар 430-го гаубичного артполка Резерва Главного командования батальонный комиссар Фридрих держит у себя в полку в качестве санинструктора днепропетровскую артистку Булдакову, хотя она никакого медицинского образования не имеет. Булдакова проживает в одной машине с Фридрих. Бойцы, командиры и политработники называют Булдакову «личным адъютантом комиссара полка».

Командир отдельной кабельно-шестовой роты связи лейтенант

Плюсин сожительствует с военфельдшером Соней. Военком 129-й отдельной телеграфно-эксплуатационной роты связи Автухов, сожительствуя с военфельдшером роты Сакисиной Полиной, не отпускает ее в роту для обслуживания бойцов, работающих на линии, вызывая этим смешки и возмущение со стороны личного состава.

Начальник обозно-вещевой службы 1249-го стрелкового полка 377-й стрелковой дивизии Ефимов Александр Егорович сожительствует с гражданкой д. Кипрово Михайловой Е.Н. Последняя, по имеющимся данным, во время пребывания немцев в Кипрово сожительствовала с немецкими офицерами.

Комиссар 1240-го стрелкового полка 372-й стрелковой дивизии батальонный комиссар Самойлов имеет интимную связь с комсомолкой военфельдшером Петуховой. Используя свое служебное положение, Самойлов взял Петухову к себе на командный пункт из ПМП, в качестве медработника, где и сожительствует с ней. Во избежание, за свои действия Самойлов объявил перед общественностью полка о том, что Петрова является его женой, в то время как у него имеется жена и трое детей. После того как Самойлов связался с Петуховой, в полку значительно ослабла политработа и снизилась дисциплина личного состава.

Комиссар санитарного батальона 372-й стрелковой дивизии Чернышев сожительствует с подчиненной ему медсестрой Окорядченко, которую без всякого основания пытался представить к правительственной награде. В результате бездеятельности начальника санитарной службы 372-й стрелковой дивизии Голышева дисциплина среди военнослужащих санчасти ослабла. Работники пьянствуют и в половом отношении развратничают.

Аналогичное положение и в батальоне связи 372-й стрелковой дивизии, где телефонистки ведут себя распущенно. В результате командиры Смирнов, Норонов и комиссар Ларин сожительствуют с ними без стеснения. Начальник связи штаба 372-й стрелковой дивизии подполковник Тимошенко, исключенный из ВКП(б), 25 февраля в нетрезвом состоянии, склоняя к сожительству телефонистку Манцеву в присутствии бойцов, приказывал ей лечь с ним спать...»

В декабре 1941 г. по материалам проверки вольнонаемных лиц в частях и органах тыла 5-й армии Западного фронта были подготовлены следующие выводы:

«В целях выявления лиц, не внушающих политического доверия, и другого примазавшегося элемента к воинским частям армии (Управления тыла) нами проверен и выявлен ряд лиц, которые раньше находились на

территории, занятой противником, а также люди, которые своим поведением разлагают окружающий их нач. состав.

По армейскому военторгу

1. К., 1911 г. рождения, работает старшей официанткой столовой № 2 по обслуживанию высшего комсостава. Имеет недостачу в выданных ей средствах в сумме 400 руб.

К. до начала войны проживала в г. Белостоке. Долгое время находилась на территории, занятой немцами. Со стороны последней отмечены факты морально-бытового разложения. Является подозрительной личностью и не внушает доверия.

2. К., 1911 г. 5ождения, работает официанткой столовой № 2. Развращена в половом отношении, своим поведением внесла элементы бытового разложения на окружающую ее среду, не внушает политического доверия.(...)

5. П., по национальности полька, работала машинисткой армейского военторга. 13/XI-41 г. привезена из г. Москвы без всяких ее характеризующих документов. В половом отношении развращена и вокруг себя группировала командный состав.

По интендантскому Управлению тыла

Вольно-наемных имеется 3 человека машинисток, из коих:

П., 1922 г. рождения. В течение последних 2-х лет работала парикмахершей в г. Москве. 20/XI-41 г. была привезена из Москвы в штаб армии и назначена на должность машинистки. П. своей половой распущенностью создала сборище с участием нач. состава...»

Михаил Иванович Сукнев на фронте был комбатом. Даже штрафбатом командовал. Человек он судя по всему суровый и не особо многословный. Потому и про женщин на войне говорил так: «Что лишнее в действующей армии, так это женщина с ружьем! Бессмысленно и неэффективно!»

Так думал не только он один. Мне много раз приходилось слышать об этом из уст многих прошедших войну в пехоте.

Но вернемся к комбату. В своей книге он поведал о женщинах с ружьем свои наблюдения: «Стоят передо мной высокие блондинки, грудь — чудо, а на ней по одному, по два ордена аж Красного Знамени. А сами такие глазастые, так и смотрят по сторонам в поисках кавалеров. Снайперши! Все подобные ситуации я повидал на фронте...

Развели их по местам. И они исчезли. Ни днями, ни на рассвете на наших передовых линиях не слышно стрельбы. Иду по траншее в 1-м батальоне, на постах стоят свои, и ни одной женщины-снайпера! Которые расположились по блиндажам с командирами взводов, старшинами рот или

с командирами...

Надо прямо сказать: чтобы застрелить из снайперской винтовки хотя бы одного фрица, надо не одну неделю наблюдать за обороной противника. И когда вдруг мелькнет голова немца, который выбрасывает лопатой землю из траншеи, не упустить это мгновение! А это каждому и опытному снайперу дано.(...)

Если бы я был снайпером, то награда мне была бы не выше медали “За отвагу”! А тут у женщин-снайперов через одну ордена Красного Знамени, Красной Звезды, а медалей “За отвагу” — не перечесть...

Прошла неделя. (...) Командир роты не мог собрать своих снайперов — исчезли в окопах, и все. Наконец нашел, но три -как в воду канули! Всеведаящий помначштаба Алексей Цветков (...) подсказал: “Одна скрывается у того-то, другая у того-то и третья там-то...”

Нашли. Командир роты принес мне их книжки с отметками об “убитых” фрицах, подтверждаемых подписями солдат и сержантов. Возвращая ему эту, грубо говоря, туфту, я сказал, чтобы он увозил своих снайперов, и побыстрее. Иначе я их разоружу и снайперские винтовки, так необходимые нам в батальонах, отберу...

И еще один момент. Полковые интенданты сдавали в стирку по прифронтовым селам женщинам и девушкам, которым после окончания работы выдавались справки, что они были в таком-то полку, дивизии и т.д. Спустя годы эти “воины” из прачек стали “участниками Великой Отечественной войны”...

Была «ППЖ» у маршала Жукова, который наградил ее от всей своей широкой души: орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и еще четырьмя медалями и тремя иностранными наградами.

Была «ППЖ» у генерала Власова. Тот успел наградить ее двумя медалями «За отвагу». И если бы не плен, то наградил бы и орденами.

В январе 1944 г. командир 96-го стрелкового полка, в котором воевал мой дед, подписывает Приказ № 002/Н, где во втором пункте черным по белому написано: «Машинистку штаба полка гв. ефрейтора В. Валентину Петровну за то, что “за время боевых действий полка с июля 42-го по январь 44 г. в трудных условиях боевой обстановки, самоотверженно трудясь, добилась чистоты и аккуратности в работе, способствуя тем самым своевременному представлению донесений перед вышестоящими штабами”. Получила машинистка медаль “За боевые заслуги”, в то время, когда солдат и офицеров баловали наградами весьма и весьма редко.

А ведь на фронте многие знали, женщин обслуживающих офицеров до

полковника включительно, как правило, награждали медалями «За отвагу» или «За боевые заслуги».

А вот командующие армиями своих «ППЖ» отмечали орденом Красной Звезды.

Командующие войсками фронтов — орденом Красного Знамени...

Характерно, что на фронте медаль «За боевые заслуги» в обиходе прозвали медалью «За половые заслуги», а орден Красной Звезды — «орденом ППЖ». Об этом писал Виктор Некрасов.

И все же женщинам на войне досталось. Да и не все они жили в командирских землянках, не все продавались за тепло, льготы и вкусную пищу...

Очень интересно о них мне рассказывал Александр Захарович Лебединцев. Как прошедший войну в пехоте от командира взвода до начальника штаба полка, он посмотрелся всякого. И никогда не забудет слов командира полка:

— Смотри, начальник штаба, и все запоминай. Ты моложе меня на 15 лет, и расскажи потомкам о мучениях их бабушек и прабабушек на этой беспощадной войне!

«... больше всего женщин оказалось в стрелковых войсках, где их обязанности были самыми трудными как в физическом, так и в моральном отношении. Если солдат мог неделями не умываться в ходе непрерывных боев и по полгода не мыться в бане, то для женщин и девушек в пехоте это было мучительным испытанием. В повседневных боях радистки и связистки переносили на себе полевые рации порой до пуда весом или металлические катушки на груди с полевым кабелем. А санитарные инструкторы в ротах и батальонах вытаскивали из боя раненых и обязательно вместе с их оружием.

Миллионы раз воины, обращаясь к своим спасительницам, повторяли слова, из которых по потом сложили стихи: “Сестра, ты помнишь, как из боя меня ты вынесла в санбат?

Остались живы мы с тобою в тот раз, товарищ мой и брат». Этого не забыть во веки веков!», — говорит Александр Захарович.

Очень хорошо помнит он их переход в феврале 1944 г. от Умани до Ботошанн в Румынии, который длился 25 суток на дистанции 450 км боевого пути: «Слабому полу, несмотря на то, что даже офицеры и кавалеристы иногда носили ботинки с обмотками, выписали “чоботы”. Но их на складах в конце февраля не оказалось. И пошли они, присягой подстегиваемые, через Черкасскую, Хмельницкую области Украины, Молдову и Румынию в валенках по грязи до колен. Мы не различали, когда

кончается день и начинается ночь. Радовались, что все 25 суток ни разу не проглянуло солнце, а значит, не появлялась авиация. Иначе, как спастись в таком распутье от разрывов бомб? (...)

Спали большей частью на ходу. Заверяю, что это вполне возможно. Нужду справляли мужчины “по-малому” также на ходу. А каково связисткам и медичкам в общей колонне на равнинной безлесной местности? Расскажу, как это сохранилось в моей памяти...

Связистки и медички выходили из строя парами на несколько шагов на обочину. Одна из них раздвигала в стороны полы шинели, как бы “маскируя” подружку. А другая снимала ремень и надевала его на шею, иначе он утонул бы в грязи, расстегивала шинель, потом телогрейку, за нею ватные брюки, кальсоны и старалась не попасть в раструбы голенищ валенок. Потом в обратной последовательности все застегивалось, и они менялись местами.

Первоначально глуповатые мужики подавали голос воздушной опасности: “Воздух!” или “Рама!” — означавший известный самолет-разведчик, но через день отбросили эти плоские шутки. А ведь, кроме того, у женщин были и свои, чисто женские заботы, а марш продолжался месяц. Вряд ли кто в колоннах вспомнил за этот марш, к которому он принадлежит полу, а не то, что подумал о сексе и каким способом его лучше провести».

Перед маршем всех девиц переодели по-зимнему. В солдатских кальсонах, бязевых нижних мужских рубашках, ватных брюках, телогрейках, гимнастерках и юбках, в валенках на пять размеров больше, чем положено, в шапках-ушанках да в брезентовых поясных ремнях у них было невозможно определить, где у них талия или бюст...

«Чего только не увидишь ныне на экранах телевизоров в игровых кинофильмах и на страницах красочных журналов, газет и просто репродукций и иллюстраций: девицы взывают страстно: “Бери меня, я вся твоя”. Их стройные нижние конечности произрастают из-под мышек. Талию можно охватить пальцами рук, а взгляд их настолько же томный, доступный, как и расчетливый одновременно. На фронте тоже стремились к этим стандартам, но не всегда получалось.

Примерно такими же были женщины только в штабах, но и в 1941-м, и в 1945 г. в летнюю пору, когда восседали с радиостанциями или пишущими машинками на заднем сиденье “виллисов” у большого начальства, начиная с командиров корпусов и выше. Но если спуститься до полковых и батальонных штабов, медицинских рот и рот связи, да еще в зимне-весеннее время, да на дорогах, разбитых гусеницами целой танковой армии, то вид наших женщин без содрогания не вспомнить даже теперь...»,

-рассказывает Лебединцев.

В 1989 г. ему как председателю совета ветеранов дивизии за год до своей смерти доверительно исповедовалась Безродная Людмила Ивановна. Врач и капитан медицинской службы она поведала несколько подробностей о своих однополчанах и не только.

Александр Захарович запомнил детали: «С началом наступления с боевых порядков начинали поступать ходячие раненые. Большинство с сильными болями. Но болеутоляющего в полковом звене не водилось, кроме йода, бинтов и иногда спирта или самогона.

Обычно, при прорыве оборонительных рубежей, на перевязочный пункт прибывал представитель Смерша — один из троих оперуполномоченных в полку, который должен был первым осматривать раны (особенно кистей рук) с выявлением членовредительства или, как все именовали их тогда, “эсэсовцев” (“Само-Стрелов”). Такие ранения нетрудно было определить по нагару от сгоревшего пороха вокруг раны. “Эсэсовцев” судили и после излечения отправляли в штрафные батальоны (из огня да в полымя). Зная о контроле, они обычно отсиживались в кустах, выжидая, когда особист уйдет на прием пищи в штабную кухню. Иногда это затягивалось до наступления темноты, вот тогда они бросались на перевязку, где медсестры стыдили таких “ловкачей”, те оправдывались тем, что у них дома “куча детей”. Сердобольные уступали и “квачом” йода обеззараживали рану, пороховые ожоги на которой теперь нельзя было распознать, и “эсэсовцы” убывали в медсанбат».

Из воспоминаний Людмилы Ивановны, январь 1944 г., Киевская область:

«Где мы были третьего дня? Так я и не знаю, но убеждена, что эта ночь никогда не сотрется в моей памяти...

Наша передовая медицинская группа следовала за авангардным батальоном. Путь был тяжелым, так как весь день шел снег, и заметенную сугробами дорогу плохо преодолевали лошади в упряжках саней с нашим нехитрым хозяйством медико-санитарной роты.

Уже были сумерки, когда началась метель. Вскоре на нашем пути появились первые раненые. Им нужна была срочная помощь, но негде было развернуть полковой перевязочный медпункт — кругом лес и сугробы. И какова же была моя радость, когда раненые сообщили, что видели справа хату. Что это было? То ли оставшийся домик от уничтоженного села, руины которого так по-хозяйски были спрятаны сугробами снега? То ли какая-то сторожка или строение полевого стана? То ли просто фронтовая удача подарила нам это пристанище без оконных рам и дверей. Пока выносили

снег и мусор, закладывали проемы окон кусками самана и навешивали брезент на дверную раму, я оборудовала перевязочную.

Через короткий промежуток времени мы уже могли отогреть раненых чаем, приготовленный заботливым поваром Пискуном, обработать раны и уложить их на солому в натопленном помещении. К тому же у нас были “знаменитые” марлевые ватные стеганные одеяла.

К этому времени поток раненых стал увеличиваться, быстро заполняя не только обе смежные комнаты, но и примыкающую к ним кухню. Тут санитар доложил, что на плащ-палатке доставлен раненый в “горячке”. И действительно молодой паренек с широко раскрытыми глазами был в шоковом состоянии и беспрерывно что-то говорил и говорил. Когда положили его на стол, то я увидела, что у него под ремнем была окровавленная тетрадь в коленкоровом переплете, которую он просил сохранить.

Осмотрев его, я пришла в ужас, насколько тяжелым было его ранение в живот. И несмотря на то, что я отчетливо понимала всю безнадежность его положения, старалась делать все возможное. А говорил он лихорадочно быстро, словно хотел поведать нам всю боль своей души. Словно говоря кому-то, он убеждал, что будет жить, потому что отец его и два брата убиты на фронте, а сестренка, которую увезли в Германию, погибла при бомбежке, и смерть ее он скрыл от матери. Голос его был то звонким и чистым, то угасал до шепота, но он все убеждал кого-то, что остался один у матери и обязательно должен вернуться к ней. А потом так жалобно прошептал: “А если что — не посылайте ей похоронки...”

Я успокоила его, а у самой на душе было тяжело и тоскливо. Поток раненых прекратился. За окнами неистовствовала вьюга. Она ревела и гудела в трубе нашей печурки, пытаясь своими порывами в прах разнести наше жалкое пристанище. Потом грохот сменился воем, словно рыдали сотни обездоленных, оплакивая всех изуродованных и искалеченных и этого умирающего юношу, почти мальчишку, лежащего на перевязочном столе. Доносившиеся завывания вьюги и мольба раненого приводили в ужас, было тоскливо и хотелось плакать от безысходности. И вдруг наш умирающий боец запел: “Весною астры, астры ранние... Моему сердцу тяжко-тяжко, чужою стала я тебе...” (Эти слова, как клещи, впивались в мозг). Его голос осекся, но несколько других голосов раненых подхватили эту песню, и мелодичные грустные слова наполнили комнату в эту глухую, безотрадную ночь. Не в состоянии сдержать слез, мы с медсестрой Клавой плакали. Даже у пожилого повара Пискуна по щекам одна за другой катились слезы и прятались в усах.

Кончилась эта кошмарная ночь. К утру умер молодой солдатик, и вошло ясное солнце на безоблачном небе, а белоснежные сугробы сверкали тысячами огоньков.

Только гулкие разрывы снарядов и мин на передовой напоминали о войне...

Когда я открыла окровавленную тетрадь, предмет заботы умершего юноши, то увидала в ней неотправленное письмо к матери. Отсылая это письмо адресату, я написала от себя несколько строк, в которых сообщала, что ее сын попал в плен...»

Окровавленную тетрадь в коленкоровом переплете Людмила Ивановна хранила более сорока лет...

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

К началу Великой Отечественной войны некомплект врачей составил 23%, фельдшеров — 36,3%, фармацевтов — 41,1%, стоматологов — 35%.

В июле 1941 г. началось дополнительное формирование эвакогоспиталей на 750 000 коек — всего около 1600. Кроме того, с начала войны по 1 декабря 1941 г. были сформированы 291 дивизия с медсанбатами, 94 стрелковые бригады с медико-санитарными ротами, 380 передвижных полевых госпиталей, 38 рот медицинского усиления, 12 госпиталей для лечения легкораненых, 37 полевых эвакуопунктов, 70 эвакуоприемников. Постановлением Совета Народных Комиссаров от 17 июля 1941 г. 632 дома отдыха и 221 санаторий превращены в госпитали на 55 000 коек. Под госпитали выделялись лучшие общественные здания, школы. На базе школ были развернуты 45,5% госпиталей, институтов — 13,2%, лечебных учреждений — 11,6%, гостиниц, клубов, общежитий — 29,8%. К началу 1942 г. на территории СССР действовали 431 постоянных и временных санитарных поездов, 286 военно-санитарных летучек.

Из более 6 тыс. госпиталей, сформированных в годы войны, 117 были захвачены противником, 17 понесли большие потери при выходе из окружения и были расформированы, 14 пропали без вести в ходе боевых действий, судьба 79 госпиталей не установлена. За весь период военных действий действующая армия лишилась 227 госпиталей.

Всего в период с 22 июня 1941 г. по сентябрь 1945 г. в лечебных учреждениях всех типов было госпитализировано 22 326 905 человек, из них раненых, контуженных, обожженных и обмороженных — 14 685 593

человек.

Свыше 17 млн. раненых в боях и заболевших возвращено в строй.

В целом в годы войны в армии действовало 200 тыс. врачей и почти 500 тыс. медицинских работников среднего звена.

За мужество и героизм при выполнении профессионального долга орденами награждены 8 медико-санитарных батальонов, 39 военных госпиталей, ордена и медали получили 116 тыс. врачей и более 30 тыс. других работников здравоохранения, 47 медицинских работников удостоены звания Героя Советского Союза...

Александр Захарович Лебединцев однажды наблюдал во время боя поющего и очень счастливого солдата. Когда он поинтересовался о его радости, то та оказалась ранением. Солдат шел на медпункт, предвкушая эвакуацию в тыл и лечение в эвакогоспитале.

«Пехотинца хватает на одну — две атаки, и счастье было, если человек получал ранение, а то ведь немало погибали от пули или осколка в первой же атаке, — вспоминает А.З. Лебединцев. — В связи с этим я много разговаривал с ветеранами, имевшими ранения многократно. Вот один пример — командир взвода конной разведки 29-го полка лейтенант Исаев Виктор Федорович 1913 г. рождения. За время войны был шесть раз ранен, хотя и служил в полку, которым командовал его родной брат. Когда я спросил его, как он выжил после шести ранений, то он ответил, что выжил благодаря этим же ранениям, так в госпиталях он пролежал в общей сложности почти полтора года. А за это время сколько погибало людей на переднем крае?»

Василь Быков так писал о госпитале: «В сравнении с передовой любой госпиталь может показаться курортом. Не было исключением и тот, в который я попал. Он размещался в центре города, в здании школы. Меня помыли в бане, прожарили в вошебойке мое обмундирование, кишевшее вшами, дали чистое белье. Госпиталь был переполнен. Мест для раненых, как всегда, не хватало. На двух офицеров — одна койка. Помню, соседом моим был лейтенант-танкист со знаменитой фамилией Ворошилов (“С Ворошиловым лежал”, — не без иронии рассказывал я позже). Госпиталь этот принадлежал 5-й танковой армии, и потому в нем преобладали танкисты — раненые, обгоревшие, разные. На обгоревших смотреть было невозможно. Особенно на их лица. Ожоги очень болят и долго заживают. Люди мучаются, выходят из себя, ругаются по всякому поводу с соседями, сестрами, начальством. А начальство — доктора — почти сплошь женщины. Пожилые и молодые. Мужчины — в основном политруки. Они

каждый день талдычат одно и то же — ведут свою навязшую в зубах пропаганду. Разжигают ненависть к немецко-фашистским захватчикам. Этой ненависти у нас и самих сверх всякой меры. И не только к фашистам. Некоторые раненые, не сдерживаясь, матерят больших и малых командиров, и тогда в палате нередко возникает крутой и откровенный разговор. А вечером или ночью в ней появляется офицер из Смерша, и чересчур откровенного куда-то забирают. Несмотря на пропаганду да и наши собственные чувства, на передовую никто не рвется: все-таки в госпитале тепло, тихо и безопасно. Голодновато, конечно, на тыловом пайке. Но к голоду в нашей жизни все мы были привычны.

Раненые, еще жившие недавними боями, часто говорили о них, вспоминали подробности, гибель товарищей. В палате я услышал немало горьких слов насчет “порядка в танковых войсках”, узнал о качестве и боевых возможностях наших танков и противотанковых средств. Так про сорокопятку мои соседи говорили, презрительно ухмыляясь, для них это было не средство борьбы с танками, а просто “хлопушка”. А вот о немецких “тиграх” и “Фердинандах”, которые с дальних дистанций успешно прошибали нашу броню, рассказывали серьезно и даже завистливо. Установленная на тридцатьчетверке 76-миллиметровая пушка их не брала, а они из своей 88-миллиметровой навывлет пробивали болванками наши машины. А мы-то, дураки, наслушавшиеся политбесед, считали, что советская тридцатьчетверка — лучший танк в мире. Послушали бы поклонники и пропагандисты этой боевой машины, что говорят те, кто горел в ней, кто, обожженный и раненый, выползал из расколотой и рвущейся брони! А ведь лучшими считались не только советские танки, но и устаревшие винтовки образца прошлого века, и ПППШ — автомат, скопированный с финского, который выпускался там еще в 1934 г., и, разумеется, наша суконная шинелка на “рыбьем меху”.

«Что уж говорить про фронтовые госпиталю, о которых с болью и гневом писал впоследствии Виктор Астафьев!

Главным лекарством в них была ихтиолка — черная вонючая мазь, с помощью которой лечили почти все раны. Хорошо, если рана чистая. А если в ней земля, остатки грязного обмундирования?.. О пенициллине ведь мы тогда даже не слышали. Одна надежда была на хирургов. Резали они беспощадно и тем спасли немало жизней. Кормежка в госпиталях немногим отличалась от фронтовой, разве что еду давали горячей, — каша перловая, реже пшенная, суп с перловкой или вермишелью, хлеб и традиционный чай. (...)

Офицеров, попадавших в госпиталю, старались разместить хоть в

каких-то зданиях, палатами для солдат нередко служили бывшие конюшни, коровники и свинарники. Их очищали от навоза, настилали солому, а поверх нее набрасывали плащ-палатки. Раненые лежали не раздеваясь, собственные шинели и ватники заменяли им одеяла. Отопление налаживали из подручных средств. На проходах обыкновенно ставили печку, сделанную из бочки из-под солярки или бензина, и топили круглые сутки. Кое-как отогревшись, отоспавшись и немного придя в себя, люди начинали знакомиться друг с другом, искать, кому выложить то, что накопело на душе, даже в карты играть. А кое-кто и запел...»

Виктор Астафьев в своей последней повести «Веселый солдат» солдатский госпиталь описал таким, каким увидел его сам: «Хасюринский госпиталь жил и существовал по совершенно никем не установленным и не предусмотренным правилам — он жил по обстоятельствам, ему представившимся. А обстоятельства были таковы: в средней школе, где было правление госпиталя, санпропускник с баней, рентгены, процедурные, операционные, существовал кой-какой порядок. “Филиал” же был предоставлен самому себе. Здесь имелись: перевязочная, железный умывальник на двадцать пять сосцов, установленный во дворе, на окраине все того же сада, что начинался где-то у железной дороги и рос во все концы Кубани, вроде ему и пределов не было.

Еду, воду для умывания и питья в наш “филиал” привозили из центрального госпиталя.

Проспав ночь на туго набитых мешках, скатываясь с них на голый пол, мы уяснили, отчего в других палатках мешки сдвинуты вместе, расплющены и воедино покрыты простынями — народ здесь жил, пил и гнил союзно.

Огромное количество клопов, подозрительно белых, малоподвижных вшей, но кусучестью оголтелых, ненасытных. Сквозь ленивую, дебелую вошь, через спину и отвислое брюхо краснела солдатская многострадальная кровь. Эти вши не походили на окопных, юрких, ухватками напоминающих советских эков, — эти не ели раненых, они их заживо сжевывали, и поэтому наиболее боеспособные ранбольные уходили из госпиталя ночевать к шмарам.

Главным лечением здесь был гипс. Его накладывали на суставы и раны по прибытии раненого в госпиталь и, как бы заключив человека в боевые латы, оставляли в покое. Иные солдаты прокантовались в этом “филиале” по годiku и больше, гипс на них замарался, искрошился в сгибах, на грудях — жестяно-черный, рыцарски посеребренный — сверкал он неустрашимой и грозной броней.

Под гипсами, в пролежнях, проложенных куделей, гнездились вши и клопы — застенная зараза приспособилась жить в укрытии и плодиться.

Живность из-под ухоронки выгоняли прутиками, сломленными в саду, и гипсы, как стены переселенческих бараков, щелястых, плохо беленных, были изукрашены кровавыми мазками давленных клопов и убитых на твердом трофейных вшей, которые так ловко давились ногтем, так покорно хрустели, что вызывали мстительные чувства в душах победителей.

И нас, новичков, почти всех заключали в гипсы, размотав наросты ссохшихся за долгий путь бинтов, где часто не перевязывали, лишь перебинтовывали раненых, обещая, что “на месте”, в стационаре, всех приведут в порядок, сделают, кому надо, настоящие перевязки, кому и операции.

Раны наши отмочили, обработали йодом — спиртику почти не водилось, его выпивали еще на дальних подступах к госпиталю».

Что и говорить, в тылу безобразий хватало не меньше, чем на фронте. На то она и война!

Например, в декабре 1942 г. раненые бойцы в госпиталях Южного фронта жаловались на плохое питание, скверное медобслуживание и антисанитарное состояние медучреждений.

В одном госпитале давали 600 граммов хлеба 3 раза в день. Обед состоял из половничка постного жидкого супа и двух ложек каши или картофельного пюре. Тоже на завтрак и на ужин, но уже из одного блюда.

В другом госпитале кормили одной водой и пшеницей, но и про 600 граммов хлеба не забывали.

Правда, только перевязывали, а не лечили. Голод томил солдатские души, а их раны болели. Всюду была грязь и бестолковщина.

«Все три раны слились в одну — перевязочного материала нет, в этом госпитале и перевязок не знают, — писал любимой девушке боец Суховой. — Рентгена нет, что с костями им самим ведомо, т.к. ноет до чертиков. Гнойные раны у меня вообще в жизни никогда завязанные не заживут, а тут наложили жгут ваты, привязали, оно промокло, ноет, горит. Галя, тебе нельзя работать в госпитале, такой как этот, — это сумасшедший дом, на наше отделение всего имеем 4 ложки и опираемся в каску».

Были и жалобы: «... Мы, бойцы Красной Армии, лежим в госпитале 1538 на нарах, на гнилой соломе. Там, где производят лечение, холодно и вши, нет одеял, лежим под шинелью в одном нательном белье.

... Помещение не оборудовано, как полагается, это бывшая церковь. С питанием тоже ненормально. Хлеб дают не полностью, что положено, вместо 200 граммов 150-180 не более. Обращались к начальнику госпиталя,

но не хочет разговаривать, обращение его нечеловеческое к бойцам».

Но хоть и было так, тем не менее раненые каким-то образом выздоравливали, а потом и выписывались. На фронте даже шутили, называя их почти ласково государственным термином: «наркомздрав». Да и убитых почти также: «наркомзем».

До сих пор о цифре потерь, которые Красная Армия понесла в годы Великой Отечественной войны, продолжают спорить ученые мужи и к ним примкнувшие.

На сегодняшний день мы имеем по меньшей мере две серьезные научные оценки реальных размеров боевых потерь СССР.

Итак, первая. Она принадлежит коллективу сотрудников Генштаба под руководством профессора Академии военных наук генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева:

«На 22 июня 1941 г. в рядах Красной Армии и флота находились 4 миллиона 901 тысяча 800 человек. В ходе войны были призваны и мобилизованы 29 миллионов 574 тысячи 900 человек. В результате за все годы войны прошли службу 34 миллиона 476 тысяч 700 советских граждан. На 1 июня 1945 г. в строю находились 12 миллионов 839 тысяч 600 человек. В том числе непосредственно в частях — 11 миллионов 390 тысяч 600 человек, в госпиталях на излечении — 1 миллион 46 тысяч человек, в других армейских формированиях (например, в войсках НКВД) — 403 тысячи человек. Неизвестной остается судьба примерно 500 тысяч человек, призванных в первые дни войны, но так и не дошедших до своих частей. Несложно посчитать, что убыль за годы войны составила 21 миллион 137 тысяч 100 человек. Вот некоторые эту цифру и считают потерями.

Нам известно общее число безвозвратных потерь. Оно составляет 11 миллионов 444 тысячи 100 человек. Из них убиты и умерли от ран 6 миллионов 329 600 человек, умерли от болезней, погибли в катастрофах и расстреляны по приговорам трибуналов — 555 тысяч 500 человек, пропали без вести и попали в плен — 4 миллиона 559 тысяч человек. Санитарные потери составили 18 миллионов 344 тысячи 148 человек. В том числе 15 миллионов 205 тысяч 592 раненых, контуженных, обожженных, 3 миллиона 47 тысяч 675 заболевших и 90 тысяч 881 человек — обмороженных. Из общего числа санитарных потерь 3 миллиона 798 тысяч 200 человек были уволены в запас по ранению и болезням, из них инвалидами признаны 2 миллиона 576 тысяч человек.

Но есть и другая убыль. Для работы в промышленность, местную противовоздушную оборону и военизированную охрану из армии было передано 3 миллиона 614 тысяч 600 человек. Еще 1 миллион 174 тысячи

600 человек были направлены на формирование органов НКВД. В польские, чехословацкие, румынские и другие национальные соединения и части, воевавшие на стороне СССР, выделено 250 тысяч 400 человек. Осужденны трибуналами отправлены в тыловые лагеря 436 тысяч 600 человек (это те, кому не доверили оружие, а всего были осуждены около 994 тысячи человек). Отчислены из армии по разным причинам (на самом деле большинство из них по неблагонадежности, как-то: чеченцы, ингуши, крымские татары) — 206 тысяч человек. Не разыскано дезертиров и отставших от эшелонов 212 тысяч 400 человек. Таким образом, цифра демографических потерь военнослужащих (убиты, умерли, не вернулись из плена) составляет 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. Это безвозвратные потери минус вернувшиеся из плена 1 миллион 836 тысяч человек и вторично призванные на службу на освобожденной территории 939 тысяч 700 человек, ранее значившиеся пропавшими без вести».

Вторая принадлежит кандидату исторических наук, профессору Российского государственного социального университета Б.В. Соколову: «По моим оценкам, потери составляют 26 миллионов 400 тысяч человек. Это погибшие, умершие от ран, в плену и по другим причинам. Сразу оговорюсь, что точность этой оценки невелика — плюс-минус пять миллионов. То есть цифра реальных потерь находится в интервале от 21,5 до 31,5 миллиона человек».

Если первая оценка основана исключительно на документах. А это донесения «О боевом и численном составе» и «О потерях». Такие сводки начальники штабов всех частей каждые пять дней составляли и направляли в соединения, а сведения данные каждые десять дней докладывались в штабы фронтов и в Генеральный штаб. И количественно, и по спискам.

То вторая подкреплена только косвенными данными, т.к. Соколов с архивными документами не работал. Для него они почему-то закрыты.

Борис Вадимович «располагал данными из открытых источников о безвозвратных потерях Красной Армии за 1942 г. по месяцам, а также данными о потерях ранеными по месяцам за всю войну. Задача была установить, каково соотношение между ранеными и убитыми. Еще одна проблема — пропавшие без вести: под ними понимали и убитых, и пленных».

Он «установил, что в ноябре 1942 г. в плен попало меньше всего бойцов Красной армии, чем за все остальные месяцы этого года. Безвозвратные потери в этот период были в основном убитыми, а не пленными». Затем он «распространил пропорцию убитых к раненым, исключив пленных, на всю войну. И получил цифру в 22,4 миллиона. Но

это только погибшие и умершие от ран и иных причин на фронтах и в тылу. К числу погибших следует прибавить умерших в плену. В середине 1945 г. немцы представили совокупные данные о пленных за весь период войны. В этих списках значились 5 миллионов 754 тысячи военнослужащих Красной армии. Но в сопроводительных документах немецкое командование оговаривалось, что данные за период с 1944 по 1945 г. по солдатам Красной армии занижены, так как из-за нарушений деятельности инфраструктуры всех пленных на Восточном фронте учесть не удалось. Кроме того, было явно занижено число пленных 1941 г., так как в сохранившихся документах фигурирует цифра в 3 миллиона 335 тысяч человек. Хотя известны донесения 1942 г., где число русских пленных обозначено либо как 3 миллиона 806 тысяч человек, либо как 3,9 миллиона человек».

По оценкам Бориса Вадимовича, «в немецком плену в общей сложности оказались 6,3 миллиона советских военнослужащих. Живыми из плена вернулись 2 миллиона 16 тысяч человек. Соответственно погибли в плену 4 миллиона бойцов и командиров Красной армии. 22,4 миллиона погибших на фронтах и 4 миллиона умерших в плену дали в сумме 26,4 миллиона».

Как попадали в штафные части?

Архивные документы абсолютно не лгут по этому поводу. Но если и были исключения, то сами понимаете, как же без них. Где люди, там не бывает золотой середины. Впрочем, в конкретных случаях люди попадали туда за дело. Подчеркнем, как правило.

С весны 1943 г. в штаб и политические органы 1-го танкового корпуса поступали жалобы и сообщения о преступлениях и злоупотреблениях командования 1437-го самоходно-артиллерийского полка.

Только 9 июня дело к производству принимает военная прокуратура этого соединения.

В ходе кропотливой следственной работы было установлено:

«В течение 2-3 месяцев воспитательная работа по укреплению советской воинской дисциплины в полку подменялась репрессиями...

Командир полка майор В.С. Гаевский, его заместитель по политической части майор Г.Л. Бабкин и начальник штаба майор А.И. Авдеев систематически применяли физические меры воздействия к своим подчиненным бойцам и командирам. В ряде случаев избиения производились упомянутыми лицами в состоянии алкогольного опьянения.

Так, Гаевский в апреле избил старшего техника-лейтенанта П.Я. Дорошина, нанеся ему несколько ударов кулаком и пистолетом по голове, а

после приказал ему становиться для расстрела.

В начале апреля, также находясь в состоянии опьянения, нанес удар кулаком, а затем рукояткой пистолета лейтенанту В.П.Фурсову за то, что последний якобы не выполнил его приказаний.

29 апреля во время попойки в штабной машине нанес удар по лицу красноармейцу Д.Н. Берестову, сбил его при этом с ног и угрожал расстрелом.

В мае, находясь в нетрезвом состоянии, избил своего адъютанта А. А. Заику...

Подобные преступные действия допускал, и его заместитель по политической части майор Бабкин.

Следствием установлено, что последний 7 апреля, находясь в состоянии опьянения, избил пистолетом красноармейца-тракториста Д.П. Симинякина и пытался его застрелить. Тогда же избил завскладом ГСМ В.Е. Иванова за отказ выдать горючее сверх нормы.

15-17 марта Бабкин оскорбил лейтенанта П.Х. Фаткулина, назвав его вредителем, и нанес ему при этом удар кулаком в лицо. В тот же период времени избил лейтенанта Байбулина якобы за симуляцию.

17 мая, войдя в машину помощника командира полка по снабжению майора Л.Е.Афанасьева, выгнал присутствующих там военнослужащих, заявив при этом: “А ну-ка вылетай отсюда всякая сволочь”, после чего потребовал от Афанасьева выдачи ему водки. Получив отказ от последнего, нанес ему удар по лицу...

Начальник штаба полка майор Авдеев в марте месяце в состоянии опьянения превысил свои права и незаконно расстрелял старшего сержанта Навака за то, что последний во время посадки в машину СУ-35 доложил Авдееву о своем заболевании. В результате произведенного выстрела Навак получил тяжелое ранение в голову. За попытку присутствующих при этом красноармейца Н.С. Виноградова и старшины Д.М. Чистилина оказать помощь раненому Авдеев пригрозил им расстрелом и приказал выбросить раненого Навака из машины на снег, а поставленному часовому — пристрелить Навака, если он поднимется. Спустя короткое время Навак пытался подняться и в соответствии с приказанием Авдеев был добит часовым. После убийства Навака Авдеев совместно с Гаевским послали матери Навака извещение, что ее сын расстрелян как трус и изменник.

Следствием установлено, что Навак, будучи совершенно необоснованно оскорблен Авдеевым, назван трусом, заявил: “Неизвестно, кто окажется трусом, я или вы”, после чего Авдеев без всякого повода произвел в него выстрел.

В апреле Авлеев совместно с Гаевским избили старшего техника-лейтенанта Дорошина. 19 мая Авдеев, находясь в состоянии опьянения, пришел в палату санчасти, лег на постель и открыл стрельбу, произведя при этом около 15 выстрелов. Пулями он изрешетил потолок палатки.

В конце мая Бабкин в состоянии опьянения на территории полка сел за руль грузовой машины, ездил вокруг санитарной палатки, а в конце концов разогнал машину прямо в палатку, прорвал ее насквозь. В тот период в палатке находился на излечении боец А.Я. Глубоковский, который случайно остался невредим.

Далее следствием установлено, что Гаевский, Бабкин и Авдеев систематически пьянствовали. Для организации попок они использовали водку, предназначенную для выдачи личному составу полка. Только в последних числах мая Гаевский и Бабкин забрали со склада к себе в землянку около 80 л водки. В распитии этой водки принимал участие и Авдеев...

Кроме того, следствием установлено, что Гаевский, а в особенности Бабкин систематически транжирили первосортный бензин для поездок по личным надобностям. В течение последних 2,5 месяца ими израсходовано 5173 кг горючего. В целях скрытия незаконного расхода Гаевский производил фиктивное списывание...»

Через десять дней, 19 июня дело по обвинению командования полка было передано в военный трибунал Западного фронта.

Оно слушалось без участия обвинителей и защиты с вызовом 20 свидетелей.

В результате военный трибунал приговорил Бабкина Г.Л. и Авдеева А.И. к расстрелу с конфискацией имущества, а командира — Гаевского В.С. к лишению свободы на десять лет без поражения в правах. Однако приговор был отсрочен направлением в штрафную часть...

Но это еще не все. 20 июня 1943 г. приговор был утвержден военным советом Западного фронта, а 5 июля Военная коллегия Верховного суда СССР по протесту прокурора СССР определила: «Принимая во внимание, что осужденные Бабкин и Авдеев являлись активными участниками Отечественной войны, что Бабкин дважды ранен и награжден орденом Красной Звезды, а Авдеев — медалью “За отвагу”, и соглашаясь с доводами протеста прокурора СССР, расстрел Бабкину и Авдееву заменить десятию годами лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах...»

Словом за такие преступления командованию полка, а в сущности, примитивным преступникам, штрафбат должен был показаться великим

счастьем!

Для того и были созданы штрафные части.

Другой случай из той же серии не менее красноречив. Вот только неизвестно, штрафной ли закончился или все же расстрелом?

Донесение УУКР «Смерш» Воронежского фронта В.С. Абакумову о результатах проведенного расследования по факту утери секретных документов 31-го танкового корпуса

«21 июля 1943 г.

Совершенно секретно

12 июля 1943 г. 3 Отдел контрразведки Смерш 1-й танковой армии были доставлены совершенно секретные документы штаба 31-го тк, найденные в районе боевых действий дер. Зоринские дворы.

Среди документов были:

1. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0296.

2. Приказы войскам Воронежского фронта.

3. Приказы войскам 1-й танковой армии.

4. Пропуска на 5 дней.

5. Позывные и радиоволна 43-го иптап (истребительно-противотанкового артиллерийского полка. — Прим. ред.) 29-го оиптап (отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского полка. — Примеч. ред.) РГК.

6. Секретные пакеты в адрес командования 31-го тк.

Производственным расследованием установлено, что виновным в утере совершенно секретных документов оказался зав. делопроизводством секретной части штаба 31-го тк, лейтенант интендантской службы Мельников... уроженец Свердловской обл., русский, из крестьян-бедняков, образование среднее, кандидат в члены ВКП(б), в Красной Армии с июня 1941 г.

8 июля 1943 г., во время ожесточенных боев с противником, начальник штаба 31-го тк подполковник Гандыбин приказал Мельникову выехать со всеми секретными документами во 2-й эшелон 31-го тк.

Мельников выехал на грузовой автомашине. В дер. Зоринские дворы попал под бомбежку вражеской авиации, бросил планшет с секретными документами, сам уехал в тыл корпуса.

Об утере секретных документов Мельников никому не сообщал и мер к розыску не предпринимал.

14 июля 1943 г. Мельников был арестован. Приличном обыске у него обнаружено и изъято 10 неотправленных пакетов, находившихся у него с 8 июля 1943 г., среди них весьма срочные в адрес начальника штаба 1-й

танковой армии.

Дело следствием закончено и направлено военному прокурору.

Начальник Управления контрразведки

НКО «Смерш» Воронежского фронта

Генерал-майор Осетров».

Но как говорится «приказ — приказу рознь». Так было и в этом случае. Да только исход один — штрафная, но ненадолго...

«ПРИКАЗ

1-й отдельной Гвардейской мотострелковой бригаде

30 июля 1943 г. № 63 Действующая армия

Офицерское собрание 1-й отдельной Гвардейской мотострелковой бригады установила факты неоднократной трусости гв.

лейтенанта Черепанова, в период боевых действий с немецкими захватчиками с 12.7.43 по 22.7.43 г. Вина лейтенанта Черепанова усугубляется еще и тем, что, сдавшись в плен до этого, он не только не искупил своей вины, но пытался скрывать факты.

ПРИКАЗЫВАЮ:

За проявленную трусость лейтенанта Черепанова лишить офицерского звания, разжаловать в рядовые и направить в штрафной батальон сроком на 3 месяца...»

Проходит всего-то чуть больше двух недель, и машинистка печатает новый Приказ командира бригады за № 077 от 17 августа 1943 г. «Моим Приказом № 63 от 30.7.43 г. гв. лейтенант Черепанов Иван Игнатьевич за проявление неоднократной трусости в период с 12.7. по 22.7.43 г. был лишен офицерского звания, разжалован в рядовые и направлен на передовые позиции. Действуя стрелком в сводной роте в составе 17 Тбр, по овладению г. Орел, красноармеец Черепанов искупил свою вину смелыми и решительными действиями против немецких захватчиков.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Красноармейца Черепанова Ивана Игнатьевича как искупившего вину перед Родиной восстановить в офицерском звании и должности...»

Был в этой бригаде и еще один «представитель»...

«Материалом следствия и на офицерском собрании 1 Отд. гв. МСБр 17.8.43 г. установлены факты неоднократной трусости командира взвода 3-го мотострелкового батальона лейтенанта Кушнир Дмитрия Васильевича в период боевых действий бригады на Орловском направлении с 12.7.43 по 5.8.43 года.

В период с 12.7 по 22.7.43 г. лейтенант Кушнир находился в тылу, несмотря на приказ командира батальона находиться с ним на КП.

Неоднократные приказы командира батальона через своих заместителей о явке лейтенанта Кушнера на КП, последним не выполнялись. Кроме того, когда старший адъютант 3-го мотострелкового батальона гв. капитан Слесаренко лично поехал на розыски лейтенанта, Кушнер самовольно с машины ушел и на КП батальона не явился.

Командир 3-го мотострелкового батальона дал возможность лейтенанту Кушнеру искупить свою вину — трусость, назначив его командиром взвода сводной роты для действий в составе 17-й танковой бригады под Орлом. Но и здесь в период с 22.7 по 5.8.43 г., командуя взводом, а последние два дня ротой, лейтенант Кушнер проявил трусость, в подразделении не находился, а прятался в тылу.

За все совершенные преступления лейтенант Кушнер заслуживает предания суду Военного Трибунала для привлечения к суровой ответственности.

Но учитывая его признания на офицерском собрании и обещание искупить вину

ПРИКАЗЫВАЮ:

На основании Приказа НКО № 227 за проявление систематической трусости в боях под Орлом в период с 12.7 по 5.8.43 г. лейтенанта Кушнера Дмитрия Васильевича лишить офицерского звания, разжаловать в рядовые и направить в штрафной батальон сроком на 2 месяца».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Штрафные части в Красной Армии были созданы Приказом № 227 Народного Комиссара обороны СССР Сталина от 28 июля 1942 г., который определял комплекс мер, направленных на решительное укрепление порядка и дисциплины в войсках в период их вынужденного отступления летом 1942 г. под натиском превосходящих сил вермахта.

Юридически штрафные части существовали с сентября 1942 по май 1945 г.

Численность их переменного состава ежегодно составляла:

1942 г. — 24 993; 1943 г. — 177 694; 1944 г. — 143 457; 1945 г. — 81 766.

А всего за всю войну в штрафные батальоны и роты было направлено — 427 910 чел.

Если взять для анализа 1944 г., когда все фронты вели наступательные

операции, количество штрафных частей и численность их переменного состава характеризовались следующими показателями:

— общее количество штрафных батальонов во всех фронтах Красной Армии колебалось от 15 (в январе) до 8 (в мае), а среднемесячное их число в этом году равнялось 11, при этом среднемесячная численность штрафников в одном батальоне составляла около 226 чел;

— общее количество штрафных рот во всех армиях колебалось от 199 (в апреле) до 301 (в сентябре), а среднемесячное число рот составляло — 243, при этом среднемесячная численность штрафников в одной роте составляла 102 чел;

— общие потери личного состава (убитые, умершие, раненые и заболевшие) всех штрафных частей за год (нарастающим итогом) составили 170 298 чел. постоянного состава и штрафников;

— среднемесячные потери постоянного и переменного личного состава всех штрафных частей за год составили 14 191 чел., или 52% от среднемесячной их численности (27326). Это в 3-6 раз больше, чем общие среднемесячные потери личного состава в обычных войсках в тех же наступательных операциях 1944 г.

Отношение к Смершу у нас до сих пор двойственное. В художественной литературе, да и в тех же художественных фильмах, оно, как правило, выражено в заведомо отрицательных тонах. При этом, если быть ближе к истине, то мы должны формулировать свое мнение, обращаясь прежде всего к приоритетным задачам военной контрразведки, а также к реализации их в ходе решения в период Великой Отечественной войны.

Конкретные отрицательные персонажи в истории военной контрразведки ни в коей мере не могут отражать истинной работы Смерша.

Судите сами. Если до войны специальными задачами Особых отделов НКВД СССР были: задачи по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в РККА (Приказ НКВД СССР № 0032 от марта 1937 г.), то уже в начале войны главной задачей Особых отделов на период войны считали: решительную борьбу с шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидацию дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе (Постановление ГКО № 187СС от 17 июля 1941 г.).

Следует особо отметить, что с началом войны задачи Особых отделов изменились на 180 градусов, ибо теперь борьба с контрреволюцией вышла на второй план.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

После того как Сталин потребовал от органов военной контрразведки в борьбе со шпионами и диверсантами более лучшей работы, к 1 апреля 1943 г. Меркулов готовит проект постановления об образовании наркомата госбезопасности и схему структуры ведомства с объяснительной запиской, которые за подписью Берия 2 апреля уходят к Сталину.

По замыслу Лаврентия Павловича, все оперативно-чекистские управления и отделы выделялись из НКВД СССР, и на их базе образовывался самостоятельный Наркомат госбезопасности. А Управление особых отделов должно было войти в состав нового ведомства как одно из управлений контрразведки НКГБ (Смеринш — смерть иностранным шпионам). Однако этот проект не понравился Сталину. Тогда к 4 апреля Меркулов подготовил следующий вариант, где, ничего не меняя, дополнительно предлагал в управлении Смеринш усилить технические отделы и создать новые подразделения с функциями по работе в тылу. Но вождь не принял и этот проект. Он приказал вернуться к реформе по той же схеме, которая была проведена в жизнь накануне войны, и снова объединить усилия руководства обороной государства с обеспечением безопасности в армии и на флоте. Фактически он потребовал подчинения военной контрразведки напрямую Наркомату обороны, чего не хотел, прежде всего, Берия.

13 апреля в 22.05 Сталин снова проводит совещание с руководством НКВД, а 15 апреля в 23.35 нарком обороны и Верховный приглашает на совещание Абакумова уже как будущего своего заместителя.

Когда встал вопрос о названии военной контрразведки (второе проектное название Смернеш — смерть немецким шпионам) Сталин сказал присутствующим:

— А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах против нашей армии? Давайте назовем «Смерть шпионам», а сокращенно Смерш.

18 и 19 апреля Сталин снова принял Абакумова, Меркулова и Берия, чтобы окончательно решить вопрос реформирования военной контрразведки. Таким образом, 14 апреля 1943 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации народного комиссариата государственной безопасности. А 21 апреля 1943 г. — Постановление Государственного

комитета обороны № 3222СС/ОВ с утверждением положения о ГУКР Смерш НКО СССР (19 апреля 1943 г. Постановлением СНК СССР № 415-138сс Управление Особых отделов НКВД было преобразовано в Главное управление (ГУКР) Смерш НКО СССР).

В этом документе были определены конкретные задачи органов Смерш:

«а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной Армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной Армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних);

д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;

е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;

ж) выполнение специальных заданий Народного Комиссара Обороны.

2. Органы Смерш освобождаются от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с задачами, перечисленными в настоящем разделе».

Если в июне 1942 г. штатная численность Управления особых отделов НКВД СССР составила 225 человек, то штат Главного Управления Смерш НКО СССР в количестве 646 человек.

С начала войны по 1 декабря 1941 г. особыми отделами НКВД было арестовано 35 738 чел, в том числе шпионов — 2343, диверсантов — 669, изменников — 4647, трусов и паникеров — 3325, дезертиров — 13887, распространителей провокационных слухов — 4295, самострельщиков — 2358, за бандитизм и мародерство — 4214; расстреляно по приговорам — 14 473, из них перед строем — 411.

Только на Западном фронте в 1941 г. особисты во взаимодействии с войсками НКВД по охране тыла задержали и разоблачили свыше 1000 немецких агентов, на Ленинградском и Южном фронтах — около 650, на Северо-Западном — свыше 300.

Контрразведчикам Виктора Абакумова противостоял серьезный, если не сказать, коварный противник. Только на Восточном фронте действовали более 130 разведывательных команд сд и Абвера, функционировало около 60 школ, где готовили агентуру для заброски в тыл Красной Армии.

По свидетельству документов в 1941-1944 гг. Особыми отделами НКВД СССР и ГУКР Смерш НКО СССР от 55 до 65% всех вражеских агентов были выявлены и разоблачены непосредственно в зоне боевых действий. В 1945 г. этот показатель достиг 88%. Причем «если в 1941 г. на прифронтовую зону приходилось около 45% от общего количества разоблаченных органами военной контрразведки агентов фашистских спецслужб, то в 1943 г. эта цифра возросла до 55%.

Только в период подготовки и в ходе Курской битвы контрразведчиками Западного, Брянского, Центрального и Воронежского фронтов было обезврежено более 1500 немецких агентов и диверсантов. Контрразведчики Центрального фронта в июне и июле 1943 г. обезвредили пятнадцать разведывательно-диверсионных групп противника. Некоторые были предназначены для нападения на штаб фронта и совершения террористического акта в отношении командующего фронтом генерала армии К.К. Рокоссовского.

Во время битвы за Днепр чекисты Воронежского (1-го Украинского) фронта выявили и ликвидировали более 240 фашистских агентов и двадцать одну разведывательно-диверсионную группу».

Занимался Смерш и радиоиграми с разведками противника, которые стали абсолютно новейшим направлением в их деятельности. Основными задачами радиоигр были: систематические передачи противостоящему противнику ложной информации, с одной стороны, а с другой — благодаря радиоиграм органы военной контрразведки поддерживали у противника уверенность в том, что заброшенные им разведгруппы работают вполне активно. Это, безусловно, останавливало их от дальнейших действий.

Достаточно сказать, что с весны 1943 г. все радиоигры, кроме игр «Монастырь», «Курьеры» и «Березина», находились в ведении 3-го отдела ГУКРСмерш.

Не менее успешной оказалась работа Смерш по централизации зафронтовой деятельности, которая очень скоро дала положительные результаты. Только за первые десять месяцев с момента образования Главного управления контрразведки в германские разведорганы и школы были внедрены 75 агентов, а 38 из них, успешно выполнив поставленные задачи, возвратились к своим.

По обобщенным данным, зафронтовые агенты представили сведения

на 359 официальных сотрудников германской военной разведки и 978 выявленных шпионов и диверсантов, подготовляемых для переброски в распоряжение частей Красной Армии. Впоследствии 176 вражеских разведчиков противника были арестованы органами Смерш. Кроме того, 85 агентов немецких спецслужб явились с повинной, а пятеро завербованных сотрудников германской разведки оставались работать в своих разведподразделениях по заданию советской контрразведки.

С октября 1943 г. по май 1944 г. в тыл противника были переброшены 345 зафронтовых агентов, в том числе 50 перевербованных германских разведчиков. Из них вернулись после выполнения задания — 102. В разведорганы внедрились — 57, из них 31 вернулся, остались выполнять задания Смерш — 26.

В ходе операций были перевербованы 69 германских разведчиков, из них в советские органы госбезопасности явились 29, остальные остались в немецких разведшколах. Всего же за шесть месяцев было выявлено 620 официальных сотрудников и 1130 агентов разведорганов противника. Из этого числа органами Смерш были арестованы 273 агента.

В 1943-1944 гг. стала широко практиковаться заброска в тыл противника агентурных групп (оперативные работники, агенты и радисты) с целью сбора сведений о разведорганах и спецшколах противника, внедрения в них, а также захвата кадровых сотрудников, агентов и нацистских пособников. Только за первые десять месяцев 43-го года в немецкий тыл были направлены семь агентурных групп, подчиненных Главному управлению контрразведки. Из 44 человек группы потеряли только четверых, при этом на вражеской территории они привели к сотрудничеству с советской контрразведкой 68 человек.

На заключительном этапе войны военной контрразведке Смерш удалось не только парализовать подрывную работу германских спецслужб по всем ее направлениям, но и перехватить инициативу в свои руки.

Первичная проверка бывших военнослужащих Красной Армии была одной из тех задач, которую решали третьи отделения вторых отделов управлений КР Смерш фронтов.

На армейских сборно-пересылочных (СПП) и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктах (ПФЛ) эта проверка проводилась путем личного досмотра и письменных объяснений об обстоятельствах пребывания в плену. Только затем проводился допрос, в ходе и после которого оперативники контрразведки выявляли противоречия в ответах и организовывала агентурное изучение подозреваемых. На каждого проверяемого заводилось дело (учетное) с протоколами допроса и

заключением по результатам фильтрации. На подозреваемого заводилось дело-формуляр с приобщением материалов оперативного характера. Фильтрация завершалась во фронтовом ПФЛ, где соответствующая работа продолжалась в течение двух месяцев (соответственно в СПП и ПФП — пять — десять дней). В ПФЛ работа велась в оперативном и следственном направлениях с учетом проведенной фильтрации на СПП и ПФП. Следует отметить, что по масштабам и размаху, силам и средствам оперативно-розыскная и следственная работа по фильтрации военнопленных вражеских армий, бывших советских военнопленных, а также в государственной проверке репатриантов из числа советских граждан не имела аналогов в истории спецслужб мира.

К лету 1945 г. на территории СССР действовало 43 спецлагеря и 26 проверочно-фильтрационных лагерей. На территории Германии и других стран Восточной Европы действовало еще 74 проверочно-фильтрационных лагеря и 22 сборно-пересылочных пункта. На 1 октября 1944 г. через спецлагеря всего прошло 354 592 бывших военнослужащих Красной Армии и вышедших из окружения и освобожденных из плена (в том числе офицеров 50 441 чел).

Из этого числа было проверено и передано в Красную Армию 249 416 человек, в том числе: в воинские части — 231 034 (в том числе офицеров — 16 163); в промышленность — 30 749 (в том числе офицеров — 29); на формирование конвойных войск и охраны спецлагерей — 5924.

Органы Смерш арестовали — 11 556 человек, из них агентов разведки и контрразведки противника — 2083 (в том числе офицеров — 1284). Убыли в госпитали, в лазареты и умерли — 5347...

В общем, заслуги контрразведки Смерш в борьбе с немецко-фашистскими спецслужбами в годы Великой Отечественной войны были несомненными.

Так, бывший начальник отдела «Абвер-1» генерал Ганс Пиккенброк однажды откровенно заявил: «Россия — самая тяжелая страна для внедрения агентов вражеской разведки. После вторжения германских войск на территорию СССР мы приступили к подбору агентов из числа военнопленных. Но трудно было распознать, имели ли они действительно желание работать в качестве агентов или намеревались таким путем вернуться в ряды Красной Армии. Многие агенты после переброски в тыл советских войск никаких донесений нам не присылали».

Другой немец, бывший генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник штаба Верховного Главнокомандования вермахта был более красноречив: «В ходе войны данные от нашей агентуры касались только

тактической зоны, мы ни разу не получали данных, которые оказали бы серьезное воздействие на развитие военных действий».

Таким образом, эффективность советской военной контрразведки признал и потерпевший сокрушительное поражение противник.

До сегодняшнего дня тема советских людей в плену всякий раз появляется перед нашими глазами с телеэкранов, книжных и газетных страниц недоговоренной. До сих пор продолжаются споры о том, сколько советских военнослужащих оказалось в плену и сколько из него вернулось. До сих пор одним неясно: почему они переходили на сторону врага, а другие, наоборот, убеждены в их сознательном и оправданном принятии такого решения.

Вообще же тема плена чрезвычайно многогранна, а потому в ней до сих пор нет ответов на десятки, если не больше вопросов...

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

На основании архивных данных Генеральной, штаба в годы войны пропали без вести и попали в плен — 4 миллиона 559 тысяч человек (по другим данным в плен попало от 4,5 до 5,7 миллионов солдат и офицеров Красной Армии. Из них от болезней, пыток и истощения в лагерях умерли около 3 миллионов человек).

Из плена вернулись 1 миллион 836 тысяч человек плюс вторично призванные на службу на освобожденной территории — 939 тысяч 700 человек, ранее значившиеся пропавшими без вести.

180 тысяч человек не вернувшихся из плена эмигрировали.

234 тысячи человек были направлены в лагеря как пособники немцев.

Москвич Иван Алексеевич Шаров в плен попал 6 октября 1941 г. под Спасодемянском.

В своем дневнике уже 10 октября он записал: «Из-под Спасодемянска пригнали целый совхоз. Его встречали пьяные немцы с большими кольями и били людей как попало и по чему попало. Всех пропускали через эту колонну... Ночевал на перекладине, как кура...»

Следующая запись за 12 октября: «Всю колонну куда-то гонят. Кушать не дают. Достали на обочине выкопанную картошку, пока доставали — по нам стреляли. Так каждый день они убивают человек 30-40».

Не менее страшным читается воспоминание Николая Ипполитовича Обрыньбы: «После десятидневного пребывания за проволокой, где накапливали пленных из числа трехсот пятидесяти тысяч, окруженных немцами под Вязьмой в октябре сорок первого, нас погнали на шоссе на запад. В течение этих десяти дней нам не давали воды, пищи, мы находились под открытым небом. В тот год снег упал в начале октября, стояла холодная, промозглая погода. Здесь мы впервые увидели, как здоровые мужчины умирают от голода.

Движемся уже четвертый день по Варшавскому шоссе в направлении Смоленска, с передышками в специально устроенных загонах, огороженных колючей проволокой и вышками с пулеметчиками, которые всю ночь освещают нас ракетами. Рядом с нами тянется колонна раненых пленных — на телегах, двуколках и пешком. Хвост колонны, перебрасываясь с бугра на бугор, уходит за горизонт. На местах наших стоянок и на протяжении всего нашего пути остаются лежать тысячи умирающих от голода и холода, еще живых добивают автоматчики, упавшего толкнет конвоир ногой и в не успевшего подняться стреляет из автомата. Я с ужасом наблюдал, как доводили здоровых людей до состояния полного бессилия и смерти. Каждый раз перед этапом выстраивались с двух сторон конвоиры с палками, звучала команда:

— Все бегом!

Толпа бежала, и в это время на нас обрушивались удары.

Прогон в один — два километра, и раздавалось:

— Стой!

Задышающиеся, разгоряченные, обливаясь потом, мы останавливались, и нас в таком состоянии держали на холодном, пронизывающем ветру по часу, под дождем и снегом. Эти упражнения повторялись несколько раз, в итоге на этап выходили самые выносливые, многие наши товарищи оставались лежать, звучали одиночные сухие выстрелы, это добивали тех, кто не смог подняться.

Иногда нас сгоняли на обочину дороги, это делалось с целью разминирования дороги; легкие мины взрывались, но для противотанковых нашего веса было недостаточно, и когда по таким по таким образом разминированной дороге пускали немецкий транспорт, он часто взрывался».

Юрий Владимирович Владимиров в немецкий плен попал в мае 1942 г. В своей книге «Как я был в немецком плену» (очень честной и точной до мелочей) он пишет: «... Примерно через 10 километров пути колонну вдруг остановили, и вышедшие навстречу немецкие военные вместе стали

внимательно осматривать лица всех пленных. В результате из колонны вывели более 20 человек, напоминающих по внешности евреев. Среди них оказался и мой новый друг, с которым я шагал рядом. Некоторые из этих пленных пытались доказать, что они — не евреи. Тогда их заставили спустить штаны и показать половой член — не обрезан ли он. У пятерых с этим оказалось все в порядке, и их вернули обратно в колонну, а остальных, включая моего соседа, забрали с собой в село.

В дальнейшем в больших лагерях немцы проводили более обстоятельную проверку всех подозрительных на принадлежность к евреям или цыганам. Переводчик выяснял, не говорит ли пленный картавя или с еврейским акцентом, требуя произносить очень быстро, например, фразу: «На горе Арарат растет крупный виноград». Случалось, что подозреваемый заявлял, что он армянин, грузин, азербайджанец и т.д. Тогда проверяющие подзывали своего человека названной национальности, и он вступал в разговор с проверяемым лицом. И если пленный его не понимал, то считали, что он еврей или цыган.

Шедшие со мной товарищи хотели узнать, когда же нам дадут что-нибудь поесть. Я решил спросить об этом по-немецки у ближайшего ко мне молодого и очень здорового конвоира. Он не стал меня слушать и ударил кулаком по голове так, что я упал и лишь с большим трудом встал снова на ноги.

В какой-то деревне мы увидели на околице группу плачущих женщин. На траве лежал мертвый молодой старшина в гимнастерке с четырьмя темно-красными блестящими треугольниками на красных петлицах. Трое женщин рыли могилу. Кто-то из пленных сумел узнать, что этот старшина скрывался у местных жителей, но утром он был обнаружен немцами, отстреливался и покончил собой, выстрелив себе в сердце».

К слову, отчаянных и смелых людей в плену было немало. О них есть тысячи и тысячи свидетельств. Но были и трусы, были и слабые духом люди, были предатели.

Сегодня стало модным решать за тех, кого уже нет. Но обычно, причислившие себя к истории сегодня, мало что понимают в таких прописных истинах, как преданность Родине, защита Отечества и верность присяге. Ибо им не знакома и служба в армии, армейский распорядок, рев гусениц танков и стрельба из автоматического оружия. И уж тем более текст присяги, которую принимают после определенного подготовительного периода.

Однако, имея наглость «разбираться во всем» они лезут и в проблемы Великой Отечественной войны. Так это уж совсем «не по Сеньке и шапка»!

Ведь все познается в сравнении.

Известный своей неистовой любовью к «власовскому движению» и к «власовцам», санкт-петербургский историк А.К. Александров называет измену Родине в годы войны нестандартным и непривычным поведением человека в экстремальной ситуации.

Однако знает ли он, как соотечественники в плену относились к тем, кто хотел вступить в так называемую РОА? Их презирали не только свои, но и немецкие лагерные офицеры.

Даже немецкие часовые не разговаривали с русскими предателями.

Судя по воспоминаниям очевидцев, в плену люди выживали, как могли. И если в 1941-1942 гг. некоторые считали победу Германии делом решенным, то после ее катастрофы под Сталинградом сомнений в победе СССР ни у кого не возникало.

Главную же проблему поведения в плену необходимо искать в плоскости человеческой психологии, когда и там люди пристраивались в жизни, как могли. Держались группами («колхозами»), по землячествам и по характерам. Когда берегли свою шкуру, чтобы выжить. Когда не многим приходило в голову думать о патриотизме, если завтра тебя могут просто убить или же послезавтра ты можешь сдохнуть от истощения.

В плену, как и в мирной жизни, люди были всякие. Были и сволочи. Но огромное большинство военнопленных в лагерях и не помышляли вступать в РОА. Повторяю, «власовцев» презирали!

Не секрет, что в условиях плена психология человека менялась резко на 180 градусов.

Поэтому неудивительно, что некоторые из взятых в плен «вдруг превратились в ярых врагов своей страны... Это было, как прорвавшаяся плотина. Голодные, грязные, бесправные, потерявшие прошлое и стоявшие перед неизвестным будущим, советские командиры с упоением, во весь голос матом поносили того, при чьем имени еще неделю назад вставали и аплодировали, — Иосифа Сталина. За обращение “товарищ командир” давали по физиономии, если не избивали более серьезно. “Господин офицер” — стало обязательным в разговоре» (майор П.Н. Палий).

Голод заставлял идти людей на унижение, а вопрос: можно ли работать на Германию, заменял выбор между жизнью и смертью.

И тем не менее известны тысячи и тысячи примеров героизма советских людей в неволе, когда они неоднократно совершали побеги, проводили антигитлеровскую агитацию и акты саботажа, помогали своим же соотечественникам и даже вели разведывательную деятельность.

Если же говорить об отношении к пленным в годы войны и после, то,

как мне кажется, и здесь не все благополучно в отношении истины. Обычно и, как правило, те, кто проходил фильтрацию без каких-либо проблем, возвращались в ряды Красной Армии или же отправлялись на работу на различные производства. Те, кто не проходил, соответственно в лагеря. Безусловно, в отношении единиц были ошибки, и была клевета. Но, что касается основной массы, то здесь было все вполне по законам того времени. Это позднее кому-то захотелось изобрести «велосипед» и ведь получилось!

Например, Шаров Иван Алексеевич после плена, летом 1945 г. благополучно прошел фильтрацию, был призван в армию и к осени того же года служил регулировщиком в Будапеште. 1 ноября того же года его демобилизовали, 28 ноября он приехал в Москву, а 13 декабря получил паспорт.

Юрий Владимирович Владимиров также прошел фильтрацию после плена, из которого освободился в мае 45-го. Затем с сентября работал на шахте в Донбассе. В октябре того же года получил военный билет, а потом и удостоверение личности, заменяющее паспорт.

В 1946 г. Юрий Владимирович был зачислен в число студентов третьего курса Технологического факультета Института стали имени И.В. Сталина.

Ленд-лиз. И сегодня некоторые историки спорят по поводу роли военно-экономических поставок со стороны наших западных союзников в годы войны, оценивая ее по-разному.

Когда Анастаса Ивановича Микояна спросили: — А как Вы оцениваете ленд-лиз, его роль в вооруженной борьбе Советского Союза в годы Великой Отечественной войны?»

Он ответил честно: «- Военно-экономические поставки нам со стороны наших западных союзников, главным образом американские поставки по ленд-лизу, я оцениваю очень высоко. Хотя и не в такой степени, как некоторые западные авторы.

Представьте, например, армию, оснащенную всем необходимым вооружением, хорошо обученную, но воины которой недостаточно накормлены или того хуже. Какие это будут вояки? И вот когда к нам стали поступать американская тушенка, комбижир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу весомые дополнительные калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепало и тылу.

Или возьмем поставки автомобилей. Ведь мы получили, насколько помню, около 400 тысяч первоклассных по тому времени машин типа

“студебеккер”, “форд”, легковые виллисы и амфибии. Вся наша армия фактически оказалась на колесах, и каких колесах! В результате повысилась ее маневренность и заметно возросли темпы наступления.

Да-а... Без ленд-лиза мы бы наверняка еще год-полтора лишних провоевали».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Осенью 1940 г. юрисконсульты Министерства финансов США Э. Фоли и О. Кокс обнаружили в государственном архиве закон 1892 г., принятый при президенте Бенджамине Гаррисоне, в котором прочитали: военный министр Соединенных Штатов, «когда по его усмотрению это будет в интересах государства, может сдавать в аренду на срок не более пяти лет собственность армии, если в ней не нуждается страна».

Вскоре они подготовили соответствующий законопроект о ленд-лизе (ЛЕНД — давать в займы и ЛИЗ — сдавать в аренду, в наем), который в январе 1941 г. был внесен в Конгресс США. Палата представителей и Сенат его утвердили, а 11 марта 1941 г. его подписал президент Ф. Рузвельт. Так идея ленд-лиза из законопроекта превратилась в закон.

Порядок расчета по ленд-лизу был следующим:

«— материалы, уничтоженные или утраченные во время войны, а также ставшие непригодными для дальнейшего употребления, оплате не подлежали;

— материалы, оказавшиеся после войны пригодными для гражданских потребностей, оплачивались полностью или на условиях долгосрочного кредита;

— недополученные до конца войны материалы страна-заказчик могла приобрести, и щедрое американское правительство обещало кредитовать оплату.

Единственное, что хоть как-то оправдывало американцев, так это предусмотренное “Законом о ленд-лизе” право истребовать уцелевшие военные материалы назад. Но правительство США клялось, что не воспользуется этим правом...»

В конце июля 1941 г. Сталин дважды инструктирует генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова относительно задач и характера военной миссии в Великобритании и США.

Кроме главы миссии, в состав делегации вошли: заместитель контр-

адмирал Н.М. Харламов, а так же офицеры Наркомата обороны, Разведуправления Генштаба, сотрудники военного атташата в Лондоне и Вашингтоне, специалисты в области производства вооружения и конструирования.

По прибытии в Великобританию миссия занималась решением организации поставок в Советский Союз вооружения и стратегических материалов и согласованием вопроса об открытии второго фронта.

При этом, несмотря на проблемы в отношениях с рядом должностных лиц Лондона и Вашингтона, миссии Голикова удалось сделать немало по организации транспортировки в СССР вооружения.

К слову, видимо, не без помощи бывшего премьер-министра Великобритании, который, пристыдив английских политиков, заявил: «Оттягивая на себя всю германскую армию, СССР, так же, как Россия в прошлую войну, спасает Англию. Англия же, по существу, ничего не делает для помощи СССР. Между тем исход всей войны сейчас зависит от СССР».

Уже 16 августа 1941 г. было подписано советско-английское соглашение о товарообороте, кредите и клиринге, предусматривавшее предоставление Советскому Союзу кредита в сумме 10 млн. ф. ст. Но это было только начало.

29 сентября 1941 г. Московская конференция представителей СССР, Великобритании и США на самом высоком уровне обсудила вопрос о военных поставках, и 7 ноября 1941 г. Ф. Рузвельт распространил действие «Закона о ленд-лизе» на СССР. Притом, что Америка тогда еще не вступила в войну.

Тогда же США из средств, ассигнованных на ленд-лиз, предоставили Советскому Союзу беспроцентный заем на сумму 1 млрд. долларов, а в феврале 1942 г. — еще один такой же кредит.

31 августа 1941 г. из Англии прибывал первый союзный конвой со стратегическими грузами и военной техникой для Красной Армии. Конвой имел зашифрованное название «Дервиш». Он состоял из 6 транспортных судов и судов охранения: 2 крейсеров, 2 эсминцев, 3 тральщиков, 4 корветов, 1 авианосца.

Среди грузов англичане доставили 10 тонн каучука, 16 истребителей вместе с летным составом, стрелковое оружие, продовольствие и медикаменты.

До зимы 1942 г. порт Архангельска принял семь конвоев общим составом 53 транспорта и 49 кораблей эскорта. Только потом суда стали разгружаться в незамерзающем Мурманском порту.

Всего же за войну англо-американские союзники отправили в СССР 42 конвоя и 36 обратно. Из 813 транспортов, следовавших в Советский Союз, немцы потопили 58, а 33, получив повреждения, вернулись в свои базы.

Из Мурманска и Архангельска вышло 717 транспортов, из них 27 погибли, а 8 вернулись обратно.

При этом, по мнению первого морского лорда-адмирала Паунда, арктические конвои становились для них камнем на шее. «Все это — самая ненадежная операция, в которой опасность подстерегает нас на каждом шагу», — писал он американскому коллеге в мае 1942 года.

«Конвой в Россию остается сейчас и всегда был неоправданной военной операцией», — заявлял контр-адмирал Гамильтон.

Достаточно сказать, что разгром каравана «PQ-16» стал первой серьезной неудачей союзников.

Он вышел из Рейкьявика 20 мая 1942 г., имея в своем составе 34 транспорта, 15 кораблей охраны и две подводные лодки.

Если первые двое суток корабли спасал туман, то на третьи немецкие торпедоносцы и пикирующие бомбардировщики обнаружили их и атаковали. Только 27 мая в небе насчитывалось 108 фашистских самолетов. И все же «PQ-16» дошел до места назначения, потеряв 7 транспортов.

Больше не повезло следующему конвою. «PQ-17» вышел из Исландии 27 июня 1942 года.

Он состоял из 37 транспортов, в том числе 2 советских, и эскорта, в который входило 25 боевых кораблей. Кроме того, в группу дальнего прикрытия входило 2 линкора, 4 крейсера, 12 эсминцев, 9 подводных лодок и 1 авианосец.

В зоне ответственности Северного флота к прикрытию были готовы 287 самолетов, а также подводные лодки, тральщики и эсминцы.

Однако еще до того, когда угроза нападения на конвой тяжелых немецких кораблей миновала, адмирал Паунд, не желая рисковать силами прикрытия, отправил радиogramму, в сущности, предопределившую трагедию: «Крейсерам на полной скорости отойти назад, Ввиду угрозы надводных кораблей конвою рассеяться и следовать в русские порты».

Таким образом, беззащитные транспорты и стали легкой добычей бомбардировщиков и подводных лодок противника. Из 37 транспортов 23 было потоплено, а вместе с ними ушли на дно 3350 автомобилей, 430 танков, 210 самолетов, около 100 тысяч тонн других стратегических грузов.

За годы войны немецкие подлодки и самолеты-торпедоносцы потопили 80 судов. ВМС США и Великобритании потеряли в северных водах 19 кораблей, а из 17 500 000 тонн стратегических материалов,

отправленных к нам через северную Атлантику, не дошло 1300 000.

Не менее опасной преградой конвоям часто становился тяжелый паковый лед. Из 23 судов конвоя «PQ-14» только одно было потоплено, а 14 повернули назад в Исландию, наткнувшись на льды.

Например, общее число поставленных в Советский Союз по ленд-лизу автомобилей составило 477 785 штук (по советским данным — 312 600). И это не считая запчастей, которых хватило бы для сборки не одной тысячи машин.

Автомобили поступали к нам 50 моделей — 26 американских, канадских и английских фирм. Только американских грузовиков US 6, выпущенных двумя фирмами «Студебеккер» и «РЕО» наша страна получила около 152 000 экземпляров. В каждой кабине новенького «студебеккера» водителя ждала новенькая хрустящая кожанка и белые бекеши, которые изымались тут же, по прибытию, в пользу высшего офицерского состава.

Командирских автомобилей «виллис» и «форд» мы получили 44 000. Так как никаких эмблем на них не было, все их и называли «виллисами».

Более того, у американцев советские представители просили всего лишь мотоциклетные коляски. Однако именно госсекретарь США Эдвард Р. Стеттиниус в январе 1942-го посоветовал послу Литвинову «джипы», которыми уже успешно пользовалась американская армия.

«Ленд-лизовские грузы шли в порты северной оконечности Персидского залива: Басра, Хорремшехр, Абадан и Бандар-Шахпур (...)

Сухопутный путь из этого района был в то время один — из Бандар-Шахпура по Транссибирской железнодорожной магистрали через Ахваз и Кум до Тегерана. Мало-мальски развитой транспортной сети между пограничными портами Ирака и Ирана не существовало. (...)

Автомобильная техника прибывала в виде сборочных комплектов — в ящиках, и машины собирали прямо на берегу. В порту Хорремшехр выросли авиа- и автосборочный заводы, в порту Бушир — автосборочный завод (как раз там собирали «виллисы», «доджи», «студебеккеры» и «джи-эм-Си»), в Басре автосборочный завод.(...)

Из Бушира первые 50 грузовиков Dodge отправились в СССР 23 февраля 1942 года. Путь оттуда был намного длиннее, чем из северных портов Персидского залива. Через Ширайзский проход в горах Загрос и город Исфахан колонна двинулась на дальний северо-запад страны, в Иранский Азербайджан. На отрезке Миане-Тебриз прошла высокогорные перевалы и прибыла на территорию СССР через советскую и иранскую Джульфу — пункт на границе Ирана и Нахичеванской АССР.

Перегон автомобилей более чем на 2000 км через горы и перевалы, по дорогам и без них оказался делом чрезвычайно сложным. В пути происходила обкатка, а машины шли груженными до предела — везли запчасти, оружие, продукты, медикаменты. (...)

Пока в Персидском заливе хозяйничали англичане, в СССР приходило 2000 автомобилей в месяц, хотя был установлен план — сдавать в день 120 машин.

В марте 1943 г. надзор за Трансиранской железной дорогой и портами Персидского залива взяли на себя американцы. С середины года заработали сборочные предприятия в местечках Эш-Шуайба (на юго-западе от Басры, Ирак) и Андимешк, что на Трансиранской железнодорожной магистрали. Сразу поток увеличился — с юга стало поступать до 10 000 автомобилей в месяц. Только автосборочный завод в Андимешке отправил в СССР около 78 000 машин...», — пишут А. Митяев и Д. Орлов в замечательной статье об автомобильных поставках союзников.

Помимо поставок, на территории СССР сборкой американских автомобилей занимались Горьковский автозавод (с ноября 1941 г.) и Минский автозавод (с октября 1944 г.).

Сборкой «ленд-лиза» занимались также московские ЗИС и КИМ, а также множество мелких предприятий.

Советские источники утверждают, что по ленд-лизу союзники нам поставили 18 300 самолетов. Пути доставки их были самыми различными.

Один из них пролегал от портов западного побережья Америки, через Тихий и Индийские океаны, Аравийское море и Персидский залив в иракский порт Басра. Более двух месяцев шли суда с самолетами по этому пути.

Для морских перевозок машины приходилось разбирать, паковать в ящики. Но на судне их можно было разместить лишь небольшое количество. Из Басры они следовали в СССР через Иран по железной дороге, и только часть шла своим ходом.

Другую часть самолетов американцы доставляли в Иран по воздуху через Южную Америку, Атлантику и Африку.

Второй морской путь доставки военных грузов и самолетов пролегал от восточного побережья Америки до Мурманска или Архангельска. Он пересекал в северных широтах Атлантический океан, с заходом в Исландию, Северное, Норвежское моря и часть Баренцева.

Нашелся и еще один путь.

Красноярская воздушная трасса (из США в СССР через Аляску по центральной части северо-востока Советского Союза) согласно

Постановлению ГКО № 739 с от 9 октября 1941 г., была оборудована к 1 октября 1942 г. Именно на ней впервые в истории развития авиации были созданы условия для практического осуществления перегонки боевых самолетов в крупных масштабах на расстояния свыше 14 тыс. км над малонаселенными районами нескольких стран в условиях самых низких температур (до -73 градусов) и вечной мерзлоты.

Уже 6 октября 1942 г. по авиатрассе началась перегонка боевых самолетов с Аляски. Темпы же перегонки были следующими: 1942 г. — 114 шт., 1943 г. — 2456 шт., 1944 г. — 3033 шт., 1945 г. -2482 шт. (9 месяцев).

Всего за годы войны по воздушной трассе Красноярск — Уэлькаль было перегнано из США и сдано в Красноярске 8094 самолета. Ими были оснащены более 250 боевых полков.

«В результате проделанной работы по заданию советского правительства и ГКО за период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на северо-востоке нашей страны было построено и оборудовано в целом 5 воздушных авиатрасс:

1. Красноярск — Уэлькаль протяженностью 5200 км, на ней действовал 21 аэродром. Расстояние между аэродромами составляло 240-530 км.

2. Якутск — Хабаровск протяженностью 1560 км, на ней было 3 промежуточных аэродрома. Расстояние между аэродромами 215-540 км.

3. Магадан — Учур-Киренск протяженностью 2550 км, на ней действовали 3 промежуточных аэродрома: Югоренск, Учур, Алдан.

4. Анадырь — Танюер — Магадан — Хабаровск протяженностью 3500 км, эта трасса выходила на севере на действующий аэродром Танюер воздушной трассы Красноярск — Уэлькаль и на юге — аэродром Экимчан трассы Якутск — Хабаровск.

5. Якутск — Тикси протяженностью 1200 км. Общая протяженность пяти авиационных трасс составляла 14 010 км. На них действовало 30 аэродромов, в том числе 26 вновь построенных в годы Великой Отечественной войны. Стоимость строительства составила более 113 млн. рублей.

За весь период перегонки на трассе было потеряно 73 самолета. Это небольшая часть техники», — сообщается в книге «Аляска — Сибирь — фронт» автора и составителя В.И. Прянишникова.

По ленд-лизу мы еще получили: танков и самоходных артиллерийских установок — 12 480, орудий и минометов — 9 400, кораблей и судов — 521, стрелкового оружия — 151 700.

А еще нам поставляли обычные металлические пуговицы со звездой,

серпом и молотом. Миллионы пар обуви, изготовленных специально по советскому крою, чтобы удобно было надевать на солдатские обмотки.

Для обеспечения поставок продовольствия по ленд-лизу американцы построили дополнительно несколько заводов, которые выпускали консервированные продукты: тушенку, сухое молоко, яичный порошок...

Из США для советских разведчиков и десантников присылали калорийные рационы. Из Канады — торпедные катера, вагоны, рельсы, теплую одежду, оружие. Немало было жертвований и от простых жителей той же Британии. Так, в их танках лежали «посылочки» для их будущих экипажей: шерстяные носки, варежки, коробки с печеньем... А в дула пушек бронированных машин они упаковывали бутылки виски и снаружи затыкали их ветошью.

Более того, Англия вынуждена была делиться с русскими даже той техникой, которая предназначалась самой британской армии (легкие вездеходы, которых было очень мало).

Не менее интересно и то, что многого в Красной Армии до ленд-лиза просто не существовало: разведывательных и грузовых автомобилей-амфибий, тяжелых тягачей с прицепами для перевозки танков и бронетранспортеров.

Общий объем поставок союзников для СССР составил 140 млрд. долларов в современном масштабе цен.

Долг же США за поставки по ленд-лизу Советский Союз прекратил выплачивать только в 1973 г.

Его остаток составлял 674 млн. долларов.

Победный 1945-й. Красная Армия освобождает Европу. Появляются факты бесчинств, грабежей и насилий. Нервы у солдат и офицеров потрепаны. Война, самая страшная война за всю историю человечества, подходит к логическому завершению.

«Хотя начиналась война как справедливая и даже в чем-то святая, — говорит писатель, а в прошлом фронтовик, Даниил Гранин, — под конец она стала грязной. Особенно когда мы пересекли собственные границы».

Его спросили:

— Мародерствовали?

— Не только. Грязь была и в самой армии, и вокруг».

Вот какими увидели победителей за границей: «... раздались крики: “Русские! Русские, солдаты!” И, действительно показались вооруженные автоматами красноармейцы и обгоняющие их грузовики с вооруженными солдатами, а также легковые автомашины самых различных типов и марок

с офицерами и высшими чинами. Люди обступали их, поздравляли и уступали дорогу.

Почти все солдаты оказались в сильно загрязнившихся гимнастерках с измятыми погонами, в грязной обуви, обросшими. Они шли беспорядочно, не строем».

Немецкий хозяин жаловался русскому военнопленному на его соотечественников:

«Русские все у немцев отнимают, а еще хуже — насилюют женщин, даже девочек, постоянно требуют спиртного и ходят пьяными, как будто ничего лучше на свете не существует».

Александр Захарович Лебединцев рассказывал мне, как оказался в освобожденной столице Австрии — Вене: «Мы зашли в армейский магазин. Это было красивое помещение с лепниной и росписью потолка и стен. Огромные витрины были просто “раскурочены”. Под ногами была масса погон, аксельбантов, пуговиц, фуражек и кобур всяких размеров. Мой напарник презентовал мне ранее пистолет “вальтер” с патронами, и я подобрал к нему кобуру. Ну и, конечно, везде было “заминировано” человеческими испражнениями. Но что нас особенно поразило, так это прилепленный к потолку хрустальной люстры человеческий кал. Мой напарник долго думал, как это можно было практически осуществить, и мы догадались: все было сделано на поднос и ловким взмахом прилеплено у богатейшей люстры. Право же, такое нарочно не придумаешь. Но я могу дать клятву, что видел это своими глазами. И так мстили наши воины за все прегрешения оккупантов на нашей земле».

По поводу русских насилий существует и другое мнение очевидцев. Так, Александр Зиновьев, писатель и философ с мировым именем, а тогда летчик штурмовой авиации, вспоминал: «Германия поразила нас также обилием общедоступных женщин. Практически доступны были все, начиная от двенадцатилетних девочек и кончая старухами. Сейчас мне иногда приходится слышать, будто советская армия насилвала немецких женщин.

В той мере, в какой мне была известна реальная ситуация, могу сказать, что это утверждение абсурдно. Когда мы вошли в Германию, немецкие женщины уже почти все были изнасилованы, если они вообще оказывали сопротивление. И почти все были заражены венерическими болезнями. В нашей армии за изнасилование судили военным трибуналом, а заболевших венерическими болезнями отправляли куда-то на принудительное лечение. Я видел однажды эшелон, полностью набитый такими больными. Вагоны (конечно, товарные) с больными сифилисом

были заперты снаружи, окна были затянуты колючей проволокой. В одной деревне нас распределили на ночлег по домам.

Хозяин дома, старик, вышел к нам и предложил в наше распоряжение дочь и внучку. В руках у него был лист бумаги, в котором расписывались те, кто пользовался его “гостеприимством”. Немцы чувствовали себя соучастниками Гитлера и виновниками в том, что немецкая армия творила в Советском Союзе. Они ожидали нечто подобное и со стороны советской армии. И готовы были услужить чем угодно, и в первую очередь — женским телом. Надо сказать, что советские солдаты эту возможность не упускали. Сколько из них заболело венерическими болезнями, трудно сосчитать».

Александр Захарович тоже считает, что насилий, как таковых, не было. По его мнению, европейские женщины, отдаваясь русскому, некоторым образом устраивали свою жизнь. Делали это добровольно и порой настойчиво. Причем скорее отдавались офицеру, нежели солдату. За золотым погоном было больше защиты, а также сытнее и теплее.

Он вспоминает: «Я впервые видел эту молодую немку с полугодовалым ребенком на руках. У стены стояла ее младшая сестра лет 16-17-ти. Старшая сестра предлагала через Алексея ее мне в сожительницы. Для нас это было дико и неправдоподобно. Я ушел, оставив даже радио. Приемник взял начальник отдела, так как имел свою машину “додж 3/4” со всякими другими трофеями. Спустя несколько часов после встречи я увидел и сестру Марии, сидящую за выпивкой на коленях у одного из офицеров связи».

Из рассказа Феликса Чуева: «В наши дни иной раз прочитаешь о том, как некрасиво вели себя советские солдаты в поверженной Германии: грабили, насиловали... Наверно, такие случаи были, но за них карали и сурово. Мне рассказывали, как на лесной поляне заседал военный трибунал, судивший нашего солдата за изнасилование немки. Потерпевшая была тут же. Мимо проезжал командующий фронтом. Остановился. Узнал, в чем дело. Спросил у немки, есть ли у нее претензии к солдату. Та отрицательно замотала головой.

— А его сейчас расстреляют. Вы хотите этого?

— Найн, найн! — закричала немка.

— Вот видите, — сказал Рокоссовский, — женщина не хочет, чтоб его расстреляли!

Солдат был спасен».

Из доклада военного прокурора 1-го Белорусского фронта Военному совету фронта о выполнении директив Ставки ВГК и Военного совета

фронта об изменении отношения к немецкому населению (2 мая 1945 г.): «Если расстрелы немцев в настоящее время почти совсем не наблюдаются, а случаи грабежа носят единичный характер, то насилия над женщинами все еще имеют место; не прекратилось еще и барахольство, заключающееся в хождении наших военнослужащих по бросовым квартирам, собирании всяких вещей и предметов и т.п.

Привожу ряд фактов, зафиксированных в последние дни:

25 апреля в г. Фалькензее был задержан заместитель командира 1-й батареи по техчасти 334-го гв. тяжелого самоходного артполка ст. лейтенант Энчиватов, который в нетрезвом состоянии ходил по домам и насиловал женщин.

Энчиватов арестован, дело следствием закончено и передано для слушания в военный трибунал.

Красноармейцы заставы 157-го отдельного погранполка Иванов и Мананков в г. Фронау, будучи в нетрезвом состоянии, зашли в дом одного немца. В этом доме Мананков изнасиловал больную немку Лизабет Люре. 22 апреля с. г. она была изнасилована группой наших военнослужащих, после чего отравила своего сына полутора лет, отравилась ее мать, и она сама пыталась отравиться, но была спасена. В состоянии болезни после отравления ее Мананков и изнасиловал. Иванов в это время изнасиловал немку Кирхенвиц.

Иванов и Мананков арестованы, дело следствием закончено и передано в военный трибунал для слушания.

Командир минометной роты 216-го стр. полка 76-й стр. дивизии ст. лейтенант Буянов самовольно объявил себя начальником патруля г. Бернау и в пьяном виде останавливал всех проходящих немцев, отбирая у них ценные вещи.

Буянов предан суду военного трибунала.

Начальник штаба 278-го стр. полка 175-й стр. дивизии подполковник Лосьев послал подчиненного ему лейтенанта в подвал, где скрывались немцы, чтобы тот выбрал и привел к нему немецкую женщину. Лейтенант приказание выполнил, и Лосьев приведенную к нему женщину изнасиловал.

Приказом Военного совета армии подполковник Лосьев отстранен от занимаемой должности и назначен с понижением.

22 апреля в населенном пункте Шенерлинде командир орудия 695-го артполка 185-й стр. дивизии старшина Дорохин в пьяном виде, угрожая оружием, на глазах у родителей изнасиловал 15-летнюю девочку.

Дорохин арестован и предан суду военного трибунала.

25 апреля завдел оперативного отдела штаба 79-го стр. корпуса лейтенант Курсаков в присутствии мужа и детей пытался изнасиловать пожилую немку.

Против Курсакова возбуждено уголовное преследование.

Можно привести еще целый ряд таких фактов и по другим соединениям.

Считаю необходимым подчеркнуть ряд моментов:

1. Командиры соединений и военные советы армий принимают серьезные меры к тому, чтобы ликвидировать факты безобразного поведения своих подчиненных, тем не менее отдельные командиры самоуспокаиваются тем, что некоторый перелом достигнут, совершенно забывая о том, что до их сведения доходят только о части насилий, грабежей и прочих безобразий, допускаемых их подчиненными.

Вследствие того, что один и тот же участок проходят различные соединения, отдельные командиры не прочь безобразия, которые имеют место и о которых им становится известно, сваливать на другие части. В беседе с командирами такая тенденция часто проскальзывает.

2. Насилиями, а особенно грабежами и барахольством, широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливают на наших военнослужащих.

3. Есть случаи, когда немцы занимаются провокацией, заявляя об изнасиловании, когда это не имело места. Я сам установил два таких случая.

Не менее интересно то, что наши люди иной раз без проверки сообщают по инстанции об имевших место насилиях и убийствах, тогда как при проверке это оказывается вымыслом.

Заслуживает интереса такого рода факт: когда я 27 апреля находился в 3-й ударной армии, было донесено, что командир 85-го танкового полка Чистяков в пьяном состоянии приводил к себе немок, насиловал их, а когда на крик одной немки военнослужащие хотели зайти в дом, где находился Чистяков, он отдал приказ развернуть самоходную установку и открыл стрельбу, убив при этом 4 человека и ранив 6 наших военнослужащих.

Я приказал заместителю военного прокурора армии и военному следователю немедленно выехать на место.

29 апреля прокурор армии шифром донес мне о том, что этот факт не подтвердился.....

«История Великой Отечественной войны завалена ложью, — говорит

Даниил Гранин. — До сих пор мы не имеем точных данных даже о потерях: эти цифры постоянно меняются, увеличиваются, сейчас говорят уже о 27 миллионах погибших. Пока еще не написана достаточно честная, объективная история этой войны. Так и не пересмотрены репутации советских полководцев. Мы привыкли судить по операциям, завершившимся более или менее благополучно. Но мы никогда не оценивали потери. Какой ценой достигались эти победы? У нас ведь с людьми не считались, воевали, что называется, мясом...»

На участке севернее Варшавы на Модлинском направлении противник удерживал на восточных берегах рек Висла и Нарев небольшой участок местности, упиравшийся своей вершиной в слияние этих рек и обтекаемый, с одной стороны, Вислой, а с другой — рекой Нарев. Некий треугольник, образованный этой местностью, был расположен в низине. И наступать на него можно было только в лоб... Берега двух рек значительно возвышались над местностью, которую войскам Рокоссовского приходилось штурмовать неоднократно. И с этих же высоких берегов немцы хорошо просматривали подступы к своим позициям.

Они их простреливали перекрестным артиллерийским огнем с позиций, расположенных за реками Нарев и Висла, а также еще и крепостной артиллерией, располагавшейся у слияния рек.

Большие потери, большой расход боеприпасов и бесполезные атаки выводили из себя Константина Константиновича.

«Мои неоднократные доклады Жукову о нецелесообразности этого наступления и доводы, что если противник и уйдет из этого треугольника, то мы все равно его занимать не будем, так как он нас будет расстреливать своим огнем с весьма выгодных позиций, не возымели действия, — вспоминал он. — От него я получал один ответ, что он не может уехать в Москву с сознанием того, что противник удерживает плацдарм на восточных берегах Вислы и Нарева.

Для того чтобы решиться на прекращение этого бессмысленного наступления вопреки желанию представителя Ставки, я решил лично изучить непосредственно на местности обстановку».

Для чего Рокоссовский выехал в первый эшелон (батальон 47-й армии) и до рассвета залег с офицерами на исходном положении для атаки.

«Я не буду описывать произведенного на меня эффекта огня наших средств, но то, что мне пришлось видеть и испытать в ответ на наш огонь со стороны противника, забыть нельзя, — писал в своих мемуарах маршал. — Не прошло и 10 минут от начала нашей артподготовки, как ее открыл и противник. Его огонь велся по нам с трех направлений: справа из-за Нарева

— косоприцельный, слева из-за Вислы — тоже косоприцельный и в лоб из крепости и фортов. Это был настоящий ураган, огонь вели орудия разных калибров, вплоть до тяжелых: крепостные, минометы обыкновенные и шестиствольные. Противник почему-то не пожалел снарядов и ответил нам таким огнем, как будто хотел показать, на что он еще способен. Какая тут атака! Тело нельзя было оторвать от земли, оно будто прилипло, и, конечно, мне лично пришлось убедиться в том, что до тех пор, пока эта артиллерийская система противника не будет подавлена, не может быть и речи о ликвидации занимаемого противником плацдарма. А для подавления этой артиллерии у нас средств сейчас не было».

В результате Константин Константинович приказал подать сигнал об отмене атаки, а по телефону передал командармам 47-й и 70-й армий о прекращении наступления.

«На свой фронтовой КП я возвратился в состоянии сильного возбуждения и не мог понять упрямства Жукова. Что, собственно, он хотел этой своей нецелесообразной настойчивостью доказать? Ведь не будь его здесь у нас, я бы давно от этого наступления отказался, чем сохранил бы много людей от гибели и ранений и сэкономил бы средства для предстоящих решающих боев. Вот тут-то я еще раз окончательно убедился в ненужности этой инстанции — представителей Ставки — в таком виде, как они использовались».

Рокоссовский позвонил Верховному: «Сталин меня выслушал. Заметно было, что он обратил внимание на мое взволнованное состояние и попытался успокоить меня. Он попросил немного подождать, а потом сказал, что с предложением согласен, и приказал наступление прекратить, войскам фронта перейти к обороне и приступить к подготовке новой наступательной операции».

Не это ли тот самый момент истины, когда в очередной раз меркнет «полководческое мастерство» Жукова перед полководческим мастерством Рокоссовского?

Феликс Чуев о Рокоссовском: «... Что немаловажно, его любили и офицеры. Сергей Сергеевич Наровчатов, поэт, боевой офицер, рассказывал мне, что служил под командованием Жукова. Но когда в конце войны они узнали, что новым командующим у них будет Рокоссовский, все офицеры бросили вверх шапки и закричали “ура!”. Пишу это нисколько не в обиду Жукову, а как факт, рассказанный мне старшим товарищем по перу.

Голованов поведал мне, как произошла эта смена командующих фронтами.

Во время Висло-Одерской операции наши войска были ослаблены и не

смогли форсировать Вислу. Жуков как представитель Ставки, взялся командовать фронтом Рокоссовского и потерпел неудачу. Сталин позвонил Рокоссовскому:

— От кого, от кого, а от вас, Константин Константинович, не ожидал.

— А я здесь не командую, товарищ Сталин, — ответил Рокоссовский... Жуков был снят с поста заместителя Верховного и назначен на фронт Рокоссовского, а Рокоссовский — на фронт Жукова».

Маршал Рокоссовский вспоминал об этом так: «Уже был вечер. Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что я сгоряча тут же спросил:

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г.К. Жуков».

К слову, 12 ноября 1945 г. Приказом Ставки ВГК № 220263 маршал Жуков был освобожден, как представитель Ставки ВГК от руководства операциями 1-го и 2-го Белорусских фронтов в связи с назначением командующим войсками 1-го Белорусского фронта. С 1-го по 13-е ноября он находился в Ставке ВГК в Москве. 14-го поездом выехал из Москвы и 15-го прибыл в штаб фронта.

В 1966 г. на специальной беседе у начальника Главного политического управления СА и ВМФ генерала А.А. Епишева о возможности закончить войну раньше и захватить Берлин (по утверждению в мемуарах Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова) выступил и Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. В частности он сказал:

— У меня был крупный разговор со Сталиным, когда меня переводили с 1-го Белорусского фронта на 2-й Белорусский фронт, а командующим 1-м Белорусским фронтом назначали Жукова. Я выразил свое неудовольствие в связи с новым моим назначением. Сталин спросил: «А что Жуков менее вас грамотен?» — «Нет, — говорю, — он Ваш первый заместитель» — «Ну, то-

то!» — сказал Сталин.

Сталин далее пояснил: «Создается три фронта, на которые возложена задача закончить войну. Эта тройка должна действовать вместе. Если Жуков задержится, вы ему поможете с севера. Ваше направление тоже очень важное. 3-й Белорусский фронт нацелил свой удар вдоль моря, он связался с Восточно-Прусской группировкой и не может помочь наступлению на Берлин».

Но и я не помог Жукову. Ведя тяжелые бои, наш фронт слишком растянулся. Разрыв между 1-м и 2-м Белорусским фронтами достиг 70 км. Немцы имели возможность ударить в этот разрыв.

Я сам поставил вопрос перед Ставкой о том, чтобы рассечь Померанскую группировку с помощью Жукова. Ставка согласилась усилить нас. Во взаимодействии с правым крылом 1-го Белорусского фронта мы рассекли и уничтожили Померанскую группировку противника. В той обстановке иного решения и не могло быть.

Тов. Чуйков в своем выступлении пытался доказать, что у немцев в феврале 1945 г. не было достаточно войск. А почему же 1-й Белорусский фронт долго топтался на Берлинском направлении, если сил у противника не было? Нет, у немцев было много сил, потому-то они и оказали серьезное сопротивление.

Если бы мы в феврале 1945 г. повели наступление на Берлин, оно могло бы сорваться, и неизвестно еще, какие отношения сложились бы у нас с союзниками.

Мы напрасно сейчас деремся...

Когда Хрущев во всеуслышание объявит культ личности Сталина, то как-то попросит Константина Константиновича написать про вождя статью. Однако он, сидевший перед войной в «Крестах», в отличие от Жукова откажется, заявив:

— Товарищ Сталин для меня святой!

Из дневника русского танкиста Ивана Сергеевича Панарина (2 мая 1945 года):

«Утром нам дан приказ: “Вперед! И занять город Росток” Мы ехали по шоссе. Изредка встанем, сделаем два-три выстрела по дому, стоящему справа или слева от шоссе за несколько сотен метров, — и дальше. Скоро показался город Росток. Мы видим, как на станцию прибывают эшелоны и со станции отходят наши ИС и Т-34. Стали обстреливать станцию, она скоро загорелась. Мы вошли в Росток. Ехали около станции: горели постройки, вагоны, и вдруг раздался взрыв — это взорвался эшелон,

грузенный бомбами, осколки прилетели даже на трансмиссию нашей машины, и овеяло таким дымом и пылью, что ничего не было видно. Мы ехали по улице, Федя дал больше хода. На улицах Ростoka висели на каждом доме белые и красные флаги. Население забило все улицы, нам на машину бросали сигары, сигареты, конфеты, печенье. Мы проскочили на окраину Ростoka и встали в оборону. Постояли немного: нас, две машины, послали километров за десять в город Кляйнхац, где мы встали в оборону на окраине города. Наших войск еще не было, мы вошли первые. Город тоже был полон немецких граждан и увешан нашими флагами и немецкими без свастики. Нам давали вина, пива, сигар, печенье. Мы встали недалеко от моря, возле одного дома в порту. На море дымили немецкие пароходы, их было много. Они по нам стреляли, и мы по ним тоже. В доме находилась одна старушка-немка да русский парень с женой, они поженились в Германии. Они калининские, она, кажется, белоруска, интересная молодая женщина с ребенком, ей было лет двадцать, и ребенку два г., очень он был забавен. Она нам приготовила ужин. Муж ее, Гришка, залез в танк Петрова, наслаждался там водкой с экипажем. Мы все были навеселе, Федя тоже, кажется, выпивал с Семеновым, а Гришка ушел искать фрау. Я остался один с этой женщиной, звали ее Валя. Она ушла в другую комнату, где спал ее сын, и пригласила меня под предлогом, что она боится. Я зашел с ней туда, она меня спрашивала: что теперь наши сделают с ней в России, что сделают с мужем? Я ее успокаивал, что ничего: мужа могут не отпустить, взять в армию, а вас отправят домой и т.д. Гришки не было долго, потом они пришли. Как она говорила, муж ее ревнив, но он был пьян, и мы пошли — он, Семенов и я — по домам, достали кое-что. Немцев, бедных, перепугали, они нас в каждом доме угощали вином. Было уже час ночи или больше, а потом мы пошли в гостиницу, где, оказывается, находился и Гришка, но мы его не нашли, он пировал с русскими девчатами. В гостинице много было всевозможных закусок и выпивок, во всех комнатах горели электролампочки. Мы по ним стреляли из пистолетов. Семенов нашел в одной из комнат немку и остался с ней ночевать, а я пошел к машинам. Возле машин не было никого: все были пьяные».

Фоторепортер газеты «Прац» Виктор Темин благодаря знакомству с маршалом Жуковым и с его разрешения на самолете облетел рейхстаг со стороны западного фасада и осуществил съемку, когда на его куполе флага еще не было. Это было первого мая, а второго он уже летел в Москву и, прибыв в редакцию, отпечатав снимок — отдал его ретушеру. Тот пририсовал гигантских размеров развевающийся флаг, хотя на снимке в

соответствии с масштабом он должен был бы выглядеть, как маленькая точка. Примечательно, что на обороте снимка Темин указал дату: 2 мая.

Днем 2-го мая Р. Кармен реконструировал события двухдневной давности. Несколько бойцов со своими командирами выполняли режиссерское задание под прицелом объектива его камеры. Как пишет Николай Ямской, «однако отсвет подлинности в отснятом, конечно же, был. Ведь это именно они — правда, не днем, а ночью — два дня назад под пулями и со смертельным риском для себя бежали по этой лестнице, привязывали свои флажки, вели бой и по его окончании, задрвав автоматные стволы, салютовали самому, наверное, счастливому дню в своей жизни».

Все дело в том, что в первом эшелоне рейхстаг штурмовали всего три доукомплектованных батальона. 30 апреля, не имея поддержки из-за особенностей застройки на подходах к главному зданию, им не удалось с ходу ворваться в рейхстаг. Были большие потери.

«Успешной оказалась лишь последняя, наиболее подготовленная атака под покровом темноты, — рассказывает автор статьи “Тайна безымянных знаменосцев”. — После сильнейшего артналета, примерно в 22.00, передовой отряд, в котором смешались бойцы батальона Неустроева, участники штурмовой группы капитана В. Макова и разведчики Сорокина, наконец-то ворвался в рейхстаг. Многие воины несли с собой самодельные красные флажки, большинство которых закрепили тут же у центрального западного входа. Особое задание командования 79-го корпуса выполнили разведчики-артиллеристы из добровольческой группы капитана Макова — старшие сержанты А. Лисименко, А. Бобров, Г. Загитов и сержант М. Минин. В ходе ночного боя в рейхстаге они сумели пробиться на крышу и примерно в 22.40 закрепить знамя в короне восседающей на коне женщины — части той самой скульптурной композиции, которая олицетворяла Германию. Именно это знамя стало первым поднятым над рейхстагом знаком Победы.

О знамени, специально предназначенном Военным советом армии для такого случая, вспомнили лишь ночью. Спohватившись, прибывший в рейхстаг полковник Зинченко вызвал заждавшихся в его штабе Егорова и Кантарию, приказал Неустроеву выделить охранение и провести сержантов наверх. Под командой замполита батальона лейтенанта А. Береста и в сопровождении группы автоматчиков оба знаменосца без особых приключений, но со второй попытки выбрались на крышу над противоположным, восточным входом в рейхстаг. Здесь, на конной статуе канцлера Вильгельма, они без помех закрепили знамя.

В разразившемся поутру бою контратакующая артиллерия смела с

рейхстага почти все, что было там красного. Но зная Военного совета судьба хранила. Оно уцелело вплоть до полной капитуляции рейхстаговского гарнизона утром 2 мая. И во второй половине дня по приказу командира полка Зинченко было перенесено его знаменосцами на купол».

Из дневника русского танкиста Ивана Сергеевича Панарина (3 мая 1945 года):

«Утром похмелились, ребята разошлись кто куда. Я остался с Валецкой, она просила, чтобы я не уходил. Ребята поналивались, отобрали легковые машины у немцев и катались по городу с немками и русскими девчатами. Под вечер ребята собрались. Мы с Гришкой пошли в одно имение к помещику, отобрали двое часов, штук сто (целую корзину) яиц и направились к машинам. Но вдруг нам навстречу попадает один старшина с отарой русских девчат, все пьяные, они его вели, чтобы он при них застрелил того помещика, у которого они работали, за то, что тот над ними издевался. У них было вино, нас угостили изрядно, и мы пошли с ними. Старшина хотел застрелить помещика в доме, но я предложил увести, чтобы семья не видела. Захватив кабана с собой, пришли в барак, где жили его рабочие. Они нас обступили — русские, поляки, французы, чехи, итальянцы, бельгийцы, — и каждый жаловался на плохое отношение к ним. Старшина сделал выстрел, но легко ранил, помещик только крикнул и продолжал стоять. Я из пистолета произвел выстрел в большой его живот, и он упал, как сноп, продолжая ворошиться. Гришка очередь из автомата добил его. Скоро мы увидели, как по шоссе пошли наши танки. Я понял, что машина наша ушла на другое место, все мы пошли к машине, но ее уже там не было. Я пошел искать. В городе были самоходки, а наших танков не было, я ночевал с артиллеристами.

5 мая

Прибыли американские и английские войска с фотоаппаратами. Нас сфотографировали. По-русски не знают. Накручивая усы себе, кричат: «Шталин! Шталин!. Был парад, то есть митинг, а после угощение в честь соединения с союзниками. Относились друг к другу очень дружелюбно.

6 мая

Я поехал на попутной машине искать свою часть по указкам, приехал в тылы 3-го батальона. Оттуда Пихтин направлялся в батальон, он почему-то остался в тылах: кажется, било масло на танке. Много было отставших танкистов, которые ехали в батальон, я поехал с ними. Проехав километров десять, остановились ночевать в городе Гюстров. Расположились в доме,

где проживали шесть немков. Мы натащили курей, сготовили ужин, а после ночевали ночь.

9 мая

Узнали о капитуляции Германии утром, был митинг...»

Александр Захарович Лебединцев встретил Победу иначе:

«В 23 часа дежурная телефонистка с коммутатора позвонила о том, что в полночь будет передано по радио важное правительственное сообщение, чтобы я телефонную трубку держал у уха, так как радиопередача будет транслироваться по телефонной сети.

Я, конечно, так и поступил. Ровно в полночь слышал голос Левитана, который то затухал, то возникал вновь. Только и понял, что Днем Победы считать 9 мая. Я выбежал на крылечко дома и разрядил восемь выстрелами всю обойму вверх... Стоявший рядом часовой спросил: “Зачем вы это, товарищ капитан?” — “Победа, браток, победа, пали и ты, салютуй!! Он выпустил вверх весь свой диск из автомата. Только минут через пять началось всеобщее салютование, выстрелами из винтовок, автоматов и пистолетов, а потом подключилась и зенитная артиллерийская батарея, стоявшая рядом. Я позвонил начальнику оперативного отдела полковнику Гавришу и начальнику штаба армии генерал-майору Бирману.

Вскоре я слышал знакомый мне еще с 1941 г. звук авиационного мотора разведчика-корректировщика Хеншель-126. Уже весной 1942 г. он был снят с вооружения, а тут, как призрак, появился вновь. На лунном небе я опознал его силуэт. Видимо, заметив по вспышкам выстрелы зенитных орудий, немецкий ас бросил пару бомб по этой батарее. Один зенитчик был убит и двое ранены. Их позиции были в ста метрах от занимаемого нами домика... Вот когда я подумал, как обидно погибать после объявления мира на земле. Вот так, почти незаметно, прошла та победная ночь, которой мы ожидали долгих четыре года, или 1418 суток».

Последними в Великой Отечественной войне погибли 56 солдат 99-го отдельного мотоциклетного батальона, шедшего в авангарде 2-го Гвардейского мехкорпуса к городу Пршибрам, находящегося в 60 км от Праги. Они первыми подоспели к месту боя партизан из бригады «Смерть фашизму!», которые несли значительные потери под натиском прорывающихся к американцам эсэсовцев.

Это был последний бой той войны с самыми большими потерями.

Два солдата, Муханас Гелманов и Михаил Гусев завершили этот скорбный список.

Почему мы выиграли войну? Почему победили?

«Мы выиграли войну исключительно потому, что она была справедливая. Мы обороняли свою землю от оккупантов, мы защищались от расизма, от желания считать нас людьми второго сорта. Справедливые войны всегда приводят к победе...», — считает писатель Даниил Гранин. И это только первый аспект: справедливость войны.

Второй. Мы победили потому, что до войны в Советском Союзе за чрезвычайно короткий срок была создана мощнейшая индустрия, превратившая аграрную страну в индустриальную державу мира. Только мощная индустрия дала нам возможность в нарастающих темпах удовлетворять все возрастающие потребности войны.

Третий. Мы победили потому, что были созданы новые виды оружия.

Четвертый. Мы победили потому, что на войне мы учились воевать у своего врага, изобретая все новые теоретические и практические формы и способы вооруженной борьбы.

Пятый. Мы победили, потому, что война вычистила бездарностей и открыла широкий простор для полководческой деятельности талантливым военачальникам.

Шестой. Мы победили потому, что Верховный Главнокомандующий Сталин руководил вооруженной борьбой не по глобусу, проявляя великую мудрость как в государственных, так и военных вопросах. “Сталин являлся истинным руководителем вооруженной борьбы советского народа против фашистских захватчиков”, — скажет о нем главный маршал авиации Голованов;

Седьмой. Мы победили потому, что наш народ на своих плечах выдержал тяжелейшие испытания жестокой борьбы с фашизмом, защитил свою Родину, свое Отечество и спас мир от коричневой чумы. Но и это, наверное, еще не все...

В своей речи перед избирателями 9 февраля 1946 г. Сталин сказал:

— Теперь, пожалуй, все признают, что война действительно не была и не могла быть случайностью в жизни народов, что она превратилась на деле в войну народов за их существование, что именно поэтому она не могла быть скоротечной, молниеносной.

Что касается нашей страны, то эта война была самой жестокой и тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых в истории нашей Родины.

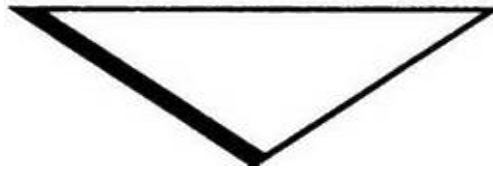
Но война была не только проклятием. Она была вместе с тем великой школой испытания и проверки всех сил народа. Война обнажила все факты и события в тылу и на фронте, она безжалостно сорвала все покровы и прикрытия, скрывавшие действительное лицо государств, правительств,

партий, и выставила их на сцену без маски, без прикрас, со всеми их недостатками и достоинствами. Война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю, нашему государству, нашему правительству...

В этом одна из положительных сторон войны.

...Итак, каковы итоги войны?

Существует один главный итог, на основе которого возникли все другие итоги. Этот итог состоит в том, что к исходу войны враги потерпели поражение, а мы вместе с нашими союзниками оказались победителями. Мы окончили войну полной победой над врагами, — в этом главный итог войны...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Александр Захарович Лебединцев не раз мне рассказывал о Кремлевском банкете по случаю Победы и про калеку войны, увиденного им в Арзамасе. Эти два эпизода из истории, как мне кажется, в совокупности и составляют стержень «окопной правды» войны...

Эпизод первый: «Этот рассказ я услышал от самого старшего из больных нашего неврологического отделения Центрального Красногорского военного госпиталя в самый канун 1974 г., когда сам уже год находился на пенсии. За ужином об опале маршала Георгия Жукова возник спор между одним из сотрудников журнала “Военный вестник” и лечившимся генерал-майором. По окончании ужина мы разместились в комнате отдыха на диванах. Спорщик-генерал вскоре убыл в палату, а в центре внимания оказался престарелый генерал-полковник, бывший в войну заместителем командующего войсками фронта и присутствовавший на банкете Победы. Начал он свой рассказ с того, что находится в преклонных годах, но еще нигде не прочитал сообщений о том, как проходил банкет для высшего командования Генерального штаба и фронтовых Членов Военного совета. И вот что рассказал участник Банкета.

Маршал Жуков находился за одним столом с Верховным Главнокомандующим, но в его персональную честь не было сказано ни слова. Всем присутствовавшим это показалось странным. Старшие военачальники стали знаками подавать ему сигнал на перекур. Жуков попросил Сталина сделать перерыв. Вождь дал разрешение. Сам он курил трубку за столом, а все вышли в курительную комнату. Здесь же командующие войсками фронтов попросили маршала Жукова начать короткое выступление, чтобы они могли продолжить здравицу в честь первого маршала Победы.

Жуков свое выступление — тост начал примерно так: “Если бы меня спросили: когда за всю войну мне было тяжелее всего, то я бы ответил, что осенью и зимой при обороне Москвы, когда практически решалась судьба Советского Союза”. Выслушав молча эту тираду Жукова, Сталин внезапно оборвал его словами: “Вот вы, товарищ Жуков, вспомнили оборону Москвы. Правильно, что это было очень трудное время. Это была первая победоносная битва нашей армии при защите столицы. А вы знаете, что многие ее защитники, даже генералы, получившие ранения и отличившиеся в боях, оказались не отмеченными наградами и могут не

получить их, т.к. стали инвалидами!” На этот упрек Жуков ответил так: “Товарищ Сталин, я, как и Вы, тоже не отмечен наградами за эту битву, хотя почти все работники Генерального Штаба награждены орденами Ленина (Шапошников, Антонов, Штеменко и др.). Вполне допускаю, что мною допущен в этом деле просчет, и мы поправим это”.

Тут Сталин ударил кулаком по столу так сильно, что хрустальная ножка высокого фужера обломилась, и красное вино пролилось на скатерть. Вождь, перебивая Жукова, сказал: “А вместе с тем вы не забыли наградить своих бл...ей”. Наступила гробовая тишина, в ходе которой Сталин поднялся, удалился из-за стола и больше не вернулся».

Эпизод второй: «1946 год. Курсы переподготовки офицеров в Арзамасе. Ежедневно проходя строем по улицам города, мы видели сидящего на крылечке лейтенанта без обеих рук, оторванных или ампутированных по самые плечевые суставы, без обеих глаз и с исковерканной нижней челюстью. Так вот, каждый раз, когда наша группа шла мимо бойца-инвалида, старшина курса майор Кавун всегда подавал строю команду: “Смирно! Равнение — налево!” И мы, чеканя шаг, маршировали перед этим трижды калекой, изуродованном еще в 1941 г. Он вскакивал и провожал строй поворотом головы.

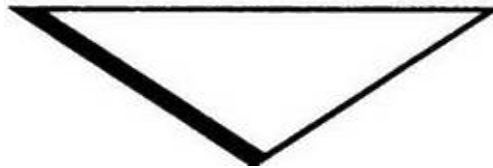
Жизнь в ту пору была трудная. Полстраны лежало в руинах. Государство вряд ли платило арзамасскому страдальцу-лейтенанту достойную пенсию, которой бы хватало на безбедное существование. Но, думается, воинские почести, оказываемые ему почти ежедневно, скрашивали невеселые будни столь страшно пострадавшего на войне человека (...) И еще мне порой кажется, что именно вот такого калеку следовало бы изваять и поместить на постамент на самое видное место, а не советского фельдмаршала-победителя на бронзовом коне. Именно такой инвалид достоин был памятника еще при жизни. Но вряд ли получил обелиск даже после смерти. Как наверняка не получили обелисков на местах своего последнего упокоения те сотни тысяч рядовых солдат, лишившихся рук и ног в боях, которыми великая держава в свое время смогла выделять лишь жалкие крохи, хватавшие лишь на то, чтобы не умереть с голоду...»

Трудно сказать, какой бы разговор получился у маршала Жукова с тем калекой, если бы они встретились? Вероятнее всего, инвалид воспринял бы полководца и маршала согласно воинскому этикету и обыкновенной субординации. А Жуков сказал бы, какие-то, обычные в этом случае, ничего не значащие слова. Они не были конкурентами в полном смысле этого слова. Но если по «окопной правде», то кто победил в войне: маршал

или солдат?

А ведь мы помним и чтим маршала, но меньше всего солдата-окопника!

Для каждого участника Великой Отечественной война была разной. Для интенданта и комбата, командира взвода и командующего фронтом, командира дивизии и представителя Ставки ВГК, для солдата-окопника и военного врача, смершевца и военного прокурора. А в целом это и есть «окопная правда», отражающая общую картину того, что пережили наши люди тогда, чтобы победить фашизм и подарить нам чистое небо и вечный мир. Дай Бог навсегда!

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ОБРАЩЕНИЕ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА К НЕМЕЦКОМУ НАРОДУ В СВЯЗИ С НАЧАЛОМ ВОЙНЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Немецкий народ! Национал-социалисты! Одолеваемый тяжелыми заботами, я был обречен на многомесячное молчание. Но теперь настал час, когда я наконец могу говорить открыто.

Когда 3 сентября 1939 г. Англия объявила войну Германскому рейху, снова повторилась британская попытка сорвать любое начало консолидации и вместе с тем подъема Европы посредством борьбы против самой сильной в данное время державы континента.

Так некогда Англия после многих войн погубила Испанию. Так вела она войны против Голландии. Так сражалась позже с помощью всей Европы против Франции. И так на рубеже столетия она начала окружение тогдашней Германской империи, а в 1914 г. — мировую войну.

Только из-за отсутствия внутреннего единства Германия потерпела поражение в 1918 г. Последствия были ужасны. После того как первоначально было лицемерно объявлено, что борьба ведется только против кайзера и его режима, когда немецкая армия сложила оружие, началось планомерное уничтожение Германской империи. В то время, как казалось, дословно сбывается пророчество одного французского государственного деятеля, что в Германии 20 миллионов лишних людей, то есть нужно устранить с помощью голода, болезней или эмиграции, национал-социалистическое движение начало свою работу по объединению немецкого народа и тем самым положило путь к возрождению Империи.

Этот новый подъем нашего народа из нужды, нищеты и позорного неуважения к нему проходил под знаком чисто внутреннего воздержания. Англию, в частности, это никак не затрагивало и ничего ей не угрожало. Несмотря на это, моментально возобновилась вдохновляемая ненавистью политика окружения Германии. Изнутри и извне плелся известный нам заговор евреев и демократов, большевиков и реакционеров с единственной целью помешать созданию нового национального государства и снова погрузить рейх в пучину бессилия и нищеты.

Кроме нас, ненависть этого международного всемирного заговора была обращена против тех народов, которым тоже не повезло, и они были

вынуждены зарабатывать хлеб насущный в самой жестокой за существование. Прежде всего оспаривалось и даже формально запрещалось право Италии и Японии, как и Германии, на свою долю в богатствах этого мира. Союз этих наций был поэтому лишь актом самообороны против угрожавшей им эгоистической всемирной коалиции богатства и власти.

Еще в 1936 г. Черчилль заявил, по словам американского генерала Вуда, перед комитетом Палаты представителей США, что Германия снова становится слишком сильной и поэтому ее нужно уничтожить.

Летом 1939 г. Англии оказалось, что настал момент начать это вновь задуманное уничтожение с повторения широкомасштабной политики окружения Германии.

Систематическая кампания лжи, которая была организована с этой целью, была направлена на то, чтобы убедить другие народы, будто над ними нависла угроза, поймать их сначала в ловушку английских гарантий и обещаний поддержки, а потом, как накануне мировой войны, заставить их воевать против Германии.

Так Англии удалось с мая по август 1939 г. распространить в мире утверждение, будто Германия непосредственно угрожает Литве, Эстонии, Финляндии, Бессарабии, а также Украине. Часть этих стран с помощью подобных утверждений отклонили обещанные гарантии, и они тем самым сделали частью фронта окружения Германии.

При этих обстоятельствах я, сознавая свою ответственность перед своей совестью и перед историей немецкого народа, считал возможным не только заверить эти страны и их правительства в лживости британских утверждений, но и, кроме того, специально успокоить самую сильную державу Востока с помощью торжественных заявлений о границах сфер наших интересов.

Национал-социалисты! Вы все, конечно, чувствовали тогда, что этот шаг был для меня горьким и трудным. Никогда немецкий народ не испытывал враждебных чувств к народам России. Только на протяжении двух последних десятилетий еврейско-большевистские правители Москвы старались поджечь не только Германию, и всю Европу. Не Германия пыталась перенести свое националистическое мировоззрение в Россию, а еврейско-большевистские правители в Москве неуклонно предпринимали попытки навязать нашему и другим европейским народам свое господство, притом не только духовное, но прежде всего военное.

Но результатами деятельности этого режима во всех странах были только хаос, нищета и голод. В противовес этому я два десятилетия

старался при минимальном вмешательстве и без разрушения нашего производства построить в Германии новый социалистический порядок, который не только ликвидировал безработицу, но и обеспечил благодаря повышению оплаты труда постоянный приток людей в сферу созидания.

Успехи этой политики новых экономических и социальных отношений в нашем народе, которые, планомерно преодолевая сословные и классовые противоречия, имеют своей конечной целью создание подлинного народного сообщества, уникальны во всем мире.

Поэтому в августе 1939 г. для меня было таким трудным решением послать моего министра в Москву, чтобы попытаться там оказать противодействие британской политике окружения Германии. Я сделал это не только сознавая свою ответственность перед немецким народом, но прежде всего в надежде достичь в конечном счете продолжительной разрядки, которая могла бы уменьшить жертвы, которые потребовались бы от нас в противном случае.

После того как Германия в Москве торжественно признала указанные в договоре области и страны — за исключением Литвы — находящимися вне сферы каких бы то ни было германских политических интересов, было заключено еще особое соглашение на этот случай, если бы Англии действительно удалось подтолкнуть Польшу к войне против Германии. Но и в этом случае имело место ограничение немецких притязаний, которые никоим образом не соответствовало успехам немецкого оружия.

Национал-социалист! Последствия этого договора, которого я сам хотел и который заключил в интересах немецкого народа, были особенно тяжелыми для немцев, живших в затронутых им странах. Более полумиллиона наших соплеменников — сплошь мелкие крестьяне, ремесленники и рабочие — были вынуждены чуть ли не за одну ночь покинуть свою бывшую родину, спасаясь от нового режима, который грозил им сначала беспредельной нищетой, а рано или поздно — полным истреблением. Несмотря на это, тысячи немцев исчезли! Было невозможно узнать что-либо об их судьбе или хотя бы местонахождении. Среди них было более 160 граждан рейха.

Я молчал обо всем этом, потому что должен был молчать, потому что моим главным желанием было достичь окончательной разрядки и, если возможно, — длительного баланса интересов с этим государством.

Но еще во время наступления наших войск в Польше советские правители внезапно, вопреки договору, выдвинули притязания также на Литву.

Германский рейх никогда не имел намерения оккупировать Литву и не

только не предъявлял никаких подобных требований литовскому правительству, но, наоборот, отклонил просьбу тогдашнего литовского правительства послать в Литву немецкие войска, поскольку это не соответствовало целям германской политики.

Несмотря на это, я согласился и на это новое русское требование. Но это было лишь началом непрерывной череды все новых и новых вымогательств.

Победа в Польше, достигнутая исключительно силами немецкой армии, побудила меня снова обратиться к западным державам с мирным предложением. Оно было отклонено международными и еврейскими поджигателями войны. Но причина его отклонения уже тогда заключалась в том, что Англия все еще надеялась, что ей удастся мобилизовать против Германии европейскую коалицию, включая балканские страны и Советскую Россию.

В Лондоне решили направить послом в Москву мистера Крипса. Он получив четкое задание при любых обстоятельствах восстановить отношения между Англией и Советской Россией и развивать их в английских интересах. О прогрессе этой миссии сообщала английская пресса, если тактические соображения не вынуждали ее к молчанию.

Осенью 1939 г. и весной 1940 г. первые последствия стали свершившимися фактами. Приступив к подчинению военной силой не только Финляндии, но и прибалтийских государств, Россия внезапно стала мотивировать эти действия столь же лживыми, как и смехотворным утверждением, будто эти страны нужно защищать от угрозы извне или предупредить ее. Но при этом могла иметься в виду только Германия, так как ни одна другая держава вообще не могла ни проникнуть в зону Балтийского моря, ни вести там войну. Несмотря на это, я опять смолчал. Но правители в Кремле сразу же пошли дальше.

В то время, как Германия войной 1940 г. в соответствии с.н. Пактом о дружбе, далеко отодвинула свои войска от восточной границы и большей частью вообще очистила области от немецких войск, уже началось сосредоточение русских сил в таких масштабах, что это можно было расценивать только как умышленную угрозу Германии.

Согласно одному заявлению, сделанному тогда лично Молотовым, уже весной 1940 г. только в прибалтийских государствах находились 22 русские дивизии.

Так как русское правительство само постоянно утверждало, что их призывало местное население, целью их дальнейшего пребывания там могла быть только демонстрация против Германии.

В то время, как наши солдаты 10 мая 1940 г. сломила франко-британскую силу на Западе, сосредоточение русских войск на нашем Восточном фронте постепенно принимало все более угрожающие размеры. Поэтому с августа 1940 г. я пришел к выводу, что интересы рейха будут подорваны роковым образом, если перед лицом этого мощного сосредоточения большевистских дивизий мы оставим незащищенными наши восточные провинции, которые и так уже не раз опустошались.

Произошло то, на что было направлено англо-советское сотрудничество, а именно: на востоке были связаны столь большие немецкие силы, что руководство Германии не могло больше рассчитывать на радикальное окончание войны на Западе, особенно в результате действий авиации.

Это соответствовало цели не только британской, но и советской политики, ибо как Англия, так и Советская Россия хотели, чтобы эта война длилась, как можно дольше, чтобы ослабить всю Европу и максимально обессилить ее.

Угрожающее наступление России также в конечном счете служило только одной задаче: взять в свои руки важную основу экономической жизни не только Германии, но и всей Европы или, в зависимости от обстоятельств, как минимум уничтожить ее. Но именно Германский рейх с 1933 г. с бесконечным терпением старался сделать государства Юго-Восточной Европы своими торговыми партнерами. Поэтому мы были больше всех заинтересованы в их внутренней государственной консолидации и сохранении в них порядка. Вторжение России в Румынию и союз Греции с Англией угрожали вскоре превратить и эти территории в арену всеобщей войны.

Вопреки нашим принципам и обычаям я в ответ на настоятельную просьбу тогдашнего румынского правительства, которое само было повинно в таком развитии событий, дал совет ради мира уступить советскому шантажу и отдать Бессарабию.

Но румынское правительство считало, что сможет оправдать этот шаг перед своим народом лишь при том условии, если Германия и Италия в порядке возмещения ущерба, дадут как минимум гарантию нерушимости границ оставшейся части Румынии.

Я сделал это с тяжелым сердцем. Причина понятна: если Германский рейх дает гарантию, это означает, что он за нее ручается. Мы не англичане и не евреи.

Я верил до последнего часа, что послужу делу мира в этом регионе, даже если приму на себя тяжелые обязательства. Но чтобы окончательно

решить эти проблемы и уяснить русскую позицию по отношению к рейху, испытывая давление постоянно усиливающейся мобилизации на наших восточных границах, я пригласил господина Молотова в Берлин.

Советский министр иностранных дел потребовал прояснения позиции или согласия Германии по следующим 4 вопросам:

1-й вопрос Молотова:

Будет ли германская гарантия Румынии в случае нападения Советской России на Румынию направлена также против Советской России?

Мой ответ:

Германская гарантия имеет общий и обязательный для нас характер. Россия никогда не заявляла нам, что, кроме Бессарабии, у нее вообще есть в Румынии еще какие-то интересы. Оккупация Северной Буковины уже была нарушением этого заверения. Поэтому я не думаю, что Россия теперь вдруг вознамерилась предпринять какие-то дальнейшие действия против Румынии.

2-й вопрос Молотова:

Россия опять ощущает угрозу со стороны Финляндии и решила, что не будет этого терпеть. Готова ли Германия не оказывать Финляндии поддержки и, прежде всего, немедленно отвести назад немецкие войска, которые продвигаются к Киркенесу на смену прежним?

Мой ответ:

Германия по-прежнему не имеет в Финляндии никаких политических интересов, однако правительство Германского рейха не могло быть терпимо к новой войне России против маленького финского народа, тем более мы никогда не могли проверить в угрозу России со стороны Финляндии. Мы вообще не хотели бы, чтобы Балтийское море опять стало театром военных действий.

3-й вопрос Молотова:

Готова ли Германия согласиться с тем, что Советская Россия предоставит гарантию Болгарии и советские войска будут для этой цели посланы в Болгарию, причем он, Молотов, захотел бы заверить, что это не будет использовано как повод, например, для свержения царя?

Мой ответ:

Болгария — суверенное государство, и мне неизвестно, обращалась ли вообще Болгария к Советской России с просьбой о гарантии подобно тому, как Румыния обратилась к Германии. Кроме того, я должен обсудить этот вопрос с моими союзниками.

4-й вопрос Молотова:

Советской России при любых обстоятельствах требуется свободный

проход через Дарданеллы, а для его защиты необходимо создать несколько важных военных баз на Дарданеллах и на Босфоре. Согласится с этим Германия или нет?

Мой ответ:

Германия готова в любой момент дать свое согласие на изменение статуса проливов, определенного соглашением в Монте в пользу черноморских государств, но Германия не готова согласиться на создание русских военных баз в проливах.

Национал-социалисты! Я занял в данном вопросе позицию, которую только и мог занять как ответственный вождь Германского рейха и как сознающий свою ответственность представитель европейской культуры и цивилизации. Результатом стало усиление советской деятельности, направленной против рейха, прежде всего немедленно был начат подкоп под новое румынское государство, усилились и попытки с помощью пропаганды свергнуть болгарское правительство.

С помощью запутавшихся, незрелых людей из румынского Легиона удалось инсценировать государственный переворот, целью которого было свергнуть главу государства генерала Антонеску, ввергнуть страну в хаос и, устранив законную власть, создать предпосылки для того, чтобы обещанные Германией гарантии не могли вступить в силу.

Несмотря на это, я продолжал считать, что лучше всего хранить молчание.

Сразу же после краха этой авантюры опять усилилась концентрация русских войск на восточной границе Германии. Танковые и парашютные войска во все большем количестве перебрасывались на угрожающе близкое к германской границе расстояние. Германский вермахт и германская родина знают, что еще несколько недель назад на нашей восточной границе не было ни одной немецкой танковой или моторизованной дивизии.

Но если требовалось последнее доказательство того, что, несмотря на все опровержения и маскировку, возникла коалиция между Англией и Советской Россией, то его дал югославский конфликт.

Пока я предпринимал последнюю попытку умиротворения Балкан и, разумеется, вместе с дуче предложил Югославии присоединиться к Тройственному пакту, Англия и Советская Россия совместно организовали путч, и за одну ночь устранили тогдашнее правительство, готовое к взаимопониманию. Сегодня об этом можно рассказать немецкому народу: антигерманский государственный переворот в Сербии произошел не только под английскими, но, и прежде всего под советскими знаменами. Поскольку мы промолчали и об этом, советское руководство сделало

следующий шаг. Оно не только не организовало путч, но и несколько дней спустя заключило со своими новыми ставленниками известный Договор о дружбе, призванный укрепить волю Сербии оказать сопротивление умиротворению на Балканах и натравить ее на Германию. И это не было платоническим намерением. Москва требовала мобилизации сербской армии.

Поскольку я продолжал считать, что лучше не высказываться, кремлевские правители сделали еще один шаг. Правительство германского рейха располагает сегодня документами, из которых явствует, что Россия, чтобы окончательно втянуть Сербию в войну, обещало ей поставить через Салоники оружие, самолеты, боеприпасы и прочие военные материалы против Германии. И это происходило в тот самый момент, когда я еще советовал японскому министру иностранных дел д-ру Мацуоке добиваться разрядки с Россией, все еще надеясь послужить этим делу мира.

Только быстрый прорыв наших несравненных дивизий к Скопье и занятие самих Салоник воспрепятствовали осуществлению этого советско-английского заговора. Офицеры сербских ВВС улетели в Россию и были приняты там как союзники. Только победа держав Оси на Балканах сорвала план втянуть Германию этим летом в многомесячную борьбу на юго-востоке, а тем временем завершить сосредоточение советских армий, усилить их боевую готовность, а потом вместе с Англией, с надеждой на американские поставки задушить и задавить Германский рейх и Италию.

Тем самым Москва не только нарушила положение нашего пакта о дружбе, но и жалким образом его предала. И в то же время правители Кремля до последней минуты, как и в случаях с Финляндией и Румынией, лицемерно уверяли внешний мир о своем стремлении к миру и дружбе и составляли внешне безобидные опровержения.

Если до сих пор обстоятельства вынуждали меня хранить молчание, то теперь настал момент, когда дальнейшее бездействие будет не только грехом попустительства, но и преступлением против немецкого народа и всей Европы.

Сегодня на нашей границе стоят 160 русских дивизий. В последние недели имеют место непрерывные нарушения этой границы, не только нашей, но и на дальнем севере и в Румынии. Русские летчики забавляются тем, что беззаботно перелетают эту границу, словно хотят показать нам, что они уже чувствуют себя хозяевами этой территории. В ночь с 17 на 18 июня русские патрули снова вторглись на территорию рейха и были вытеснены только после длительной перестрелки. Но теперь настал час, когда необходимо выступить против этого заговора еврейско-ангლოსакских

поджигателей войны и тоже еврейских властителей большевистского центра в Москве.

Немецкий народ! В данный момент осуществляется величайшее по своей протяженности и объему выступление войск, какое только видел мир. В союзе с финскими товарищами стоят бойцы победители при Нарвике у Северного Ледовитого океана. Немецкие дивизии под командой завоевателя Норвегии защищают вместе с финскими героями борьбы за свободу под командованием их маршала финскую землю. От Восточной Пруссии до Карпат развернуты соединения немецкого восточного фронта. На берегах Прута и в низовьях Дуная до побережья Черного моря румынские и немецкие солдаты объединяются под командованием главы государства Антонеску.

Задача этого фронта уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и тем самым спасение всех.

Поэтому я сегодня решил снова вложить судьбу и будущее Германского рейха и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Господь в этой борьбе!

2. ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ, ПЕРЕДАННОГО ВВС 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА В 23.00

... Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает.

Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен.

Я вижу их, охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся — да, ибо бывают времена, когда молятся все, — о безопасности своих близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры.

Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют истонные человеческие радости, где сменяются девушки и играют дети.

Я вижу, как на все это надвигаются гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами, только что усмирившими и связавшими по рукам и ногам десяток стран.

Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи.

Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще незажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу.

За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий... Я должен заявить о решении Правительства Его Величества, и уверен, что с этим решением согласятся в свое время великие доминионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки. Я должен сделать заявление, но можете ли вы сомневаться в том, какова будет наша

политика?

У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвлечь нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, наши враги...

Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы...

Это не классовая война, а война, в которую втянуты вся Британская империя и Содружество наций, без различия расы, вероисповедания или партии. Не мне говорить о действиях Соединенных Штатов, но я скажу, что если Гитлер воображает, будто его нападение на Советскую Россию вызовет малейшее расхождение в целях или ослабление усилий великих демократий, которые решили уничтожить его, то он глубоко заблуждается. Напротив, это еще больше укрепит и поощрит наши усилия спасти человечество от его тирании. Это укрепит, а не ослабит нашу решимость и наши возможности.

Сейчас не время морализировать по поводу безумия стран и правительств, которые позволили разбить себя поодиночке, когда совместными действиями они могли бы спасти себя и мир от этой катастрофы. Но когда несколько минут назад я говорил о кровожадности и алчности Гитлера, соблазнивших и толкнувших его на авантюру в России, я сказал, что за его преступлением скрывается один более глубокий мотив.

Он хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров, который, как ему известно, он должен завоевать, или же ему придется понести кару за свои преступления. Его вторжение в Россию — это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова. Он, несомненно, надеется, что все это можно будет осуществить до наступления зимы и что он сможет сокрушить Великобританию прежде, чем вмешаются флот и авиация Соединенных Штатов. Он надеется, что

сможет снова повторить в большом масштабе, чем когда-либо, тот процесс уничтожения своих врагов поодиночке, благодаря которому он так долго преуспевал и процветал, и что затем будет расчищена сцена для последнего акта, без которого были бы тщетны все его завоевания, а именно для покорения своей воле и подчинения своей системе западного полушария.

Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара. Усвоим же уроки, уже преподанные нам столь горьким опытом. Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни...

3. ВЫСТУПЛЕНИЕ И.В. СТАЛИНА ПО РАДИО 3 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

Товарищи! Граждане! Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное нападения гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, Западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражение от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при

выгодных условиях для немецких войск и невыгодных — для советских войск. Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отобилизованы и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отобилизоваться и продвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила Пакт о ненападении, заключенный в 1939 г. между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не смогла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение Пакта о нападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть Пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 г. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном неременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, Пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией Пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачая себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской

Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь Советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно поднять для того, чтобы разгромить врага.

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и

трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь Советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, не взирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижный железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного

паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджогов лесов, складов, обозов.

В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов

Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании господина Черчилля о помощи Советскому Союзу и Декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому

угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, создан Государственный Комитет Оборона, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Оборона приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина-Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

4. ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА И.В. СТАЛИНА 24 МАЯ 1945 г. (НЕПРАВЛЕННАЯ СТЕНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ)

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я как представитель нашего Советского Правительства хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и прежде всего русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура»).

Я пью прежде всего за здоровье русского народа, потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа, потому что он заслужил в этой войне и раньше заслужил звание, если хотите, руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны.

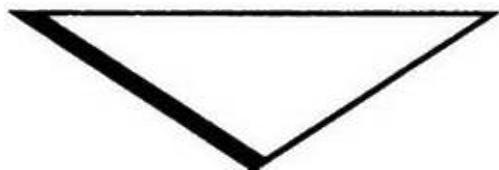
Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду.

Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству. Повторяю, у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением. Однако русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся.

Вот за это доверие нашему Правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое!

За здоровье русского народа! (бурные, долго не смолкаемые аплодисменты.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. АРХИВНЫЕ ФОНДЫ ДОКУМЕНТОВ (ОПУБЛИКОВАННЫХ И НЕОПУБЛИКОВАННЫХ):

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ)

- Фонд 344, опись 5564, дело 10, л.56.
- Фонд 221, опись 2454, дело 26, л.76.
- Фонд 221, опись 2454, дело 22, л.397.
- Фонд 221, опись 3038, дело 15, л.27.
- Фонд 221, опись 1334, дело 12, л.1.
- Фонд 221, опись 334, дело 12, л.3-4.
- Фонд 208, опись 3038, дело 12, л.2.
- Фонд 221, опись 394, дело 15, л.17.
- Фонд 48А, опись 1554, дело 3, л.257-259.
- Фонд 113, опись 3272, дело 5, л.1-2.
- Фонд 113А, опись 3272 ее, дело 5, л.1-2.
- Фонд 208, опись 3038, дело 15, л.3.
- Фонд 208, опись 0169, дело 7, л.1.
- Фонд 208, опись 4857, дело 11, л.48-49.
- Фонд 208, опись 2454, дело 4, л.25-30.
- Фонд 208, опись 0169, дело 17, л.59.
- Фонд 8, опись 930688, дело 63, л.69,96-97.
- Фонд 8, опись 930688, дело 63, л.137-145, 151-158.
- Фонд 8, опись 930688, дело 63, л.203-208.
- Фонд 8, опись 2513, дело 72, л.93-106.
- Фонд 8, опись 930688, дело 63, л.207.
- Фонд 8, опись 930688, дело 63, л.237-246.
- Фонд 7 гв. тбр, опись 1, дело 1, л.2,8,9,25-26.
- Фонд 7 гв.тбр, опись, дело 3, л.2,3.
- Фонд 7 гв. тбр, опись, дело 62, л.10.
- Фонд 35 гв. ап, опись 2, дело 2, л. 114, 189, 245,266, 272.
- Фонд 10630, опись 2, дело 6, л.59.
- Фонд 10630, опись, дело 6, л.12, 13,40.
- Фонд 860 ап, опись 187984 с, дело 5, л.5-6.

Фонд 860 ап, опись 187984 с, дело 1, л.1,19, 23.
Фонд 860 ап, опись 187984 с, дело 6, л.5,6,7.
Фонд 449, опись 530227, дело 21, л.42, 52.
Фонд 33, опись 690155, дело 4307, л. 195,196,228.
Фонд 449, опись 530227,дело 20, л.1.
Фонд 1 гв. мсбр, опись 496711,дело 1,л.63-71.
Фонд 1 гв. мсбр, опись, дело1,л.34.
Фонд 1 гв. мсбр, опись, дело 15, л.25.
Фонд 1 гв. мсбр, опись 22045, дело 2, л.83.
Фонд 1 гв. мсбр, опись, дело 5, л.7-8.
Фонд 1 гв. мсбр, опись 22045, д.1, л.18, 25-26.
Фонд 96 гв. сп. 30 гвхд., опись 14571, дело 5, л.20-30.
Фонд 96 гвхп. 30 гвхд., опись 161818, дело 5, л.140.
Фонд 206 зсп 3фр, опись 86599, дело 4, л. 27, 173.
Фонд 206 зсп 3фр, опись 267375, дело 54, л.329.
Фонд 206 зсп 3фр, опись 267375, дело 94, л.84-85.
Фонд 20 Азсп, опись 86599, дело 4, л.27,173.
Фонд 1 гв.тк, опись 2, дело 6,л.140.
Фонд 1 гв.тк,опись 2,дело 9,л.52.
Фонд 1 гв. тк, опись, дело 15,л.42.
Фонд 1 гв. тк, опись, дело 157, л.39.
Фонд 148 а, опись 3763, дело 107, л.177-184.
Фонд 96 а, опись 2011, дело 26, л.182-190.
Фонд 33, опись 686044, дело 147, л.307.
Фонд 233, опись 2380, дело 40,л.1-7.
Учетно-послужные карты из коллекции ЦАМО.
Карточки учета насажденных из коллекции ЦАМО.
Российский государственный военный архив (РГВА)
Фонд 4,опись 8, дело 55, л.44-45.
Фонд 4,опись 8, дело 56, л.55.
Фонд 4,опись 8, дело 56, л.59-60.
Фонд 4, опись 5, дело 27, л.575-607.
Фонд 4, опись 4, дело 2747, л.26.
Фонд 2584, опись 2, дело 530, л.238-245.
Архив Президента Российской Федерации (АПРФ)
Фонд 3, опись 64, дело 689, л.64-74.
Фонд 3, опись 50, дело 125, л.75-76.
Фонд 45, опись 1, дело 412, л.1-76,153-190.
Фонд 45, опись, дело 414, л. 5-85.

Фонд 45, опись, дело 415, л.1-96.

Фонд 45, опись, дело 416, л.12-104.

Фонд 45, опись, дело 417, л.1-2.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Фонд 74, опись 4, дело 377, л.1-127.

Фонд 82, опись 2, дело 511. л.112-113.

Фонд 556, опись 1, дело 1483, л.1-23.

2. БИБЛИОГРАФИЯ:

Анфилов В.Л. Загадка 1941 года. М., 2005.

Алтунин А. Повесть о тревожной молодости. М., 1981.

Астафьев В. Прокляты и убиты. М., 1994.

Астафьев В. Веселый солдат. СПб., 2002.

Быков В. Долгая дорога домой. Москва-Минск, 2005.

Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961.

Бунин А.Н. 170000 километров с Г.К. Жуковым. М., 1994.

Борисова В. Наше время. №38, 16-22 апреля, 2007.

Бондаренко В. Красная Звезда. № 104, 20-26 июня, 2007.

Бондаренко А. Красная Звезда № 19, 22-28 августа 2007.

Боевой устав пехоты Красной Армии. Ч. 1-2, М., 1942.

Волкогонов Д. Сталин. Кн. 2, М., 1996.

Васильев Б. Живая память. 1941-1945 гг. Т. 1, М., 1995.

Васильев Б. Век необычайный. М., 2003.

Васильев Б. Новая газета. 05-11 мая, 2005.

Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина. М., 1997.

Воюшин В.А., Горлов С.А. Военно-исторический журнал. № 6, 1991.

Владимиров Ю.В. Как я был в немецком плену. М.: Вече, 2007.

Военная одежда Вооруженных Сил СССР и России (1917-1990 гг.). М., 1999.

Великая Отечественная. // Русский архив, 2 (1), М., 1992.

Великая Отечественная. // Русский архив, 12 (1), М., 1993.

Великая Отечественная. // Русский архив, 4 (5), М., 1995.

Военный энциклопедический словарь. М., 1983.

Вторая мировая война в воспоминаниях. М., 1990.

Горьков Ю. Государственный Комитет постановляет. 1941-1945. М., 2002.

Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная. М., 2004.

Гороховский А. Факты и комментарии. Москва-Киев, 26 апреля, 2002.

Горбатов АВ. Годы и войны. М., 1980.

- Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск. 1998.
- Героическая оборона. Сборник воспоминаний. Минск. 1971.
- Григоренко П.Г В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк., 1981.
- Горбачевский Б. Ржевская мясорубка. 2007.
- Гареев М.Л. Полководцы Победы и их военное наследие. М., 2004.
- Гриф секретности снят. Сборник. М., 1993.
- Дейч М. Клио в багровых тонах. М., 2006.
- Добровольский А. Московский комсомолец. 22 июля, 2006.
- Ерошин В., Ямпольский В. Неизвестная Россия. Книга 2. М., 1992 г.
- Журин Л. Полярная правда. 22 июня, 1999.
- Жженов Г.В. Саночки. М., 1997 г.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Том 1, 2, 3. М., 1985г.
- Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999 г.
- Зайцева Т. Семь дней. Апрель-май 2005 г.
- Звягинцев В. Трибунал для героев. М., 2005 г.
- Исаев С.И. Военно-исторический журнал № 10.1991 г.
- Иванов С.П. Штаб армейский. Штаб фронтовой. М., 1990 г.
- Иссерсон Г.С Новые формы борьбы. М., 1940 г.
- Ищенин М. Город мой. 19 июня 2002 г.
- Иосиф Сталин. Жизнеописание. М., 1997 г.
- Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. М. 2002 г.
- Иогансен Н., Надеждин И. Итоги. 10 мая 2005 года.
- Карпов В. Маршал Жуков. М., 1992 г.
- Карпов В. Генерал армии Черняховский. М., 2006 г.
- Карпов В. Расстрелянные маршалы. М. 1999 г.
- Кадет М Белорусская одиссея маршала Кулика. М., 2004 г.
- Куманев Г. Рядом со Сталиным. Смоленск. 2001 г.
- Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1966 г.
- Кокошин А.А. Армия и политика. М., 1995 г.
- Качук Н. Советская Белоруссия № 147.23 июня 1995 г.
- Князев Г.Н., Проценко И.С. Доблесть бессмертна. М., 1986 г.
- Кулешов В. Гудок. 12 марта 2005 г.
- Крикунов В.П. Военно-исторический журнал № 7.1990 г.
- Командармы. // Военный биографический словарь. М., 2005 г.
- Лазарев Л. Дружба народов № 6.2005 г.
- Лота В. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005 г.
- Лебединцев А.З., Ю.И.Мухин. Отцы-командиры. М., 2004 г.
- Лебединцев А.З. Независимое военное обозрение № 43. 2006 г.

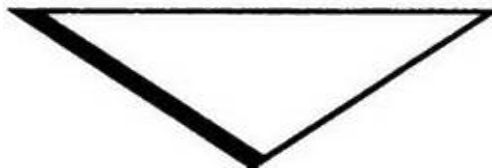
Лебединцев А.З. Муниципальные ведомости № 7. 2007 г.
Лямина М. Московский комсомолец. 11 апреля 2005 г.
Лобов Ю. Труд, №81. 4 мая 2000 г.
Луневский А. Краеведческий вестник. 25 июля 2006 г.
Лубянка в дни битвы за Москву. М., 2002 г.
Медведев Р.А. Новая и новейшая история № 2.2002 г.
Мленин Л. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М., 2004 г.
Михайлов В. Советская Белоруссия № 113.21 июня 2003 г.
Мельман Д. Московский комсомолец. 28 апреля 2004 г.
Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2002 г.
Матох В. Минский курьер № 652. 22 июня 2005 г.
Макеева И.Е. Отцы и дети из 41-го. Гродно. 2004 г.
Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск. 1999 г.
Миддельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение. М., 2002 г.
Мельман Д. Московский комсомолец. 5 мая 2005 г.
Мельман Д. Московский комсомолец. 28 апреля 2004 г.
Меленберг А. Новая газета № 32.05 мая — 11 мая 2005 г.
Мясников В. Красная звезда. 13 июля 2007 г.
Мятев А., Орлов Д. Клуб 4x4 № 2.1999 г.
Мартов В. Белорусские хроники, 1941 год. М., 2001 г.
Новобранец В. Накануне войны. Знамя № 6.1988 г.
Новиков С. Московские новости 17-23 августа 2000 г.
Некрасов В. Записки зеваки. М., 2003 г.
Невежин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933-1945 г. М., 2007

г.

Офицерский корпус и кадровые органы ВС России. М., 2003.
От Советского информбюро. Сборник. М., 1982 г.
Оборона Ленинграда 1941-1944 гг. Сборник. Ленинград, 1982 г.
Огненная дуга. Сборник. М., 2003.
Порицкий Л. Политическое образование № 9.1998 г.
Песков В. Война и люди. М., 1970 г.
Павлова Е. Московский комсомолец. 9 ноября 2004 г.
Печенкин А. Независимое военное обозрение. 17 июня 2005 г.
Плугатарев И. Независимое военное обозрение. 1 апреля 2005 г.
Прянишников В.И. Аляска — Сибирь — фронт. М., 2005 г.
Последние письма с фронта. Т. 1, М., 1991.
Последние письма с фронта. Т. 4, М., 1993.
Последние письма с фронта. Т. 5, М., 1995.
Ретин Л.Е. XX век. Документы 1941 г. М., 1998 г.

- Рогов А. Труд. 20 июня 1997 г.
- Рост Ю. Новая газета. 7-9 мая 2007 г.
- Рокоссовский К.К. Солдатский дол г. М., 1997 г.
- Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. М., 2007 г.
- Рубцов Ю. Alter ego Сталина. М., 1999 г.
- Решетовская Н.А. АПН — я — Солженицын. Рязань. 2004 г.
- Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990 г.
- Россия и СССР в войнах XX века // Потери вооруженных сил. М., 2001 г.
- Свердлов Ф.Д. Ошибки Г.К. Жукова (год 1942). М., 2002 г.
- Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. М., 1997 г.
- Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001 г.
- Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996 г.
- Соколов Б. Знание-сила №3. 2002 г.
- Соколов Б. Красный колос. М., 2007 г.
- Сукнев М. Записки командира штрафбата. М., 2007 г.
- Сталин И. Сочинения. 18 том. Тверь. 2006 г.
- Сталинградская эпопея. Сборник. М., 2000 г.
- Скрытая правда войны: 1941 год. Сборник. М., 1992 г.
- Смыслов О.С. Генерал Абакумов. М., 2005 г.
- Смыслов О.С. «Пятая колонна» Гитлера. М., 2004 г.
- Смыслов О.С. История советских наград. М., 2007 г.
- Смыслов О. Россия. 10-16 ноября 2005 г.
- Солженицын Л.И. Архипелаг Гула г. Том 1. М., 1990 г.
- Сафир В.М. Суровая правда войны. М., 2005 г.
- Сапегина Т. Красная Звезда. 24 июля 2007 г.
- Сопельняк Б. Московский комсомолец. 12 сентября 2006 г.
- Скороход Л., Снегирев Ф. Аптека. № 18. 9 мая 2005 г.
- Сандалов Л.М. 1941 год. М.: Вече, 2006 г.
- Тараканов О. Карелия. № 67. 21 июня 2001 г.
- Тумакин А. Московский комсомолец. 5 мая 2005 г.
- Тайны и уроки Зимней войны. 1939-1940 гг. Сборник. СПб. 2000 г.
- Усенко Н.В. Военно-исторический архив. Выпуск 1. М., 1997 г.
- Фельтиштинский Ю. Оглашению не подлежит. СССР-Германия. 1939-1941 г. М., 2004 г.
- Хинштейн А. Московский комсомолец. 25 апреля 2003 г.
- Хорее А. Красная Звезда. 14 января 1989 г.

Черушев Н.С. Удар по своим. Красная армия. 1938-1941 г. М., 2003 г.
Черушев Н. С. Невиновных не бывает. М., 2004 г.
Черушев Н.С. 1937: элита Красной Армии на Голгофе. М., 2003 г.
Черушев Н.С. Из ГУЛГа в бой. М., 2006 г.
Чуев Ф. Солдаты империи. М., 1998 г.
Чупринина Ю. Итоги. 10 мая 2005 г.
Чадаев Я.В. Отечественная История. № 2. 2005 г.
Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Книга 1 и 2. М., 1985 г.
Ямской Н. Совершенно секретно. № 5. 2006 г.
Ямской Н. Совершенно секретно. № 12. 2006 г.
1941 год. Уроки и выводы. Сборник. М., 1992 г.
3. ИНТЕРНЕТ
Л. Порицкий. Руководил ли обороной СССР И. Сталин в первые дни войны?
[www.zerkalo-nedelixom/ nn / shon / 398 / 35142](http://www.zerkalo-nedelixom/nn/shon/398/35142).
Воспоминания бывшего начальника советского бюро ТАСС в Берлине П. Филиппова.
([http: //www.i.con.ua / ~ zhistory / zar 3 г 4 htm](http://www.i.con.ua/~zhistory/zar3g4.htm)).
Copyright G 2005, Н. Шумилин «Ванька ротный» [http: //nik -shumilin. narod.ru](http://nik-shumilin.narod.ru).
Арон Шнеер. Плен, [http: // www. jewniverse.ru/](http://www.jewniverse.ru/)
[http://jneinhistorix. stsland. ru. Hitler.20 and 20 people.htm](http://jneinhistorix.stsland.ru/Hitler.20and20people.htm)
Сайт «Актеры советского кино»: actors.khv.ru
Сайт «РККА»: www.rkka.ru
Сайт «Я помню»: www.iremember.ru

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В. А. Анфилов

Ф.И. Голиков в 1941 г.

Первый вражеский залп. Так начиналась война.

Переправа немецкой пехоты через Западный Буг. Еще не рассвело. Немецкий фотохроникер пометил снимок: «Четвертая минута войны...»

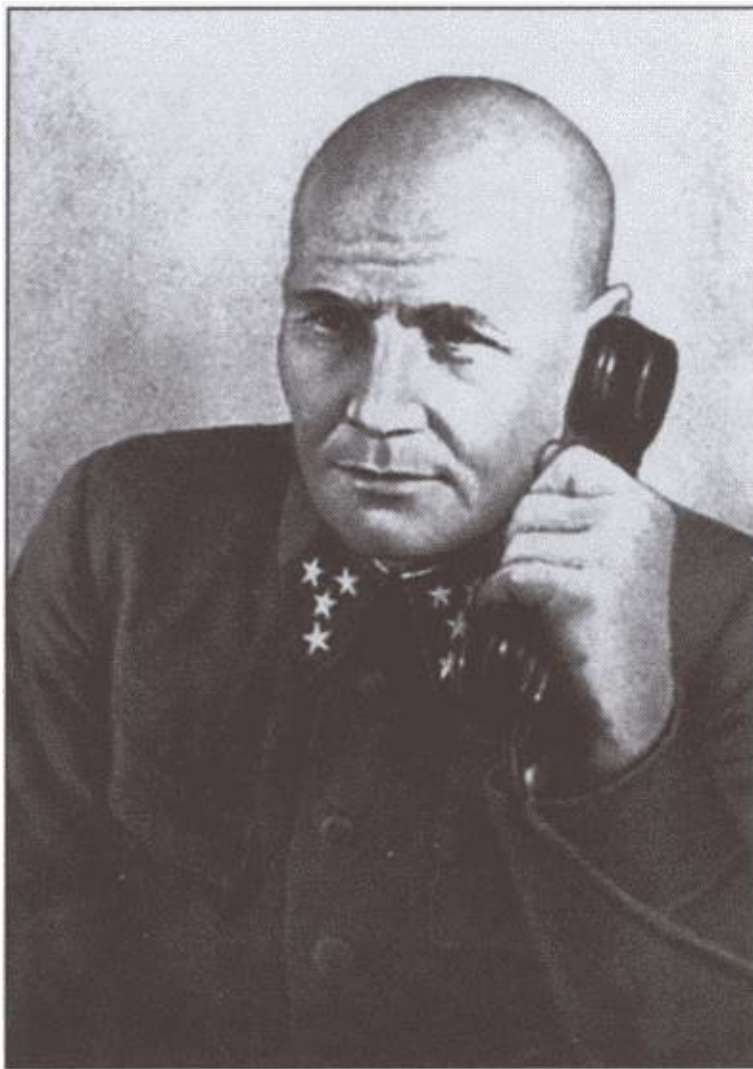
Они шли самой короткой дорогой на Москву — через Брест, Минск, Смоленск...

На второй день войны войска Красной Армии перешли в контратаку. Она была обречена на провал...

Г.К. Жуков

И.С.Конеv в 1941 г.

К. К. Рокоссовский

Н.Г. Кузнецов

Б.М. Шапошников

А.М. Василевский

Убит в последнем броске

Брестская крепость. 1941 г.

Член Военного совета 4-й армии дивизионный комиссар Ф.И. Шлыков

*Начальник штаба Особого Западного военного округа (Западный фронт) генерал-майор В.Е.
Климовских*

*Командующий Особым Западным военным округом (Западный фронт) генерал армии Д. Г.
Павлов*

Командир 22-й танковой дивизии генерал-майор В. П. Пуганов

Генерал-лейтенант Л.М. Сандалов. 1943 г.

Командующий Воронежским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин. 1943 г.

Расплата за ошибки Верховного главнокомандования.

Пленные женщины-военнослужащие. Возможно, это медперсонал окружного военного госпиталя, расположенного на южном острове Брестской крепости. 1941 г.

Немецкие войска на подступах к Ленинграду

Немецкие войска ведут бой у стен Брестской крепости. 1941 г.

Советский тяжелый танк КВ, оставленный экипажем из-за отсутствия горючего

Сбитый советский бомбардировщик

Батарея ведет огонь по противнику на подступах к Москве. 1941 г.

Бои на Мурманском направлении. 1941 г.

Бойцы Красной Армии на поле боя под Киевом. 1941 г.

Залпы катюш в районе станции Поньри в июле 1943 г.

Бой в одном из населенных пунктов. 1942 г.

Бой в районе Сталинграда. 1942 г.

Бойцы ведут наступление на занятый немцами перелесок. На переднем плане обломки сбитого немецкого самолета. 1943 г.

Советская артиллерия на огневых позициях под Берлином. 1945 г.

Расчет противотанкового орудия ведет огонь по вражеским танкам. 1943 г.

Группа минеров устанавливает мины под огнем противника. 1943 г.

ОКОПНАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

«Война — это живая, человеческая поступь — навстречу врагу, навстречу смерти, навстречу вечности. Это человеческая кровь на снегу... Это брошенные до весны солдатские трупы... Это постоянный голод, когда до солдата в роту доходит вместо пищи подсоленная водица, замешанная на горсти муки, в виде бледной баланды. Это холод на морозе и снегу, в каменных подвалах, когда ото льда и изморози застывает живое вещество в позвонках. Это нечеловеческие условия... на передовой, под градом осколков и пуль. Война это как раз то, о чем не говорят, потому что не знают...» Эти слова участника тяжелейших боев на Калининском фронте 1941—1943 гг. гвардии капитана А. Шумилина могут стать эпиграфом к книге О. Смыслова, рассказывающей о той правде прошедшей войны, о которой и до сих пор молчат историки, журналисты и писатели.

ХХ военные
тайны
века

ISBN 978-5-4444-0712-7

9 785444 407127

notes

Примечания

1

Вероятно — Толочин (OCR)

Шаг угломера (Шу) и Коэффициент удаления (Ку) учитывают то обстоятельство, что цель, НП и ОП находятся не на одной прямой и расстояния от цели до НП и ОП не равны. (OCR)